

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Петрозаводский государственный университет»

На правах рукописи

Кюршунова Ирина Алексеевна

**ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОНИМИЯ КАРЕЛИИ
В НОВЫХ ПАРАДИГМАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ**

Специальность 10.02.01 — русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Петрозаводск — 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	8
Глава 1. ИССЛЕДОВАНИЕ АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В НОВЫХ ПАРАДИГМАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ	26
1.1. Современные лингвистические направления в исследовании языка	26
1.2. Антропонимия в аспекте новых исследовательских парадигм	29
1.3. Семантико-мотивационная реконструкция региональной исторической антропонимии	37
1.3.1. Некалендарные личные имена как база семантико- мотивационной реконструкции	44
1.3.2. Мотивационная составляющая календарных имен	46
1.3.3. Мотивационный аспект патронимов, фамильных прозваний, отчеств, посессивных ойконимов	48
1.3.4. Особенности выявления внутренней формы у прозвищ	50
1.3.4.1. Анализ антропонимов, соотносящихся с определенным мотивом именованья	51
1.3.4.2. Семантико-мотивационная реконструкция антропонимов, восходящих к экспрессивным названиям лица	52
1.4. К вопросу о семантике антропонимов (на материале памятников письменности Карелии XV—XVII вв.)	58
Выводы	69
Глава 2. НЕКАЛЕНДАРНЫЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ КАРЕЛИИ XV—XVII ВВ. В НОВЫХ ПАРАДИГМАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ	70
2.1. Некалендарный именной донационального периода как объект исследования	70
2.2. Некалендарные имена как источник лексикографии	73
2.3. Аспекты исследования некалендарного именника донационального периода	77
2.4. Вопрос о разграничении некалендарных личных имен и прозвищ. Классификации антропонимических единиц	77

2.5. Дополнительные критерии разграничения некалендарных личных имен и прозвищ с когнитивно-антропоцентрической, этнолингвистической точек зрения	82
2.6. Анализ именований, занимающих пограничное положение между личным именем и прозвищем	95
2.7. Характеристика некалендарного личного ономастикона Карелии XV—XVII вв. с точки зрения состава, частотности	97
2.8. Ареальный аспект исследования некалендарного ономастикона Карелии XV—XVII вв.	105
2.9. Некалендарные личные имена в документах XVI—XVII вв., написанных на шведском языке	109
2.10. Особенности мотивации в региональном некалендарном ономастиконе как этнолингвистическая составляющая	114
2.11. Этнокультурный контекст некалендарного личного именника	121
2.12. Антропонимы-мифологемы в региональном ономастиконе XV—XVII вв. как отражение этнолингвистической информации	132
2.12.1. Антропонимы, восходящие к славянской мифологической традиции	132
2.12.2. Антропонимы-мифологемы с прибалтийско-финской основой	142
Выводы	144
Глава 3. ПРОЗВИЩА В ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ	
КАРЕЛИИ XV—XVII ВВ. В НОВЫХ ПАРАДИГМАХ	
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ	147
3.1. Характеристика прозвища как ономастической единицы	147
3.2. Реконструкция элементов лексической системы по материалам антропонимии	151
3.3. Информативная значимость прозвищ в определении духовных ценностей в языковой картине мира донационального периода	156
3.3.1. Прозвища, отражающие внешние (физические) особенности лица	156
3.3.1.1. Анализ наиболее объемных групп прозвищ, отражающих внешние данные лица	160

3.3.1.1.1. Прозвища, мотивированные значением ‘полный человек’	160
3.3.1.1.2. Прозвища, мотивированные значением ‘худощавый человек’	163
3.3.1.1.3. Прозвища, мотивированные значением ‘неаккуратный человек’	166
3.3.1.1.4. Прозвища, мотивированные значением ‘возрастные особенности человека’	169
3.3.1.1.5. Прозвища, мотивированные значением ‘слабый, болезненный человек’	172
3.3.1.2. Соматизмы в составе прозвищ, зафиксированные в памятниках письменности Карелии XV—XVII вв.	174
3.3.2. Прозвища, связанные с оценкой морально-этических качеств человека	181
3.3.2.1. Прозвища, мотивированные значением ‘глупый человек’ ...	182
3.3.2.2. Прозвища, мотивированные значением ‘скандалист, спорщик’	187
3.3.2.3. Прозвища, мотивированные значением ‘ленивый человек’	191
3.3.2.4. Прозвища, мотивированные значением ‘болтливый человек’	195
3.3.2.5. Прозвища, мотивированные значением ‘сварливый человек’	200
3.3.2.6. Прозвища, мотивированные значением ‘упрямый человек’	202
3.3.2.7. Прозвища, мотивированные значением ‘лживый человек’	203
3.3.2.8. Прозвища, мотивированные значением ‘драчливый человек’	207
3.3.3. Контаминация внешних и внутренних качеств человека, нашедших отражение в прозвищах Карелии XV—XVII вв.	210
3.3.4. Ведущие ценностные ориентиры, нашедшие отражение в прозвищных номинациях с экспрессивной апеллятивной основой	214

3.3.5. Региональные особенности в отражении языковой картины мира через прозвище	216
3.3.5.1. Прозвища, мотивированные значением ‘назойливый человек’	218
3.3.5.2. Прозвища, мотивированные значением ‘крикливый человек’	220
3.3.6. О грамматической характеристике апеллятивных основ общего рода у прозвищ, отмеченных в документах Карелии XV—XVII вв.	223
3.3.6.1. Экспрессивы общего рода в составе прозвищ, отражающих внешний вид именуемого	225
3.3.6.2. Экспрессивы общего рода в составе прозвищ, отражающих морально-этические качества лица	226
3.3.7. Прозвища, восходящие к названиям лиц, не имеющих коннотативной окраски	229
3.3.7.1. Прозвища, восходящие к названиям лиц по роду деятельности.....	229
3.3.7.2. Прозвища, восходящие к названиям лиц по месту жительства и этнонимам	233
3.3.8. Прозвища со славянской апеллятивной основой в документах Кексгольмского лена	236
3.3.9. Отапеллятивные патронимы в документах Кексгольмского лена	239
Выводы	243

Глава 4. КАЛЕНДАРНЫЕ ИМЕНА В ОНОМАСТИКОНЕ

КАРЕЛИИ XV—XVII вв. В НОВЫХ ПАРАДИГМАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ	247
4.1. Аспекты исследования календарного именника донационального периода	247
4.2. Состав календарного ономастикона Карелии XV—XVII в.	251
4.3. Анализ регионального календарного именника с точки зрения активности, информационная ценность данного явления	253
4.4. Вопрос о причинах тезоименности календарного ономастикона	261
4.5. Тезоименность как один из импульсов развития структуры именованья	268

4.6. Когнитивная составляющая модифицированных календарных личных имен в ономастиконе Карелии	269
4.7. Особенности функционирования единичных именован в региональном ономастиконе	285
4.7.1. Территориальная закреплённость единичных имен, ее причины	287
4.7.2. Женские имена в региональном ономастиконе XV—XVII вв.: единичность как отражение социального фактора	292
4.7.3. Ономастикон священнослужителей как закрытая календарная подсистема	294
Выводы	298
Глава 5. ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В АНТРОПОНИМИКОНЕ КАРЕЛИИ XV—XVII вв.	300
5.1. Прибалтийско-финские и саамские именован антропонимической системы Карелии XV—XVII вв.	301
5.1.1. Территория Карелии как сложный полиэтничный регион	301
5.1.2. Исследования прибалтийско-финского антропонимического материала	307
5.1.3. Имена с прибалтийско-финскими, саамскими маркерами в ономастиконе Карелии XV—XVII вв.	309
5.1.4. Показатели взаимодействия этносов, отраженные в ономастиконе Карелии XV—XVII вв.	313
5.1.5. Зоантропонимы как представители полиэтнического пространства Карелии XV—XVII вв.	326
5.2. Тюркское имя в антропонимиконе Карелии XV—XVII вв.	340
Выводы	351
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	353
Список сокращений	359
Список источников	363
Список литературы	367
Список словарей	444
ПРИЛОЖЕНИЯ	451
Приложение 1. Календарные личные имена, зафиксированные в Писцовой книге Обонежской пятины 1496 года	453

Приложение 2. Календарные личные имена, зафиксированные в Писцовой книге Обонежской пятины 1563 года	464
Приложение 3. Календарные личные имена, зафиксированные в Писцовой книге Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 годов	485
Приложение 4. Календарные личные имена, зафиксированные в Писцовой книге Водской пятины 1539 года	505
Приложение 5. Календарные личные имена, зафиксированные в Писцовой книге Водской пятины 1568 года	509
Приложение 6. Календарные личные имена, зафиксированные в Книге сбора данных и оброчных денег с тяглового населения Лопских погостов 1587/88 годов	522
Приложение 7. Календарные личные имена, зафиксированные в Дозорной книге Лопских погостов 1597 года	524
Приложение 8. Календарные личные имена, зафиксированные в Дозорной книге Шуерецкой волости 1598 года	532
Приложение 9. Календарные личные имена, зафиксированные в актовых материалах второй половины XVI в.	535
Приложение 10. Календарные личные имена, зафиксированные в актовых материалах в XVII в.	549
Приложение 11. Сводная таблица календарных личных имен, зафиксированных в русскоязычных памятниках письменности	567
Приложение 12. Календарные личные имена, зафиксированные в Переписной книге Корельского уезда 1590 года	577
Приложение 13. Календарные личные имена, зафиксированные в Переписной книге Корельского уезда 1618 года	581
Приложение 14. Календарные личные имена, зафиксированные в Переписной книге Корельского уезда 1631 года	604
Приложение 15. Календарные личные имена, зафиксированные в Поземельной книге Кексгольмского лена 1637 года	623
Приложение 16. Сводная таблица календарных личных имен, зафиксированных в шведских памятниках письменности	636

ВВЕДЕНИЕ

Исследование имен собственных занимает особое место в ряду гуманитарных дисциплин. Экстралингвистический ракурс включает его в широкий диапазон разнонаправленных научных изысканий: исторических, географических, социальных, логико-философских, психологических, культурологических и т. д. Но именно лингвистический подход, методы анализа имени собственного как единицы языка позволили определить имя как особый лингвистический предмет и объект исследования и повлияли на становление ономастики как науки. Научное поле ономастики также многообразно: она соприкасается с комплексом информации — ономотологической, выявляющей суть онима, его основное назначение, лексико-семантической, грамматической, этимологической, лексикографической, — при этом каждый раз обозначается особый статус имени собственного в языковой системе. Эти аспекты в изучении имен собственных являются для ономастики как науки традиционными: имеют длительную историю, в сравнении с парадигмой новых подходов в анализе языковых единиц, обращение к которым оживилось в конце XX — начале XXI в. Это взаимосвязанные направления — антропоцентрическое, когнитивное, этнолингвистическое, аксиологическое, где ведущее место отдано изучению особенностей языкового сознания, духовного мира личности и целого социума, выявлению парадигмы ценностных ориентиров, ключевых понятий, отразившихся в картине мира, репрезентированных в различных ономастических единицах.

Считаем, что исторический антропонимический материал может быть рассмотрен через совокупность этих направлений. Так, для данной работы важны исследования лексической системы, осуществленные в рамках *когнитивного* подхода, Е. С. Кубряковой [1994; 1998; 2004], Дж. Лакоффом [1996, 2004], В. А. Масловой [2001], З. Д. Поповой и И. А. Стерниным [2007], Е. В. Рахилиной [2000], И. А. Стерниным [2003, 2004], Ю. С. Степановым [2001], В. Н. Телией

[1988], Е. В. Урысон [2003]; *этнолингвистического* — Е. Бартминьским [2005], Е. Л. Березович [2007; 2014 (3) и др.], А. С. Гердом [2005], А. В. Гурой [1997], А. Ф. Журавлевым [1995], В. В. Колесовым [1986], М. Э. Рут [1992], Н. И. Толстым [1995; 1997 и др.], С. М. Толстой [2010]; *аксиологического* — Ю. Д. Апресяном [1995], Н. Д. Арутюновой [1999], А. Вежбицкой [1996], Т. И. Вендиной [2002], И. Т. Вепревой [2015], А. Ф. Журавлевым [1999], И. И. Ивиным [1970], Ю. Н. Карауловым [2010], Т. В. Маркеловой [2013], Б. А. Серебренниковым [1988], А. Д. Шмелевым [2002] и др. Если подходить к рассмотрению данных аспектов широко, то все они тесно соприкасаются и переплетаются с антропоцентрическим подходом, являющимся в современном языкознании ключевым лейтмотивом, поскольку в центре познания находится человек. По словам И. А. Бодуэна де Куртэне, «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество» (60—70-е гг. XIX в.)¹ [Бодуэн де Куртэне: 1963, 37]. Иными словами, произошло переключение исследовательского интереса «с объектов познания на субъект, то есть анализируется человек в языке и язык в человеке» [Маслова: 2001, 6]. Общеизвестно, что толчком к вычленению проблем антропоцентризма послужили работы В. фон Гумбольдта, считавшего, что через язык «можно обозреть самые высшие и глубокие сферы и все многообразие мира» (1804 г.) [Гумбольдт: 2000, 4—5]. Близкие к идеям В. фон Гумбольдта размышления представлены в трудах А. А. Потебни (1862 г.) [см.: Потебня: 1999, 29, 87], Э. Бенвениста (1966—1974 г.) [2002, 293], а также Ф. И. Буслаева (1844 г.) [1992], А. Н. Афанасьева [1865—1869], С. А. Аскольдова-Алексеева (1928 г.) [1997], А. Ф. Лосева (1927 г.) [1990], П. Флоренского (1918 г.) [2006] и др. отечественных исследователей прошлого и современности, в чьих работах находим суждения о том, что человек — точка отсчета, главное звено, центр научного исследования и «мера всех вещей».

Эти размышления особенно актуальны еще и потому, что ономастический раздел — антропонимика, — в рамках которого и проводится данное исследование,

---

¹ Дополнительно в круглых скобках указаны реальные даты выхода научных трудов.

наиболее тесно связан с человеком, а следовательно, предполагает анализ материала с целью познания ценностных ориентиров личности, ее духовного мира, отражающих стереотипные и специфические особенности общества, в котором существует именуемый. Для такого анализа нами выбран ономастикон периферийного региона Руси — Карелии, бытовавший в рамках определенного времени — XV—XVII вв.

Карелия является более чем уникальным регионом. Во-первых, это периферийная часть русского государства, где, по словам Н. А. Мещерского, в языковой системе в большей степени, чем на территориях, в прошлом приближенных к Москве, а ранее к Новгороду и Пскову, сохранились архаические черты [Мещерский: 1963, 113].

Во-вторых, специфика данного региона определяется тем, что Карелия являлась полиэтническим пространством — местом проживания русских, прибалтийско-финских и саамских народов. Разного рода взаимодействия между этносами связаны с историей заселения края — вопросом, который неоднократно привлекал внимание исследователей. Из многочисленного списка работ выделим работы А. С. Герда [1985, 1987, 1989], А. Ю. Жукова [2005, 2008], Н. А. Макарова [1997], И. И. Муллонен [1994, 2001, 2002, 2008], где затронута не только история отдельных народов, пришедших на территорию Карелии в разное время, но определены зоны их преимущественного нахождения, зоны контактов разноэтничных народов. Без сомнения, контакты неславянского и славянского населения края привели к их взаимному обогащению на всех уровнях, особенно на лексическом [Михайлова: 2004, 4] (см. также: О. В. Востриков [1990], С. А. Мызников [2003], А. И. Попов [1972 (1, 2)] и др.), и своеобразно преломились в ономастической системе прошлого и настоящего (что нашло отражение в основном в работах по топонимии Карелии (см.: И. И. Муллонен [2002; 2008; 2015 и др.], Н. Н. Мамонтова [1982], О. Л. Карлова [2004], Д. В. Кузьмин [2005; 2014], Л. П. Михайлова [2015 (1, 2)], Е. В. Захарова [2015], А. В. Приображенский [2003]).

В-третьих, Карелия является пограничным регионом между западным и восточным миром [Кочкуркина: 2012, 3—4], что придавало этой территории особую социально-экономическую значимость в истории русского государства. Нельзя не согласиться с тем, что «природные и экономические факторы сформировали особенности культуры и ментальности традиционного населения Карелии» [Там же, 4].

В административном плане Карелия в исследуемое время была представлена несколькими территориальными объединениями (см. карту № 1): 1) западная часть, расположенная к северу и западу от Ладожского озера, была связана с Водской пятиной; 2) территория между Ладожским и Онежскими озерами и вокруг последнего принадлежала Заонежской половине Обонежской пятины; 3) третий район, включавший карельские земли, — это Лопские погосты, расположенные на северо-западе Карелии; 4) четвертый район — Карельское Поморье («Дикая Лопь», Лопский берег) — береговая полоса вдоль западного побережья Белого («Студеного») моря, начиная от Кандалакшской губы.

На изменение территориальных границ Карелии повлияла шведская интервенция. Так, западная граница Карелии, связанная с государственным статусом так называемого «Корельского уезда», на протяжении XIV—XVII вв. менялась. В 1323 г. по Ореховецкому договору шведам были отданы три самых западных погоста: Якис, Еврепя, Саволак. В 1595 г. после Тявзинского мира к Швеции отошла Северная Приботния, а после Столбовского мира (1617 г.) вся бывшая территория Корельского уезда (переименованного в Кексгольмский лен, или Кякисалми) надолго осталась под властью шведов (см.: Д. В. Бубрих [1947, 37—47]; С. Гадзяцкий [1941, 178—186]; В. Г. Гейман [1941, 78—79]; А. Ю. Жуков [2011, 72—79]; Г. А. Замятин [2008]; И. О. Тюменцев [2008]; И. А. Чернякова [1998, 7—45]; И. П. Шаскольский [1978; 1987]).

Исследуемый период — XV—XVII вв. — был насыщен событиями во внешней и внутренней политике Руси, которые оказали действие не только на социально-экономические стороны жизни Руси, но и на культуру, а следовательно, и языковые процессы. Для Русского Севера важными явились уже

Карта № 1

Административно-территориальное деление Карелии XV—XVII вв.²

² За основу взята карта административно-территориального деления Карелии, представленная в сборнике: История Карелии XVI—XVII вв. в документах / ред. И. А. Чернякова [и др.]. — Петрозаводск ; Йоэнсуу : КНЦ РАН, 1987. — Т. I : Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. — С. 625.

обозначенные выше этапы борьбы со Швецией. Кроме этого, началась миграция населения из южных и центральных территорий Руси от нашествий монголо-татарского ига на север и северо-запад; центр государственности переместился из Новгорода в Москву; произошло укрепление Москвы и развитие новых форм государственности, где особое значение было отведено церкви, слившейся с государством и активно начавшей со второй половины XVI в. проводить реформы; шло развитие городов, обозначившиеся демографические явления меняли общество, влияли на особенности коммуникации и проч.

Эти события не могли не сказаться на ономастической системе прошлого. В лингвистической литературе этот период обозначен как время «борьбы» дохристианского и христианского ономастиконов, когда канонический слой именованний становится все более функционально активным, когда изменяется структура именованного лица в целом, в него одновременно начинают включаться элементы, отражающие разные верования, принадлежность к разным этносам (особенно в пограничных регионах); помимо личного имени для номинации используются другие антропонимические единицы, например патронимы, фамильные прозвания [Бондалетов: 1983, 95—97; Супрун: 1998, 16—23].

Учет перечисленных особенностей придает диссертационному исследованию **актуальность**, а разработанные теоретические положения в системе новых парадигм лингвистического знания могут и должны быть апробированы на региональном антропонимическом материале Карелии, где наблюдается языковая, культурная интерференция, вырабатывается особый опыт адаптации к иным культурам, иным представлениям о системе ценностей.

Теоретико-методологическую базу работы составляют научные изыскания, в которых отражены: 1) взаимоотношение язык ↔ культура, духовный мир человека, система ценностей; 2) сущность ономастической (и уже антропонимической) лексики; 3) взаимодействие этносов на уровне апеллятивной и ономастической лексики; 4) описание истории Карелии и Руси изучаемого периода; 5) исследования по ономастике (в том числе по ономастике Карелии).

Объект исследования — антропонимические единицы (некалендарные и календарные личные имена, прозвища и образования от них), зафиксированные в делопроизводственной письменности Карелии XV—XVII вв.

Предмет исследования — особенности проявления в антропонимии Карелии XV—XVII вв. когнитивно-антропоцентрических, этнолингвистических, аксиологических составляющих.

В основу исследования положена **гипотеза**: антропонимическая система определенной территории в конкретное историческое время может служить значимым элементом в познании языка, культуры народа, населяющего данный регион. Обращение к этим проблемам стало возможным, поскольку автором при работе над темой «Славянская антропонимия Карелии в связи с реконструкцией лексики донационального периода» (1994) была предложена на основе имеющегося в исторической лексикологии опыта методика реконструкции лексики по материалам антропонимии Карелии, которая впоследствии корректировалась. При восстановлении недостающих элементов лексико-семантической системы XIV—XVII вв. был предпринят системный подход к анализу апеллятивов, который, в частности, и обозначил возможность включения именований (прежде всего прозвищ и образований от них), отмеченных в памятниках письменности, для изучения системы ценностей, особенностей духовного мира общества указанного временного периода. Работа была продолжена с привлечением фактов из некалендарного и календарного ономастиконов.

Цель исследования — анализ антропонимикона Карелии XV—XVII вв. в когнитивно-антропоцентрическом, аксиологическом, этнолингвистическом аспектах.

Задачи исследования:

1) представить антропонимическую базу Карелии XV—XVII вв., составленную по русскоязычным и шведским делопроизводственным источникам;

2) выявить специфику каждого разряда антропонимической лексики при определении лингвистической, когнитивно-антропоцентрической, этнолингвистической, аксиологической информативности через использование методики семантико-мотивационной реконструкции;

3) определить по данным антропонимии Карелии систему ценностей, характерную для региона (природу возникновения и преобладания одних ценностных ориентиров перед другими);

4) определить иерархию ценностей через исследование мотивировочных признаков, положенных в основу антропонимических единиц;

5) рассмотреть сквозь призму антропонимии Карелии XV—XVII вв. аспекты антропонимической межъязыковой коммуникации, специфику ономастической интерференции.

В работе используются следующие **методы исследования**: 1) *описательный метод*, который помимо исследования фактологической базы включает классификацию и интерпретацию антропонимических явлений; 2) *сравнительно-сопоставительный метод*, который используется для выявления лингвистических процедур, происходящих на разных хронологических срезах, а также при выявлении сходства и различий антропонимиконов близких и удаленных от Карелии территорий; 3) *метод компонентного анализа*, который применяется при исследовании мотивационных процессов у отапеллятивных антропонимов, а также всех прочих именовании, у которых семный состав формируется в речи; 4) *статистический метод*, поскольку опора на количественные показатели позволяет дать надежную интерпретацию фактам, нашедшим отражение в антропонимической системе Карелии XV—XVII вв. Как отмечал В. А. Никонов, «исследования имен, избегающие подсчетов, неизбежно смещают отношения: редкое выделяется и кажется гораздо значительнее, чем на самом деле, — неизвестен сравнительный вес рассмотренных явлений. Статистическую таблицу, как и картину, не заменить многостраничным пересказом» [Никонов: 1974, 10]; 5) *исторический метод*, поскольку «первый закон антропонимии, как и всей ономастики, — историзм.

<...> Исторична вся антропонимия без исключения» [Там же, 7]; 6) *ареальный метод*, позволяющий описать территориальное распространение антропонимических явлений, нашедших отражение в системе именований Карелии XV—XVII вв.; 7) в совокупности данные методы преломляются при когнитивно-антропоцентрической, этнолингвистической, аксиологической *интерпретации* антропонимических явлений.

Научная новизна исследования. Впервые произведен анализ исторической антропонимии Карелии XV—XVII вв. в когнитивно-антропоцентрическом, этнолингвистическом и аксиологическом аспектах, позволяющий сделать выводы о системе ценностей, об особенностях представления человека, характерных для социума донационального периода; выявлена иерархия ценностных ориентиров, среди которых главным является коллективная трудовая деятельность семьи и общества в целом. Определяется специфика извлечения такой информации при интерпретации разных антропонимических единиц. Отмечается, что реконструкция ценностных ориентиров в большей степени связана с восстановлением лексико-семантической системы старорусского языка, а следовательно, наиболее актуальными в данном случае являются прозвища, восходящие к экспрессивам. В научный оборот введен антропонимический материал, извлеченный из русскоязычных и шведских документов, обозначена важность привлечения иноязычных материалов для исследования когнитивно-антропоцентрических, аксиологических, этнолингвистических аспектов исторической антропонимии. Показаны отдельные моменты соприкосновения и проявления национально-культурной специфики русской и прибалтийско-финской, саамской антропонимии, их особый этнолингвистический, культурный статус. Новизна заключается и в том, что в изучении региональной исторической антропонимии впервые вводится ареальный метод, а к систематизации и комплексной обработке антропонимического материала привлекаются специально разработанные базы данных.

Теоретическая значимость диссертации. Результаты исследования вносят вклад в разработку когнитивно-антропоцентрического, аксиологического и

этнолингвистического подходов при изучении антропонимического ресурса, представленного в региональных памятниках письменности донационального периода, в дальнейшие изыскания, связанные с теорией номинации. Как следствие, констатируется: антропонимические единицы — это не только лингвистические, ономастические, но и когнитивно-антропоцентрические, этнолингвистические, аксиологические знаки, позволяющие выявить информацию о духовной жизни народа, о возможности использования антропонимов для восстановления парадигмы ценностных ориентиров в языковой картине мира периферийного полиэтнического региона русского государства XV—XVII вв. В работе определена когнитивно-антропоцентрическая весомость разных видов антропонимических единиц в исследовании парадигмы ценностных «стереотипов», этнолингвистической интерпретации фактов, соотносимых с системой номинаций человека. Вносится вклад в изучение специфики межъязыкового контактирования на уровне именований, включенных в памятники письменности Карелии XV—XVII вв. Уточняются критерии разграничения некалендарных личных имен и прозвищ. Обосновывается возможность использования метода картографирования в исторической антропонимике.

Практическое использование результатов исследования. Материалы исследования нашли применение в лексикографической практике при издании «Словаря некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV—XVII вв.» (2010), а также в вузовской практике при разработке (в соавторстве) баз данных «Электронный Региональный ономастический словарь “Карелия в XV—XVII вв.”» (2015), «Историческая антропонимия Карелии по документам XVI—XVII вв. (по материалам Олонецкого погоста)» (2016), которые могут служить в дальнейшем основой при составлении ономастиконов, словарей имен, фамилий как прошлого, так и настоящего, разработке родословных. Кроме того, материалы исследования использованы в лекционных курсах по современному русскому языку («Лексикология»), «Историческая лексикология», «Диалектология»,

«Региональная ономастика», «Историческая антропонимия», «Имя в мировой культуре», а также могут быть прикладным пособием при разработке курсов по лингвокраеведению, когнитивной лингвистике, этнолингвистике. Предложенный анализ региональной исторической антропонимии, принципы описания ее единиц могут стать основой рассмотрения антропонимических систем других регионов.

Источники исследования

Работа выполнена на материале антропонимии, представленной в опубликованных памятниках делопроизводственной письменности Карелии XV—XVII вв.

1. *Официально-деловые документы*: писцовые, дозорные, переписные и поземельные книги, которые близки по целям их составления — выявление и фиксация налогоплательжного населения, написанные на русском и шведском языках.

А) *Русскоязычные документы* представлены писцовыми, дозорными, отказными, таможенными книгами, а также Книгой сбора данных и оброчных денег, которые отличались большей строгостью (стандартизованностью) в подаче именовании лиц, поскольку составлялись писцами, имевшими, в соответствии с писцовым наказом, установки в подаче материала. При этом дозорные книги оформлялись для экстренных описаний незначительных территорий, чтобы определить, имелись ли существенные изменения, которые происходили в экономическом положении населения. Используемые нами для исследования писцовые, дозорные, отказные, таможенные книги имеют практически идентичную структуру оформления. Перечислим их: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 г. писца Ю. К. Сабурова и Писцовые книги Обонежской пятины 1563 г. писцов А. Лихачева, Л. Добрынина (далее — ПКОП), под ред. М. Н. Покровского; Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины Корельского городка с уездом 1500 г. Д. В. Китаева и Н. С. Губы Моклокова (далее — ПОКВП); Писцовые книги Водской пятины 1539 г. С. Клушина, Ш. Резанова; Писцовые книги Водской пятины 1568 г. И. Булгакова, П. Шипилова (далее — ПКВП); Писцовая книга Заонежской половины Обонежской

пятины 1582/83 гг.: Заонежские погосты писца А. В. Плещеева и подьячего С. Кузьмина (далее — КЗПОП); Книга сбора данных и оброчных денег с тяглого населения Лопских погостов 1587/88 гг. Н. Луговского, О. Иванова (далее — Книга сбора); Дозорная книга Лопских погостов 1597 г. Г. Кобелева (далее — ДКЛП); Дозорная книга Шуерецкой волости 1598 г. Б. Реброва, Б. Леонидова (далее — ДКШВ); Повенецкая таможенная книга 1612 г. С. Лутохина (далее — ПТК); Писцовая книга Заонежских погостов Обонежской пятины П. Воейкова и дьяка И. Льговского 1616—1619 гг. (поместные и митрополичьи земли); Писцовая книга Заонежских погостов Обонежской пятины П. Воейкова и дьяка И. Льговского 1616—1619 гг. («дворцовые земли»). Перечисленные документы были расшифрованы и опубликованы И. А. Черняковой и К. Катаяла. Отказная книга Шуерецкой волости 1614 г. И. Карпова (далее — ОКШВ), составленная В. И. Ивановым. Здесь же назовем ряд подобных документов, представленных в работах К. А. Докучаева-Баскова, К. А. Неволлина, в сборниках под ред. В. Г. Геймана, Р. Б. Мюллер, И. З. Либерзон.

Б) *Шведские документы*. В жанровом плане шведские документы относятся к деловой письменности, имеют небольшую разницу в построении, объёме включенного в них материала. Это переписные книги Корельского уезда 1590 г.; 1618 г., 1631 г. и Поземельная книга Кексгольмского лена 1637 г. Историки-источниковеды отмечают, что последняя «не есть поземельная книга, а скорее перечень собственности крестьян, которая по оценке облагалась налогом» [Катаяла, Хирвонен: 1991, 27]. Предшествующие переписной книге 1637 г. документы практически не отличаются в представлении лица в тексте памятника. Эти документы составлены шведскими писцами (писцом) в соответствии с западноевропейскими правилами оформления документов. Расшифровка и редакция данных документов осуществлена И. А. Черняковой и К. Катаяла. Документы написаны на шведском языке. Исключение составляет Поземельная книга Кексгольмского лена 1637 г., которая имеет две части — русскую и шведскую; каждый погост (кроме Сортавальского), как предполагают историки, переписан сначала неизвестным писцом, неплохо знавшим русский язык и

русскую ономастическую систему, потом эти же данные представлены на шведском языке фогтом Хиндриком Пипером [Катаяла, Хирвонен: 1991, 29—30]. По структуре шведский и русский варианты поземельной книги северного лена практически идентичны.

2. *Частно-деловые документы* (купчие, духовные, закладные, оброчные), представленные в сборниках документов под ред. В. Г. Геймана, Р. Б. Мюллер, И. З. Либерзон, И. А. Черняковой.

Исследуемые документы условно можно разделить по территориальному признаку: Обонежье, Водская пятина, Лопские погосты, Кексгольм (или Корельский уезд, Кякисалми) и временному (конец XV в., первая половина, середина, конец XVI в., XVII в.).

2. Кроме того, сопоставительными материалами являются:

А) исторические, диалектологические, этимологические, культурологические словари; имеющиеся на сегодняшний день исследования по исторической антропонимике других регионов, антропонимиконы, ономастиконы, составленные по памятникам письменности;

Б) исторические, этнографические, фольклорные и проч. исследования по территории Карелии и другим регионам Руси.

Фактологическая база включает более 103 000 антропонимических употреблений, представленных в следующих базах данных:

1) Кюршунова И. А., Черняков О. В. Историческая антропонимия Карелии по документам XVI—XVII вв. (по материалам Олонецкого погоста): Свидетельство о государственной регистрации № 2016621492, заявка № 2015621326, дата государственной регистрации в Реестре баз данных 08 ноября 2016 г. — включает 6379 *антропонимических единиц*, проанализированных в историко-географическом, ономастическом, лингвокультурологическом аспектах, база данных составлена с использованием кросс-платформенного приложения FaleMaker Pro.

2) Кюршунова И. А., Черняков О. В. Электронный «Региональный ономастический словарь “Карелия в XV—XVII вв.”»: Свидетельство о

государственной регистрации № 2015621762, заявка № 2015621321, дата государственной регистрации в Реестре баз данных 10 декабря 2015 г. — включает анализ *около 1900 антропонимических единиц*.

3) Рукописные базы данных, составленные с использованием программы Microsoft Exell для работы с электронными таблицами:

А) по русскоязычным официально-деловым документам — 55569 антропонимических употреблений;

Б) по шведским официально-деловым документам — 18542 антропонимических употребления;

В) по русскоязычным частно-деловым документам — 22530 антропонимических употреблений.

Таким образом, создана достаточная фактологическая база для исследования антропонимических ресурсов Карелии XV—XVII вв. в новых парадигмах лингвистического знания.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования излагались автором в докладах на 39 научных конференциях и конгрессах в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Вологде, Ярославле, Петрозаводске, Святогорске (Украина), Риге (Латвия) и др. (в том числе 20 международных): Традиционная культура финно-угров и соседних народов: проблемы комплексного изучения (Петрозаводск, 9—12 февраля 1997 г.); Аванесовские чтения (Москва, 14—15 февраля 2002 г.); IV международная конференция «Рябининские чтения — 2003»: «Локальные традиции в народной культуре Русского Севера» (Петрозаводск, 15—19 сентября 2003 г.); II Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, 18—21 марта 2004 г.); Международная научно-практическая конференция «Научное наследие академика Ф. Ф. Фортунатова и современное языкознание» (Петрозаводск, 13—16 сентября 2004 г.); Международная научная конференция «Проблемы современной русской диалектологии» (Москва, 23—25 марта 2004 г.); Международная научная конференция «Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве

пограничного региона» (Петрозаводск, 10—12 октября 2005 г.); Международная научная конференция «Ономастика в кругу гуманитарных наук» (Екатеринбург, 20—23 сентября 2005 г.); Международная научная конференция «Язык и культура» (Петрозаводск, 23—26 октября 2007 г.); V конференция по изучению традиционной культуры Русского Севера «Рябининские чтения — 2007» (Петрозаводск, 17—21 сентября 2007 г.); Международная научная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург, 8—12 сентября 2009 г.); VI Международная конференция по изучению и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения — 2011» (Петрозаводск, 12—17 сентября 2011 г.); IX Конгресс этнографов и антропологов России (Петрозаводск, 4—8 июля 2011 г.); VIII Международные Святогорские ономастические чтения (Украина, Святогорск, 18—20 октября 2013 г.); Международная научная конференция «Научные парадигмы современного гуманитарного знания и содержание образования» (Петрозаводск, 28—31 мая 2014 г.); V Всероссийская конференция финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России» (Петрозаводск, 25—28 июня 2014 г.); EuroNorth2014 Международный форум «Классический университет в пространстве трансграничности на Севере Европы: стратегия инновационного развития» (Петрозаводск, 9—13 декабря 2014 г.); Пятый Киркенесский международный семинар историков «Россия и страны Северной Европы: физические и символические границы» (Петрозаводск, 15—16 сентября 2015 г.); III Международная научная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург, 7—11 сентября 2015 г.) и др.

По теме исследования имеется 46 публикаций, в том числе 15 в журналах, рекомендованных Перечнем ВАК, 2 статьи в журналах, индексируемых Scopus (из них одна в зарубежном журнале), 3 статьи в журналах, индексируемых ERIN PLUS. Опубликован «Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV—XVII вв.» (СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2010); созданы две электронные базы данных.

Положения, выносимые на защиту

1. Антропонимический ресурс продолжает оставаться одной из актуальных проблем исторической ономастики. Систематизация антропонимических региональных материалов, создание энциклопедии баз данных позволит решить задачу «полной инвентаризации русского ономастического богатства» [Трубачев: 1994 (2), 5], поскольку без исчерпывающей фактологической базы по отдельному региону или их совокупности любые исследования в области антропонимии — ономаσιологические, когнитивно-антропоцентрические, аксиологические, этнолингвистические, функциональные, ареальные, культурно-исторические, социоллингвистические и т. д. — носят несистемный характер.

2. Антропонимы — те языковые единицы, которые наиболее гармонично соответствуют целям когнитивно-антропоцентрического исследования, поскольку именуют человека — объект, стоящий в центре такого анализа. Вместе с тем антропонимы несут информацию о духовной жизни отдельного человека, семьи, общества, их ценностных ориентирах, а потому логично их введение в этнолингвистическое и аксиологическое изучение.

3. Антропонимические единицы, зафиксированные в региональных делопроизводственных памятниках XV—XVII вв., являются в ряде случаев единственным источником изучения духовного мира и системы ценностей общества указанного времени, а потому значимость их привлечения к новым аспектам исследования неизмеримо возрастает. Полученные результаты должны сопоставляться с материалами письменных источников других регионов для выявления универсальных и специфических черт, отразившихся в разноаспектных антропонимических явлениях новой парадигмы гуманитарного знания.

4. Когнитивно-антропоцентрический, аксиологический, этнолингвистический ресурс представлен во всех антропонимических единицах, однако степень их проявления у различных единиц, именующих человека, разная. Наиболее содержательными являются прозвища, а также некалендарные личные имена и образования от них (патронимы и посессивные ойконимы), поскольку у

них наиболее четко обозначена связь с апеллятивной лексикой, за которой может стоять сумма этнокультурных, этнолингвистических сведений. Затем следуют календарные имена и патронимы, посессивы.

5. Некалендарные личные имена отражают систему семейных ценностей, особое отношение к ребенку проявляется через комплекс мотивов именования, за которыми могут быть скрыты глубинные культурно-исторические ассоциации. Прозвища очерчивают круг представлений об окружающем мире взрослого человека, социума, большего, нежели семья, где основной ценностной координатой являлась коллективная трудовая деятельность, которая могла быть общерусской универсалией. Общерусским является и функциональное лидерство календарного имени, которое знаменует смену культурного формата: победу христианского мировоззрения. Формирование репертуара календарного имени аналогично тем процессам, которые наблюдаются у некалендарного — это тезоименность, наличие разнообразных модификатов, обусловленные влиянием семейных традиций.

6. История народа не протекает изолированно, она развивается во взаимодействии его с другими народами. Через анализ региональной антропонимии доказано, что «стерильно чистое (бессубстратное) этническое пространство — исключительное и сомнительное явление» [Трубачев: 1982, 14]. Своеобразие региональному антропонимикону придают контакты разноэтнических народов. Межэтническая интеграция берет начало на апеллятивной стадии, онимизация заимствованной основы — верх взаимодействия разноэтнических систем. При стремлении к переплетению и взаимодействию антропонимикон выделаются специфические фрагменты, свидетельствующие о разном видении окружающей действительности разными этносами.

7. К исследованию славянского (некалендарного и календарного) регионального ономастикона XV—XVII вв. могут привлекаться деловые документы, написанные иностранцами, в которых требование правильной идентификации лица заставляло составителей представлять в источнике реально

существующий в социуме антропоним. Русский человек, оказавшийся в иноязычном, инокультурном, иноконфессиональном окружении, продолжает создавать систему именовании, этнически и культурно связанную с русской ономастической системой номинации лица.

Структура и объем работы. Диссертация включает введение, 5 глав, заключение, список источников, список использованной литературы, список словарей, список принятых в работе сокращений, 16 приложений; работа снабжена 12 рисунками-картами, отражающими ареалы отдельных антропонимических явлений. Объем диссертации — 643 страницы, из них 351 составляет основной текст.

Глава 1

ИССЛЕДОВАНИЕ АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В НОВЫХ ПАРАДИГМАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

1.1. Современные лингвистические направления в исследовании языка

Исследования языкового материала в новых парадигмах знания, актуализированные в конце 80-х гг. XX в., продолжают сохранять научную востребованность, поскольку в центре изучения находятся человек, его духовный мир, особенности отношения к себе, социуму и шире — к миру, что, согласно В. фон Гумбольдту, «служит высшей и общей цели совместных устремлений человеческого духа, цели познания человечеством самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» [Гумбольдт: 1985, 383]. Выделяются взаимопересекающиеся направления нового (или точнее возрожденного) знания — *антропоцентрическое, когнитивное, этнолингвистическое, аксиологическое* и т. д. Как отмечает В. И. Шаховский, они сосуществуют одновременно, не отрицая друг друга [Шаховский: 2002, 59]. Мы выделили те, которые наиболее эффективно можно подключить к исследуемому материалу — антропонимам, единицам, вобравшим не только языковые, но и исторические, социальные, (меж)культурные, (меж)этнические, конфессиональные и др. знания поколений: «имя человека — это исключительно важное слово, а создание имени — это результат мыслительного процесса, в основе которого лежит многовековой опыт человека, его мировоззрение» [Юркенас: 2003, 39]. Такая «искушенность» антропонимов позволяет включать их в системы исследования, где главным, объединяющим началом является имя человека, то есть выход на антропоцентризм³. По М. В. Голомидовой, «антропоним представляет собой тот языковой знак, который можно назвать предельно антропоцентрическим,

---

³Синонимическими заменами термину *антропоцентризм* являются *антропологическая лингвистика, антропное направление, человеческий фактор в языке* [Бугорская: 2004, 19].

максимально приближенным к человеку» [Голомидова: 1988, 64], поскольку через имя «наиболее четко познается духовное строение личности» [Флоренский: 2006, 482]. Антропоцентризм «обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели. В лингвистике антропоцентрический принцип связан с попыткой рассмотреть языковые явления в связи “язык и человек”» [Кубрякова: 1995, 212].

Когнитивная наука также тесно связана с феноменом человека, его мыслительной деятельностью. Выделим тезис, сформулированный Е. С. Кубряковой: «Приходящая к человеку извне, информация подлежит не только ее непосредственному восприятию, но и сложнейшей ее обработке вплоть до того момента, когда она, отраженная в мозгу человека и получившая в нем определенную ментальную репрезентацию, станет, в свою очередь, объектом дальнейших ментальных, в том числе и познавательных процессов с нею» [Кубрякова: 2004, 12].

Одной из актуальных проблем гуманитарного знания является система ценностей отдельного человека и общества в целом, поскольку она определяет деятельность человека, смысл его жизни. Как писала Н. Д. Арутюнова, «понятие ценности <...> выполняет координирующую (между человеком и миром объектов), стимулирующую (направляющую деятельность), дидактическую и регулирующую (прескриптивную) функцию в механизмах жизни» [Арутюнова: 1999, 60]. «Ценности — это то, что как бы априори оценивается этническим коллективом как нечто такое, что “хорошо” и “правильно”, является образцом для подражания и воспитания» [Стернин: 1996, 108]. Делая акцент на аксиологическом аспекте, Е. Бартминьский отмечает, что «духовные ценности являют собой “сердцевину” культуры, неразрывно связанную с языком» [Бартминьский: 2005, 38]⁴.

---

⁴ Обращаясь к работе Я. Пузунина, использовавшего синтетический термин «язык ценностей», Е. Бартминьский отмечает его многозначность: ‘язык — это средство оценки’, ‘язык — это

Ценности формируют духовный мир человека, его и общества культуру. По справедливому замечанию Е. Л. Березович, традиционная духовная культура — одна из основных координат этнолингвистических исследований [Березович: 2009, б]. Такое понимание этнолингвистики соотносится с широким подходом к определению данного понятия этнолингвистической школы Н. И. Толстого и С. М. Толстой, ср.: «Объектом «широкой» этнолингвистики становится вся народная культура, все ее виды, жанры и формы — вербальные (лексика и фразеология, паремиология, фольклорные тексты), акциональные (обряды), ментальные (верования)» [Толстая: 2010, 8; см. также: Толстой: 1995, 32]. Такой подход делает этнолингвистику «комплексной пограничной наукой», ярким примером проникновения лингвистической методологии в этнографию, фольклористику, культурологию, социологию, не вытесняя их, а используя их как источники исследования [Толстой, Толстая: 2013, 30]. Тесная связь этнолингвистики с антропоцентрической лингвистикой отражена в словах Е. Бартминьского о том, что «этнолингвистика пытается, идя от языка, прийти к человеку, его способам понимания мира» [Бартминьский: 2005, 23].

Что касается приложения данных положений к антропонимии, то их можно представить следующей серией вопросов, показывающих связь каждого направления с антропонимией:

- для когнитивной лингвистики важно знать: какое знание о человеке несет ономастическая система?
- для антропоцентрической лингвистики — как через антропонимическую систему представлен человек и общество, в котором он живет?
- для этнолингвистики — как в антропонимических единицах отражается духовная культура? Какие антропонимические единицы наиболее полно отражают это знание? Какие фрагменты картины мира представлены в антропонимических единицах?

источник информации о ценностях, принятых говорящими' и 'язык — это носитель (субстрат) ценностей' [Бартминьский: 2011, 56—57].

- для аксиологии — какие ценностные ориентиры, свойственные человеку и обществу, отражены в антропонимах?
- для всех направлений — какие наиболее важные понятия закодированы в языковой картине мира через антропонимы?

Такой полипарадигмальный подход позволяет выделить универсальные (стереотипные) и специфические (самобытные) черты духовного мира отдельного человека, социума, народа в целом, особенности ценностных ориентиров, представленных в языковой картине мира и связанных с нею явлений.

1.2. Антропонимия в аспекте новых исследовательских парадигм

Для данного исследования большой интерес представляют работы, в которых в новых лингвистических аспектах репрезентированы ономастические единицы (прежде всего антропонимы).

Наиболее существенный вклад в разработку данной проблемы внесен этнолингвистическими изысканиями Е. Л. Березович и апробирован ею же при разработке методики извлечения этнокультурной информации, а затем применен к реконструкции мифопоэтического образа пространства на материале топонимов, зафиксированных на Русском Севере [Березович: 2007; 2009; 2010; 2014 (3) и др.]. Доказано, что имя собственное занимает особое место в языковой картине мира любого народа, несет определенный культурный потенциал, в них — именах собственных, — по словам Е. Л. Березович, «кодируются ... наиболее социально значимые и устойчивые кванты этнокультурной информации» [Березович: 2009, 11].

Заявленный этнолингвистический подход пересекается с другими антропоцентрическими способами и приемами описания картины мира через языковой материал: *когнитивный* — этнолингвистика «занимает промежуточное положение между когнитивной лингвистикой <...> и дисциплинами сравнительно-исторического цикла <...> данная наука имеет диахроническую направленность» [Березович: 2009, 8—9]; *аксиологический* — этнолингвистика

направлена не только на изучение духовной культуры, но и на изучение ценностей, их иерархию.

Работы Е. Л. Березович имеют сотни цитирований не только при исследовании топонимов, но и других разрядов онимов, в частности антропонимов, прежде всего прозвищ и фамилий, восходящих к прозвищам самой разной семантики, функционирующих в современном социуме, художественных текстах⁵. Этнолингвистический подход принят при анализе нижегородской микротопонимии Л. А. Климковой [2008], географических названий Краснодарского края и Республики Адыгея Е. Ф. Ковлакас [2009], ономастической лексики карачаево-балкарского языка Б. Х. Мусукаевым [2007]. Опора на теоретические постулаты Е. Л. Березович, а также Е. Бартминьского [2005], М. В. Голомидовой [1998], Анны А. Зализняк [2005], М. Э. Рут [1992, 2001, 2008 (2)], Н. И. Толстого и С. М. Толстой [1995; 1998; 2013 и др.], С. М. Толстой [2008; 2010 и др.] и др. исследования позволила подключить к подобному изучению антропонимические данные.

В работах Л. Б. Бойко [2016], С. И. Гарагули [2009], Ф. Х. Гильфановой [2009], К. И. Ниетбайтеги [2004], М. Г. Новиковой [2011], В. В. Робустовой [2009], И. М. Шокиной [2008], А. С. Щербак [2008] рассмотрен когнитивный потенциал антропонимов, определено место антропонимических единиц в когнитивной деятельности человека и осмысливается когнитивная сущность самого имени собственного: через анализ антропонимов устанавливаются особенности мировосприятия народа, его менталитет, возможность систематизации знаний, отраженных в индивидуальной номинации лица, характерные черты оппозиции «свой — чужой» и т. д., при этом отмечается, что антропонимы — это своеобразные фрагменты языковой картины мира. Данная категория является объектом и когнитивной лингвистики, и этнолингвистики, и аксиологии.

---

⁵ Ссылки на работы Е. Л. Березович см., например, у А. Ф. Азнабаевой [2016]; М. В. Бобровой [2016]; М. В. Бобровой, Л. С. Нечаевой [2007]; Л. Б. Бойко [2016]; Л. А. Захаровой, А. Ю. Кведер [2013]; О. Н. Новиковой [2009; 2012]; М. Г. Рыгалиной [2013]; Т. В. Скребневой [2011]; О. Д. Суриковой [2013]; Л. А. Феоктистовой [2016] и др.

На примере антропонимов картина мира рассматривается в работах А. Ф. Азнабаевой [2016], Т. П. Егоровой [1993], Е. В. Жалиновой [2013], Е. М. Костюченковой [2009], К. И. Кропачевой [2015], Т. Б. Кузнецовой [2005], З. М. Раемгужиной [2009], В. И. Семеновой [2004], А. В. Юдина [1997, 2007], Ю. К. Юркенса [2007] и др. При изучении языковой картины мира (или ее фрагментов) исследователи обращаются к анализу принципов, способов и мотивов номинации лица, которые в разных языках в разное время имеют или близкое (а иногда и идентичное) представление, входя в круг ономастических универсалий, или изменяются по разным причинам, становясь специфическими знаками народа, этноса, жившего в определенное историческое время. Как следствие, правомерен вывод, что через исследование языковой картины мира, отраженной в имени человека, формируются представления о человеке и его деятельности в обществе, восприятию им самого себя, социума и всего окружающего мира. Поэтому следует признать правомерным поставленный вопрос о разработке когнитивной ономатологии, которая даст ответ на вопрос: как информация закрепляется и передается в онимах? [см.: Васильева: 2009, 47—48; Карпенко: 2006; Робустова: 2014, 41, 42; 2009].

Получили в ономастике развитие и новые методы интерпретации материала, обозначенные как лингвокультурологические. Удачным признаем опыт, представленный, например, в работах Л. И. Зубковой [2009], В. А. Ражиной [2007], М. Г. Рыгалиной [2013]. Однако нельзя не сказать о том, что среди лингвокультурологических работ есть такие, которые посвящены той когнитивной информации, которую развивают отдельные антропонимы, бытуя в социуме (*Пушкин, Наполеон, Гитлер, Иван Грозный, Петр I* и т. д.), или отмечены в различных по жанру и стилю нарративах (*Онегин, Дон Жуан, Обломов*)⁶. Согласимся с мнением Е. Л. Березович: в таких исследованиях именованья наделяются национально-культурной спецификой и противопоставляются по

---

⁶Безусловно, лингвокультурологическое направление важно для изучения антропологической теории номинации, но к проблемам, поднимаемым в диссертации, она имеет косвенное отношение.

неясным критериям остальным онимам, их единственное достоинство — развитие переносных значений, или деонимизация [Березович: 2009, 19—20], а следовательно, необходимо изживать субъективно-селективный подход к выявлению этнокультурных возможностей именника, при котором «культуроносными» признаются отдельные имена, а не вся система в целом [Березович: 2001, 40].

Этнолингвистический подход в исследовании антропонимии актуален, поскольку антропонимия является, пожалуй, самой культуриносной наукой, наиболее тесно отражающей взаимоотношение «язык — культура». Еще в 1988 г. О. Н. Трубачев задался вопросом: какие *своеобразные* отражения нашла история культуры в праславянской лексике и семантике, в языке? «Ответ на вопрос о таком искомом отражателе наиболее, быть может, органических связей языка и культуры способно дать, по-видимому, в первую очередь углубленное изучение эволюции позиции имени собственного в языке и культуре. Именно так — в языке и культуре (*разрядка О. Н. Трубачева*) нераздельно одном от другого, потому что в проблеме имени собственного делается зыбкой или вовсе утрачивается грань, отделяющая и противопоставляющая язык и культуру, что дает нам право в проблеме имени собственного, проблеме лингвистической, ономастической, искать и видеть, быть может, наиболее эффективный способ ответа на вопрос об отражении истории культуры в языке. Человеку, в конечном счете, интересен больше всего сам человек, что объясняет особое положение антропонимии как квинтэссенции имени собственного, а в нашем случае позволяет из всей совокупности ономастики выделить личные имена собственные людей» [Трубачев: 1988 (1), 5—6]. Близкая идея была высказана В. Н. Топоровым, ср.: «во всех сферах духовной жизни человека <...> роль имени не только велика, но по-особому отмечена, и то, что поддается учету и пересказу, образует лишь поверхностный слой той тайны, которая связана с именем» [Топоров: 1989, 125]. Теоретические и методологические вопросы преломления культурной составляющей в антропонимах и их неразрывная связь с человеком, обществом поднимаются также в работах М. В. Горбаневского [1984], Ю. М. Лотмана и

Б. А. Успенского [2000], М. Э. Рут [2008 (1, 2, 3)], Н. И. Толстого и С. М. Толстой [2000], Т. В. Топоровой [1996], Б. А. Успенского [1994]. Назовем также исследования последних лет С. Н. Смольникова [2005], Е. И. Сьяновой [2007], Г. Б. Мадиевой и В. И. Супруна [2010], Ю. А. Кульпиновой [2010], Л. В. Окуневой [2010] и др. Практически во всех изысканиях находим аксиоматичное утверждение о культурно-исторической ценности антропонимов, особой специфике антропонимических единиц, поскольку имя человека живет в определенную эпоху, развивается в определенной культуре на конкретной территории, испытавшей / не испытавшей влияния других народов, — другими словами, подвержено экстралингвистическому влиянию. Содержащаяся в антропониме информация о духовной культуре может иметь разное выражение: «прозрачное» при первом рассмотрении и «затемненное», требующее от исследователя разработки методов и приемов извлечения такой информации.

Наиболее обсуждаемыми являются проблемы аксиологии, или системы ценностей, их иерархия. Это одна из актуальных проблем гуманитарного знания, поскольку формирование ценностей, их динамика — характерная область любого общества. «Ключевые слова» (понятия) народной культуры, которые несут особую аксиологическую нагрузку, играют организующую роль в ценностной картине мира. Установлено, что тематически они принадлежат к разным сферам. «Формирование и восприятие ценностей обусловлено сложной комбинацией этнокультурных факторов, поэтому аксиологическая лексика, как правило, имеет неповторимый семантический рисунок и плохо «переводится» на другие подязыки и языки [Березович: 2007, 241]. Дополним выдвинутые тезисы близкими размышлениями, представленными в статье Е. Бартминьского, отметившего, что «языковая картина мира... зависит (производна) от фиксированной, явным или скрытым образом, системы ценностей... Ценности являются фактором, который управляет построением видения действительности через опытный... и концептализирующий субъект... В результате ценности определяют культурную и общественную тождественность носителей языка» [Бартминьский: 2011, 55]. Отметим также другие важные для темы данного

исследования положения польского ученого: «ценности представляют собой обязательный, релевантный элемент языка и ЯКМ, однако, не означает, что все в языке аксиологически одинаково маркировано, а означает лишь то, что ценности всегда каким-то образом присутствуют в языке» [Там же, 56]. Конечным результатом анализа языкового материала является, по Е. Бартминьскому, реконструкция системы ценностей, которая касается следующих аспектов: этического, общественного, эпистемологического, гедонического, эстетического, существующих только при наличии оппозиции (антиценности) [Там же, 57—60]. «Реконструкция языковой картины мира должна апеллировать к критериям, находящимся в основе оценочной лексики и иерархии этих критериев» [Там же, 60].

Парадигма ценностных ориентиров рассматривается в работах Ю. Д. Апресяна [1995], Н. Д. Арутюновой [1999], А. Вежбицкой [1996], Ю. Н. Караулова [1987], Б. А. Серебrenикова [1988], Ю. С. Степанова [2001], В. Н. Телии [1988], Е. В. Урысон [2003], А. Д. Шмелева [2002] и др. При определении системы ценностей нельзя не обратиться к оценочным измерениям. Точкой отсчета является позиция нормы, нейтральный статус, на фоне которых очевидны все отступления в стороны, которые можно обозначить как «плюс» или «минус», «хорошо» / «плохо», «положительно» / «отрицательно» и под.

Таким образом, антропонимия органично включается в парадигмы новых лингвистических исследований, при этом объединяющим началом всех исследований является антропоцентризм, служащий основой представления человека в мире.

Источники, к которым обращаются при обсуждении парадигм новых (или возрожденных) направлений лингвистических исследований, — это сведения из мифологии, фольклора, этнической истории, это данные материальной культуры, а также языковые единицы, зафиксированные в литературных текстах, диалектной речи, в письменных документах разных периодов, которые позволяют установить важность различных сторон жизни человека и общества в целом в определенное историческое время.

Особенности языковой картины мира, духовные ценности человека, жившего до XVII в., редко становятся объектом изучения, хотя в отечественной науке имеются монографии, в которых данная тема является или специальным предметом и объектом изучения, или затрагивается косвенно (см.: Т. И. Вендина [2002]; А. Я. Гуревич [1984]; В. В. Колесов [1986]; Б. А. Рыбаков [2013 (1. 2)], В. Н. Топоров [1995] и т. д.).

Нам близка монография Т. И. Вендиной «Средневековый человек в зеркале старославянского языка», в которой через анализ лексических и словообразовательных особенностей, отраженных в памятниках письменности старославянского языка, сделана попытка погрузиться в мир смыслов и ценностей средневекового человека, определить направления, по которым формировалась личность. Т. И. Вендина приходит к выводу, что средневековый человек — «живой, мыслящий и чувствующий человек <...>, поведение которого детерминировано религией и обществом» [Вендина: 2002, 308]. В целом принимая выводы автора монографии, отметим: без сомнения, христианство — одна из важных сторон общества средневекового и раннего нового времени, но оно было привнесенной искусственной догмой, диктовавшей человеку, каким он должен быть и чего он не должен делать. В основе изучения — апеллятивная лексика старославянских памятников письменности, знакомство с которой показало, что при описании ценностных ориентиров русского человека в языковой картине мира имеются лакуны, которые не позволяют до конца дать объективный анализ значимых сторон жизни русского человека, жившего в донациональную эпоху, ценностных установок, которые были поддержаны христианством. Так, рисуя портрет человека по материалам старославянского языка, Т. И. Вендина отмечает, что внешние особенности представлены достаточно скупо, а список морально-этических качеств, которыми обладал наш предок, более обширен.

Наличие «белых пятен» заставило обратиться к поиску базы, которая может дополнить сведения о человеке, его мире и системе ценностей в прошлом. Таким источником может служить антропонимия разных регионов Древней Руси.

Обращение к такому материалу более чем актуально уже потому, что исторический антропонимикон для целей подобного исследования привлекался эпизодически. В 2005 г. С. Н. Смольников отметил, что новые научные подходы не нашли должного отражения в исторической антропонимике [Смольников: 2005, 3]. Добавим, что с того времени можно отметить лишь единичные работы, в которых с разной степенью глубины затронуты вопросы когнитивно-антропоцентрической, этнолингвистической, аксиологической информативности именованных в русском языке донационального периода (см. работы М. В. Богачевой [2009 (2)], Л. А. Захаровой, А. Ю. Кведер [2013], Н. В. Комлевой [2005; 2006], И. А. Кюршуновой [2012; 2013; 2015], Н. Н. Парфеновой [1999; 2007; 2013 (2)], С. Н. Смольникова [2005; 2011]; примеры соотношения славянского и балтийского антропонимического материала — у Ю. К. Юркенса [2003; 2007; 2013])⁷. Имеется также ряд публикаций, где заявленные в заголовках новые подходы в исследовании антропонимии подменяются обычным распределением некалендарных имен по лексико-семантическим группам. Безусловно, обращение к семантической классификации именованных лиц — это те действия, которые можно характеризовать как верное направление, но при этом нет анализа своеобразия антропонимов в отражении культурно-исторических особенностей духовного мира, в изучении ценностных ориентиров человека, жившего в донациональную эпоху. Представленный анализ часто не подкреплен статистическими выкладками и имеет редуцированный характер в отражении культураносности, этнолингвистичности, когнитивности, антропоцентричности исследуемых единиц.

Нас в большей степени интересует мотивационный аспект, который стоит за антропонимом, и интерпретация того, как и за что человек получил ту или иную индивидуальную номинацию.

Поскольку мы оперируем антропонимами, отмеченными в документах, отделенными от современности значительным временным промежутком, то к

---

⁷ Отметим, что проблема ценностей, закрепленных в имени, представлена в статьях сборника «Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст», в 3 ч. [М., 2001].

выяснению мотива индивидуальной номинации лица подключаем процедуру реконструкции, или точнее — семантико-мотивационной реконструкции.

1.3. Семантико-мотивационная реконструкция региональной исторической антропонимии

Семантико-мотивационная реконструкция, по Е. Л. Березович, — неразрывная связь семасиологической и ономасиологической сторон анализа, учет ситуации номинации, способствовавшей возникновению лексической единицы и предопределяющей семантическое развитие [Березович: 2014 (1), 203]. Семантико-мотивационная реконструкция наряду с другими методами (этимолого-ономасиологической реконструкцией, интегрально-контрастивным и лингвогеографическим методами) составляет методологическую базу этнолингвистических исследований [Березович: 2009, 10]. При этом выводы, которые получает исследователь в результате семантико-мотивационной реконструкции, должны быть ориентированы на когнитивный, аксиологический аспекты. Среди задач по исследованию когнитивной или любой другой сущности языковой единицы, которые призвана решать семантико-мотивационная реконструкция, Е. Л. Березович справедливо называет:

1) объяснение значения этимона;

2) воссоздание всей полноты номинативной и культурно-прагматической ситуации [Березович: 2014 (2), 89]. Однако эти проблемы вкупе с интерпретацией фактов — это конечная цель изысканий. Начало должно быть связано с прикладными аспектами, за которыми мы и будем стремиться видеть эту конечную цель. Необходимо при этом учесть следующее:

1) создание достаточной фактологической базы (в данном случае регионального антропонимического ресурса), позволяющей определять значимость любых явлений в ономастической системе региона⁸;

2) привлечение к сбору с последующим анализом антропонимического материала из источников разных типов; С. Н. Смольниковым в рамках функциональной исторической антропонимии доказано, что человек не одинаково номинирован в делопроизводственных документах [Смольников: 2005]; поэтому «привлечение для анализа памятников письменности разного целевого назначения, содержания, структуры, но соотнесенных с одной территорией, позволяет представить более полную картину функционирования личных собственных имен» [Парфенова: 1993, 91];

3) определение состава единиц, входящих в изучаемый антропонимикон, деление на виды: календарные и некалендарные личные имена, прозвища, патронимы, а также посессивные ойконимы, в которых проявляется номинация индивида. Такое широкое включение разных видов антропонимов в новую исследовательскую парадигму объясняется тем, что когнитивно-антропоцентрическая, этнолингвистическая, аксиологическая составляющие выявляются у каждой названной единицы через мотив именования, но степень насыщенности такой информацией и способы ее извлечения различны у разных видов антропонимов. Если ранжировать антропонимические единицы с данных позиций, то наиболее содержательными в культурно-языковом плане являются прозвища и некалендарные личные имена, поскольку их вторичность по отношению к лексической системе языка очевидна. Далее следуют патронимы и ойконимы, сформировавшиеся на их основе. Календарные имена также должны стоять в этом ряду, несмотря на изначально неравный вес в сравнении с другими антропонимическими единицами, ярко представляющими человека в исследовательской парадигме;

---

⁸Для анализа привлекаем все виды антропонимов (более 100 000), извлеченных из русскоязычных и шведских деловых документов.

4) статистическая обработка материалов, которая позволит в дальнейшем интерпретировать количественные показатели: определить специфику каждой единицы для раскрытия информативности и важности ее использования для изучения антропонима в новых парадигмах лингвистики. Здесь же необходимо учесть разграничение антропонимической единицы как таковой и антропонимического употребления, а также случаев повторной номинации лица;

5) отбор материалов для сравнения с последующей интерпретацией фактов. Вообще сравнение и сопоставление должны в таких исследованиях расцениваться как основной и постоянный прием, без которого невозможно увидеть универсальные и специфические явления. Как отметил О. Н. Трубачев, «реконструкция — сущность сравнительного языкознания» [Трубачев: 1988 (3), 199]. Известно: традиционно для реконструкции архетипов использовались методы сравнительной (или внешней) и внутренней реконструкции, которые «в равной степени применимы к элементам всех уровней языковой структуры» [Климов: 1990, 83]. Сравняться могут именованья разных регионов (одинаковых и неодинаковых по языку, этнической и конфессиональной принадлежности), разных по жанру памятников, различных хронологических срезов. Сравняться должны именованья и апеллятивные материалы разных сфер и т. д., последовательность выполняемых сопоставительных операций подобна расширяющимся кругам.

Именно сравнение и сопоставление открывают семантико-мотивационный этап в привлечении к реконструкции исторической антропонимии, включенной в новые аспекты лингвистического знания. Одна из главных особенностей заключается в том, что большая часть антропонимических единиц вторична по отношению к апеллятивной лексике. Апеллятив, совпадающий с основой антропонима, — это его этимон, а «этимология собственного имени — это, в конечном счете, определение апеллятива, на базе которого оно возникло» [Юркенас: 2003, 21];

б) следовательно, возможно обращение к лексическому значению апеллятива, соотносимого с антропонимом, как его внутренней формы. Эта

особенность позволяет интегрировать антропонимы в группы и микрогруппы (или в другой терминологии, поля и микрополя; множества и подмножества). Как отмечает Ю. Юркенас, построение онимических микрополей — это один из перспективных приемов анализа имен собственных [Юркенас: 2003, 25]. Ср. также: «Выбор производящих основ... определяется ономаσιологическими предпочтениями, *отражающими в моделях мотивации связь этих понятий в картине мира этноса* (курсив наш. — И. К.)» [Варбот: 2007, 45].

Кроме того, исследователи подчеркивают «консервирующие», «резервирующие» свойства ономастических единиц, их «способность служить незаменимым источником разного рода информации — фонетической, словообразовательной, лексической и др.» [Березович: 2014 (2), 90]. Не случайно в 1994 г. О. Н. Трубачев отметил, что в большую программу русской исторической лексикологии, в раздел о праславянском лексическом наследии, «должны войти также этимологически выверенные сведения о **фондовой ономастике** [*выделено О. Н. Трубачевым*] (топонимии, гидронимии, антропонимии, этнонимии) <...> ономастика здесь важна не сама по себе, а как резерв выполнения основной задачи» [Трубачев: 1994, 8—9 (1)] — «реконструкции праславянского состояния прарусской лексики» [Там же, 8].

К реконструктивным возможностям онимов обращались: Г. П. Смолицкая — на материале гидронимии Поочья ею восстановлены географические термины [Смолицкая: 1978; 1981]; И. И. Муллонен — ономастическая лексика является практически единственным источником реконструкции вепских слов [Муллонен: 1988]; В. Л. Васильев восстановил ряд диалектных новгородских апеллятивов по данным топонимии, извлеченной из новгородской писцовой документации XV—XVII вв. [Васильев: 2012]. О ценности топонимических данных как источников реконструкции нарицательной лексики говорили также М. М. Маковский [1966; 1971], О. Н. Трубачев [1968], О. М. Доконова [1977], В. П. Лемтюгова [1983], Н. Ю. Меркулов [1985], Е. Н. Варникова [1996]. Антропонимический материал в данных целях использовался Ю. С. Азарх [1981; 1984], В. Я. Дерягиным [1985], Р. В. Железновой [1978], В. А. Никоновым [1988], Н. Н. Парфеновой [1991],

Е. Н. Поляковой [1979; 1989; 1993], И. М. Смирновой [1989]; целенаправленная методика реконструкции лексики по данным антропонимии разработана Ю. И. Чайкиной [1988 (1, 2); 1991], И. А. Кюршуновой [1994] при реконструкции лексики старорусского периода; Ю. К. Юркенасом при исследовании особенностей онимизации апеллятивов и развитии индоевропейских антропонимических систем [1979, 2003]. В настоящее время к вопросам реконструкции лексики по данным антропонимов или отантропонимных образований обращаются М. В. Богачева [2001; 2003; 2009 (1)]; И. М. Ганжина [2001]; Л. М. Городилова [2011 (2)], В. П. Шульгач [2005].

Доказывается, что ономастическая лексика может использоваться для восстановления недостающих звеньев лексико-семантической системы прошлого (как групп слов, так и отдельных ее элементов), хронологически соответствующей времени функционирования ономастикона и, возможно, более ранним временным отрезкам. Однако именно здесь и начинаются сложные или проблемные вопросы. Так, обращаясь к реконструкции слова, мы не просто восстанавливаем слово, мы восстанавливаем слово и его возможное значение (внутренняя форма имени, его мотив именования), именно *возможное*, поскольку сопоставляемые имя и апеллятив разделены значительным временным промежутком. Этот отрыв переводит любую реконструкцию на вероятностную орбиту и не дает поставить точку, даже после того, когда кажется, что определенная точка в выяснении вопроса семантической реконструкции слова поставлена. Так, структура лексического значения со временем может трансформироваться — расширяться или сузиться. Как известно, «вероятность отсутствия семантической эволюции слова с возрастанием периода языковой дивергенции неизбежно сокращается» [Климов: 1990, 106], что естественным образом отражает разнообразные изменения в жизни народа. Лексическое значение способно также к развитию переносов метафорического и метонимического характера. Кроме того, именования могли и не соотноситься с теми значениями, которые, как кажется, находятся на виду. На самом деле, они

могли продолжать жить в зоне мифологического сознания или вообще возникнуть в некой виртуальной ситуации.

7) Описанные выше особенности семантической реконструкции заставляют обращаться к максимально точной систематизации как антропонимического материала, так и материала с ним сопоставляемого. Ср. с тезисом Е. Л. Березович: «Чтобы снизить риск непроверяемой гипотетичности и преодолеть “безрассудный импрессионизм”, следует максимально систематизировать материал, подвергаемый семантической реконструкции» [Березович: 2014 (1), 200].

Систематизация в любом случае начинается с работы с лексикографическими источниками:

① Обрабатываются любые сведения, отмеченные в исторических, диалектных, современных толковых словарях, то есть отбираются близкие в формальном плане основе антропонима апеллятивы.

② Осуществляется поиск в лексическом значении компонентов, которые в семантическом плане наиболее близки, чтобы быть связанными с мотивом именованного человека. Прежде всего это все названия лиц, преимущество которых перед другими единицами обусловлено их повышенной способностью к переходу в разряд имен собственных. Дальнейшая их дифференциация (и интеграция тоже) строится на вероятностной основе, но учитывается как возможный мотив именованного.

③ Производится обращение к материалам мифологического, фольклорного, народного (диалектного) характера для выявления эксплицитных и имплицитных мотивов именованного.

④ Если антропоним соотносится с комплексом мотивов именованного, то необходимо установить порядок их представления. С этой целью сначала определяется статус антропонимической единицы.

а) Если перед нами некалендарное личное имя или прозвище⁹, то, даже учитывая, что в семантико-мотивационном плане они различны, на первое место мы поставим мифологические мотивы именованья, вычлененные из нарративов фольклорного или этнографического характера, а также сведения об обрядах и верованиях, называющих «семиотически (культурно) значимые реалии во всей совокупности семантических связей» [Толстая: 1989, 216], обращение к которым будет иметь эффект «только при условии, что эта терминология изучается системно» [Там же, 218]. Место лидера им обеспечено их несомненной древностью, хотя их мотив в большей степени сомнителен. Воспользуемся вторичным цитированием и отметим, что «при семантической реконструкции важную роль играет способность этимолога “переступить пределы очевидного и высоко вероятного в области лексических соответствий и работать в рискованной сфере гипотетического”» [со ссылкой на Malkiel Березович: 2014 (3), 200].

б) Далее будут следовать мотивы, связанные с различными названиями лиц. При этом очередность представления сопоставительной информации будет подобна расширяющимся в географической проекции кругам: сначала рассматриваются возможные мотивы именованья, которые представлены там, где зафиксировано именованье (в данном случае в русских говорах Карелии, в местных памятниках письменности), далее движемся к «периферийным» (отдаленным от Карелии) регионам.

в) Необходимо учитывать и диффузию, и контаминацию семантических признаков, которые могли присутствовать в момент индивидуальной номинации лица, особенности «поведения» самой антропонимической единицы, попавшей в иноязычное, иноэтническое, иноконфессиональное окружение.

Таким образом, с одним антропонимом может быть связан комплекс мотивов именованья, имеющий характер незакрытого списка. Кроме того, «восстанавливая архаические значения слов, следует постоянно иметь в виду, что

---

⁹Что касается календарных имен, патронимов, фамильных прозваний, посессивных ойконимов, то их мотивы именованья также связаны с семантико-мотивационной реконструкцией; см. об этом ниже.

понятия древних людей могли не совпадать полностью со сходными понятиями современных людей» [Общее языкознание: 1973, 63]. Но «не может быть сомнения в том, что отбор единиц, которые использовались в процессе создания имен, был обусловлен традициями, обычаями, мировоззрением, мифологией, религией. В именах закодирован многовековой опыт человека» [Юркенас: 2003, 36].

Учет этих фактов позволяет перейти от реконструкции мотивов именования к воссозданию фрагментов картины мира, системы духовных ценностей, ключевых понятий эпохи, что в целом дает познание о человеке и его обществе.

1.3.1. Некалендарные личные имена как база семантико-мотивационной реконструкции

Подробный анализ некалендарных личных имен будет представлен во второй главе. В данном сжатом комментарии отмечены только некоторые черты вычленения мотивационных характеристик.

Некалендарные личные имена — яркий атрибут дохристианской ономастической традиции, сохранившийся и активно функционировавший в региональном ономастиконе XV—XVII вв. Функционировавший, вероятно, активнее, чем в других регионах, из-за периферийного положения, а потому сохранивший в достаточном объеме все группы древних исконно русских имен, которые можно объединить по следующим семантическим признакам: по порядку и времени рождения (*Первушка, Третьяк, Подосенко, Падорко* и под.); по отношению родителей к факту появления ребенка (*Нечай, Неждан, Ждан* и под.); по внешним и внутренним качествам, проявляющимся с детства (*Некрас, Ушачко, Томилко* и под.). Статистика показывает, что наиболее востребованными в мотивационном плане были индивидуальные номинации по внешним данным ребенка, а самыми частотными — имена, указывающие на порядок рождения и внешность именуемого.

Как видим, мотивация большей части таких именований является предельно прозрачной. Некалендарные личные имена более других антропонимических

единиц, по словам В. Н. Топорова, «хранят презумпцию осмысленности и надежду на ее реализацию — на раскрытие скрытого смысла» [Топоров: 2004, 374]. Имплицитные мотивы номинации, как представляется, обусловлены древними верованиями, семейной «философией», особым отношением к детству и процедуре имянаречения. Уже «прозрачные» мотивы говорят, что каждое имя, данное при рождении, не было случайным и несло, помимо того, что лежит на поверхности, дополнительный смысл, который контаминировался с тем, который прочитывается достаточно легко. Так, фиксация имени *Первый* (*Первуш(к)а*, *Первак* / *Первачко* и т. д.) уже говорит, что в семье последующие имена будут сопряжены с числовым рядом, что подтверждается документально. Однако за мотивом 'порядок рождения' прочитывается еще и пожелательный мотив, доказывая, что мотивационная база некалендарного имени не является однородной: перефразируя А. А. Потебню, она состоит из спаянных ближнего и дальнего мотивов номинации, где ближайший мотив стоит за семантикой апеллятива, а дальний мотив подразумевается и требует реконструкции (см. примеры в главе 2, п.п. 2.10, 2.11). Верификация предположений связана с обращением к материалам мифологии, фольклора, диалектным и этнографическим нарративам, где описаны обычаи, ритуалы, связанные с магией числа [см. СД, 5, 544—545; Толстая: 2010, 207—259]. Помимо пожелательного мотива в некалендарных личных именах видится еще и охранный¹⁰. Мы выбрали в качестве примера имена с *Не-* (*Нечай*, *Неждан*, *Некрас*, *Нелюб*, *Немир* и под.), где эксплицитные мотивы, как нам представляется, также неоднозначны: имена, маркированные *Не-*, входят в группу антропонимов, отражающих сему 'чужой' = 'чужой ребенок' как способ защиты ребенка от смерти, болезни, сглаза. Вероятно, наше рассуждение можно считать

---

¹⁰С. М. Толстая называет функции таких имен *благопожелательной* (функция наделения лица через имя жизненной силой, здоровьем, счастливой судьбой) и *защитной* (ограждение от опасностей — болезни, сглаза, смерти и т. д.), кроме того, ею выделяется «*отгонная*» (отвращение или устранение уже существующих бед), а в ритуалах порчи — *злокозненная* [Толстая: 2001, 120].

умозрительным, поскольку мы не располагаем данными, подтверждающими сказанное. Но обилие имен с *He-* дает возможность надеяться, что мы правы, что некалендарное личное имя — это тот знак и символ культурной ономастики, который более других антропонимических единиц обусловлен «мифическими представлениями о природе имени — отождествлением имени и его носителя или убеждением в существовании сокровенной связи между именем и человеком, верой в способность имени “замещать” человека <...> Славянская народная антропонимия испытала сильнейшее влияние христианской культуры... сохранила почти до наших дней отношение к имени, имянаречению и именованию, свойственное дохристианской и мифопоэтической традиции» [Толстой, Толстая: 1998, 89].

Таким образом, внутренняя форма четко структурированных по группам некалендарных личных имен контаминировалась с мотивами, отражавшими имплицитное пожелание или охрану ребенка. Насколько они были связаны между собой, точный ответ дать невозможно. Но временной отрыв от ситуации номинации лица дает возможность для контрастных допущений о семантико-мотивационной реконструкции некалендарного личного имени: 1) каждый выявленный мотив именованного в сознании номинатора лица некалендарным личным именем являлся дискретным; 2) между мотивами номинации могла действовать диффузия: при наречении все возможные мотивы номинации переносились на именуемого.

1.3.2. Мотивационная составляющая календарных имен

Когнитивный потенциал календарных личных имен можно рассмотреть через интерпретацию статистических показателей полных и модифицированных форм имен, анализ их этноязыковой и социальной маркированности (см. главу 4, п. 4.6.). Что касается мотивационного аспекта, то следует сказать, что календарные личные имена также имеют мотивационную базу, но иного рода, нежели некалендарные личные имена, у которых, как это было показано выше,

причина появления именованья сопряжена с семантикой базового апеллиатива, а в отдельных случаях — с различными этнокультурными смыслами, выявляемыми при изучении жизни слова в контексте устного народного творчества, обрядах, ритуалах, верованиях. Именно поэтому из заголовка нами изъят компонент названия «семантико-», хотя (как это будет показано ниже) в речи календарные имена обрастают «смыслами» (= семами), оставлен компонент «мотивационный», поскольку выбор имени (и календарного в том числе) не может не быть обоснован.

Календарное имя — это тоже ритуал, но ритуал христианский. Его появление в донациональный период мотивировано христианскими обычаями, связано с обрядом крещения. Интересные наблюдения об особенностях наречения календарным именем при крещении у разных славянских народов собраны и описаны Н. И. Толстым и С. М. Толстой, когда мотив именованья обусловлен не связью со святым, в честь которого выбирается имя ребенку и задается жизненный вектор развития личности, а, как и у некалендарного личного имени, основан «на магии р е ф е р е н ц и а л ь н ы х (разрядка Н. И. и С. М. Толстых) свойств имени, т. е. на апелляции к известным носителям выбираемого имени с целью передачи вновь нарекаемому их качеств, их жизненной силы, их судьбы или получения их заступничества, а в случае “отрицательной” коннотации — с целью обмана злых сил, укрытия ребенка от опасности» [Толстой, Толстая: 1998, 93—99].

Насколько известен был этимологический и церковный (духовный) смысл имени самому носителю календарного имени в донациональный период, ответить сложно. Любопытно отметить, что были отдельные отступления при наречении календарным именем при рождении: в условиях Карелии XV—XVII вв. это не всегда был новорожденный, ср. следующие показательные примеры: «*И в Ладуги жил сирота у стрелца з год времени и в Ладуги меня сироту крестили в православную христианскую веру*», челобитная, 1663 [Мюллер, 153]; «... как де он Васка крестил мужеска полу и женска лет в 5 и в 10 и в 20», отписка олонецкого воеводы, 1693 [Там же, 344]. Но в целом признано — *календарное имя было призвано включить нового члена общества в круг*

христиан (разрядка моя. — *И. К.*). Уже то, что эти имена к XV—XVII вв. адаптировались на всех языковых уровнях русской ономастической системы и функционально превосходили дохристианский антропонимикон, ярко свидетельствует о смене парадигмы верований, изменении сознания и системы культурных ценностей многоэтнического народа Руси.

Однако и здесь мы склонны искать «подводные» мотивы именованья, помимо тех, на которые указали Н. И. и С. М. Толстые и которые, кажется, можно рассматривать в *семантико-мотивационном* ключе и видеть за принятием календарных имен ту же охранную функцию с мотивом ‘чужой’. Как ни странно, на такие размышления нас натолкнули 1) функциональная «победа» календарных имен, отгеснение некалендарного именника; только влиянию церкви этот процесс приписать полностью нельзя; 2) использование в качестве имен новорожденному тюркско-татарских имен (типа *Калмычко, Муратко, Ташлычко* и т. д.), как и некалендарные, они были чужды языку и ономастикону, но избирались для индивидуальной номинации лица.

Таким образом, у календарного имени также можно предполагать мотивационную парадигму.

1.3.3. Мотивационный аспект патронимов, фамильных прозваний, отчеств, посессивных ойконимов

Функционирование патронимов, фамильных прозваний, отчеств в деловой письменности — это еще одна косвенная характерная примета изменения культурного сознания и признак смещающихся центров в антропонимической системе. Несмотря на то что индивидуализирующим ядром продолжает оставаться личное имя, представление человека через другие дополнительные единицы номинации становится достаточно устойчивым. Возможно, эта черта проявлялась не только в деловой письменности, но и речевом узусе старорусской языковой системы. Причина, безусловно, экстралингвистическая, связанная с социально-экономическим устройством общества: закреплением собственности

за лицом, когда наряду с ответами на вопросы: Ты кто? (*Иван, Иванко*); кто владелец? (*владелец Иван*), появляются вопросы Ты чей? (*Иванов, Иванов сын*); чье владение? (*владение Ивана, Иванова, Ивановского*).

Таким образом, патронимы, фамильные прозвания, отчества отмечали принадлежность, отношение человека к семейному социуму, а посессивный ойконим закреплял его за определенной территорией. Отсюда — модальность отношения к кому-, чему-либо — выстраиваются мотивы номинации: у патронимов, фамильных прозваний и отществ — ‘именование по отцу (деду или реже другому родственнику)’, то есть *Баженов, Вешняков, Иванов, Некрасов, Юшков* = сын (или внук) *Бажена, Вешняка, Ивана, Некраса, Юшки*; у посессивных ойконимов — ‘название места по имени или прозвищу, патрониму владельца, первопоселенца’, ср. дер. *Созоново (Созоновская)*, поч. *Софоново (Софоновской)*, пуст. *Тучковская, Шесниковская* = деревня *Созона* или *Созонова*, починок *Софона* или *Софонова*, пустошь *Тучки* или *Тучкова, Шесника* или *Шесникова*. При этом патронимы и ойконимы дополнительно репрезентируют ту ономастическую единицу, которая лежит в их основе: патроним представляет некалендарное или календарное имя, а ойконимы соответственно — имя или патроним. Поэтому они обрастают теми же мотивационными сведениями, которые уже описаны нами и которые будут рассмотрены далее. Именно поэтому в диссертации мы их не рассматриваем отдельно, а включаем в описание антропонимических единиц, к которым они восходят.

Ценность этого материала заключается еще и в том, что данные ономастические единицы могут содержать в своей основе различные модификаты календарных имен, некалендарные имена, прозвища, которые по какой-либо причине не отмечены в именной и прозвищной системе, а следовательно, это дополнительный источник наших представлений об ономастических единицах, функционирующих в картине мира донационального периода. Только один пример. Пока в исторических документах не зафиксированы ни прозвище *Варлыга* (или модификат от *Варлаам*), ни патроним *Варлыгин*, зато отмечено название деревни *Варлыгино* в Сакульском погосте в 1568 г. [ПКВП, 140], которое

является представителем не только всех связанных с ним названных единиц, но, возможно, и апеллятива *варлыга* 'ленивый человек, лентяй, лентяйка' волог., вят., твер., барнаул. [СРНГ, 4, 55]. Не случайно посессивные ойконимы подобного типа В. А. Никонов называл «драгоценными свидетелями», подразумевая за ними комплекс всевозможной исторической, культурной, духовной информации [Никонов: 1992, 109—114].

1.3.4. Особенности выявления внутренней формы у прозвищ

Перейдем к семантико-мотивационной реконструкции прозвищ. Мотивировочный признак, легший в их основу, может устанавливаться несколькими способами. Во-первых, через лексическое значение омонимичного антропониму апеллятива, семантика последнего признается возможным мотивом именованья, для определения которого используется комплекс сопоставительных материалов: данные диалектных, исторических, этимологических словарей. Во-вторых, культурно-историческая аура апеллятива, позволяющая предполагать: антропонимы — представители существовавших верований, обычаев определенного этноса. В этом случае привлекаются исследования этнолингвистов, этнографов, фольклористов, культурологов и т. д. В-третьих, это могли быть виртуальные ситуации, обусловившие номинацию лица определенным именем собственным апеллятивного характера.

Во всех случаях мотивы именованья следует считать гипотетическими, поскольку истинный мотив именованья остается скрытым от нас временем, Информация о причинах получения конкретным лицом имени собственного в памятниках письменности фиксируется редко, ср.: *Князь велики Василей Ивановичь прислалъ во Псковъ князя Ивана Михайловича Найдена, а потому его назвали Найденомъ наши его псковичи на Загорском дворѣ*, Псков. лет., XV—XVII вв. [СлРЯ XI—XVII, 10, 101]; ... *отец его Бахты Фрянца выехал из Шведы, а во крещении имя ему Анания и он, Василей кн. Дмитрия побил и убил под ним, князем, коня и привез того коня часть кожи, да лук,*

да палаш кн. Дмитрия Шемяки ко мне, великому князю, и аз, великий князь, пожаловал велел ево Василья писать Василей Кожа, 1430 г. [АСЭИ, III, 178-а].

Поскольку такие записи единичны, то следует за прозвищем, зафиксированным в памятниках письменности, видеть не один мотив, а комплекс мотивов именования, и, более того, как и у некалендарных личных имен, у прозвищ следует учитывать возможную диффузию мотива именования. Рассмотрим это на примерах.

1.3.4.1. Анализ антропонимов, соотносящихся с определенным мотивом именования

Сначала обратимся к анализу антропонимов, для которых видится определенный (конкретный) мотив именования. Ср.: Федосейко *Бочевник*, 1563 [ПКОП, 83] и др.-русск. *бочевник* ‘то же, что бочар (мастер по изготовлению бочек)’ [СлРЯ XI—XVII, в. 1, с. 304]. Такое соотношение говорит о том, что лексическое значение апеллятива — это мотив именования. Его объективность подтверждена данными исторических словарей, а также серией подобных соотношений (ср.: *Винокур* ~ *винокур*, *Глинник* ~ *глинник*, *Гончар* ~ *гончар*, *Горшечник* ~ *горшечник*, *Иконник* ~ *иконник*, *Котельник* ~ *котельник* и под.; всего 46 подобных примеров), равно как и отображение таких названий лиц в других группах антропонимов (патронимах, фамильных прозваниях: *Ведерников*, *Драничников*, *Жерновников*, *Ловчиков*, *Мельничников*, *Овчинников*, *Сапожников* и проч., всего 82 примера), где за каждой индивидуальной номинацией лица видится конкретный мотив именования: *Винокур* — ‘тот, кто занимается винокурением’ [СлРЯ XI—XVII: 2, 186], *Ведерник — ‘мастер, делающий ведра’ [Там же, 45], *Глинник*, ср. *глинщик* — ‘гончар’ [Там же: 4, 33] и т. д. Вхождение антропонима в ряд подобных в семантико-мотивационном плане именований позволяет их не только включить их в группу, интегрированную семой, как, например, в нашем случае — ‘название лица по роду деятельности’, но и, сопоставив мотивы именований, предположить у них наличие дополнительных сем и, как следствие,

мотивационных компонентов. Так, рассмотренные выше случаи сравним с теми, в которых общий мотив номинации осложнен дополнительными дифференциальными признаками в выполняемой работе, ср.: *Горшечник* и *горшечник* — ‘тот, кто занимался *изготовлением* и *продажей* горшков’ [Там же: 4, 97—98], *Котельник* и *котельник* — ‘ремесленник, *изготавливающий* и *чинящий* котлы и медную посуду; медник’ [Там же: 7, 380]. Фиксация историческими словарями таких компонентов дает возможность видеть их и у других антропонимов общего ряда, то есть *Ведерник* — это не только ‘тот, кто изготавливал ведра’, но и, возможно, еще ‘продавал, ремонтировал их’ и т. п. (по аналогии с *Горшечник*, *Котельник*). За данной гипотезой подразумевается, что исторический контекст, представленный в словарях и прочих документах, нарративах, не включал по разным причинам некоторые существенные или несущественные компоненты значения.

В любом случае стоящий за прозвищем мотив / мотивы именованья позволяет говорить о фрагменте языковой картины мира, обозначенном темой «Номинация лица по роду деятельности» и, более того, о пересечении (пусть неявном) с семантическим множеством ‘отношение человека к труду’.

Подобным образом, можно говорить о катойконимах, этнонимах, сохранившихся в основах именованья (*Белозер*, *Двинянин*, *Москвитинов*, *Кареленик*, *Мордвинко*, *Немчин*), у которых, предполагаем, мотив именованья контаминировался с семей ‘чужой’, ‘не свой’.

1.3.4.2. Семантико-мотивационная реконструкция антропонимов, восходящих к экспрессивным названиям лица

Перейдем к вопросу о семантико-мотивационной реконструкции антропонимов, восходящих к экспрессивным названиям лица. Их отличает невысокая гипотетичность или высокая релятивность, обусловленная тем, что антропонимический материал соотносится с апеллятивным, отделенным от него значительным временным промежутком (в несколько столетий), что

переводит мотив именованя в субъективную для исследователя плоскость. Для выяснения мотивов именованя в данном случае следует учесть ряд критериев: 1) поиск омонимичных или однокоренных апеллятивов в русских говорах, литературном языке, славянских языках, связанных с экспрессивным названием человека; 2) учет географии функционирования антропонима и апеллятива; 3) регистрация сходных мотивов именованя, позволяющих поставить имя в ономастический семантический ряд; 4) внимание к структурным особенностям антропонима, допускающим связь именованя с другими языковыми фактами; 5) поиск культурно-исторической информации об основе именованя.

Дадим обозначенным критериям комментарий.

Кажется, нет сомнений, что антропоним *Бобоша* (Никонко *Бобоша*, 1563 [ПКОП, 160]) восходит к апеллятиву *бобоша* и сохранившийся в современных говорах апеллятив семантически связан с представленным в документах прозвищем. Но насколько лексическое значение диалектного *бобоша* — ‘человек, который говорит без умолку’ перм. [СРНГ, 3, 38] — отражает действительный мотив именованя, зафиксированного в Карелии в XVI в., ответить сложно. Однако, реконструируя для донационального периода нарицательную единицу (*бобоша), мы все же должны сделать предположение о ее лексическом значении и возможном мотиве именованя лица и в дальнейшем подключить предполагаемый мотив именованя к более широкому мотивационному контексту, чтобы проследить вероятность действия модели.

В рассматриваемом нами примере (*Бобоша* ~ *бобоша*) однозначно признаем проявление через именованя таких семантических компонентов, как ‘человек’, поскольку именно человек является носителем такой номинации, и ‘говорить, издавать звук’. Последний восстанавливается на основе сравнения славянских апеллятивных однокоренных параллелей: болг. *бобѡтъ* ‘шуметь, издавать гул’, *бобѡтим* ‘шуметь, бубнить’, сербохорв. *бобѡтати* ‘бубнить, говорить глухим голосом’, словен. *bobotati* ‘глухо греметь, грохотать’, ‘шуметь’, ‘стучать’, ‘болтать’, в.-луж. *bobotać* ‘гудеть, греметь’, н.-луж. *bobotaś* ‘гудеть, греметь,

стучать’, ‘трястись, дрожать, трепетать, болтать’ [ЭССЯ: 2, 143], и наиболее близкий к нам по времени факт: *боботать* ‘невнятно говорить (напр. от холода)’, сев.-двин., перм., ‘о звуках, издаваемых зайцем’, сев.-двин., перм. [СРНГ, 3, 37]. Как видим, идентифицируются (пусть и неоднозначно) характер звука и особенности говорения. Поэтому при общем (интеграционном) семантическом компоненте — ‘тот, кто издает звуки, говорит’, или проще ‘болтливый человек’, — считаем, следует учитывать бóльшую часть всевозможных (дополнительных) сем, которые могли повлиять на мотив именованного человека в прошлом: ‘шуметь’, ‘бубнить’, ‘глухой’, ‘болтать’, ‘невнятно’, извлеченных из представленных выше материалов.

Значимым фактом является совпадающая география антропонима и омонимичного ему апеллятива. Так, отметим, что именование *Бобоша* — это не ономастический раритет, оно несколько раз отмечено не только в документах Карелии [см. Кюршунова: 2010, 50], но также на Урале, в Вологде, Перми [Мосин: 2001, 49; Чайкина: 1995, 16; Полякова: 2005, 52]. Наблюдаемое географическое совпадение — Пермь — показатель, что именно для пермского ономастикона реконструкция мотива является релевантной. Хотя широкая география апеллятивной основы — косвенное свидетельство возможного существования такого мотива и на других территориях. Она опосредованно отражена в следующих фактах: *боботунчик* — эпитет зайца в орл., вят. говорах, *боботушка* — ‘удод’ тобол. [СРНГ, 3, 37], компонентный анализ значения которых также позволяет прийти к семы ‘говорить, издавать звуки’.

Можно было бы принять без оговорок реконструированный мотив именованного и для прозвища *Бобоша* из памятников Карелии. Имя наряду с другими антропонимами входит в ономастическое микрополе ‘болтливый человек’ (см. статистику и примеры в главе 3, п. 3.3.2.4.). Более того, если учитывать семантическую связь между ‘болтливый’ и ‘сварливый’, то количество таких именованных микрополя увеличится вдвое, что совершенно не случайно в представлении фрагмента картины мира Карелии, где данные качества были

особенно видны на фоне спокойного, малоразговорчивого прибалтийско-финского этноса.

Но для объективного анализа следует обратить внимание на структуру именования *Бобоша*, в котором можно выделить формант *-ша*. Он мог присоединяться не только к глагольной основе *боботать* с различными морфонологическими изменениями, но и к именной основе *боб-* со значением ‘носитель признака’, ср.: *левша, правша, юноша, святоша* [Русская грамматика, 1, 177]¹¹. В этом случае следует обратить внимание на такие языковые факты, связанные с территорией Карелии, как *бобка* ‘детская игрушка’ олон., онеж. КАССР, а также новг., пск., твер. [СРНГ, 3, 35]; пуд., онеж., медв., кирил., подп., прион. [СРГК, 1, 80], добавим такие материалы, как *бобка* ‘осколок от разбитой посуды, черепок’ медв., кондоп., кириш., ‘осколок, черепок, используемый детьми для игры’ медв., баб., ‘любой предмет, используемый детьми для игры’ кирил., белом., прион. [Там же].

Взятые для сопоставления примеры позволяют перевести мотив именования в другие регистры, который мог быть обусловлен: 1) переносным значением: или метафорическим по модели ‘предмет’ → ‘человек’, или даже, возможно, метонимическим (подобных примеру *Кожа*, описанному выше); 2) связан с мифологическими представлениями древности, когда с предметом связывался некий обряд или предмет наделялся определенной символикой. В первом случае продолжается характеристика именуемого субъекта, и следует искать или предполагать именно такие мотивационные признаки номинаций, где сравнивается человек с внешними или в отдельных случаях внутренними качествами объекта, во втором случае потенциальными становятся охранный или пожелательный мотив именования.

Рассмотрим выдвинутые гипотезы на примере антропонимов с таким «двойным дном», типа *Медведь* (Офромейко *Медведь*, 1496 [ПКОП, 48]), *Горшок*

---

¹¹ Более того, формант *-ша* — один из продуктивных именных формантов, который мог присоединяться к основе на ономастическом уровне, минуя апеллатив, как это происходит до настоящего времени, ср.: *Саша, Паша, Алеша, Маша, Даша* и под.

(Ондрейко *Горшок*, 1582/83 [КЗПОП, 198]), *Рука* (Гридка *Рука* Терешкин, 1496 [ПКОП, 39]), *Каша* (*Каша* Минин, 1563 [ПКОП, 224]), *Кисель* (*Кисель* Игнатъев, 1563 [ПКОП, 184]) и под. Уже одно использование апеллятивов *медведь*, *горшок*, *рука*, *каша*, *кисель* в качестве антропонимов в XV—XVII вв. предполагает для них неоднозначную мотивировку. С одной стороны, выделяется характеризующий блок информации, подобный той, которая была рассмотрена выше у прозвища *Бобоша*, с другой — апотропеический и пожелательный.

Характеризующий мотив именованя лица можно определить практически у каждого из вышеперечисленных именованя. Так, в современном литературном языке и в говорах такие слова развивают переносные (метафорические) значения, детерминированные сравнением с внешними и внутренними особенностями объектов, ср.: *медведь* — ‘неуклюжий, неповоротливый человек’, разг. [БТС]; *каша* — ‘простак, простофиля, трус’ кадн. волог. [СРНГ, 13, 148]; *кисель* — ‘слабый, беспомощный, не имеющий силы стоять на ногах человек’ пск., твер. [СРНГ, 13, 228]. Следует учесть, что в отдельных случаях лексическое значение апеллятива могло быть привязано к другой деривационной схеме. Так, *кисель* в говорах имеет еще и значение ‘плакса’ пск., твер. [СРНГ, 13, 227], которое семантически восходит к *кислѣться* ‘иметь недовольный, унылый вид’, ‘плакать’ ярос. [ЯОС: 5, 31]. Дополнительных размышлений требуют такие данные, как *кисѣль* — ‘кривляка, ломака, зазнайка’ смол. [СРНГ, 13, 227] и, возможно, однокоренные: *киселѣть* — ‘льстить, улещать’ твер., пенз. [Там же, 226], *киселѣться* — ‘важничать, таять от лести’ пск. [Там же], *киселѣться* ‘горячиться, задираться, петушиться’ пск., твер. [СРНГ, 13, 227].

Как видим, они стоят в одном ряду с уже рассмотренным именем *Бобоша* от *бобоша* ‘болтливый человек’. Добавим, таким именованям, обидным с точки зрения современного человека, вероятно, позволила сохраняться в ономастиконе в течение длительного периода профилактическая функция. Не исключено, что со временем происходило забвение внутренней формы именованя. Однако в любом случае региональный именьник XV—XVII вв. свидетельствует

о различных важных сторонах жизни общества, еще раз подтверждая возможность исследования ономастикона в когнитивно-антропоцентрическом, аксиологическом, этимологическом ключе.

Апотропеический мотив именованя лица в большей степени обращен к этнолингвистической информации. Если в первом случае мы не нашли переносных значений — названий лиц по внешности или качествам характера — для слов *горшок* и *рука*, то предположение об охранной и пожелательной функциях подтверждается для каждого названного именованя, поскольку в фольклорных текстах (сказках, пословицах, поговорках, заговорах), фразеологии, записях обрядов, символике представлена (с разным объемом информации) значимость указанных объектов в культуре, в народном сознании. И таким образом, можно говорить о существовании в системе антропонимии донационального периода зоонимического кода: *Медведь*, а также *Баран*, *Бык*, *Волк*, *Заяц*, *Жеребец*, *Корова*, *Курица*, *Лебедь*, *Лиса*, *Петух*, *Сом* и т. д. (всего 177 случаев); пищевого кода: *Кисель*, *Каша*, а также *Блин*, *Брага*, *Коровай*, *Пирог*, *Рыбник*, *Сырник*, *Шаньга* и т. д. (всего 58); соматического кода: *Рука*, а также *Глазок*, *Голова*, *Губа*, *Зуб*, *Кожа*, *Моклок*, *Нос*, *Пакуля*. *Рожка* и т. д. (всего 108); бытового (или материального) кода: *Горшок*, а также *Игла*, *Кережа*, *Кляпик*, *Корыто*, *Костыга*, *Кубас*, *Спица*, *Чурак*, *Шабала* и т. д. (всего 200).

Рассмотрим только один пример из перечисленного ряда имен собственных, в котором отражена культурная составляющая антропонима. Именоване *Горшок* соотносится с апеллятивом *горшок*, который, по данным словаря «Славянские древности», является одним из наиболее ритуализированных предметов домашней утвари, осмысливается какместилище души и духов. Горшок устойчиво отождествляется с головой человека, он используется в свадебном и похоронном обрядах, например, в Олонецкой губернии горшок с углями — неременный атрибут похоронной процессии и т. д. [см. СД, 1, 526—531]¹².

---

¹²Отмечается, что в Вытегорском уезде Олонецкой губернии горшок с угольями был неременным атрибутом похоронной процессии; после похорон горшок ставили на могиле вверх дном, и угли рассыпались. Благодаря этому обстоятельству, кладбище имеет необычный и

Символами обрастают и различные артефакты, связанные с горшком, например, черепки — утраченная девственность [Толстая: 2010, 134]. Если принять во внимание признак кода, позволяющего поставить в один ряд именованья, то рядом с *Горшком*, *Черепком* будет находиться уже рассмотренный антропоним *Бобоша*, ср. уже представленное в иллюстрации *бóбка* ‘осколок от разбитой посуды, черепок’ медв., кондоп., кириш. [СРГК, 1, 80]. Следовательно, появляется возможность видеть за антропонимом культуруносный мотив именованья. Однако апотропеический и пожелательный мотивы именованья, скорее всего, следует считать свойством личного имени, а не прозвища.

Таким образом, семантико-мотивационная реконструкция исторической антропонимии свидетельствует о том, что систематизация мотивов именованья в соответствии с видами антропонимической лексики сопряжена с когнитивно-антропоцентрическим, этнолингвистическим, аксиологическим подходами в исследовании ономастической системы региона, в которой каждый вид антропонимических единиц в совокупности и отдельно может использоваться для изучения языковой картины мира прошлого, определения системы ценностей человека и общества в целом.

1.4. К вопросу о семантике антропонимов

(на материале памятников письменности Карелии XV—XVII вв.)

Вопрос о лексическом значении имени собственного до настоящего времени продолжает оставаться наиболее дискуссионным в исследованиях, посвященных системно-структурному изучению языка. Начиная с античности, очень активно в XIX в., продуктивно в XX и XXI столетиях с разной степенью глубины практически в каждой работе, касающейся лексической семантики, затрагивается вопрос о наличии или отсутствии значения у имени собственного,

---

оригинальный вид: крестов почти нет, но зато на каждой могиле лежит лопата и стоит кверху дном обыкновенный печной горшок [со ссылкой на Куликовского: Толстая, 2010, с. 216].

что подтверждает теоретическую значимость данной проблемы. Как справедливо отмечает М. Э. Рут, «мнений остается столько же, сколько спорщиков» [Рут: 2001, 59], хотя в полемике о лексическом значении имен собственных уже стало хрестоматийным сведение наиболее известных точек зрения к трем основным.

1. Имя собственное не имеет значения, это этикетка, ярлык, который, по словам Дж. Ст. Милля, приклеивается однородным предметам [Милль, 1914, 30]. Точка зрения о том, что имена собственные — это в семантическом плане ничего не значащие знаки, представлена также в работах Н. Д. Арутюновой [1977], О. С. Ахмановой [1957], Л. А. Булаховского [1954], Е. М. Галкиной-Федорук [1956], Е. А. Левковской [1962], В. М. Мокиенко [1980], А. А. Реформатского [1964], А. А. Уфимцевой [1986] и др. Однако в современном языкознании данная точка зрения имеет некоторые отличия от первоначального категоричного отрицания семантики у онимов. Например, Н. Д. Арутюнова, несмотря на утверждение о «прозрачности» имени собственного, все же признает, что онимы незначимы, пока они не начинают соотноситься с единичным объектом, который они замещают [Арутюнова: 1977, 190—191].

2. Имя собственное имеет значение только в речи [Есперсен: 1958]. Эту позицию разделяют В. И. Болотов [1971], С. И. Зинин [1969, 1972], А. В. Суперанская [1967, 1971, 1973, 1978] и др. Особое внимание в данном случае уделено так называемому «энциклопедическому значению», под которым понимается сумма конкретной информации о денотате имени» [Суперанская: 1986, 104]. Данная точка зрения подвергнута детальному рассмотрению на примере антропонимов М. Э. Рут [2001]. Актуальной и значимой для теории семантики антропонима являются идеи С. Н. Смольникова¹³. Рассматривая данный вопрос в русле функциональной антропонимии, С. Н. Смольников связал его с делением антропонимов на актуальные и потенциальные. «Различные точки зрения на семантику имени собственного, обычно базирующиеся на анализе

---

¹³ На сегодняшний день в его работах дана обстоятельная оценка существующих на сегодняшний день многочисленных теорий о наличии/отсутствии лексического значения у имени собственного.

антропонимов, показывают, что в одних из них точкой отсчета выступает потенциальное имя, а другие оперируют представлением об актуальных именах» [Смольников: 2005, 32]. Поясним, пока антропоним не называет конкретных людей, то есть не выполняет номинативной и идентифицирующе-дифференциальной функции, он является потенциальным именем. Как только имя воплощается в речи, оно актуализируется, при этом «связь с именуемым лицом остается актуальной для носителей языка (или отдельной группы) независимо от употребления имени в контексте» [Смольников: 2005, 29]. Оппозиция актуальный ~ потенциальный антропоним позволила разрушить соотношение о наличии значения отдельно в языке и речи. «И потенциальные, и актуальные антропонимы могут быть единицами языка, и те и другие могут употребляться в речи» [Там же, 35—36]. Данное деление важно при рассмотрении проблемы значения имени собственного, поскольку семантика потенциальных и актуальных антропонимов различна. Для целей данного исследования учет позиции С. Н. Смольникова также важен, несмотря на то, что в работе внимание обращено именно к «антропонимии ресурсов» (термин С. Н. Смольникова). Отметим, что рассматриваемые нами антропонимические единицы — это как раз «представители» актуальной антропонимии, воплощенные в делопроизводственной письменности и извлеченные из нее¹⁴.

Как и некоторые предшественники (И. В. Арнольд, Л. Г. Шеремет [1985]; О. Н. Фонякова [1990], М. В. Голомидова [1998]), С. Н. Смольников рассматривает структуру лексического значения антропонима, выделяя в ней ряд компонентов: классифицирующий (или денотат имени), индивидуализирующий (референт имени), модально-экзистенциальный (позволяющий решать вопрос о семантике имени в аспекте модальных отношений), коннотативный (или характеризующий). Выделение модально-экзистенциального макрокомпонента позволило исследователю развить идею об особой модальности имен

---

¹⁴ Не касаясь подробностей данной оригинальной позиции С. Н. Смольникова, отметим, что для нас взаимосвязь функциональной антропонимии и антропонимии ресурсов очевидна, и для исторической антропонимии данный вопрос не стоит столь категорично.

собственных, обратиться к разработке вопроса об особой модальности онимов, которая показывает, что назван именно денотат и как имя денотата функционирует в речи.

3. Начиная с работ Л. В. Щербы [2004 (= 1958)], Е. Куриловича [1962], разрабатывается и набирает обороты следующая позиция¹⁵: имя собственное имеет значение и в языке, и в речи, но иного рода, нежели у имени нарицательного. Исследователи данного направления даже определяют структуру значения и типы сем у личных имен (см., например: Арнольд, Шеремет [1985, 8—16], М. В. Голомидова [1998; 13—14]; Д. Е. Ермолович [2001, 12]).

Расхождение мнений, по словам В. Д. Бондалетова, обусловлено сложностью и «многоликостью» имен собственных [Бондалетов: 1983, 22] или, как справедливо замечает М. Э. Рут, стремлением решить данный вопрос для всех онама сразу [Рут: 2001, 59]. Размышления М. Э. Рут о семантике отдельной группы проприальной единицы — антропонимов, бытующих в современном социуме, а также идеи С. Н. Смольникова стали толчком и послужили базой для рассмотрения особенностей лексического значения на примере именованных, зафиксированных в памятниках письменности Карелии донационального периода.

Сохраняется та же схема рассмотрения особенностей лексического значения имен собственных: *сигнификат* — *денотат* — *коннотат*, а также принимается положение о том, что социум — основной источник сведений об особенностях функционирования имени, именно через социум проявляются такие компоненты лексического значения, как денотат и коннотат.

Сначала о сигнификате. Исследователи, говоря о понятийной стороне имен собственных, подводят единичный объект под некоторый класс объектов так, что «по форме отражения, и те и другие понятия представляют собой обобщения»

---

¹⁵ Отметим, что в зародыше такая идея высказывалась в XIX в. Ф. И. Буслаевым [1959 (= 1858)] и А. А. Потебней [1958 (= 1888)]. Точка зрения Л. В. Щербы была поддержана И. А. Воробьевой [1971], Е. Ф. Данилиной [1972], Ю. А. Карпенко [1970], Т. И. Кондратьевой [1964], С. Д. Кацнельсоном [1965], В. А. Никоновым [1970, 1974], Л. П. Ступиным [1969], Л. М. Щетининым [1969] и др.

[Голев: 1974, 90-91]. Ср. также тезис И. А. Арнольд и Л. Г. Шеремет о том, что «тем не менее это чрезвычайно общее понятие всегда присутствует в семантике указанных антропонимов и является фактом языка, а не речи... Причем бинарность языкового (общего) и речевого (частного) в антропонимах предельно противопоставлена: имя вбирает в себя самое общее и самое индивидуальное» [Арнольд: 1985, 14—15]. Данная идея, обозначенная также в работах других исследователей, в какой-то степени является универсальной для любого разряда онимов любой эпохи, т. е. и для антропонимов, представленных в источниках любой временной отнесенности, поскольку у них тоже «отсутствует ярко выраженный сигнификат» [Рут: 2001, 60].

Что касается денотата и коннотата, то считаем: говорить о данных компонентах в структуре лексического значения антропонима, отмеченного в письменных источниках, следует с учетом разграничения антропонимических единиц на календарное личное имя, некалендарное личное имя, прозвище¹⁶ и т. д., и даже всей структуры именованного в целом, поскольку при выделении денотативного и коннотативного компонентов у данных разрядов антропонимов есть общие и специфические семы.

Прежде чем перейти к анализу особенностей денотативного и коннотативного компонентов, отметим, что мы имеем дело с единицами именованного, актуализированными в тексте памятника, который, в свою очередь, является опосредованным «представителем» речи. Эта опосредованность является условной, поскольку письменный текст делового документа не дает полной информации о функционировании имени в социуме, но при этом из текста памятника извлекается все, что имеет отношение к именуемому лицу.

Рассмотрим денотативные и коннотативные компоненты календарного личного имени. В иллюстрации: *«Дер. Цилополе: в ней Тимошка, сеет ржи 2 коробьи, сена косит 10 копен; обжа; доходу 2 белки, ключнику община»*, Шуньгский погост, 1496 [ПКОП, 2], — выделено модифицированное личное имя из русифицированного ономастикона. Анализ записи позволил определить

---

¹⁶ Критерии разграничения см. в главе 2, п.п. 2.4. и 2.5.

следующую информацию, связанную с денотатом имени *Тимошка*. Это социальный статус именуемого, принадлежность к определенному месту жительства (в виде расширяющейся географии), указание на собственность, с которой берется налог. Таким образом, вычлениются семы 'крестьянин', 'житель деревни Цилополе Шуньгского погоста в Обонежье', 'имеющий определенный доход'. Следовательно, чем больше информации об именуемом находим в тексте, тем большее количество денотативных признаков можно вычленивать. Так, помимо уже выявленных сем, через текст могут быть определены различные семейные взаимоотношения: *дер. Головино: в ней Тараско Головин да брат его Кошута*, 1496 [ПКОП, 2]: к сфере денотата имени Тараско следует добавить 'сын человека по прозвищу Голова', 'брат Кошуты'; а сфера деятельности, например, 'овчинник' выводится из записи: *дер. Ваглоба на Шунье озерке: в ней Гридка овчинник* [ПКОП, 6] и проч. Итак, набор определенных денотативных признаков зависит от представления лица в памятнике писцом или от того, насколько часто человек фиксировался в документах. Так, крестьянин *Гриша Сухонос*, житель Выгозерского погоста, 1563 [ПКОП, 160] отмечен не только в писцовой книге, но и в отводной 1556 г. как *Гриша Офонасов сын Сухонос* [АСМ, 130], без записи 1556 г. невозможно было бы вычленивать сему 'сын Офонасия' и т. д.

При этом, помимо текстовых сем, важно помнить, что денотат антропонима (как и любого онима) соотносится с мотивом именованного (это та семантико-мотивационная реконструкция, рассмотренная выше). Поскольку имя собственное является вторичным по отношению к имени нарицательному, то, безусловно, при анализе антропонимической единицы возникают вопросы: 1) в какой мере лексическое значение имени собственного связано со значением нарицательного? 2) чем обусловлена эта связь? 3) можно ли в структуре значения онима выделить те же компоненты, что и у соответствующего ему имени нарицательного? 4) Какова роль этих компонентов?

Вернемся к имени *Тимошка*, которое, как и прочие церковные имена, этимологически соотносилось с иноязычным нарицательным, оставшимся

за чертой словарного состава русского языка донационального периода: заимствовалось и адаптировалось в системе языка имя, а не апеллятив. Таким образом, несмотря на публикации этимологий церковных имен (например, в сочинениях М. Грека, Л. Зизания, П. Берынды), связь со значением соответствующего апеллятива была нарушена. Искать и предполагать компонент у имени *Тимофей*, мотивированный внутренней формой греческих слов *time* ‘честь, почет’ и *theos* ‘бог’ [Петровский, 266], вряд ли стоит. Наиболее вероятный мотив именованья отражал христианскую сакральность, оставляя этимологию внутренней формы в стороне¹⁷. Таким образом, о календарных именах следует говорить как о потерявших связь с мотивирующим апеллятивом еще до момента наречения. Их денотат имеет только текстовую нагрузку.

Что касается коннотативного компонента, который можно выделить в структуре лексического значения календарного имени типа *Тимошка*, то однозначно можно сказать только одно: он есть, но его конкретное наполнение остается под вопросом, так как нельзя, как, например, в современном социуме, провести наблюдение за особенностями функционирования календарного личного имени. Для его точного обозначения отсутствуют основные условия: 1) возможность сравнения с исходной формой и 2) учет особенностей функционирования в социуме. Так, исходной формой (точкой отсчета, нормой) в современной антропонимической системе является официальное имя (*Тимофей*), все остальные формы по отношению к нему будут маркированы различными коннотациями: уменьшительное, ласкательное, грубое, просторечное и проч.

---

¹⁷Лишь небольшая часть календарных именованья, возможно, сохранила в структуре значения семы совпадающего с ним по форме иноязычного апеллятива. Так, Л. В. Бабаева приводит примеры пословиц, включающих календарные имена: «*Варвара мне — тетка, а правда — сестра*», «*Не будет Маланья — будет другая*», «*Маланьина изба не беседа*», «*Худая слава, без кафтана Савва*» и др., имевших в период создания пословицы, по мнению исследователя, связь с генетически родственными апеллятивами (ср.: *Варвара* — из др.-греч. *Barbare* ‘иноземец’, в народном осмыслении ‘чужой’; *Маланья* — из др.-греч. *Melané* из *melaina* ‘черная’, ‘темная’, ‘мрачная’, ‘жестокая’; *Савва* — из арамейского ‘старец’, ‘дед’; [Бабаева: 1974, 405; Петровский, 76; 194; 245].

Такие параметры для календарного антропонима, отмеченного в памятниках письменности, остаются предположительными. Мы не знаем, сталкиваясь иногда с единственной фиксацией в тексте документа, всего спектра возможных номинаций конкретного лица. Мы не знаем, имело ли именование в социуме определенную оценку и какую эмоцию оно вызывало. Так, в памятниках письменности Карелии XV—XVII вв. помимо самого частого модификата *Тимошка* (319 раз) фиксируются и другие: *Тимоха* (56), *Тимофейко(а)* (11), *Тимонка*, *Тимоня*, *Тимош(а)* (по 1) при официальном *Тимофей* (10)¹⁸. Налицо многообразие форм, но использовались ли они при номинации конкретного Тимофея, жившего в Обонежье, неизвестно. Возможно, осознавалась разница между модификатом и официальным (каноническим) именем, поскольку от официального *Тимофей* чаще образовывались патронимы (*Тимофеев* — 29) и ойконимы (*Тимофеевская/-ое/-ой* — 29). Приведенная статистика подтверждает вывод исследователей, что модифицированные формы с суффиксами субъективной оценки передавали такие оттенки значения, как смирение, униженность и пренебрежение, реже имели уменьшительное или уменьшительно-ласкательное значение [Волков: 1974, 139]. Однако это утверждение верно только для текста памятника, в котором отражено взаимоотношение сословий. А какой оттенок значения был преобладающим при общении лиц, равных по статусу или в семье при общении старший ~ младший, установить уже невозможно.

С коннотациями связана и субъективная оценка имени с точки зрения пристрастия, «ономастического вкуса»: «модные» имена, несмотря на диктат церкви, были во всех регионах Руси, иначе как объяснить существование тезоименности (см. количественные показатели по имени *Тимошка*, а также материалы приложений по календарным именам). Как следствие, предположение о возможной оценке имени как красивого и о дополнительной семе, которую необходимо включить в круг денотативных сем, — ‘в честь кого-то’.

Перейдем к особенностям проявления компонентов лексического значения имен собственных на примере некалендарных личных имен и прозвищ.

---

¹⁸ См. Приложение 11 к главе 4.

Сигнификат, а также комплекс уже выделенных и описанных сем, входящих в денотативный компонент (отражение статуса именуемого, место жительства, наличие собственности и т.п.), у данных антропонимических единиц совпадают с теми, которые выделены у календарных именовании. Отличия касаются денотативного и коннотативного компонентов, обусловленных особым проявлением мотивировочного признака, его явной, прозрачной связью с лексическим значением апеллятива. Ср. *Ждан* — ‘тот, рождения которого ждали’, *Толстоног* — ‘тот, у кого *толстые ноги*’ и под. Не случайно некалендарные личные имена и прозвища можно объединить в семантические группы. Названия групп, например «порядок рождения», в данном случае совпадают с характеризующим денотатом как гипероним, а конкретные соотношения с именуемым становятся гипонимическими компонентами, то есть у имени *Первушка* гипероним ‘порядок рождения’, та сема, которая объединяет имена *Второй (Вторушка)*, *Третий (Третьяко)* и т. д., а гипоним — ‘первенец в семье’, дифференцирующий данное имя от других членов ряда. Еще пример. За именем *Бессонко* стоят такие семы: ‘особенности поведения’ и ‘тот, кто плохо спал’. Первая денотативная сема объединяет имя *Бессонко* с такими именами, как *Вязга*, *Гневашко* и проч., где также есть сема ‘поведение’, а последняя — дифференциальная, «собственность» некалендарного имени *Бессонко*.

Количество семантических групп у прозвищ также можно свести к обобщающему списку, отражающему связь с денотатом на уровне гиперонима и гипонима, а именно: 1) к названиям лиц по месту жительства (*Белозер*, *Двинянин*, *Москвитин*, *Толвуянин*) 2) к названиям лиц по этнической принадлежности (*Корелянин*, *Лопин*, *Чудин*); 3) к названиям лиц по профессии, роду деятельности (*Бирич*, *Винокур*, *Кузнец*, *Сапожник*); 4) к названиям лиц по морально-этическим качествам (*Базыка*, *Висленя*, *Деряга*, *Заляка*, *Рогоза*, *Самодур*); 5) к названиям лиц по физическим особенностям (*Белоус*, *Бибик*, *Кривоногой*, *Пуляко*, *Шадра*). Ср. *Самодур* ‘качества характера человека’ и ‘глупый, самоуверенный человек’.

Несомненно, именование появлялось в речи тогда, когда одна из характеристик лица (например, торопливость, нетерпеливость) становилась

наиболее яркой, заметной и относительно постоянной. Ср. прозвище *Северга* и апеллятив *северга*, зафиксированный в псковских говорах в значении ‘торопыга, нетерпеливый’ [Даль: 4: 169]. Акт наречения в данном случае следует рассматривать «как естественный языковой процесс, обладающий способностью отражать свойства обозначаемых явлений» [Голев: 1974, 89]. Таким образом, возникновение подобных прозвищ было предопределено, так как субъект идеально соответствовал содержанию, заключенному в лексическом значении апеллятива, что еще раз подтверждает тезис: такие именованья сохранили яркую характеристику лица, свойственную апеллятивам. Ср. с высказыванием П. Ф. Строссона: «у слов, естественно и регулярно употребляющихся для единичной референции, дескриптивная сила отражает наиболее для нас важные, заметные, относительно постоянные и прагматические характеристики предметов» [Строссон: 1982, 80].

Итак, у некалендарных личных имен и прозвищ денотат тесно связан с лексическим значением апеллятива, по крайней мере, в начале номинативного акта. С забвением мотива наречения исчезают в лексическом значении имени собственного и мотивирующие семы денотата. В этом случае отапеллятивное прозвище уподобляется календарным именованьям, обрастая новыми текстовыми семами, поскольку «любое самое меткое и полно характеризующее лицо прозвище все же оказывается гораздо беднее своего значения, поскольку многообразие личности шире любого заявленного комплекса его параметров» [Рут: 2001, 62].

Перейдем к анализу коннотативных компонентов в структуре значения некалендарных личных имен и прозвищ. У прозвищ, восходящих к экспрессивным названиям лиц, коннотация выстраивается полярно на семантической шкале ‘положительная оценка’ (+) ↔ ‘отрицательная оценка’ (—) с перевесом к знаку минус. У прозвищ (типа *Ведерник*, *Двинянин*, *Мещерин*), не имеющих экспрессива в основе, коннотацию, вероятно, следует признать нулевой. Хотя обращение к семантико-мотивационной реконструкции позволяет восстановить ряд потенциально возможных сем. Например, сема ‘чужой’ для

антропонимов, образованных от названий лиц по местности, этническому признаку; семы ‘мастер’, ‘трудолюбивый человек’ — для названий лиц по профессии, роду деятельности. Однако эти скрытые семы входят в денотат лексического значения.

У некалендарных личных имен коннотации формировались в семейном социуме, подтверждением являются модификаты, развитая система деривационных отношений, что и является одним из критериев разграничения некалендарных личных имен и прозвищ, ср. словообразовательные гнезда именований, зафиксированных в памятниках письменности Карелии:

Пятой → Пятуня → Пятунин ↓ ↓ ↓ ↓ ↓ ↓ ↓ ↪ Пятуша → Пятушка ↓ ↓ ↪ Пятута ↓ ↪ Пятуха → Пятухин ↪ Пятка	Позд- → Поздей → Поздейко ↓ ↓ ↪ Поздеец ↓ ↪ Поз(д)няк(а) → Поздняков ↪ Поздыш → Поздышев
Докука → Докучка ↪ Докучай → Докучайко ↪ Докучаев	

Однако, как и в случае с календарными именами, трудно, если не невозможно, определить особенности функционирования имени и закрепления за одним лицом разных номинаций.

Итак, лексическое значение антропонимов, зафиксированных в письменных источниках, представлено теми же компонентами, что и у любого вида онимов в речи. Однако наполнение этих компонентов семным содержанием (кроме сигнификата) следует рассматривать с учетом деления антропонимических единиц на календарные, некалендарные личные имена и прозвища. О сформировавшемся денотативном и коннотативном компонентах у этих антропонимов можно судить по информации, сопровождающей именуемое лицо в тексте документа, а у некалендарных личных имен и прозвищ данные компоненты обусловлены еще и лексическим значением мотивирующего апеллятива.

Выводы

Точкой пересечения исследования языковых единиц в новых парадигмах является человек и его язык, языковая деятельность. Антропонимы органично вписываются в направления таких исследований, поскольку их основная задача — репрезентировать человека как носителя имени и как номинатора, поэтому они антропоцентричны. В именах кодируется информация о значимых сторонах духовной жизни, культуры самого человека и социума, в котором он живет и выстраивает систему ценностей.

Об этих базовых (антропоцентрических, когнитивных, этнолингвистических, аксиологических) характеристиках можно говорить, поскольку антропонимы включены не только в широкий культурный контекст, но и через комплекс денотатов связаны с лексико-семантической системой, элементы которой являются семантической базой антропонима.

Семантико-мотивационная реконструкция позволяет восстановить парадигму возможных мотивов именованного, состоящую из прозрачных и скрытых мотивов, которые могли быть тесно связаны между собой. Чем ближе антропонимическая единица к апеллятивной лексике, тем большее количество возможных мотивов у нее можно выделить.

Применение метода семантико-мотивационной реконструкции к изучению антропонимической системы позволяет восстановить когнитивно-антропоцентрические, культурно-, национально-ценностные атрибуты картины мира носителей языка определенного региона в конкретное историческое время.

Глава 2

НЕКАЛЕНДАРНЫЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ КАРЕЛИИ XV—XVII вв. В НОВЫХ ПАРАДИГМАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

2.1. Некалендарный именной донационального периода как объект исследования

Некалендарные имена — представители дохристианского ономастикона, которые и после Крещения Руси еще семь столетий продолжали функционировать в обществе. Подтверждением служат тексты памятников письменности разной жанровой принадлежности, в которых бытование некалендарных имен создает в именной старорусского языка культурный фон. Это та часть именований, отличающая русскую антропонимическую систему от других европейских именных (иногда включая славянские). Научный интерес к ним имеет давнюю традицию, связанную с именами А. М. Селищева [1968] и В. К. Чичагова [1959]. Однако следует также назвать ряд исследований середины XIX — начала XX в., представляющих некалендарную антропонимию донационального периода как один из вспомогательных источников изучения жизни древнерусского общества. Этот доономастический аспект отражен в статьях исторического, этнографического, генеалогического характера у А. Балова, Г. Г. Глинкена, Е. П. Карновича, Н. П. Лихачева, F. Miklosich, М. Я. Морошкина, А. И. Соболевского, А. Соколова, W. Taszycki, Н. М. Тупикова, Н. Н. Харузина, Н. Д. Чечулина, краткое описание вклада которых в изучение древней исконно русской системы именований дано в монографии М. Войтовича (Marian Wojtowicz) [1986, 3—5]. Отметим ценность работы, проделанной первыми исследователями некалендарных собственных имен, согласимся с характеристикой этого этапа изучения исторической антропонимии как вспомогательного и культурно-исторического периода [Войтович: 1986, 3]. Он заключается в накоплении материала, или так называемой антропонимии

ресурсов, куда входит составление списков имен к разным документам, определение количественных показателей по отдельным именам и группам имен, социальной характеристике носителей некалендарных имен [см. Морошкин: 1867; Соколов: 1891; Тупиков: 1903; Харузин: 1893; Чечулин: 1890; 1891]. Лексикографические издания того времени, связанные с именами М. Я. Морошкина и Н. М. Тупикова, до настоящего времени являются самыми значительными по представленной в них фактологической базе именниками. Поражает объем материала, включенного в эти труды, и охваченная для описания территория, особенно в именованном М. Морошкина, где помимо русских источников использованы болгарские, сербские, польские, чешские, лужицкие письменные документы донационального периода. Не менее значим вклад Н. М. Тупикова в сборе и обработке древнерусских именованных. А. И. Соболевский в предисловии к «Словарю древнерусских личных собственных имен» отмечает, что Н. М. Тупиков, получивший за рукопись Ломоносовскую премию Императорской Академии Наук, не успел довести труд до желанного конца, но *«задачу освещения и значения русских нехристианских личных собственных имен (курсив мой. — И. К.) он разрешил»* [Соболевский: 1903, 24—25].

Однако на несколько десятилетий — до второй половины XX в., до первых научных разработок А. М. Селищева и В. К. Чичагова — ономастические изыскания по некалендарным личным именам прерываются.

Далее происходит оживление исследований подобного рода и описание некалендарных имен, отмеченных в русских документах донационального периода. На сегодняшний день можно назвать значительное количество работ о функционировании данной антропонимической единицы прежде всего в региональных ономастических системах XVI—XVIII вв. Так, с разной степенью глубины анализируются различные аспекты бытования некалендарных личных имен и прозвищ в севернорусских памятниках письменности Новгорода, Пскова, Карелии, Архангельска, а также соотносящихся с ним Верхнего Подвинья и Двинского уезда, Поонежья, Пинеги, Холмогор; Вологды, Устюжны, Белозерья;

центра Руси с XV в. — Москвы и территорий, приближенных к ней: Смоленска, Орла, Мурома, Тулы; Поволжья в целом и регионов, связанных с Волгой — Твери, Нижнего Новгорода, Самары, юга России, а также разных регионов Урала — Предуралья, Зауралья и более точных географических точек: Перми, Вятки, Прикамья; и Сибири (Томска и Тобольска и даже Якутии. См. в списке литературы статьи, диссертационные сочинения, монографии Т. С. Астаховой [2012], О. Е. Афанасьевой [2010], Е. Н. Баклановой [1970], Т. В. Бахваловой [1985], Е. Ф. Васюты [1971], Т. В. Винниченко [2005], М. Войтовича [1986], М. С. Выхрыстюк [2008], И. М. Ганжиной [1992, 2001], Ю. Ю. Гордовой [2009], Л. М. Городиловой [2015], Н. В. Данилиной [1986], Н. С. Дьяковой [2007], Т. А. Заказчиковой [1977 (2)], Л. В. Карловой [1991], А. Ю. Коваленко [2003], Н. В. Комлевой [2004], И. А. Королевой [2000], И. А. Кюршуновой [2010, 2012 (1, 2), 2015], Т. В. Майоровой [1999], Л. М. Макеева [1989], В. О. Максимова [2008], Н. В. Медведевой [1999], А. Н. Мирославской [1955, 1979, 1980], А. Г. Мосина [2001, 2008], А. И. Назарова [2003], О. В. Наумовой [2004], Л. В. Окуновой [2010], В. В. Палагиной [1968, 1976], Н. Н. Парфеновой [1999, 2007, 2013 (2)], Е. Н. Поляковой [1979, 1995, 2005, 2007, 2009, 2010], Р. Л. Сельвиной [1976 (1, 2)], Д. В. Семькина [2000], Т. П. Сидоренко [2005], Г. Я. Симиной [1970], Н. П. Скрябиной [1980], А. Н. Соловьева [2005], С. Н. Смольникова [1996, 2001, 2004, 2005 (1, 2)], В. И. Тагуновой [1967], В. Е. Татаркина [2005 (1, 2), 2007], Е. Ф. Теплова [1970], Ю. И. Чайкиной [1987, 2001 (1, 2), 2005 (1, 2), 2012], Е. А. Шерстенниковой [1996] и др. Как уже было сказано, именно региональный подход к исследованию антропонимии Руси помогает решить основную задачу исторической антропонимии: «представить развитие общерусской системы именований» [Бахвалова: 1972, 4], и в данном случае важно собрать некалендарный материал разных территорий и дать описание особенностей его функционирования на русском христианском пространстве.

Сходные проблемы подняты украинскими, белорусскими ономастами, что доказывает универсальность явлений, происходивших в славянском ономастиконе донациональной эпохи, см. работы М. В. Бірыла [1966; 1969],

С. В. Глущик [2003], М. О. Демчук [1988], В. В. Денисюк [2003], О. Добровольска [1999], И. В. Єфименко [1997, 2001, 2007], С. М. Пахомова [2013], М. Л. Худаш [1977; 1980], П. П. Чучка [1969; 1970; 1983] и др. Особый интерес представляют работы Ю. К. Юркенаса, исследовавшего процессы взаимовлияния древней славянской и балтийской антропонимии [2003].

Подавляющее большинство региональных антропонимических исследований, в том числе и первые работы А. М. Селищева и В. К. Чичагова строятся на делопроизводственных источниках XIV—XVII вв. В общепринятой периодизации истории русского ономастикона В. Д. Бондалетова данный период входит в более широкие временные рамки XI—XVII вв. и характеризуется «борьбой» исконно славянского именника с византийско-греческим. При этом отмечается, что с XIV по XVII в. наблюдается господство канонических имен над дохристианскими [Бондалетов: 1983, 96]. Более ранние периоды — XI—XIII вв. — практически не затронуты в работах ономастов, очевидно, это связано с тем, что массовая перепись населения, позволяющая наблюдать некалендарный (да и любой другой) именник, датируется не ранее XIII в. (период монголо-татарского ига, первая перепись 1245 г.) [Фазезова:2012]. Ранние документы имеют низкую сохранность. В житийной литературе и летописях некалендарный ономастикон представлен не системно.

Все это свидетельствует о необходимости наиболее полного сбора некалендарного материала с последующим многоаспектным анализом.

2.2. Некалендарные имена как источник лексикографии

О фонде актуальных некалендарных имен дают представление не только вышедшие в XIX — начале XX в. словари М. Я. Морошкина и Н. М. Тупикова, но и другие лексикографические издания. Так, эстафета по их представлению в словарях была подхвачена известным историком XX столетия С. Б. Веселовским, крупнейшим, по словам Г. Е. Кочина, знатоком родословной знати и служилых людей Московского государства [Кочин: 1965, 22]. С. Б. Веселовский подготовил

«Ономастикон», в котором отмечены древнерусские личные имена, прозвища и фамилии, зафиксированные в памятниках письменности различных эпох Руси и Русского государства [Веселовский: 1974]. «Ономастикон» сохраняет свою актуальность, исследователи по истории имен и генеалогии родов обращаются к нему (и некоторым другим работам С. Б. Веселовского [1969, 1975]), как особо емкому справочному пособию по составу имен собственных, извлеченных из письменных источников. В. М. Бугановым отмечается, что «по сравнению с книгой Тупикова он [ономастикон. — И. К.] содержит много нового материала о личных именах, прозвищах и фамилиях в Древней Руси» [Буганов: 1974, 4]. Особо ценна информация о социальном статусе именуемых лиц, включенных в «Ономастикон», — это князья, бояре, дворяне, крестьяне, посадские люди, ремесленники, воины, торговцы. Эти сведения могут позволить нынешним исследователям установить связь имени человека и его социального положения в обществе¹⁹. Некоторые недостатки «Ономастикона», на которые указывают специалисты, а именно: отсутствие научно-справочного аппарата и неполный учет источников; большая часть списка (примерно две трети) отведена личному составу корпуса служилых людей и весьма относительна полнота состава русского дворянства; отсутствие первой даты упоминания имени в памятниках письменности; побочное место для прозвищ и т. д. [Бочков: 1975, 158—161], — вероятно, объясняются тем, что «Ономастикон» создавался ученым как пособие для собственной работы, а не для печати [Споров, 2006].

Работы, подобные описанным выше, появляются много позже, уже в наше время. Удачный эксперимент по созданию свода антропонимов, зафиксированных в памятниках письменности XV—XVIII вв. от Прикамья до Западной Сибири, принадлежит А. Г. Мосину, издавшему «Уральский исторический ономастикон» [2001], который уже получил заслуженное одобрение и признание ведущих историков языка и ономастов (см. например, рецензию Е. Н. Поляковой [2004]).

---

¹⁹ Такая работа успешно ведется ономатологами вологодской школы под руководством Ю. И. Чайкиной. См., например, удачное исследование вологодского ономастикона с точки зрения сословной принадлежности именуемого у Н. В. Комлевой [2004].

Отметим также лексикографический опыт по составлению ономастикона В. Е. Татаркина «Антропонимы Орловского края XVI—XVII вв.» [2005], однако в последнем случае в состав словника включены не только дохристианские именованья. Подобный опыт описания имен, отмеченных в письменных документах одного временного среза — XVII столетия, представлен в лексикографической серии украинского ономатолога Р. О. Остаха (см. часть публикаций Р. О. Остаха в списке литературы к диссертации).

Следует признать, что работ подобного рода явно недостаточно. Антропонимическая лексикография, связанная с необходимостью наиболее полного описания именованья человека ушедших эпох, — одно из белых пятен современной лексикографии. В данном случае именно ономастикон является некалендарным ресурсом, в который включен свод различных реальных (или, по терминологии С. Н. Смольникова, актуальных, воплощенных [Смольников: 2005]) антропонимов, свидетельством чему служит их фиксация в памятниках деловой письменности применительно к реально жившим несколько столетий назад лицам.

Думается, что в настоящее время ономастиконы (а не словари, дающие интерпретацию внутренней формы именованья), продолжающие традиции, заложенные в работах М. Я. Морошкина, Н. М. Тупикова, становятся особенно актуальными для исторической ономастики, лексикологии и лексикографии. Они имеют интердисциплинарный характер и могут являться основой для изучения не только языка, но и истории, культуры, верований.

Еще одной формой представления ономастиконов может быть электронная база данных по антропонимии. Пожалуй, именно база данных — оптимальный вариант наиболее полного отражения антропонимических систем как отдельного региона, так и их совокупности. Известно, что делопроизводственные документы XV—XVII вв. насыщены антропонимическим материалом, который необходимо упорядочить и в котором следует корректно представить различные паспортные параметры имени. В результате создается ономастикон, объём которого обусловлен различными критериями: количество привлеченных памятников,

их жанровые особенности, особенности словника, состав дополнительных параметров (география, время фиксации и под.). Безусловно, он удобен, если ставится цель собрать антропонимические единицы (или все онимы), отмеченные в определенном письменном источнике. Если же источников много и они отличаются жанровым разнообразием, географией и временем фиксации именованных лиц, если из архивных хранилищ извлекаются новые документы, то ономастикон увеличивается до невероятных размеров. В итоге исследователь сталкивается с проблемами корректного и полного представления фактов, выявления статистических показателей с последующей их интерпретацией, не говоря о возможности публикации необходимого фактологического материала на бумажном носителе. В этом случае такая работа может быть проведена с привлечением компьютерных технологий: она помогает систематизировать данные и эффективно управлять ими, сортировать, делать подсчеты, выборки с помощью встроенной многоуровневой системы поиска и отбора (особенности составления исторической базы данных см. в статье И. А. Кюршуновой и О. В. Чернякова [2016]).

Безусловно, интересны и лексикографические источники по исторической региональной антропонимии этимологического плана, в которых чаще всего дается интерпретация именованных с апеллятивной базой. Ср. первый опыты с включением исторических материалов преимущественно некалендарного плана у Ю. И. Чайкиной [1995], Н. Н. Парфеновой [2005], Е. Н. Поляковой [2005, 2007], И. И. Королевой [2006], А. В. Кузнецова [2007, 2011], И. А. Кюршуновой [2010]. Заявлен проект такого словаря кафедрой русского языка Томского государственного университета [Захарова: 2013]. Образцом создания послужили словари фамилий Ю. А. Федосюка [1972], Н. А. Баскакова [1979], В. А. Никонова [1993], а также подобные описания, выполненные украинскими и белорусскими ономастами Ю. К. Редько [1968], М. В. Бірыла [1966].

2.3. Аспекты исследования некалендарного именника донационального периода

Однако лексикографическое описание некалендарного ономастикона донационального периода — это прикладной аспект. Выделяется также ряд теоретических проблем, связанных с изучением данных антропонимических единиц. Обозначим те из них, которые решаются на примере исследования некалендарных личных имен, отмеченных в памятниках письменности Карелии XV—XVII вв.:

- 1) проблема разграничения некалендарного личного имени и прозвища;
- 2) семантико-мотивационный аспект исследования некалендарных личных именований, связанный с ним вопрос о лексико-семантической классификации некалендарных единиц;
- 3) реконструкция мотивационной парадигмы некалендарных имен и привлечение некалендарных личных имен к исследованию в новых направлениях лингвистического знания: определение их когнитивно-антропоцентрического потенциала, выявление ценностных ориентиров социума XV—XVII вв. в языковой картине мира определенного региона;
- 4) представление исконно русских имен в документах, написанных на шведском языке;
- 5) ареальный аспект распространения некалендарного именника в пределах региона. Рассмотрим их.

2.4. Вопрос о разграничении некалендарных личных имен и прозвищ.

Классификации антропонимических единиц

Интерес к данной проблеме возник достаточно давно, еще в первых работах по исторической антропонимической лексикографии. В работе 1891 г. А. Соколов, исследовавший имена и прозвища в Казанских и Нижегородских документах XVII в., противопоставляет христианским именам *мирские имена и прозвища* [Соколов: 1891, 1—2]. С того времени, как отмечает М. Войтович, в исследовании

данного вопроса сложились как минимум три направления, связанные с особенностями деления некалендарных антропонимов на личные имена и прозвища [Войтович: 1986, 63—68].

Нас более всего интересует дискуссия по данному вопросу, которая возникла после выхода работ А. М. Селищева и особенно В. К. Чичагова. Если у А. М. Селищева представлены сопровождаемые кратким анализом группы мирских (бытовых) имен, называемых исследователем также именами *personalia*, за которыми подразумеваются дохристианские имена [Селищев: 1968, 115], то в монографии В. К. Чичагова ставятся актуальные для истории, культуры, ономастики вопросы: а) сразу ли после принятия христианства исконно русские имена перешли в разряд прозвищ? б) какие имена переходили в прозвища? в) когда происходили изменения русских имен в прозвища? [Чичагов:1959, 12—28].

В. К. Чичагов, рассматривая исконно русские антропонимы XIV—XVII вв. в соотношении с календарными, приходит к выводам, сформулированным в следующих тезисах: 1) «в XVI и XVII вв. функцию личных имен в обществе выполняли имена христианские, русские же имена употреблялись в значении прозвищ и назывались словом “прозвище”» [Там же, 19]; 2) «наличие в памятниках письменности XV—XVII вв. именованных, состоявших из двух русских имен, не свидетельствует о том, что в указанное время русские имена могли быть русскими именами» [Там же, 25]; 3) «*все русские имена* (за исключением, разумеется, тех, которые попали в святцы) *имели в XV—XVII вв. значение прозвищ, а все греческие имена, за исключением тех случаев, когда они шли после греческих же имен, имели значение личных имен* (курсив дан В. К. Чичаговым» [Там же, 26]; 4) «в XV в. русские имена употреблялись как прозвища <...> Личное имя и прозвище <...> представляли собой факты лингвистические, а кроме того, и культурно-исторические. Принятие греческих имен в качестве личных и изменение русских имен в прозвища были обусловлены закономерностями русского исторического процесса, а не волею отдельных лиц» [Там же, 27—28].

Как видим, четкого разграничения понятий «личное имя» и «прозвище» не получилось, ошибочно понимаются функции данных видов антропонимической лексики, что, несмотря на всю актуальность проделанной работы, не могло удовлетворить исследователей исторической ономастики.

Обстоятельный критический анализ позиции В. К. Чичагова дан А. В. Мирославской, которая, в частности, обратилась к особенностям функционирования некалендарных имен в тексте делопроизводственных документов в соответствии с их семантическим наполнением. Она выделила первичные именованья (= личные имена), которые в структурной модели именованья занимают первую позицию и отражают семантику, связанную с новорожденным или ребенком. По ее мнению, первичные имена следует разделить на:

1) именованья по порядку и времени рождения — *Первушка, Второй, Третьяк, Четвертой, Пятой, Шестой, Осьмушка, Девятко; Вешнячко, Мороз, Подосенко, Суморок*²⁰ и др.;

2) названия, в которых отражено отношение родителей к факту появления нового члена семьи — *Бажен, Докука, Ждан, Истома, Неждан, Нелюбка, Несветайко, Нечай, Томило* и др.;

3) названия, характеризующие внешний вид новорожденного — *Беляйко, Вялица, Малютко, Рудачко, Ширяйка, Сушко, Худячко* и др.;

4) названия, определяющие черты характера, поведения, проявляющиеся с детства — *Веселко, Рычко, Смирка, Суворко, Суетка, Угримко, Шумилко* и др. [Мирославская: 1980, 203]²¹.

Этим первичным именам, по версии А. Н. Мирославской, противопоставлялись вторичные имена, или прозвища, за которыми видится любая характеристика взрослого человека. Прозвища занимают последнюю позицию в структуре именованья и семантически отражают:

---

²⁰ Здесь и далее примеры из документов Карелии.

²¹ Для некалендарных личных имен эти семантические объединения являются теми онимическими микрополями, о которых писал Ю. К. Юркенас [2003, 25], данный признак позволяют поставить имя в ряд подобных.

1) профессию, социальное положение именуемого — *Бобыль, Боярин, Бирич, Замочник, Кровопуск, Пушкарь, Сапожник, Скоморох, Швец* и т. д.;

2) место происхождения, этническую принадлежность — *Андомец, Белозер, Двинянин, Корелянин, Лопин, Толвуянин, Шуньжанин* и т. д.;

3) названия животных, птиц, рыб, насекомых, предметов — *Боран, Брага, Волк, Воробей, Ворон, Горшок, Дубина, Заяц, Козел, Кот, Лоскут, Лох, Муха, Соловей, Хворост* и т. д.;

4) имен прилагательные и причастия с различной семантикой — *Гадной, Долгой, Дряблой, Житкой, Заветной, Зубатой, Кривой, Мятой, Старой, Узкой, Худой* и т. д.;

5) внешность, особенности поведения, характера, проявляющиеся у человека, уже вышедшего из младенчества — *Базыка, Балда, Бовыка, Горбач, Заика, Заколупа, Заляка, Колупай, Костыга, Латыня, Луконог, Ляпун, Плешко, Скупой, Шамша, Щербак* и т. д. [Мирославская, 1980, 203—204]. Назовем критерии А. Н. Мирославской *мотивационным* и *функциональным*.

Подобная позиция в оценке именованных (какие из антропонимических единиц считать личным именем, а какие следует отнести к прозвищам) с некоторыми видоизменениями версии отражена в работах Т. В. Бахваловой [1972], М. Войтовича [1986], Н. В. Комлевой [2004], И. А. Кюршуновой [1994, 2012 (1, 2)], А. Г. Мосина [2002], Н. Д. Русинова [1962], Р. Л. Сельвиной [1976 (1, 2)], Г. Я. Симиной [1969], Н. Н. Ушакова [1978], Ю. И. Чайкиной [2004], а также Т. Skulina [1974 (1, 2)] и др. Анализ классификаций антропонимов, зафиксированных в древних славянских языках, выполненных В. Ташицким (по польским документам), И. М. Железняк (по сербохорватским), Я. Свободой (по старочешским), С. Илчевым (по болгарским), М. Л. Худашом (по украинским) представлен у М. А. Демчук [1988. 106—111]. Такой подход к идентификации данных антропонимических единиц показывает, что некалендарные личные имена и прозвища не были генетически, а главное, функционально однородными.

Из представленных классификаций некалендарных личных имен кратко остановимся на работах М. А. Демчук и С. Н. Смольникова. Их объединяет

семантико-ономастиологический (онимический) подход по дифференциации данных единиц. Различие в подходах систематизации таких имен заключается в том, что М. А. Демчук, вслед за Л. М. Худашом, в классификацию включает славянские автохтонные имена и прозвища отапеллятивного происхождения, зафиксированные в украинских документах XIV—XVII вв. По онимическому принципу она выделяет две группы имен: I) имена с прозрачной или легко определяемой онимической семантикой и II) имена с неясной или сомнительной онимической семантикой. Далее, внутри этих групп имена классифицируются по лексико-семантическому принципу, который в некоторой степени повторяет подход А. Н. Мирославской и др. ономастологов к членению некалендарного именника, ср.:

I группа подразделяется на: 1) имена, предназначенные для предохранения ребенка от смерти; 2) имена, указывающие на отношение родителей к новорожденному; 3) имена, указывающие на очередность рождения ребенка; 4) имена, указывающие на время его рождения.

II группа включает следующие подгруппы: 1) имена, данные по определенной черте характера, поведения, темперамента с положительной или отрицательной оценкой; 2) имена, обусловленные внешностью номинируемого с положительной или отрицательной оценкой; 3) имена от названий представителей животного мира; 4) имена от названий представителей растительного мира; 5) имена от названий органов и частей человеческого тела; 6) имена от названий различных предметов быта; 7) имена от названий одежды и обуви; 8) имена от названий видов пищи и продуктов питания [Демчук: 1985, 18—19; 1988, 112—134].

Оригинальный и актуальный подход к классификации именованных, бытовавших в старорусской ономастической системе, осуществлен С. Н. Смольниковым. По особенностям мотивации и оценки именуемого все антропонимы с абсолютной референцией (личные некалендарные и календарные имена, прозвища) С. Н. Смольников делит на три группы: нехарактеризующие, условно характеризующие и характеризующие [Смольников: 2005, 158—169],

учитывая при этом роль номинатора, чье мировоззрение было отражено в индивидуализирующей номинации. В классификации основной упор сделан на поиск не только дифференцирующих начал именований, но и интегрирующих признаков для генетически, мотивационно и функционально различных антропонимических единиц.

Важно отметить, что все имеющиеся классификации объединяет направленная этнолингвистичность, антропоцентризм, когнитивность. В ономастическом плане значимо: некалендарные личные имена близки к календарным личным именам, присваивавшимся новорожденным, но в христианской культурной традиции, и к прозвищам — из-за близости к апеллятивной основе как внутренней форме имени.

2.5. Дополнительные критерии разграничения некалендарных личных имен и прозвищ с когнитивно-антропоцентрической, этнолингвистической точек зрения

Соглашаясь и в целом принимая рассмотренную выше позицию А. Н. Мирославской, дополним круг критериев, которые позволяют более четко провести условную границу между некалендарными личными именами и прозвищами, внесем уточнения в распределение некалендарных личных имен по семантическим группам, определим состав этих групп, специфику мотивов, стоящих за именованим новорожденного. Рассмотрим данный вопрос на примере антропонимов, бытовавших в региональном ономастиконе XV—XVII вв., отмечая при этом их антропоцентрическую, этнолингвистическую информативность.

Помимо основных критериев (мотивационного и функционального), назовем также *формальный*, или деривационный. Некалендарным личным именам в отличие от прозвищ была свойственна развитая деривация. Это своеобразное отражение взаимоотношений, прежде всего, в семье между детьми и родителями, которые и выступали в роли номинатора. Особое отношение к ребёнку передано через многочисленные модификаты, отмеченные в памятниках письменности

Карелии XV—XVII вв., ср.: от *Бел(ой)* — *Беляйко, Белянко, Белашка, Беля;* от *Богдан* — *Богданец, Богдан(ь)ко, Богдашко;* от *Буд-* — *Будай, Будайко, Буданко, Будыга, Будыня;* от *Бур(ой)* — *Бурак, Бурец, Бурка;* от *Ждан* — *Жданко, Жданец;* от *Мал(ой)* — *Малко, Мальга, Малаш(а) / Малашка, Малина, Малыш(а), Малюк, Малюта, Малыга;* от *Меньшой* — *Меншак, Меншик, Меншичко;* от *Негодяй* — *Негодяйко, Негодяец;* от *Падора* — *Падорка, Падрушка;* от *Перв(ой)* — *Первак (Первяк), Первуша / Первушка / Первушица;* от *Позд(н)-* — *Поздей / Поздейко / Поздеец, Поздняк / Позднячко, Поздыша;* от *Пятой* — *Пятко, Пятуня, Пятушка;* от *Ра(о)гоза* — *Ра(о)гозка, Ра(о)гозина, Ра(о)гозинка;* от *Руд(н)(ой)* — *Рудак, Рудачко;* от *Сувор* — *Суворко, Суворец;* от *Сух(ой)* — *Сухан, Сушко, Сухарь;* от *Третий* — *Третьяк, Третьячко, Тренка;* от *Шестой* — *Шестак, Шестачко;* от *Шиш* — *Шишел, Шишолко, Шишуля* и т. д. При этом производное имя, предполагаем, могло быть личным именем, а производящее как личным именем, так и прозвищем.

Наиболее востребованными «детскими» формантами являются *-к-*, а также *-аш(к)-, -уш(к)-, -ыш(к)-, -шк-* (ср.: *Белашка, Гневашко, Грибашко, Гудашко, Домашка, Ловушка, Лопушка, Малышко, Мокрушка, Осьмушка, Падрушка, Первушка, Первушка, Пятушка*), которые являются самыми продуктивными и в современной севернорусской диалектной системе именования. Имя, оформленное разными формантами, обычно закреплялось за одним референтом: *Домашней Якимов*, кр-н, п. Кижский, раздельная, 1639 [Мюллер, 38] и он же — *Домашка(о) Якимов*, договорная, 1639 [Там же, 40-41] и челобитная, 1643 [Там же, 50]; *Поздячко* Медведев, земец, п. Сакульский, 1568 [ПКВП, 126] и он же — *Поздяк* Васильев сын Медведев, п. Ровдужский [Там же, 154]; *Чюдин* Иванов сын, Водлозерская вол., купчая, 1578 [Гейман, 265] и он же — *Чюдинец* Иванов сын [Там же] и т. д.

Представляется возможным, что некоторые модифицированные формы могли восприниматься и функционировать как отдельное, самостоятельное имя, что, безусловно, расширяло древнерусский ономастикон. Так, вероятно, что диминутивы типа *Третьяч-к-о, Первуш-к-а, Первуш-иц-а, Малют-к-а* неслучайно

имеют двойную суффиксацию, поскольку модификаты, от которых они образовались — *Третьяк, Первуша, Малюта*, — усвоены как самостоятельное имя. Думается, что форманты, с помощью которых образовывались модификаты некалендарных личных имён, имели положительную семантику. Обратим внимание, что количественно «формантный набор» у некалендарных личных имен намного меньше, нежели у календарных имен, хотя именно апеллятивная лексика и некалендарные диминутивы были той ассоциативной базой, на которой строилось календарное имя. Формантное однообразие у некалендарных личных имен обусловлено наличием «родной», исконной, говорящей основы в противовес календарному имени, которое на формальном уровне необходимо было приблизить к русской языковой системе.

Возможно, «детские» модифицированные формы от некалендарных личных имён — это своеобразное отражение семейной иерархии, которая впоследствии была перенесена в официальную сферу, появление некоего сословного маркера, когда через суффиксальные форманты передавались отношения между старшим и младшим в коллективе большем, чем семья, высшим и низшим слоями в обществе.

Безусловно, названные критерии не являются универсальными, особенно для ономастикона XV—XVII вв. Более того, бесспорно, что после принятия Христианства некалендарные личные имена и прозвища функционально сближаются, поскольку имеют «родственную» исконно славянскую или исконно русскую апеллятивную основу. Как следствие, помимо именовании, традиционно становящихся прозвищами, ср.: *Обрамко Спиров, прозвище Брага*, п. Семчезерский, 1597 [ДКЛП, 221]; *Микифорко Оксентьев, прозвище Виглоха* [Там же, 225]; *Ивашко, прозвище Короткой*, да *Макарко Павловы дети*, п. Паданский, 1597 [ДКЛП, 201]; *Власко Оксентиев, прозвище Улкуй*, 1598 [ДКШВ, 237]; *Сенка, а прозвище Чемак*, п. Водлозерский, 1582/83 [КЗПОП, 214] и т. д., в этом качестве используются «бывшие» традиционные некалендарные личные имена, ср.: место *Александра, прозвище Богданка*, *Васильева сына*, 1598 [ДКШВ, 238]; *Васюк Васильев, прозвище Жданко*, п. Семчезерский, 1597 [ДКЛП, 224]; *Овдокимко Мокеев, прозвище Жданко*, п. Ругозерский, 1597 [ДКЛП, 206] и

т. д. Очень показательным является следующий пример: в памятниках письменности неоднократно упоминается *Истома Матвеев сын Масельской*, в номинации которого используется традиционное некалендарное личное имя *Истома* (16 раз) или его модификат *Истомко(а)* (22 раза), и лишь единственный случай, где данное лицо представлено иначе при самоименовании – «*Се яз Июдка Матвиев сын а прозвище Истомка Масельской*», купчая, 1579 [Гейман, 267]. К сожалению, мы не располагаем большим количеством таких примеров, позволяющим более определенно установить, стояло ли за каждым некалендарным личным именем календарное. Но в отношении разграничения прозвищ и некалендарных личных имен единичные записи, подобные представленным, свидетельствуют о раздельном существовании в сознании жителя Карелии XV—XVII вв. двух ономастиконов: *некалендарного личного и прозвищного*.

Добавим, что дополнительным критерием разграничения личного имени и прозвища может служить также *по преимуществу общерусская или общеславянская основа* некалендарного личного имени. Например, имена с корнями *Баж-*, *Друг-*, *Люб-*, *Мир-* и под. известны украинскому, белорусскому, сербохорватскому, польскому, болгарскому ономастиконам [см.: Бірыла: 1966; 1969; Демчук: 1988; Железняк: 1969; Худаш: 1980; Чучка: 1970 и др.].

Исключения редки: 1) в региональном ономастиконе к первичным можно отнести неславянские по происхождению имена, вхождение которых в антропонимическую систему началось ещё на апеллятивном уровне и объясняется взаимодействием контактирующих этносов на определенной территории. Так, предполагаем, что в группу некалендарных личных имён с пожелательной или охранной мотивацией входил антропоним *Лембой (ср.: Филка да Перха *Лембоевы*, п. Толвуйский, 1563 [ПКОП, 141], имеющий прибалтийско-финскую основу, ср. с собст. кар., *lembo*, ливв. *lemboi*, вепс. *lẽmboi*, саам. *lẽmbuj*, фин. *lembo* ‘злой дух, чёрт’ [СОС: 308]. Однако носить такое имя мог не только карел, вепс, финн, саам, но и славянин. Подтверждением является широкая география бытования лексемы в севернорусских говорах, ср.: *лѣмба*

‘мифологическое существо, живущее в лесу, леший’ — канд., пуд., выт., кондоп., *лёмбой* ‘мифологический персонаж, нечистая сила’ медв. [СРГК, 3, 110], апеллятив отмечен в русской диалектной идиоматике — тихв., пуд., прион., подп., тер., белом. [Там же], что свидетельствует о раннем заимствовании слова из прибалтийско-финских языков в лексико-семантическую систему русских диалектов. (Об особенностях этих именовании см. главу 5, п.п. 5.1.3 и 5.1.4).

2) На более широкой территории (для периода XIV—XVII вв. и, может быть, раньше) к некалендарным личным можно отнести с некоторой долей гипотетичности имена с тюркско-татарской основой: *Бекет* Терехов, п. Шальский, 1582/83 [КЗПОП, 222]; *Казаринко* Петров, п. Кижский, 1563 [ПКОП, 130]; Минка Петров *Курбатко*, п. Вытегорский [Там же, 207]; *Ташлычко* Семенов, п. Оштинский [Там же, 228]; Гридка Павлов да брат его *Чубар*, п. Вытегорский [Там же, 205]; Иванко *Чумбур*, п. Шуньгский [Там же, 151]; *Муратко* Иванов, г. Корела, 1568 [ПКВП. 77]; Федко Иванов *Кудаш*, выпись, 1556 [Гейман; *Рахманин*, Строкина пуст. 1565 [Докучаев-Басков, 28], и под., за которыми, предполагаем, скрыт охранный мотив — своеобразное преломление семы ‘чужой, не свой’. Такое суждение, прежде всего, допустимо для регионов, где не было тесного контактирования с татарскими племенами — Карелия, Архангельск и др. северные регионы Руси (об особенностях этих именовании см. главу 5, п. 5.2).

Еще одним критерием отнесения антропонима к некалендарным личным именам может служить их *частотность* как в местных документах, так и в письменных источниках других территорий Руси. Среди некалендарных личных имён практически нет единичных именовании, особенно если рассматривать имя на ономастическом пространстве более широком, нежели отдельный регион. См. примеры в таблицах 2—4. Прозвища также могут повторяться, но их регулярность все же иного свойства, нежели у некалендарных именовании. При этом за пределами региона мотив именовании прозвища может варьироваться. Рассмотрим пример. Прозвище *Кокора* отмечено не только в документах Карелии: *Сенка Олексеев Кокора смольник*, г. Корела, 1568 [ПКВП, 68], но и по другим территориям Руси, ср.: *чердынец Кокора Кобылкин*, 1579 [Полякова: 2007,

209]; *Тихон Кокора*, Белозерский уезд, 1581 [Кузнецов: 2011, 156]; *Степан Яковлев сын Кокора*, кайгородский земской староста. 1606 [Тупиков, 188]; *Микитка Исаков сын Кокора*, г. Холмогоры, 1662 [Кузнецов: 2011, 156]; *Ганка Кокора*, крестьянин и вкладчик Далматовского монастыря, жил в с. Никольском, 1683—1719; *Стенка Игнатъев сын Кокора*, беломестный казак Катайского острога, 1695 [Мосин: 2001, 190] и без указания места у С. Б. Веселовского отмечен князь *Иван Иванович Кокора Елецкий*, вторая половина XV в. [Веселовский, 148] и т. д. Предполагаем, это не законченный список лиц, имеющих одну и ту же номинацию. Прозвище *Кокора* соотносится с апеллятивом *кокора*, имевшего в памятниках письменности значение ‘комлевая часть ствола хвойного дерева с отрезком крупного корня под углом к стволу, используемая в основании судов’ (1609, 1677) [СлРЯ XI—XVII, 7, 230], сохранившееся в языке до настоящего времени и развившее в разных современных говорах свои переносные значения, ср.: *кокóра* — 1) ‘о неповоротливом, неуклюжем человеке’ кондоп., тер. [СРГК, 2, 391], волог., петерб., ярос. [СРНГ, 14, 94]; 2) ‘старый, дряхлый человек’ кондоп. [Карт. Лаб.], известно бранное обращение *кокóра* к старому человеку в архангельских говорах [СРНГ, 14, 95]; 3) ‘глупый человек, дурак, дура’ ярос. [Там же, 95]; 4) в псковских и тверских говорах *кокóрой* называют скупого, жадного человека [Даль, 2, 134; СРНГ, 14, 95]; 5) ‘неприступный, твердый, как камень, человек’ пск., учтем также *кокористый* — ‘упрямый, своенравный’ без указ. места [Даль, 2, 134]; 6) ‘ленивый человек, бездельник’ перм. [СРНГ, 14, 94]; 7) в др.-русск. языке фиксируются однокоренные *кокореватый*, *кокороватый* ‘корявый, с бугорками и ямками (о лице, носе)’ [СлРЯ XI—XVII, 7, 230]. Трудно соотнести прозвище с каким-либо значением диалектного апеллятива, но на первом месте в выборе мотива именования должен быть территориальный и временной принцип. Поэтому прозвище *Кокора*, зафиксированное в источниках Карелии, соотносим, прежде всего, с первым и вторым пунктами, а также принимаем во внимание последний пункт, отмеченный в письменных документах. Однокоренные лексемы неоднократно используются для характеристики внешних особенностей лица, ср.:

«*А дочь его Офосинница рожеемъ бела, волосомъ руса, носъ кокореватъ*», 1593 (Новг. Каб. кн.); «*Женка Овдотъница въ примѣтахъ: кокоревата, глаза сѣры, на лице щадринка, носъ широковатъ*», 1666; «*Силка Григорьев сын ростомъ высок, круглелик, кокореват, волосомъ русъ*», 1602 (Новг. Каб. кн.); «*Ростомъ онъ Матюшка высокъ в лице кокореват носъ прямъ глаза сѣры*», 1686 (А. Белоз. Съезж. Избы) и т. д. [СлРЯ XI—XVII, 7, 230].

Первичными (личными) были все именованія композиты (*composita*) — древнейшая индоевропейская ономастическая универсалия. Они представлены в славянских антропонимиконахъ настоящего и прошлаго, а также в топонимии (см.: В. Л. Васильев [2005; 2012]; О. М. Демчук [1988]; И. М. Железняк [1972]; А. Ф. Журавлев [1999]; Р. Мароевич [2000]; С. Роспонд [1965]; В. Н. Топоров [1993]; Т. В. Топорова: [1996]; О. Н. Трубачев [1988 (1)]; Ю. К. Юркенас [2003]), «широкое распространение двусоставныхъ именъ у грековъ, германцевъ, кельтовъ можетъ быть объяснено восхождениемъ къ единой модели в праязыке» [Супрун: 2012, 196].

В русскомъ именнике ихъ история тесно связана с культурными изменениями, которымъ подвергалась Русь, начиная с Крещения. В социальномъ плане эти имена изначально были маркированы какъ княжеские (родовые), какъ «имена для элитарныхъ слоев» [Роспод: 1965, 21]. По словамъ Б. О. Унбегауна, «этотъ типъ именъ за редкимъ исключениемъ имелъ отношеніе только къ князьямъ, и поэтому часто назывался княжеское имя» [Унбегаун, 1989, 12]. Данный тезисъ документально подтвержденъ летописными записями, ср. известный примеръ, представленный в «Повести временныхъ летъ»:

бѣ во оу него снвѣ • ві • Изаславъ • Ярославъ • Стополкъ • Всеволодъ • Стославъ • Мьстиславъ • Борисъ • Глѣбъ • Станиславъ • Позвиздъ • Бѣдиславъ (Лавр. лет.) [ПСРЛ, 1, 121].

Именно Крещение Руси стало той поворотной точкой, которая исключила эти имена изъ княжеского списка. Однако они не исчезли изъ ономастикона. Композиты были спроецированы в более низкіе слои общества (например, в крестьянский), в которыхъ, с одной стороны, дольше, чемъ в высшемъ сословии,

сохранялись древние обычаи имянаречения, а с другой — по известному закону подражания фиксировалось все, что было характерной чертой господствующего класса. Крестьянский социум явился той средой, которая обеспечила композитам бытование еще в течение нескольких столетий, их подключение вместе с другими антропонимическими единицами к различным структурно-семантическим преобразованиям.

В ономастическом плане композитные единицы следует квалифицировать как некалендарные личные имена, поскольку, без сомнения, они давались новорождённому, появившемуся в элитарном социуме. К сожалению, они не нашли должного представления в известных классификациях некалендарных личных имен А. М. Селищева, А. Н. Мирославской, С. Н. Смольникова, поскольку изначально они обладали уникальной семантикой, которая ставит их в некое противопоставление всей массе одноосновных некалендарных личных имен, имеющих апеллативное происхождение. Такие имена не только социально, но и семантически на протяжении веков противопоставлялись отапеллативным народным пейоративам, как имена «благородные» (*meliorativa*), которые нередко рассматривались «как своего рода династические табу» [Роспонд: 1965, 21].

Важным для нашего исследования считаем мысль О. Н. Трубачева о том, что «перед нами чистые изначальные *nomina propria*, созданные в результате моментального однократного акта номинации (*Namenprägung*, *name-coinage*), для которого не потребовались предварительные акты апеллативного словосложения и синтаксического фразообразования» [Трубачев: 1988 (1), 8]. Данный тезис ученого распространяется не только на славянский ономастикон, но и на более широкий ономастический фон индоевропейских систем именования. Ср.: «Но самое главное, что, пожалуй, объединяет праславянскую антропонимию лингвотипологически и культурно-исторически с другими индоевропейскими антропонимиями, в частности — со скифо-сарматской, — это то, что развитые двуосновные антропонимы формировались, по-видимому, сразу как генуинные *onomata tantum* — из апеллативного лексического материала, но без предшествующей стадии двуосновных апеллативных сложений.

Язык маркировал своим особым способом это важное культурно-историческое событие (разрядка моя. – *И.К.*)». Ряд ученых — В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Т. М. Николаева, Ю. К. Юркенас — видят за этими «древними именами некий текст, возможно, свернутый миф», предполагают возможность реконструкции ситуации, при которой такое имя появилось [Николаева: 2009, 10; см. также Иванов: 1964, 2001; Топоров: 1993; Юркенас: 2003], справедливо замечая, что на данную особенность указывал еще А. А. Потебня.

Безусловно, за каждым композитом стоял индивидуальный свернутый текст. Однако бесспорно и то, что в мотивационном отношении эти именованья объединял высокий положительный заряд, связанный с разного рода пожеланиями мира, святости, добра, любви, славы, достатка и под., которыми должен обладать ребенок, родившийся в княжеской среде; «статус подобных имен вдвойне особый. Они — ценнейшая и наиболее престижная и содержательно богатая часть славянского именованья, они... предназначены для торжественного рецитирования, имена-характеристики, имена-идеи, имена-цели. На них лежит печать смысловой полноты, знаковой отмеченности, отсвет сакральности» [Топоров, 1993, 63]. Именно этот высокий «идейный» ряд, особенно мир, святость, добро, отличает внутреннюю суть славянских композитных имен от неславянских, у которых в качестве элементов используются слова со значениями 'богатство', 'защита', 'могучий', 'твердый', 'блестящий', 'победа', 'народ' и т. д. (см.: Т. В. Топорова [1996, 75—76]).

Предполагаем, что такая «высокая внутренняя форма» сохранялась и тогда, когда композиты стали данностью крестьянского ономастикона. Но модальность данного предположения гипотетическая, поскольку в новом ономастическом социуме — крестьянском — такие имена изменили свой структурный облик и функциональный статус.

Перейдем к анализу структурных особенностей композитов, бытовавших в ономастиконе Карелии. Их полные формы в крестьянской среде фиксируются единично: Максимко Андомец да сын его *Казимер*, кр-н, п. Вытегорский, 1496

[ПКОП, 11]²²; *Веледейко* Трофимов, п. Олонецкий, дело, 1675 [Мюллер, 222]; дьякон *Володимер* Иванов, п. Олонецкий, 1582/83 [КЗПОП, 35]; помещик *Володимер* Неелов, п. Пиркинический [Там же, 79]; поп *Володимер*, п. Вытегорский [Там же, 265]; Селифантей *Твердислав*, Толвуйская земля, купчая, XV в. [Гейман, 102]. Включение этих имен в ономастикон крестьянского сословия имело последствия: древние двуосновные имена активно трансформировались, превращаясь в гипокористики, за которыми иногда достаточно трудно увидеть древнейшее, первоначально статусное, имя.

Приведем в таблице 1 ряд примеров, которые, на наш взгляд, могут апеллировать или апеллируют к композитам.

Таблица 1

Примеры гипокористик, восходящие к композитам

<i>Основа композита</i>	<i>Возможный модификат (гипокористика)</i>
<i>Будимир</i> (в сербохорв. стар. <i>Bùdimîr</i> с XIV в., в ст.-чеш. <i>Budimír</i> с XIV в.), <i>Будислав</i> (в сербохорв. стар. <i>Bùdislav</i> с XIII в., в ст.-польск. <i>Budzisław</i> с 1136 г.) или <i>Будивой</i> (в сербохорв. стар. <i>Bùdivôj</i> , в ст.-чеш. <i>Budivoj</i> , в ст.-польск. <i>Budziwoj</i>) [ЭССЯ, 3, 76—77]	<i>Будай</i> Сартаков, подьячий, Обонежье, обыск, 1595 [Гейман, 346]; <i>Будаец</i> Михайлов сын Попова, дьяк, купчая, 1556 [АСМ, 131]; <i>Будайко</i> Федоров, кр-н, п. Шуньгский, 1563 [ПКОП, 148]; <i>Будайко</i> Ондреев, п. Оштинский [Там же, 226]; <i>Будайко</i> Васильев, кр-н, п. Шуезерский, 1582/83 [КЗПОП, 137]; <i>Будайко</i> Матфеев, кр-н, п. Толвуйский [Там же, 164]
* <i>Воинѣзь</i> (Демчук: 1988, 38), а также в реконструкции В. Н. Топорова * <i>Voj(i)-mirъ</i> ср. сербохорв. <i>Vojmir</i> , польск. <i>Wojmir</i> , болг. <i>Воимир</i> , <i>Воймир</i> , чеш.	<i>Воин</i> (<i>Воинка</i>) Булычов, дьяк, 1671, 1672 [Мюллер, 200]; <i>Воинко</i> Демидов сын Демидова, земец, п. Пиркинический, 1563 [ПКОП, 76];

²² Сюда же включаем патроним *Казимирков* — Васко да Микитка *Казимирковы*, п. Сердовольский, 1500 [ПОКВП, 164].

<i>Vojmír</i> , а также ст.-русск. <i>Войборъ</i> , <i>Войдан</i> , <i>Войгость</i> и т. д. [Топоров: 1993, 60]	<i>Воинка</i> Горяинов, староста, п. Веницкий [Там же, 243]
<i>Владимир</i> , ст.-русск., <i>Vladimir</i> сербохорв., словен., <i>Włodzimierz</i> , польск. и др. [Торопов: 1993, 60]	<i>Володимерко</i> Зиновьев, кр-н, п. Выгозерский, 1582/83 [Там же, 193]; <i>Володимерко</i> Матвеев, кр-н, 1587 [Книга Лоп. пог., 183]
<i>Gostomir</i> , <i>Gostomit</i> , <i>Hostirad</i> , <i>Hostislav</i> , <i>Lubogost</i> [см.: Демчук: 1988, 62]	<i>Гость</i> Кастьянов, староста, п. Кижский, раздельная, 1639 [Мюллер, 38]; <i>Гостюша</i> Ондреев, п. Вытегорский, 1582/83 [КЗПОП, 378]; <i>Гостюшко</i> Пятый, староста, п. Кижский, челобитная, 1642 [Мюллер, 50]
<i>Горислав</i> в реконструкции М. О. Демчук [1988, 43]	<i>Горяин</i> , подьячий, закладная, 1547 [АСМ, 78]; <i>Горяинко</i> Иванов, кр-н, п. Веницкий, 1563 [ПКОП, 243]; <i>Горяинко</i> да Третьячко Захаровы, г. Корела, 1568 [ПКВП, 77]; <i>Горяинко</i> Васильев, кр-н, п. Андомский, 1582/83 [КЗПОП, 368]
русск. <i>Гудимир</i> , хорв. <i>Гудимиръ</i> , укр. <i>Lichohud</i> (примеры из работ Демчук [1988, 62])	<i>Гудашко</i> Устюженин, кр-н, п. Оштинский, 1582/83 [КЗПОП, 310]
<i>Доможиръ</i> или <i>Домогость</i> , <i>Домославъ</i> , <i>Доморадь</i> [Демчук: 1988, 12]	<i>Домашней</i> Якимов и <i>Домашка</i> Якимов, кр-н, п. Кижский, раздельная, 1639 [Мюллер, 38, 41]
<i>Добромир</i> , укр., болг., макед., <i>Dobromir</i> . польск., чеш. [Топоров: 1993, 31]	<i>Добрыня</i> Степанов, кр-н, п. Вытегорский, 1582/83 [КЗПОП, 276]

* <i>Žiro-mirь</i> — в реконструкции В. Н. Топорова [1993, 62]	Дер. <i>Жирково</i> Старостино, г. Корела, 1568 [ПКВП, 66]; Гридка <i>Жиров</i> , п. Никольский Готслав волок, 1496 [ПКОП, 19];
<i>Житомирь</i> [Демчук: 1988, 39—41; Топоров, 1993, 62]	<i>Житко</i> , кр-н, п. Вытегорский, 1563 [ПКОП, 204]
<i>Путимѣрь</i> , <i>Путимысль</i> , <i>Путиславъ</i> [Демчук: 1988, 60; Топоров: 1993, 49]	<i>Путило</i> , кр-н, п. Никольский в Ярославичах, 1563 [ПКОП, 247]; <i>Путило</i> Прокофьев сын Скобелцын, кр-н, п. Никольский в Ярославичах [Там же, 247]; дьячок <i>Путилко</i> Харитонов, п. Панозерский, 1597 [ДКЛП, 213]; <i>Путилко</i> Васильев, кр-н, п. Шальский, 1582/83 [КЗПОП, 222] <i>Путята</i> Петров, кр-н, п. Выгозерский, 1582/83 [КЗПОП, 203]; <i>Путяйко</i> Гаврилов, кр-н, п. Толвуйский, 1582/83 [КЗПОП, 175]
<i>Хвалимир</i> , ср. у С. Б. Веселовского <i>Хвалимир</i> Шатилов, помещик, 1614, Одоев [Веселовский, 337]	Васюк <i>Хвалим</i> , кр-н, п. Шуньгский, 1563 [ПКОП, 151]

Как видим, откомпозиционные гипокористики модифицируются, оставляя от бывшего двусосновного имени только один элемент, к которому в ряде случаев присоединяется формант, который и сближает такие имена с некалендарными личными именами, имеющими апеллятивную основу, как *Вешняк* (от Вешний ← вешний), *Жданец* (от Ждан ← ждати), *Морозко* (от Мороз ← мороз), *Нечаец* (от Нечай ← не чаяти), *Первушка* (от Первуша или Первой ← первой), *Поздыш* (от Поздний ← позд-), *Пятуша* (от Пятой ← пятой), *Третьяк* (от Третий ← третий) и др., зафиксированных в памятниках письменности Карелии XV—XVII

вв. Гипокористики подобно диминутивным формам от одноосновных имен могли начать жить собственной жизнью: избираться для номинации новорожденных в уже модифицированной структуре, которая внутренне могла быть связана с высокой нравственной идеей, предполагаемой у подобных онимов в княжеском социуме В. Н. Топоровым²³.

Данная структурная особенность гипокористик, а также особенности функционирования откомполитных именовании свидетельствуют, что в большинстве своем они продолжали выполнять функцию личного имени. Только в двух случаях данные антропонимические единицы выполняли роль прозвищ, ср. уже приведенные выше примеры: Селифантей *Твердислав*, Васюк *Хвалим*, где выделенные курсивом антропонимы занимают в структуре именовании постпозицию по отношению к календарному имени, что свидетельствует и об изменении их ономастической сущности.

Итак, сокращение композитных имен в региональном антропонимиконе XV—XVII вв. свидетельствует, что древнерусская ономастическая система в указанный период испытывает количественные и качественные изменения, причиной чему стали, прежде всего, историко-культурные процессы, обусловленные принятием христианства. Несмотря на то что композиты перемещаются в более низкие социальные слои, где претерпевают структурные изменения, они оставляют за собой свой первоначальный ономастический статус, связанный с выполнением функции личного имени, сохранившего древний пожелательный мотив номинации новорожденного. Тем самым композиты, как и прочие группы некалендарных личных имен, — это своеобразный культурный код, расшифровка которого позволяет взглянуть на информативность

---

²³ Благодный мотив был в некоторой степени поддержан довольно ранним включением в церковные календари небольшого количества композитов (например, *Владимир* и модифицированного *Воин*). Здесь же назовем калькированные календарные имена *Богдан*, от греч. Θεόδωτος = Феодот ‘богом данный’, а также *Вера*, *Надежда*, *Любовь* и их возможную постановку в номинативный ряд, подобно композитам и отапеллятивным именам.

антропонимических единиц как фрагментов, представляющих периферийную региональную картину мира Руси XV—XVII вв.

2.6. Анализ именованных, занимающих пограничное положение
между личным именем и прозвищем

Учет признаков разграничения некалендарных личных имен и прозвищ показал, что в письменных источниках Карелии XV—XVII вв. антропонимов, которые соответствуют критериям некалендарного личного имени, насчитывается чуть более 80, прозвищ — около 600 и приблизительно для 150 именованных (типа *Волк*) статус однозначно не определен.

Рассмотрим пример, касающийся той группы именованных, для которой по записям, представленным в документах, имя можно включать и в состав личных имен, и в состав прозвищ. Так, с мотивационной точки зрения, антропоним *Волк* могло быть дано при рождении с целью охраны. Известно, что волка многие племена в прошлом считали своим предком, поклонялись ему. Назвать ребенка таким именем при рождении — значит иметь волка в покровителях, защитниках не только семьи, но и рода, племени. Ребенку желали быть таким же быстрым и сильным, как волк. Ср. сказки об Иване-царевиче и сером волке, где волк говорит человеческим голосом и одарен необычайной мудростью, и т. д. Не исключено, что имя *Волк* давали, чтобы уберечь ребенка от нечистой силы²⁴. Ср. с различными поверьями и позднейшими отголосками в фольклоре: например, колдуны могли превратить в волков целые свадебные поезда, волчья шерсть в их

---

²⁴ Ср.: также в смоленских говорах о появившемся на свет теленке (жеребенке, поросенке) говорят: «Это не теленок, а *волчонок*». Повитуха крестит новорожденному лоб, живот и ноги со словами: «На глава крѣст, в сѣрце ангел, на нозе *вѣлк*» (*макед.*). Если в семье умирают дети и родится мальчик, то, чтобы уберечь его от смерти, повитуха кричит: «Роди *вучица вука свијету* на знаѣ а ђетету на здравље!» [Родила волчица волка всему свету к сведению, а ребенку на здоровье!] (*серб.*). Или же дают мальчику имя *Вук*, так как верят, что ведьма, поедая детей, на «волка» не покусится; имя *Вуко* дают также, чтобы сын был здоровым и сильным, как волк (*серб.*) [СД, 1, 417].

руках считалась в старину одною из самых злых сил; или представления о превращении человека в волка, в славянской мифологии — это *волкодлак*; самый таинственный герой русск. эпоса, *Волхв Всеславлич*, умел превращаться в волка и рыскать по дремучим лесам, одолевая в одно мгновение невероятные расстояния, так что могло показаться, будто он находится в нескольких местах одновременно [МНМ: 1: 242; Забылин: 1880, 255]. Может быть, появление именованья куда прозаичнее, оно связано с охотничьим календарем: время охоты на зверя и рождение ребенка совпадали. Ср. с «волчьими праздниками» перед охотой на волка, ритуал переодевания в шкуру волка. Можно предположить, что имя давалось в семье охотника, чтобы принести удачу.

Кроме того, для периода XV—XVII вв. можно предположить изменение мифологического сознания и допустить, что задача такого именованья — охарактеризовать различные внешние признаки взрослого человека или черты его характера, которые уже по традиции ассоциировались с волком, например злость, враждебность, ненадежность в дружбе, ср. с поговорками: *Он волком глядит; Как волка в хлев пустить; Дать денег в долг, а порукой будет волк; Пойми волка слезы* и т. д. [Даль, 1, 232], ср. также в совр. русск. литер. языке — *смотреть волком* — ‘иметь угрюмый, недружелюбный, враждебный вид’, а следовательно, — это прозвище.

Функциональный критерий. В документах Карелии это именованье занимает или первую позицию, ср.: *Волк* Романов, п. Кижский, 1563 [ПКОП, 133] и 1582/83 [КЗПОП, 150]; *Wolk* Wlasieff, р. Libelis, 1618 [КЛ, 351], то есть позицию личного имени, или последнюю позицию в структуре именованья, то есть прозвища, ср.: Иванко Матфеев *Волк*, п. Андомский, 1563 [ПКОП, 200]; Еремка Федоров *Волк*, п. Важенский [Там же, 101]; Федко Максимов *Волк*, п. Мегрежский [Там же, 220]; Оксенко Яковлев *Волк*, п. Шуньгский [Там же, 148]; Иванко Васильев *Волк*, п. Шуньгский [Там же, 149] и т. д.

Формальные различия можно представить на более широком ареале распространения этого имени, нежели Карелия. Так, свидетельством

использования этого имени для наречения детей являются диминутивы, ср.: *Волчко* Кляпиничь, пань, отчинникъ Слущкий, ок. 1450 [Тупиков: 1903, 147].

Как видим из представленных примеров, имя достаточно активно в ономастической системе Карелии XV—XVII вв. Помимо того, оно отмечено в различных славянских ономастиконах: словен. *Volčina*, IX в., укр. *Волчко*, XV в., сербохорв. *Воук* (XII—XIII в.), *Влкь* (XIV в.), польск. *Wilk* (XII в.) [Железняк: 1969, 23, 46, 92, 93]. Такие сопоставления ставят имена, восходящие к названиям животных, птиц, насекомых, растений и под., в особое положение, требующее отдельного описания.

Таким образом, в разграничении некалендарных личных имен и прозвищ следует обратить внимание на ряд критериев, дополняющих друг друга.

Считаем, что некалендарное личное имя всегда будет стоять ближе к мифологическому, более древнему контексту, а прозвище, как характеризующий элемент²⁵, к более современному состоянию языка, в котором оно бытовало.

2.7. Характеристика некалендарного личного ономастикона Карелии XV—XVII вв. с точки зрения состава, частотности

Уже отдельные, приведенные в данной главе примеры являются доказательством, что некалендарный личный именник был достаточно устойчивым на севере Руси до конца XVII в. Интересно, что носителями таких имен были не только крестьяне, земцы, но и служители церкви, ср.: *дьяк Беляйко*, п. Оштинский, 1563 [ПКОП, 236]; *двор дьячка церковнаго Докучайка*, п. Выгозерский, 1582/83 [КЗПОП, 202]; *дьячок церковной Звяга* Максимов, п. Мегрежский, 1582/83 [Там же, 283]; *дьяк Злобка* Трофимов, Пиркинический, 1563 [ПКОП, 82]; *понамарь Клепа*, п. Пудожский, 1583 [Шайжин, 294]; *поп Немир*

---

²⁵Характеризующая составляющая могла присутствовать и в мотиве некалендарного личного имени.

Ондреев, п. Веницкий, 1582/83 [КЗПОП, 336]; *дьяк Цыгорко*, п. Оятский, 1563 [ПКОП, 237] и др. Это 11 % от общего числа имен церковных служащих, представленных в документах Карелии XV—XVII вв. Надо заметить, что такие имена функционируют в среде низших клириков, наиболее приближенных к крестьянской среде и являющихся, скорее всего, ее же выходцами.

Подобные материалы фиксируются и в частно-деловых документах XVII в.: *Баженя* Матфеев, *земской дьячок*, челобитная, 1639 [Мюллер, 40]; *Баженко* Федоров, *дьячок*, отписка, 1662 [Там же, 127]; *Второй Поздеев*, *дьяк*, грамота, 1602 [Там же, 15—16]; *Докучайко* Григорьев сын Игумнов, *дьячок*, дело, 1663 [Там же, 163]; *Дружина* Протопопов, *дьяк*, 1663 [Там же, 164]; *Дружинка* Герасимов, *юштозерский дьячок*, челобитная, 1659 [Там же, 136]; *Ждан* Прокопьев, *поп*, отписка, 1693 [Там же, 343] и др.

Следовательно, «языческий консерватизм», связанный с функционированием исконно русских имен, на периферии длился значительно дольше, а смена религиозной формы освоения человеком мира через имя по разным регионам Руси проходила с неодинаковой степенью интенсивности. Имеются исторические свидетельства того, что в XIII—XIV вв. не все жители Карелии были христианами [Шаскольский: 1978, 16]²⁶, «север Карелии, Беломорье, где поселения носили временный промысловый характер, христианизацией не затрагивался» [Пулькин и др.: 1999, 24], а в Приладожье (району наиболее близкому Новгородчине) «христианизация проводилась в довольно мягких формах» [Там же], и потому находят достаточно много фактов сохранения языческих особенностей верований. Известна грамота 1534 г. новгородского архиепископа Макария в Водскую пятину, в Чудь, Ижору, Корельский и другие уезды об искоренении языческих обрядов, где в частности содержится описание

---

²⁶ «Есть обычай у королей русских, покорив какой-либо народ, заботиться не об обращении его в христианскую веру, а о сборе дани и денег» (ливонский хронист?, 1220-е гг.) [Шаскольский: 1978, 16].

следующих событий²⁷: «...о церкви деи божии и о церковном правиле не берегут, к церквам и к божественному пению не ходят... молятца деи по скверным своим мольбищам древесом и камению по действию диаволу... святых постов не чтят не хранят... ядят скором... жрут и пьют мерзким бесом, и призывают деи на свои скверные мольбища злодеевых отступник арбуев чюдцких...» и т. д. [Линевский и др.: 1939, 87—88].

Представим список частотных некалендарных личных имен по данным памятников письменности Карелии XV—XVII вв. в таблице 2.

Таблица 2

<i>Список частотных некалендарных личных имен по материалам официально-деловых памятников письменности Карелии XV—XVII вв.</i>	
Нечай: Нечайко, Нечаец	158
Третий: Третьяк, Третьячко, Тренка	137
Поздей: Поздейко, Поздняк, Позднячко	82
Истома, Истомка	71
Первой: Первуша, Первушка, Первыша, Первышка	70
Меньшой: Меньшак, Меньшик, Меньшичко	56
Ушак: Ушачко	42
Ждан: Жданко, Жданец	41
Вешняк: Вешнячко	39
Малой: Малко, Мал(ь)га, Малейко, Малюк, Малютко	24
Невзор: Невзорко	21

Эти антропонимы можно назвать ядром древнерусского ономастикона, общеславянским именным фондом. Они в достаточном количестве отмечены в словарях Н. М. Тупикова, М. Я. Морошкина, С. Б. Веселовского, в современных лексикографических работах по исторической антропонимике [Кузнецов: 2011; Кюршунова: 2010; Мосин: 2001, 2008; Полякова 2007; Татаркин: 2005; Чайкина: 2001 (1, 2)]. При этом частотность некоторых именовании является лишь в некоторой степени территориально и хронологически различной. Сравнение

²⁷ См. также уже приводившиеся в работе факты крещения жителей Карелии зрелого возраста (гл. 1, с. 45—46).

наиболее популярных некалендарных личные имена по Обонежской и Водской пятинам показало их списки практически идентичен по обоим административно-территориальным объединениям (см. таблицу 3).

Таблица 3

<i>Сопоставление частотности некалендарных личных имён по разным территориальным объединениям Карелии XVI в.</i>			
Обонежье — 1563		Водская пятина — 1568	
Третий	39	Нечай	34
Нечай	31	Третий	17
Поздей	26	Поздей	13
Истома	23	Истома	11
Ушак	19	Падора	10
Меншой	13	Первой	8
Первой	11	Некрас	6
Вешняк	11	Пятой	4
Рагоза	9	Неклюд	4
Малой	9	Меньшой	4
Судок	7	Ждан	4

Подобное наблюдаем при сопоставлении некалендарных личных имен в пределах Обонежской пятины, где время составления документов разделено двадцатилетним промежутком (см. таблицу 4).

Таблица 4

<i>Сопоставление частотности некалендарных личных имен по разным временным срезам</i>			
Обонежье — 1563		Обонежье — 1582/83	
Третий	39	Нечай	55
Нечай	31	Поздей	34
Поздей	26	Первой	32
Истома	23	Третий	30
Ушак	19	Меншой	30
Меншой	13	Истома	23
Первой	11	Ушак	22
Вешняк	11	Вешняк	20
Рагоза	9	Ждан	18
Малой	9	Суровец	11
Судок	7	Неклюд	11

Как видим из статистических данных, представленных в таблицах 2, 3, 4, небольшое количество некалендарных личных имен «обслуживает» почти треть носителей таких имен в регионе, что свидетельствует о *высоком среднем коэффициенте одноименности*. В памятниках других территорий донациональной Руси представлена та же картина. Это, в свою очередь, дает возможность для предположения: некалендарный именной, несмотря на семантически родную, привычную основу, не случайно выходит из употребления и отдает календарным антропонимам все большее функциональное пространство. Причина заключалась не только в давлении церкви и государства (безусловно, это главная причина), но и во внутренних особенностях некалендарной антропонимической системы, способствовавшей тому, что календарный именной, также имевший строго регламентированный церковью репертуар, принимался как некий способ избежать тезоименности, уйти от нарушения основной функции имен собственных — функции индивидуализации и идентификации лица (см. статистику по календарному именнику в памятниках письменности Карелии в главе 4, п. 4.2). Однако тезоименность некалендарного ономастикона имеет несколько иной характер. Строго соблюдается правило, запрещающее носить одинаковые имена в пределах семьи. Если в сфере календарных имен такое возможно: отец и сын, братья носят одинаковые имена, соотносящиеся с разными патрональными святыми (см. главу 4, с. 266), то в некалендарной именной системе, вероятно, действовал обычай, согласно которому нельзя давать новорожденному имя живого отца. По предположению Б. А. Успенского, «если дать имя отца при его жизни, дух его после смерти не сможет перевоплотиться в его потомка. Это означает прекращение рода, отказ от родовой генеалогии» [Успенский: 2012, 30]. Совпадение имени отца и сына отмечено только в фольклорных текстах: *Ворон Воронович, Орел Орлович, Сокол Соколович, Гром Громович, Ветр Ветрович, Ерш Ершович, Восна Восновна* и т. п., «подобное наблюдается у чужеродных, в частности мифологических персонажей», которые «не имеют родовой истории (с точки зрения данного социума), это существа без роду, без племени, неизвестно откуда взявшиеся» [Там же]. Пожалуй,

единственное отступление от данного правила отмечено в Устюжских писцовых книгах 1544 г. — *Чюлок Чюлков* [Смольников: 2005: 161].

Представляется, что определенным способом сохранения семейной традиции служило использование семейных соименований (или «серийных» некалендарных имен), когда все имена в небольшом социуме (семье) восходят к словам одной тематической группы, типа *Башмак Чюлков*, п. Шуньгский, 1593 [Гейман, 340], *Заец* Тихонов сын *Быкова*, дьяк, грамота, 1543 [Там же, 149]; *Томило Истомин* сын Балакшина, земец, п. Сакульский, 1568 [ПКВП, 134], *Немирка* Ондреев *Желвачов*, п. Андомский, 1563 [ПКОП, 194] (поясним *Желвач ← *желвач, ср. *желв́ачить* ‘брюзжать, вочать, браниться’ волог. [СРНГ, 9, 102]) и др. [см. также примеры на с. 117]. Кроме того, предполагаем, что *семейное соименование* также является отражением критерия, по которому имена двух поколений можно отнести в группу личных имен, а не прозвищ. Такие именные серии позволяют обратиться к архетипическому противопоставлению «чужой ~ свой», где члены одного ряда (одной семейной группы) отмечены близкими в семантическом плане именами. Есть некоторые основания, что данное явление распространялось на социум, больший, чем семья, ср.: *Гридка Меринов* внук, сосед его *Жеребец*, п. Никольский Готслав волок, 1496 [ПКОП, 21].

К частотным отнесем и имена с корнями *Бел-*, *Буд-*, *Руд-*, они входят также в ядро общеславянского именного фонда. Популярными для Карелии XV—XVII вв. можно считать такие имена, как *Горяинко*, *Завьял*, *Молчан*, *Невзор*, *Негодяй*, *Неклюд*, *Некрас*, *Одинец*, *Падора*, *Поспел*, *Постник*, *Путило*, *Пятой*, *Рагоза*, *Русан*, *Смирной*, *Суббота*, *Суровой*, *Томило*, *Худой*, *Черной*, *Шестой*, *Ширяйко*.

На периферии ономастикона Карелии остаются менее употребительные некалендарные личные имена, которые мог получить новорожденный: *Ворошил(к)о*, *Гневаш(к)о*, *Девятой* (*Девятко*, *Девятуня*), *Мороз(к)о*, *Неждан(к)о*, *Плохой*, *Подосенко*, *Прибыток*, *Собин(к)а*, *Сухой* (*Сушко*), *Четвертой* (*Червертак*, *Четвертка*), имена с корнями *Рык-*, *Ряб-*, *Шиш-* и т. д. В официально-деловых документах такие имена представлены 2—5

употреблениями. Эти данные не всегда соотносятся со статистическими показателями других регионов Русского государства. Однако сокращение достаточно разнообразного дохристианского ономастикона очевидно.

Образование новых личных имен — редкое явление, обусловленное «удачным» включением нового имени в один из семантических рядов традиционного некалендарного личного именника, который становится медиатором, способствующим адаптации имени в ономастической системе. Примером может служить имя *Бажен*, которое до конца XVI в. в документах Карелии не фиксируется, зато активизируется в XVII в. Ср. единичные упоминания в закладной 1578/79 гг.: Сидор Иванов сын с своими детми з Богданом да с *Баженом*, кр-не, Водлозеро [Гейман, 267], в грамоте 1599 г.: *Баженко* да Иванко да Истомка Борановы, грамота, 1599 [Гейман, 375], и около 60 употреблений в документах XVII в.: *Бажен* Иванов, Муромский мон., запись, 1640 [Мюллер, 43]; *Бажен* Толвуянов, п. Пудожский, дело, 1652 [Там же, 118]; *Баженко* Тимофеев Олхин, п. Кижский, изветная челобитная, 1640 [Там же, 53]; *Бажен* Григорьев Фепенев, челобитная, 1661 [Чернякова, рук. № 35]; *Баженка* Третьяков, челобитная, 1650 [Там же, №17]; *Баженко* Поздеев, п. Шуньгский, 1616-1619 (Гос.) [Чернякова, рук., Л-108 об.]; *Баженко* Кошкаров, п. Пудожский, 1616-1619 (Гос.) [Там же, Л-340 об.]; *Баженко* Первого, п. Шальский (Гос.) [Там же, 279 об.] и т. д.

Интересно, что подобное наблюдается и на большей части регионов Руси XV—XVII вв. Кратко обрисуем более широкий географический контекст. Ср.: конец XVI в. в *вологодских памятниках* отмечены: в 1594 г. — кузнец Стефен *Баженов* [Чайкина: 1995, 11], в 1585 г. в Белозерском уезде — *Баженко* Федоров, в 1587 г. в Устюжне — *Баженко* Олексеев, в 1589 г. на юге Вологодского уезда — *Баженко* Иванов [Кузнецов: 2011, 16]. У Н. М. Тупикова с данной территорией связана фиксация *Бажень*, 1555 г. [Тупиков: 2005, 90]. Остальные примеры (также многочисленные) относятся к XVII в. (сюда же включаем материалы по уральскому ономастикону А. Г. Мосина [2001, 22—27] и словарю Е. Н. Поляковой [2007, 75]). При этом у С. Б. Веселовского данное имя не

отмечено, у Н. М. Тупикова представлены только модификаты. Все это свидетельствует, что на северных территориях Руси данное имя становится употребительным в конце XVI в., хотя исследователями отмечается, что оно возникло в общеславянскую эпоху. Доказательством служит имя *Божен* в польском и чешском языках, а также нарицательные польск. *zabadać* ‘захотеть, пожелать’ и чеш. *bažiti* ‘жаждать, стремиться’ [Данилина: 1982, 116], словац. диал. *bažati* ‘жаждать’ [ЭССЯ, 1, 172—173]. Сопоставительные материалы говорят, что это отпричастное имя, стоящее в ряду подобных непродуктивных имен древности: *Буян, Ждан / Неждан, Молчан, Резан* и проч., которое, действительно, могло быть связано с указанными глагольными основами. Однако М. Войтович приводит мнение В. Ташицкого, что такие имена образовались от двухчленных имен [Войтович: 1986, 40]. В этом случае за именем *Бажен* могли стоять композита *Богослав (Божеслав), Богомир (Божемир), Божедар* и под., а ожидаемой гипокористикой была бы форма *Божен* (через “о”), которая и представлена в патронимах, зафиксированных у Н. М. Тупикова. Подобное предположение находим у С. Роспонда [1965, 8—9].

На наш взгляд, личное имя, представленное в многочисленных примерах документов Карелии, следует соотносить с глагольной основой. Существенным аргументом являются диалектные глаголы *баж́ать (баж́ить, баж́еть)*, который сохранился в современных говорах в значении ‘желать, сильно хотеть, прихотливо просить, как больной или ребенок, жаждать’ волог., новг., перм., нижегор. [Даль, 1, 37; СРНГ, 2, 45]. Ср. также в русских говорах Карелии: *баж́еный* ‘хороший, любимый’ пуд. [Карт. Лаб.], медв. [СРНГ, 2, 45], ‘милый, дорогой’ пуд., прион., белоз., белом., карг., медв., подп. [СРГК, 1, 29], ‘нежный, ласковый’ медв., пуд., белом. [Карт. Лаб.], ‘о больном, несчастном, страдающем’ тер., белоз. [СРГК, 1, 29], а также *баж́оный* ‘бедный, несчастный’ волог. [СРНГ, 2, 45] и *баж́он* ‘желанный, любимый дорогой’ арх., волог., новг., перм. [Там же], ср. также с вологодской пословицей: «Хоть не рожон, да *бажон*» [Даль, 1, 37].

Безусловно, такое имя попало в семантический ряд и связано с отношением родителей к факту появления ребенка в семье, его могли дать ребенку, рождение

которого желали, ждали в семье.

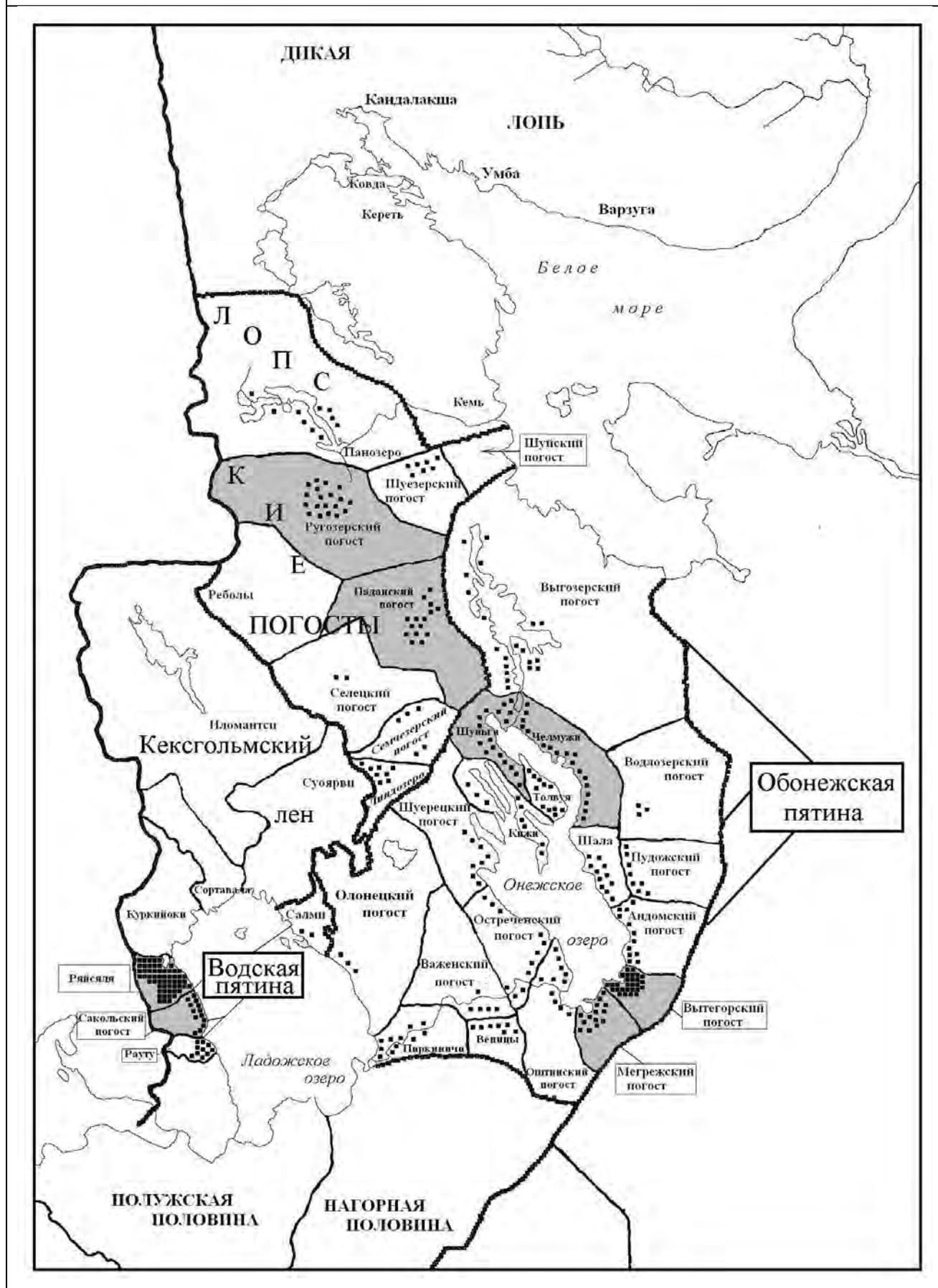
2.8. Ареальный аспект исследования некалендарного ономастикона Карелии XV—XVII вв.

Обратимся к анализу географии распространения некалендарных личных имен. Картографирование антропонимического материала наглядно показывает, что частотность некалендарного личного ономастикона была разной в отдельных регионах Карелии XV—XVII вв. На карте 2 отражена картина плотности покрытия территории Карелии некалендарными именами. Работа проводилась только с официально-деловыми документами, поскольку в них содержатся четкая привязка имени к месту его бытования.

Выяснилось, что в Обонежье погостами, более других сохранившими традиции номинации лица отапеллятивными именами, помимо Вытегорского (27 %), становятся Шуныгский (16 %), Челмужский (16 %), Мегрежский (14 %); в Водской пятине — вне конкуренции Городенский погост (19 %); а в Лопских погостах — Ругозерский (19 %), Паданский (15 %). Как видим, показатель в каждом случае больше, чем средний по Карелии. Подобным образом, выделяются территории, где некалендарный именник побеждён календарным. Ср. в Обонежье некалендарные имена единичны в Водлозерском (2,5 %), Олонецком (2,7 %), Важенском (4,6 %), Оятском (6,5 %) погостах, в Водской пятине — в Салминском (2 %), в Лопских погостах — в Селецком (2 %) и Семчезерском (4,5 %) погостах.

Таким образом, и в пределах небольшого периферийного региона, каким является Карелия, можно выделить зоны господствующего функционирования некалендарной системы именования лица. Не случайно данные территории в пределах пятин располагаются в непосредственной близости (на карте они выделены серым цветом). Зоны с невысокой плотностью в использовании некалендарных имён отдалены от центров пятин. В целом картина совпадает с той, которая выявлена при картографировании других явлений в антропонимии

Карта 2
 Распространение некалендарных имен по регионам Карелии

Карелии XV—XVII вв.: в центральных погостах пятин фиксируется наибольшее количество различных ономастических фактов.

Для рассматриваемого явления (функционирование некалендарного именника в пределах исследуемого региона) допускается проведение и так называемого послойного картографирования материала — сопоставление карт разных временных срезов. Так, территория Обонежья с тем же составом погостов была описана через 20 лет (в 1582/83 гг.), что дало возможность составить карту, используя те же параметры, и сопоставить антропонимические картины, касающиеся особенностей распространения некалендарного именника, определения территорий, где данное явление наиболее частотно (см. карту 3).

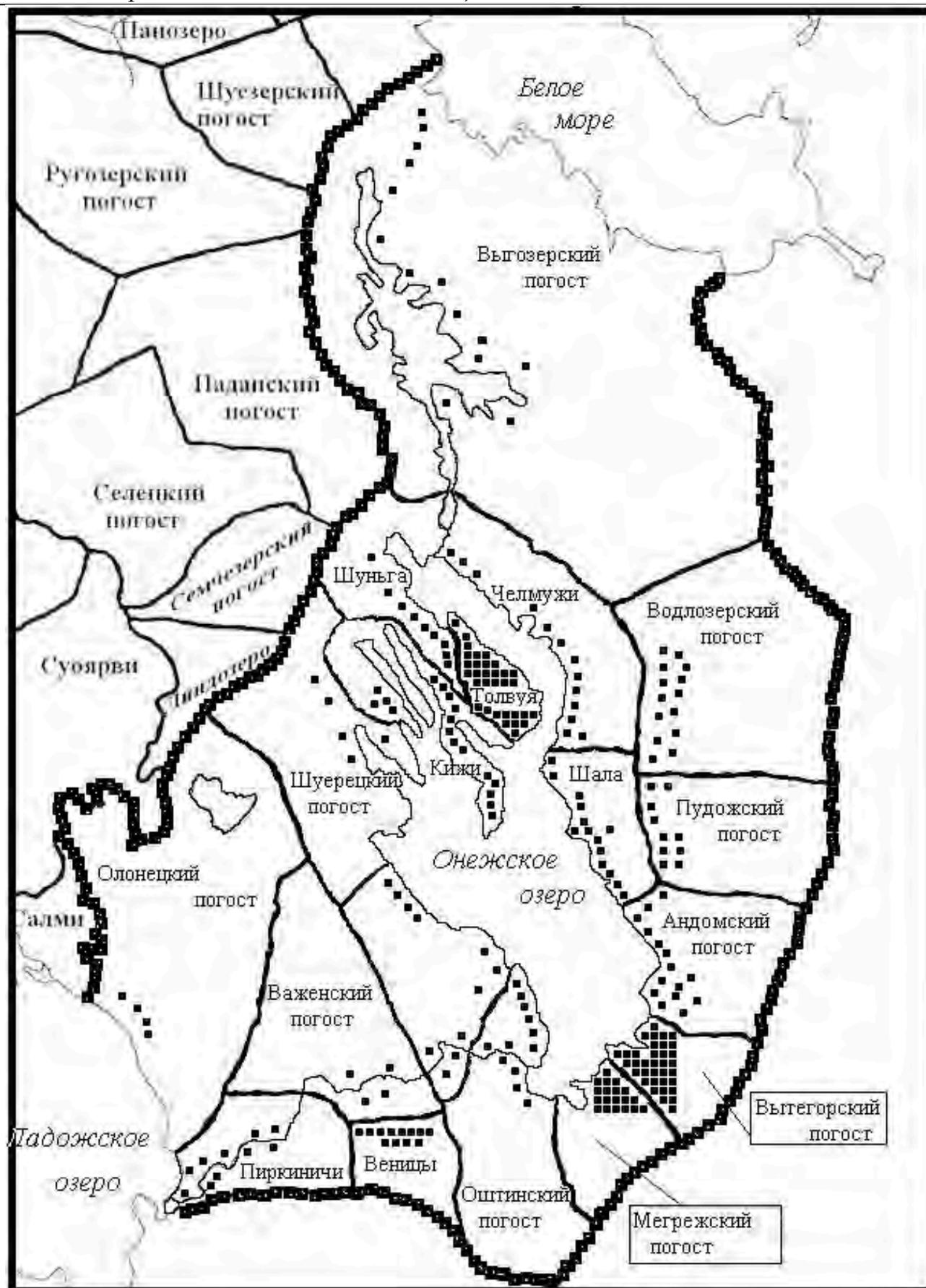
Сравнение материалов показывает, что на данной территории некалендарные имена так же активны в употреблении, как и в 1563 г. Наиболее частотны они в Вытегорском (32 %), Мегрежском (19 %) погостах, а в Толвуйском (32 %), Кижском (17 %), Водлозерском (13,6 %) погостах некалендарный именник увеличивается в разы (ср.: в 1563 г. — 11 %, 9 %, 2,5 %). Так, ожидалось сокращение числа носителей некалендарного антропонимикона, но произошло его увеличение. При некоторой стабильности центров распространения таких имён добавились новые погосты с частотой их использования выше средней по Карелии.

Причины таких неожиданных изменений в первую очередь экстралингвистические: политические события, работа церкви с населением, периферийное положение региона (= отдалённость от центров), относительная свобода крестьянского и мастерового населения, длительное и мирное сосуществование этносов и т. д., но не будь этого, о многих явлениях, характерных для более ранних эпох, невозможно было бы судить. Все это влияло на ономастический колорит региона, его уникальность и одновременно универсальность. Показательна география бытования отдельного имени.

Представим только один пример — это область распространения уже рассмотренного имени *Бажен*. Данные делопроизводственных памятников

Карта 3

Некалендарный именной поименник по данным Писцовой книги Обонежской пятины 1582/83 г.

по Обонежской пятине XVII в. показывают, что имя имеет островную закрепленность и представлено преимущественно в погостах вокруг Онежского озера, наиболее плотно сосредоточено в Кижском и Пудожском погостах, на Белом море в Шуйском погосте, что совпадает с ареалом нарицательных соответствий, представленных в современных русских говорах Карелии. На остальной территории Карелии XV—XVII вв. имя отмечается единично или вовсе не фиксируется (см. карту 4).

2.9. Некалендарные личные имена

в документах XVI—XVII вв., написанных на шведском языке

Предполагаем, что некалендарные личные имена были прежде всего славянской данностью. Прибалтийско-финские или саамские жители края, вместе с русскими все этапы христианизации, а еще ранее соприкоснулись со славянской языческой традицией, что, думается, послужило причиной принятия ими некалендарного исконно славянского именника. В русскоязычных документах и некоторых других источниках представлены единичные косвенные свидетельства возможности такого заимствования. Перечислим эти случаи.

1) Это патронимы *Нечуев* и *Любуев* (Пантелейко *Нечюев*, Шуньгский, 1496 [ПКОП, 5]; Михалко Семенов *Любуева*, Корела, 1568, [ПКВП, 67]), где патронимы *Нечуев* и *Любуев*, предполагаем, восходят к некалендарным именам *Нечуй* (от *Нечай*) и *Любуи* (от *Любим*), в составе которых выделяется карельский звательный формант *-уй (-ой)*, вероятно, присоединившийся к исконно славянским именам по аналогии (ср. с продуктивным образованием карелизированных форм от календарных имён типа *Демуй, Мичуй, Тепной, Ригуй, Гавишуй* и под.). Вхождение имени *Нечай* в «чужой» ономастикон можно объяснить и его особой популярностью.

2) Это отдельные использования традиционных некалендарных личных имен при этнонимических названиях, типа Суботка *корелянин*, п. Панозерский, 1597 [ДКЛП, 217] или след Бояринка *лопина*, п. Ругозерский, 1597 [Там же, 208].

Карта 4

Распространение имени Бажен по документам Обонежья XVII в.

3) Это географические названия на территориях преимущественного проживания вепсов, карелов. Например, на р. Ояти зафиксирована деревня *Суббочиницы*, в основе которой отмечено некалендарное личное имя *Суббота* [Муллонен: 1994, 79].

Подтверждением правильности предположений являются статистические показатели, составленные по материалам Кексгольмского лена. Так, в документах Кексгольма зафиксировано около 60 некалендарных личных именований, принадлежащих 200 носителям²⁸:

▪ книга 1590 г. — единично: *Pirocha*²⁹ Eniseinss, Llimans Sochn [КЛ, 273]; *Wolke*, Sordabolschi eller Micholski Soch [Там же, 270];

▪ книга 1618 г. — 40 именований, 83 носителя: *Belo* Iwanof, Kiriansk Bohåråditzk p. [КЛ, 308]; *Butora N* [Там же, 297]; *Bosenko* Kostäntinof, Sordowolski p. [Там же, 327]; *Worona* Omelinpoika [Там же, 332]; *Nakras* Kirijlofsin Ragathof [Там же, 330] и т. д.;

▪ книга 1631 г. — 25 именований, 64 носителя: *Mentzik* Hermoief, Kurcki Jocki p. [КЛ, 414]; *Drettiak* Philipof [Там же, 417]; *Istomko* Jacoblef [Там же, 437]; *Drusentka* Jgnatiof, Iougio p. [Там же, 453]; *Nehodeiko* Iuanoff, Ilomantsi p. [Там же, 509]; *Netzaiko* Iuanoff, Salmis p. [Там же, 547]; *Murasko* Ondreoff, Sordowala p. [Там же, 557] и т. д.;

▪ книга 1637 г. — 22 именования, 52 носителя: *Первушка* Иванов / *Perwoy* Iwanof, п. Евгинский [КЛ, 536/134]³⁰; *Поздей* Юрьев / *Påssdo* Jyrgief, п. Куркиёкский [Там же, 502/95]; *Пятой Веселой*, бобыль / *Petoy* Wöseloy, bobell, п. Соломенский [Там же, 733/35]; *Суботка* Володимеров / *Subatka* Welodimerof,

---

²⁸Все выделенные далее курсивом некалендарные имена отмечены в ономастических словарях С. Б. Веселовского [1974] и Н. М. Тупикова [2005], а также в русскоязычных документах Карелии XV—XVII вв.

²⁹ Возможно, основа именования отражает деминутив от имени *Прохор*.

³⁰ Первое число указывает номер страницы в русской части Поземельной книги Кексгольмского лена 1637 г., второе — в шведской.

п. Пялгозерский [Там же, 666/294]; *Томилко* Никулин / *Támilka* Nikulin, п. Шуйстомский [Там же, 709/329] и т. д.

Особо выделим имена, которые не представлены в русскоязычных документах по Водской пятине XVI в. и по Карелии в целом: *Buraiko* Iuanoff, Sordowala p., 1631 [КЛ, 553]; *Butko* Wolkof, Kiriansk Bohåråditzk p., 1618 [КЛ, 308]; *Budilko* Timofeoff, Pelgi Järfwi p., 1631 [КЛ, 534]; *Бояринко* Семенов / *Bogarin* Semenov, п. Куркиёкский, 1637 [КЛ, 481/71]; *Позорко* Мегоев / *Possorko* Michaef, п. Иломанский [Там же, 634/267]. Их отсутствие в русских документах обусловлено, вероятно, тем, что при переписи жителей Водской пятины московские писцы самовольно заменяли некалендарное имя на календарное, как этого требовали церковные правила того времени. Следовательно, вполне допустимо, что некалендарный именник был намного шире, чем это представлено в русскоязычных документах исследуемого региона.

Несмотря на то что в процентном отношении русские некалендарные имена составляют весьма небольшую часть ономастикона ($\approx 0,5\%$), их наличие в шведских памятниках еще раз подтверждает: традиции дохристианского имянаречения до середины XVII в. на периферии русского государства были сильны. Сохранялись принципы, способы и мотивы номинации новорожденного по русскому образцу.

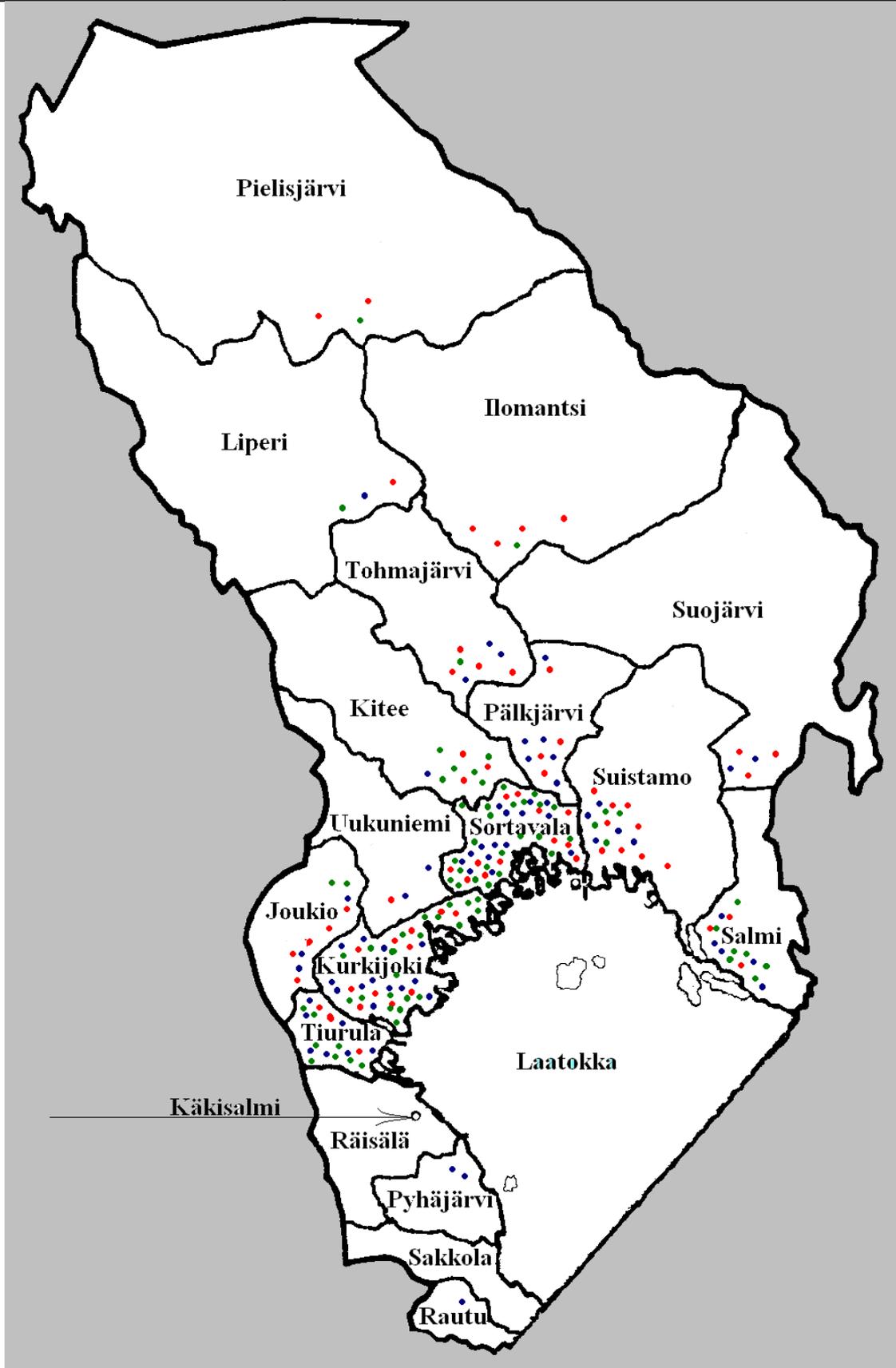
Большая часть некалендарных личных имен Кексгольма фиксируется в погостах, в недалеком прошлом принадлежащих Руси. Для наглядного представления распространения этого явления обратимся к картографированию. Для этого из документов 1618, 1631, 1637 гг.³¹ извлечены некалендарные личные имена и прозвища со славянской апеллятивной основой. Их нанесение на карту 5 показало следующее: территория распространения выбранных антропонимических единиц (данные за 1618 г. обозначены зеленым цветом, за 1631 г. — синим, за 1637 г. — красным) связана с тем пространством, которое являлось зоной или преимущественного проживания русских, или наиболее

---

³¹ Книга 1590 г. не является надежным источником изучения антропонимического материала и не привлекается для его картографирования.

Карта 5

Некалендарные личные имена в документах Кексгольмского лена
по документам 1618 г., 1631 г., 1637 г.

тесных контактов, прежде всего, карелов с ними. Это очень плотное кольцо вокруг Ладожского озера, на периферийных районах фиксации единичны.

2.10. Особенности мотивации в региональном некалендарном ономастиконе как этнолингвистическая составляющая

Исследование некалендарных личных имен с точки зрения мотива именования показало, что не только за группой семантически связанных между собой имен, но и практически за каждым именем выстраивается этнолингвистический шлейф и самые разные предположения об истинных мотивах именования и способах образования таких имен в прошлом.

Так, рассмотрение вопроса о частотности некалендарных имен заставило обратить внимание, что имена *Нечай* и *Третий* не имеют в списке «конкурентов». При этом имя *Третий* и модификаты от него частотны и в других регионах древней Руси [см.: Мосин 2008: 15—18, 20—21; Ганжина 1992: 4—15; Чайкина 2005 (2): 194—195]. Так, в уральском ономастиконе имя *Третьяк* занимает первую позицию среди употребительных имен [Мосин: 2008, 15—18, 20—21], высока частотность и имени *Нечай* в разных регионах Руси.

Частота употребления этих имён «запрограммирована» также их внутренней формой. Рассмотрим мотивы, стоящие за данными именованиями и их особенности. Имя *Нечай* и модификаты от него (*Нечайко*, *Нечаец*) стоят в ряду личных имен с начальным *Не-*, ср. с представленными в документах Карелии: *Невежа*, *Невзор* (*Невзорко*), *Негодяй (*Негодяец*, *Негодяйко*), *Неждан* (*Нежданко*), *Незамай (*Незамайко*), *Незнан, *Неклюд* (*Неклюдка*), *Некрас* (*Некраско*), *Нелюбка*, *Немятой*, *Несветай (*Несветайко*), *Несвойка, *Нетюк*, *Неудача*, *Неупокой*, *Неустрой. См. около ста подобных примеров в ономастиконе С. Б. Веселовского [1974, 213—221].

Семантически данные имена распределяются по разным группам, если учитывать их ближайшую — «прозрачную» — семантику, отраженную в основе. Именно по этому свойству А. М. Селищев распределил имена с *Не-* (*Недо-*)

по таким группам, как «обстоятельства появления нового члена семьи» (*Неждан, Нечай*), «внешний вид» (*Невзор, Недомолва, Недорез, Недород, Недосека, Неклюд, Некрас, Некраш, Нележкой*), «свойства» (*Невежа, Невем, Невера, Недоброй, Недорез, Недород, Недосека, Незамайко, Незнай, Нелюб, Немир, Немятой, Ненадобной, Непогодко, Несговорка, Несмеян, Неугод, Неудача, Неупоккой, Неустрой, Неусыпа, Неуча, Нехорошей*), «церковные отношения и элементы», насмешливые имена» (*Неупоккой*), «профилактические имена» (*Невзор, Негодяй, Негодяйко, Нелюб, Неудача, Нехорошей*) [см.: Селищев: 1968, 108—112].

Как видим, уже А. М. Селищев включает одни и те же имена в разные группы, что связано с диффузной семантикой некалендарных личных имен. Так, в имени Нечай могли контаминироваться семы ‘перестать верить’, ср.: (*не*) *чаять* ‘думать, полагать, надеяться, ожидать’ [Фасмер, 4, 321], и охранная (имплицитная, полярная) ‘ожидание’. Возможна также связь с *нечаянный* ‘никак не предполагаемый, случившийся неожиданно’ [БТС].

Безусловно, вся группа имен с *Не-* интегрируется единым апотропеическим мотивом, совмещающим пожелание и охрану. Цель прагматическая — сохранение нового члена семейного социума, пожелание уберечь его от смерти, болезней, действия нечистой силы и недоброго человека (сглаз), причем достигается данный результат через использование форманта *не-*, в котором и заключена особая магия имени. На данную особенность, сохранившуюся в русских говорах и литературном языке, обращал внимание Н. И. Толстой. В частности, он выделял «*табуистическое не*» применительно к ребенку. Со ссылкой на этнографические материалы Д. К. Зеленина Н. И. Толстой приводит пример, подтверждающий такую возможность: «Русские на р. Тереке, исходя из соображения, что сказать дитяти какую-нибудь похвалу — значит сглазить его, вместо “здоровый ребенок” говорят больной; вместо “красивый” — дурной; вместо “трудолюбивый” — лентяй» [Толстой: 1995, 344].

Подобным образом наблюдается контаминация внутреннего наполнения у антропонима *Третьяк*. Помимо, казалось бы, прямого отражения денотата — ‘третий по счету ребенок в семье’, мотив появления этого имени мог пересекаться

с пожелательной функцией, за которой скрыто стремление иметь большую семью. За ним видится некий прагматизм наших предков, как признак других имплицитных составляющих мотива: сила, удача и, возможно, богатство (семья с большим количеством лиц мужского пола — богатая семья, что являлось, в свою очередь, залогом достатка и успеха в обществе). Эти мотивы логически связаны с еще одним мотивом именованя — народной магией числа три. Выявлено: число три — это развитие и завершенность процесса, полнота некоторой последовательности (начало — середина — конец или нижний — средний — верхний уровни и под.). Третий член некоего ряда трактуется как высший, совершенный (в фольклоре: третий сын, третья дочь и т.п.) [см.: СД, 5, 544—545; со ссылкой на Лукинова Толстая: 2010, 215]. О том, что порядок рождения — один из самых частых мотивов именованя в ономастиконе Карелии XV—XVII вв., свидетельствуют следующие примеры:

- *Первой — Первой* Устинов, крестьянин, п. Пудожский, 1582/83 [КЗПОП, 225]; *Первуша* Филипов сын, шуиречанин, Кемская вол., 1571, данная, [Гейман, 203] (он же Первушица Филиппов, Кемская вол., 1572 [АСМ, 21]) *Первыша* Иванов Зеленик, крестьянин, п. Вытегорский, 1563 [ПКОП, 209]; *Первушка* Прокофьев, п. Выгозерский, 1582/83 [КЗПОП, 201] и т. д.; всего 84 примера;
- *Второй — Второй* Поздеев, дьяк, грамота, 1602 [Мюллер, 15] и т. д.; всего 6 примеров;
- *Третий — Третьяк* Васильев сын Июдин, Кемская вол., данная, 1571 [Гейман, 203]; *Третьячко* Васильев, крестьянин, п. Паданский, 1597 [ДКЛП, 204] и т. д.; всего 279 примера;
- *Четвертой — Четверток* Игнатов, крестьянин, п. Кижский, 1582/83 [КЗПОП, 146]; Якуш Игнатов Попов да его братья Июдка да *Четвертой*, крестьянине, п. Кижский, 1563 [ПКОП, 132]; всего 2 примера;
- *Пятой — Пятой* Васильев, староста, п. Шуньгский, дело и челобитная, 1650 [Мюллер, 101]; Овдокимко да *Пятуша* Андреевы, крестьянине, запись, 1591 [Гейман, 325]; бобыль *Пятушка* Яковлев скоморох, крестьянин, п. Пудожский, 1582/83 [КЗПОП, 316]; *Пятко* Олексеев, крестьянин, п. Важинский, 1582/83

[Там же, 113]; *Пятуня* да Петрушка Лукины Поповы, крестьянине, п. Олонецкий, 1563 [ПКОП, 65] и т. д.; всего 25 примеров;

- *Шестой* — *Шестак* Васильев, крестьянин, п. Вытегорский, 1582/83 [КЗПОП, 274]; *Шестачко* Данилов, крестьянин, п. Кижский, 1582/83 [Там же, 150]; *Шестой* Федосиев сын, староста, Кемская вол., раздельная, 1640—1645 [Мюллер, 44] и т. д.; всего 31 пример;
- *Седьмой* — Иев, по прозвищу *Семой*, Ермолин сын, 1612, Строкина пуст. [Докучаев-Басков, 96]; всего один пример;
- *Восьмой* — Корнилко *Осьмой*, площадный подьячий, п. Олонецкий, дело, 1675 [Мюллер, 218]; *Осьмушка* Овдокимов, крестьянин, п. Олонецкий, сказки, не ранее 1664 [Там же, 179]; всего 2 примера;
- *Девятой* — *Девятой* Федоров, староста, п. Шуньгский, челобитная, 1639, [Мюллер, 40]; *Девятко* Игнатъев, крестьянин, п. Панозерский, 1597 [ДКЛП, 216]; 1598 [ДКШВ, 237] и т. д.; всего 10 примеров.

В некоторых семьях этот мотив именования переходил от одного поколения к другому, ср. с примерами семейных соименований: *Первой* да Исуп *Третьяковы* дети Зынина сына Савина, п. Сакульский, 1568 [ПКВП, 117]; *Третьяк* Леонтьев сын *Шестого*, п. Кижский, раздельная, 1639 [Мюллер, 38]; *Шестачко* *Третьяков*, крестьянин, п. Кижский, 1582/83 [КЗПОП, 149]; *Вторушка* *Третьяков*, Повенец, 1612 [Чернякова, 28] и проч.

Обращают на себя внимание статистические показатели употребительности личных имен по порядку рождения. Наибольшее количество номинаций связано с нечетными числами: см. статистику для имен *Первой*, *Третьей*, *Пятой*, *Девятой* (искл. *Седьмой*³²), сюда же включаем *Шестой* — удвоение нечетного числа три. Совершенно иная картина с четными именами (*Второй*, *Четверток*, *Осьмой*).

---

³² Редкое использование имени *Седьмой*, вероятно, связано со следующими причинами: 1) известно, с числом семь связана стойкая положительная семантика, отражение которой в имени могло не призвать удачу, здоровье, счастье и под., а напротив, лишить их. Это своеобразное табу на имя; 2) возможно, один из модификатов календарного имени *Семен* — *Семак* — совпало по форме с суффиксальным образованием от *Седьмой*.

Вопрос о том, почему подобная тенденция прослеживается в ономастиконе Карелии XV—XVII вв. и была ли она в других регионах, едва ли можно решить сейчас (нужны дополнительные материалы). Но не исключено, что в этом случае мы имеем дело с «числовым мотивом» (термин С. М. Толстой) или магией числа, которая широко отражена в славянском устном и письменном фольклоре. Этнолингвистический анализ числа и особенностей счета в народной традиции см. у С. М. Толстой [2010, 208—259]. Более того, у С. М. Толстой находим и числовую семантику, в которой семантизация числа определяется не только в народной магии, но и в «высокой», книжной традиции, которая, как нам представляется, могла также найти отражение в именовании новорожденных. Так, исследователь обращается к числовым текстам с книжной апокрифической традицией, принятой, например, у южных славян. В них даны толкования числам как: 1) отсылающим непосредственно к библейскому тексту; 2) не имеющим прямого источника в Священном Писании, но также получившие библейскую мотивировку; 3) даны толкования не библейские и вообще не сакрального характера [Толстая: 2010, 247]. Например, *один* — трактуется как «Бог»; *два* — ассоциация со скрижалями Моисея; *три* — три патриарха, три персоны, Троица и т. д. (см. подробнее: [Толстая: 2010, 208—259]). Учитывая эти и другие особенности, В. Н. Топоров предполагает, что «для числовых моделей в архаичных культурах характерна гораздо большая обнаженность, подчеркнутость целевой установки, связанной с более прагматическим (по сути дела, а не по внешним признакам) отношением к этим моделям и числу вообще... в архаических традициях числа могли использоваться в ситуациях, которым придавалось сакральное, «космизирующее» значение... эта задача ставилась в более явную и непосредственную связь с идеей благополучия коллектива. И поэтому она носила более насущный характер, была... глобальной» [Топоров: 1980, 5].

О том, что именованья лиц по порядку рождения — это ономастические универсалии, — свидетельствуют следующие факты: они были приняты, например, в ономастической системе Древнего Рима, ср. женские — *Prima*,

Secunda, Tertia — и т. д. и мужские имена — *Quartus, Quintus* [Сулова: 1985, 19]. Подобные антропонимы представлены в именниках многих тюркских народов, например, башкирских [Раемгужина: 2009, 14—15; Хазиева: 2007, 15], до настоящего времени функционируют в Японии [Новикова: 2009, 99], являются предпочтительным в именовании детей на Бали [Бойко: 2013, 18] и даже отмечены в коми-пермяцких именниках. Е. Н. Полякова приводит примеры таких антропонимов: фамилия *Сизимеров / Сизиморов* восходит к коми порядковым числительным *сизимот, сизимодз* ‘седьмой’ (Чердынец Баженко Дорофеев сын *Сизимеров*, Чердынец Ивашка *Сизиморов*), а фамилия *Куимов* — к слову *куим* ‘три’: «Крестьянин деревни на реке Сумыче Данилко *Куимов*» [Полякова: 2010, 13].

Порядок рождения — это один из наиболее частотных мотивов именовании (всего по разным типам документов Карелии XV—XVII вв. зафиксировано около 450 примеров с подобным мотивом). Кроме того, при наречении новорожденного номинаторы (чаще всего, родители) часто обращаются к мотиву, связанному с отношением родителей к факту появления ребенка в семье (в порядке убывания частотности): *Нечай, Богдан, Ждан, Поспел, Неждан, Собинка, Дорогой, Баженка, Нелюбка* (более 400 случаев). Несмотря на внушительную статистику, отметим: наиболее разнообразный репертуар имен обнаруживается в группе, отражающей внешность новорожденного (их около 50 на 304 носителя). Это свидетельство значимости эстетического критерия в номинации лица, при этом некалендарное личное имя, восходящее в апеллативу со значением лица, не имеет негативной экспрессивной окраски (*Малко, Малютка, Белянка* и т. д.), или она сглаживается через использование формантов (*Ушачко, Грибашка, Грибанко, Рудачко, Сушко, Ширяйко, Посничко*).

Диффузная мотивация видится и в других группах некалендарных личных имен. Вариантом в данном случае будет или пожелательный, или охранный мотивы именовании. Так, группа имён, отражающих время рождения (*Вешняк, Морозко, Подосенко, Падора* и под.), контаминируется с охраной человека от стихий природы; в отношении родителей к факту появления ребенка в семье (*Бажен, Ждан, Неждан* и под.) можно усматривать одновременно и желание

иметь большую семью, и охранительный мотив — оберег от несчастий; имена, характеризующие поведение новорожденного, особенности его появления на свет (*Истома, Томила, Будай, Гневаш, Рагоза* и под.), соединяются с желанием иметь спокойного ребенка, что немаловажно для продуктивной трудовой деятельности родителей и других членов семьи; мотив именованья, указывающий на внешние особенности ребёнка (*Беляй, Некрас, Худячко* и под.), переплетается с охраной именуемого и, в ряде случаев, отражает эстетический идеал внешности, на который ориентировались предки.

Истоки диффузности мотивов именованья связаны с процессами номинации субъекта на далеких от нас стадиях мифологического восприятия мира. В этом смысле некалендарные личные имена — это особые отголоски, своеобразные коды такого видения окружающей действительности и места человека в ней. Таким образом, с учетом диффузности выстраивается мотивационная парадигма, составление которой обусловлено различными лексическими, фразеологическими, историческими, этнографическими данными, сохранившимися в диалектах и фольклоре, литературном языке. В лексикографических ономастических изданиях (см.: Ю. И. Чайкина [1995], Е. Н. Полякова [2007], И. А. Кюршунова [2010]) словарная статья становится отражением мотивационной парадигмы, где каждый мотив именованья обозначен цифрой. Дадим несколько примеров.

Личное имя *Первой* (*Первуша, Первушка, Первяк, Первыш* и т. п.): 1) за мотивом именованья скрыто пожелание иметь продолжение рода, большой семьи; 2) имя отражает порядок появления ребенка в семье.

Личное имя *Заяц* (*Зайко*): 1) охранное имя, поскольку известно, что заяц связан с нечистой силой; 2) пожелательное имя, так как зайцу свойственен эротизм, плодовитость; 3) прагматический мотив: ребенок появился в семье охотника, когда в соответствии с охотничьим календарем начинается охота на зайцев; 4) характеризующие мотивы, которые можно соотнести и с новорожденным, и со взрослым человеком: а) внешние особенности, например косоглазие; б) качества характера именуемого, в частности трусость; 5) любая

другая виртуальная ситуация, реконструкция которой в настоящий момент не представляется возможной.

Личное имя *Некрас* (*Некраско*, *Некрасец*): 1) одновременно скрытый охранный и пожелательный мотивы. Имя призвано хранить красивого ребенка прежде всего от сглаза, а также от нечистой силы; 2) имя отражало реальную действительность и было дано внешне непривлекательному ребенку.

Личное имя *Мороз* (*Морозко*): 1) пожелание здоровья и силы родившемуся зимой ребенку; 2) имя отражало время появления ребенка, возможно, имело соотношение с церковным календарем — Крещенскими морозами, или народным календарем — Афанасьевскими морозами (Афанасием-ломоносом, Афанасием-ломоносыком, Афанасием-пучеглазом, Афанасий-семирог, Афанасий Сидячий и др.) [Атрошенко: 2015, 40—42].

Представленные наблюдения показывают, что некалендарное личное имя — это особый судьбоносный обряд, тесно связанный с различными обстоятельствами рождения, при котором закладывалась концепция будущего ребенка, его судьба. За индивидуальной номинацией находятся сложные когнитивные процессы, сочетающиеся с этнокультурными представлениями. Следовательно, имя — это еще и своеобразный вербальный код, через который планируются правильные параметры будущей жизни номинируемого и прочитываются основные установки русского семейного социума и общества в целом.

2.11. Этнокультурный контекст некалендарного личного имени

Проблема разграничения некалендарного личного имени и прозвища, соотносящаяся с мотивами именовании по линии *новорожденный ↔ взрослый человек*, разводит данные антропонимические единицы и в этнолингвистическом ракурсе.

При интерпретации возможных мотивов именовании мы обращаемся к рефлексам слова в народном сознании, вычлняя 1) охранные и пожелательные

или 2) характеризующие признаки, последние содержатся в лексическом значении сопоставляемого с именем собственного апеллятива, отмеченного в словаре³³.

Остановимся на именах-апотропеях, у которых мифологический код доминирует. Основное назначение таких некалендарных личных имен — желать или беречь от беды, от смерти, любой опасности, которая может грозить прежде всего ребенку.

Для определения того, какие группы нарицательной лексики закодированы в некалендарных личных именах, отмеченных в памятниках письменности Карелии XV—XVII вв., и какие группы апеллятивов наиболее востребованы для номинации новорожденного, обратимся к системному анализу лексики, так называемым *онимическим микрополям*, позволяющим рассматривать имена-апотропеи, внутри микрополя которых можно выделить также ряд подгрупп (или сфер), семантически связанных на апеллятивном уровне именований. В мотивационном плане такие имена отражают этнолингвистические сведения, которые можно свести к двум взаимосвязанным типовым моделям: 1) связь имени с различными мифами, ритуалами, обычаями, позволяющими считать имя ребенка *охранным знаком* его самого, семьи, рода; 2) в имени отражается мистификация обстоятельств появления ребенка на свет, переводящая имя ребенка в *знак-обман*. И та и другая модель имели судьбоносную направленность³⁴. Это ставит ребенка, наделенного именами, имеющими, прежде всего, непрозрачную внутреннюю форму (*Заяц, Бык, Деревяга, Суслон, Губа, Маслак, Кисель, Ошурок, Дерига, Бурко, Рудачко, Падорко* и т. п.), в ряд «чужих»

---

³³ Однако сопоставляемые с именем собственным сведения, содержащиеся в словарях (в том числе и ономастических), вряд ли стоит считать до конца исчерпывающими.

³⁴ Подобное фиксируется в ономастиконах и в настоящее время, ср. наблюдения И. А. Седаковой о имянаречении у неоязычников, для которых актуальна «вера в то, что давая ребенку определенное имя, можно передать ему свойства, заложенные в семантике слова, а также запрограммировать характеристики человека-тезки (родственника, литературного героя, спортсмена и пр.) остается в обществе очень сильной» [Седакова: 2007, 173].

лиц. Через имя выполняется функция отвращения злых, нечистых, недобрых сил, смерти. В данном случае удачными представляются размышления Л. Н. Виноградовой о поверьях, связанных с появлением (именно появлением, а не рождением) ребенка на свет. Когда на вопрос — «откуда я взялся?» — специально акцентируется ответ, связанный с мотивом «чужеродности» ребенка, т. е. демонстративно отрицается факт его принадлежности данным родителям» [Виноградова: 2000, 358]. Отсюда мотив чужого, случайно найденного, купленного, посланного божественными силами ребенка, когда «подателями детей выступают животные, птицы, растения, природные стихии... детей покупают» [Там же, со ссылкой на Гаврилюк, 349], найденный среди домашней утвари, в продуктах питания и т. п. До настоящего времени в народных представлениях славян бытуют обманные тексты с ключевой идеей о чудесном происхождении детей, призванные выполнять охранительную функцию, чтобы защитить новорожденных от вредоносного воздействия злых сил [Виноградова: 2000, 359—360]. Добавим, что «оппозиция «свое — чужое», одна из ключевых не только в народном менталитете, но и среди когнитивных структур вообще» [Леонтьева: 2015, 209].

Назовем в порядке убывания частотности группы таких именовании с этнолингвистическим наполнением, в которых выделенное курсивом именование рассматривается как некалендарное личное имя³⁵.

1) Самое большое количество рефлексов в именах имеют некалендарные личные имена, связанные с названиями животных: *Боранко* Васильев, п. Мегрежский, 1582/83 [КЗПОП, 293]; *Ворона* Костин, п. Выгозерский, 1563 [ПКОП, 164]; *Комар* Рудаков, п. Андомский, 1563 [Там же, 191]; *Кот* Ларюков, п. Толвуйский [Там же, 140]; *Курица* Денисов, п. Выгозерский, 1582/83 [КЗПОП, 199]; *Мураш* Федко Семенов, п. Толвуйский [Там же, 171]; *Муха* Остафьев, п. Шальский [Там же, 217]; *Паук* Панкратов, п. Остречинский [Там же, 119—120];

---

³⁵ При этом имеется большое количество отапеллятивных основ в составе прозвищ, патронимов и фамильных прозваний, которые, возможно, до того, как обрели «новый» ономастический статус, являлись личными именами.

Синица Юркин, п. Ровдужский, 1568 [ПКВП, 165]; *Соловей* Бобылев, п. Оштинский, 1582/83 [КЗПОП, 314]; *Хрюка* Пантелеев, п. Пудоожский [Там же, 235]; *Чиуж* Ондреев, п. Кижский [Там же, 155] и т. д. В списке около 40 имен, восходящих к названиям домашних или диких животных. Подробный анализ данной группы представлен в главе 5, п.п. 5.1.5. Здесь же отметим, что эта группа является ономастической универсалией и представлена в ономастиконах разных языков, а специфическим региональным признаком о ономастиконе Карелии XV—XVII вв. является использование зоантропонимов с прибалтийско-финской основой.

2) Несколько меньшим списком представлены именованья, связанные с названиями бытовых предметов: *Бакланко* Филиппов, п. Оштинский, 1563 [ПКОП, 224]; *Башимак* Чулков, п. Шуньгский, 1593 [Гейман, 340]; *Деревяга* Федотов, п. Городенский, 1568 [ПКВП, 81]; *Игла* Павлов, п. Ровдужский, 1568 [ПКВП, 165]; *Иголка* Ивашковъ, п. Иломанский, 1500 [ПОКВП, 173]; *Кошель* Кузьмин сын, Кереть, купчая, 1520 [АСМ, 35]; *Кубаско* Лутьянов, п. Вытегорский, 1563 [ПКОП, 208]; *Лапоть* Михайлов, п. Оштинский, 1582/83 [КЗПОП, 298]; *Тарабука* Павлов, п. Выгозерский, 1563 [ПКОП, 164]; *Чеботайко* Гаврилов, очень часто в документах 2-й пол. XVI в. и т. д. (около 30 имен). А. В. Суперанская отмечает в отношении этих имен: «В определенных условиях существовала традиция давать имена по разного рода предметам: *Ухват, Кочерга, Корчага, Подушка, Армяк*. Имя *Башимак* могло возникнуть в этом ряду. К сожалению, у нас нет возможности восстановить ситуацию, в которой происходило становление имен, поэтому ответить на поставленный вопрос мы можем лишь предположительно» [Суперанская: 1991, 117]. Думается, что данные предметы были не только материально, но и культурно значимыми. С одной стороны, в основе таких именованья находятся предметы, которые не были особенно значимы в быту, а следовательно, замена через имя названием бытового предмета должна была иметь охранительный эффект: несущественный предмет не вызовет интерес у нечистой силы, смерти, которая могла прийти за ребенком. Мотив отречения от семьи, переход в поле «чужой», не связанный с матерью, семьей,

родом видится здесь так же ясно, как и в именах зооморфного характера и всех прочих, описанных под пунктами 3—8. С другой стороны, оказалось, что практически за каждым таким, казалось бы, незначительным предметом, находится комплекс разных верований, магических действий, самых разных ритуалов, в том числе, связанных с рождением ребенка. Так, за именем *Лапоть* стоит применявшийся в практике в качестве оберега или средства, стимулирующего плодородие предмет лапоть [СД, 3, 79]. Он использовался в родильном обряде. На Псковщине в лапоть помещали послед и накрывали его вторым таким же лаптем, после чего прятали в землю. В Новгородской губернии послед клали в лапоть, снятый с правой ноги роженицы, чтобы ребенок хорошо владел правой рукой. Для облегчения родов, роженицу поили водой из лаптя [Там же, 80]. В качестве оберега у русских старые лапти вывешивались возле скотного двора, перед домом, у ворот, чтобы защитить дом и скот от злого глаза и т. д. [Там же]. Если вернуться к имени *Башимак*, то оно, как и *Лапоть*, как и *Чеботайко*, входит в подгруппу ономастического микрополя «Обувь», которая в этнолингвистическом плане является «одной из подсистем предметного кода традиционной культуры, в семантическом и функциональном отношении близкая к одежде» [СД, 3, 475—476]. Существенны такие признаки обуви, как ее связь с ногами и хождением, контакт с землей, материал изготовления, технология, особая символика у старой и новой обуви. Отмечено использование обуви в свадебном обряде. Например, в Олонецкой губернии обувь для невесты изготавливали свекор, что являлось символом включения чужого в прошлое человека в свой семейный круг и т. д. [Там же, 476].

Этнолингвистическую основу находим также и у других именовании данной подгруппы, отмеченных в документах Карелии: *Дубина*, *Игла*, *Иголка*, *Кошель*, *Кожух*, *Лопата*, *Лоскут*, *Чурка*. Поэтому закономерно допустить, что и другие бытовые объекты, не зафиксированные в работах этнолингвистов, лингвокультурологов, имели подобную мифологизированную составляющую в мотиве именовании.

3) Далее следуют группы личных имен, обусловленные *названиями частей тела*: *Брил* чюдин, п. Петровских Кречатникова, 1539 [ПКВП, 49]; *Жила* Яковлев, п. Андомский, 1563 [ПКОП, 192]; *Зуб* Тимофеев, п. Соломанский, 1568 [ПКВП, 175]; *Лупайко* Ондреев, п. Андомский, 1582/83 [КЗПОП, 247]; *Пакуля*, Кемская и Подужемская вол., запись, 1591 [Гейман, 321]; *Скуратко* Кузмин, п. Андомский, 1582/83 [КЗПОП, 242] и т. д. (13 имен). Соматическая лексика — это известная языковая универсалия, отображающая все особенности физического облика человека. Например, имя *Лупайко* могли дать большеглазому малышу. Но предполагать только описание физических особенностей (дефектов, отсутствие органа) можно у прозвищ. Для имени новорожденного опять ищем охранный мотив по известной схеме: отдельно взятый орган ставит ребенка с таким именем в разряд «чужого» — только нога, рука, глаз и под. вряд ли будут нужны тому, кто захочет отнять ребенка у семьи. Опять же за каждым органом стоит этнолингвистическая информация. Мотив именованя *Зуб* можно соотнести с народными представлениями о жизненной силе, возрасте, со сверхъестественными способностями [СД, 2, 359]. Существовало большое количество поверий, магических обрядов, запретов, примет для беременных и во младенчестве, связанных с данным органом. Особая крепость зубов и их аномалии осмыслялись как признак демонического начала. Ребенок, родившийся с двумя зубами, может стать колдуном, ведьмой, упырем и т. п., не будет долго жить, будет умным и ясновидящим, он родился от связи женщины и ходячего покойника [Там же, 361—362]. «На Русском Севере существовало представление о том, что «тайное знание» следовало передавать здоровому человеку, у которого были хорошие волосы и зубы. Считалось, что лечение заговором будет успешным только в том случае, если у знахарки целы все зубы. Или хотя бы часть их. Если же зубов нет, лечение будет безрезультатно» [Там же, 362].

4) Изучение имен, соотносимых с *названиями продуктов питания*, также вносит определенный вклад в реконструкцию фрагмента языковой картины мира, связанного с отношением к ребенку в семье, с детством, ср.: *Бебеня* Давыдов, купчая, 1555/56 [АСМ, 126]; *Курник* Михайлов, п. Важинский, 1563 [ПКОП, 94];

Луста Дмитриев, п. Вытегорский, 1563 [Там же, 203]; *Шанга*, п. Выгозерский, 1563 [Там же, 161] и т. д. (10 имен). Такие имена отмечены в белорусском ономастиконе XVI—XVIII в.: *Бохан, Вареник, Гуца, Забела, Каша, Колбаса, Кисель, Оладя, Перепеча, Сирон, Сметанко, Тварог, Яйко* и др. [Бірыла: 1969, 189], украинском XIV—XVII вв.: *Бардук, Блин, Борщ, Каша, Коровай, Крупа, Оладья, Сало* и др. [Демчук: 1988, 105, 111]³⁶. Думается, что они являлись составной частью других славянских именников.

Такие имена свидетельствуют, что пища — это не только материальная, но и духовная часть языковой картины мира прошлого. Пищевой код в таких именах связан с функцией оберега. Названия кулинарных объектов отражали обычаи, связанные с рождением ребенка, поведением будущей матери, поведением девушки до замужества, ср.: «строгие пищевые запреты и предписания действовали в период беременности, поскольку от рациона матери зависели внешность, характер и судьба ребенка... По вкусовым пристрастиям беременной определяли пол будущего ребенка... У всех славян будущей матери нельзя было отказывать в еде, прятать от нее пищу, упоминать при ней то, чего нет в доме, чтобы у нее не появилось желания съесть это... В первые годы жизни ребенка пища способствовала половой идентификации ребенка, формированию его внешности, характера и отдельных качеств и умений... кормить мальчиков вареными петушиными сердцами, гребешками, чтобы росли смелыми (рус.)... Повышению фертильности молодой должно было способствовать употребление

---

³⁶ Возможно, такие имена имели более широкое «хождение» в языковом и географическом плане. Предполагаем, что они могли присутствовать в ономастиконе карелов и вепсов. Ср. в исследуемых памятниках письменности Карелии фиксируется патроним *Линдачев* (Сенка *Линдачев*, кр-н, п. Селецкий, 1597 [ДКЛП, 193]). Возможно, он восходит в конечном итоге к прибалт.-фин. *линдач, карел. *linda* ‘мучная похлебка из рыбы и оленины’, фин. то же [там же], *linta* ‘жидкая молочная каша из муки’ [КРС, 89]. Аппелятив заимствован в русские говоры Карелии, где *ли́нда* ‘мучной суп’ канд., ‘мучная каша’ канд.; *ли́ндава, линдүшечка, линдүшка* ‘овсяный кисель или каша’ медв., белом., канд. [СРГК, 3, 124], кольск., арх. [Фасмер, 2, 498]. К сожалению, у нас не так много подобных примеров, чтобы провести необходимые наблюдения. Добавим, что такие именованья не отмечены в тюркско-татарских ономастиконах.

специальных блюд, таких как курица — символ плодovitости (традиционный пирог курник, запеченная курица и др.). ... Во Владимирской губернии повитуха приносила белую капусту и молоко и давала их невесте, чтобы дети были “беленькими”» и т. д. [СД, 4, 61—64].

Пожалуй, наиболее тесно с обрядом родинного цикла связано имя *Каша* (*Каша* Федоров, п. Шальский, 1563, ПКОП, 168). Это обусловлено способностью каши при варке увеличиваться в объеме, «расти», что мотивировало такие ее значения, как пожелание быстрого роста, приумножения и развития [СД, 2, 484]. В этнографических исследованиях представлено большое количество примеров, связанных с использованием каши на родинах и крестинах [Там же, 484—485].

5) Имена, соотносимые с названиями растений: *Берсень* Ефимьев, п. Пиркинический, 1563 [ПКОП, 78]; *Капуста*, толвуянин, духовная, 1561 [АСМ, 166]; *Лулак* Лукин, п. Андомский, 1563 [ПКОП, 200]; *Рогозинка* Офонасьев, п. Веницкий, 1582/83 [КЗПОП, 138] и т. д. (9 имен).

Растительный код, по замечаниям Л. Н. Виноградовой, наиболее популярный в поверьях о появлении детей на свет. Модель достаточно многообразна: детей находят среди огородных культур, в злаковом или конопляном поле, в траве, цветах, кустах, в лесу, на деревьях, пнях, с доминантой «нашли в капусте» [Виноградова: 2000, 353]. Капуста — одна из основных овощных культур традиционного рациона славян, поэтому от посадки до рубки обихаживание этой культуры обросло большим количеством магических обрядов, в том числе имеющих отношение к женщине и ребенку. Так, известен общеславянский запрет заниматься посадкой женщинам во время месячных — капуста не уродится; по другим регионам запрещалось роженицам до шести недель — капуста сгниет, беременным — умрет ребенок [СД, 2, 458]. Ребенка, рожденного вне брака, называли *капустничком* (казан.). Верили, что в капусте обитает мифическое существо *Капустница*, которое благотворно влияет на ее урожай. Капуста наделена брачной символикой, капуста используется в народной медицине и т. д. [Там же, 461]. Капусту наделяли и брачной символикой: за измену парень ссекает капусту на грядках у девушки, которая изменила (казан.).

Кочан капусты (вместе с гусем и гречишной половой) ставили после свадьбы на стол перед родителями «нечестной» невесты (*минск.*) [Там же, 457—461].

б) Имена, соотносимые с названиями цветового спектра, достаточно активны и в ономастиконе Карелии и в ономастиконах других территорий. Всего зафиксировано 6 имен (на более чем 20 носителей), восходящие к корням *Бел-*, *Бур-*, *Руд-*, *Черн-*, *Чубар-*. Ср.: *Белашка* Павлов, кр-н, п. Андомский, 1582/83 [КЗПОП, 204]; *Бурко* Моторов, кр-н, п. Пиркинический, 1563 [ПКОП, 83]; *Бурец* да Онуфрейко да Гридка Гиблого, п. Выгозерский [Там же, 162]; *Рудачко* Максимов, кр-н, п. Мегрежский, 1563 [Там же, 214]; *Рудной* Яковлев, кр-н, п. Мегрежский, 1563 [Там же, 221]; *Чубарко* Логинов, кр-н, п. Шальский, 1582/83 [КЗПОП, 221] и т. д.

Показательно, что в документах Карелии XV—XVII вв. имена с корнем *Бел-* (*Бел(ой)*, *Белко*, *Беляй / Беляйко*, *Беляна / Белянка*, *Белава*, *Белаш(а) / Белашка*, *Белеха*) и модификаты от него встречаются чаще, чем другие «цветные» имена. Компонент *Бел-* указывает на связь с белым цветом, который способен означать сакральность, чистоту, плодородие, свет и т. п. [СД, 1, 151], белый цвет защищает от дурного глаза, порчи [Там же, 154]. Думается, что человек, носящий имя с корнем *Бел-*, мог продуцировать такие действия. Ср., например, с одной из семантических реконструкций имени языческого бога поморских славян *Белобога*, как доброго бога, противостоящего черному [Там же, 151], а также с известным в белорусской мифологии названием доброго духа *Белуна*, который ассоциировался с источником богатства [Там же, 150], вероятно, стоит учесть и ритуальные действия, относящиеся к белению (дома) [Там же, 148], и то, что мифологическая семантика белого цвета проявляется в гаданиях, предзнаменованиях, поверьях [Там же, 152].

Следовательно, один из мотивов именованья — пожелательный. Возможно, не случайно компонент *Бел-* отмечен в составе имен-комполит *Беловод*, *Белослав*, *Белонег*, *Белимир* и под., от которых и могли образоваться гипокористические формы, подобные перечисленным — *Беляй*, *Беляна*, *Белава*, *Белаш*, *Белеха*, возможно, с сохраненным пожелательным мотивом. В данном случае можно принять точку зрения ряда ономастов, предположивших, что в древнейших

ономастических системах были случаи образования имён самостоятельно и независимо от имен нарицательных. Это относится, прежде всего, к именам, которые могли иметь нулевую аффиксацию (нулевой формант) [Суперанская: 2007, 70]. Подобные имена обрастали различными формантами и становились свидетельствами особого отношения к ребенку. Как отмечает Т. И. Вендина, «в русской традиционной народной культуре *белый цвет* наполнен дополнительными морально-психологическими смыслами, во многом проясняющими позитивную символику белого цвета в культуре элитарной» [Вендина: 2003, 193], ср. *белый* ‘хороший’ пск., *беланушка* ‘добрая приветливая женщина’, *белеюшко* ‘красавец’ арх., *белоголовица* ‘красавица’, *белонега* ‘красивая, нежная девушка’ орл. и прочие примеры, доказывающие, что белый цвет в русской культуре – чрезвычайно функционально нагружен [Там же, 191—195].

Добавим, что не менее вероятным представляется мотив, отражающий внешние данные ребенка. Ср. антропоним *Белянка* с имеющимся в современном русском языке нарицательным *беля́нка* в значениях ‘светловолосая или белокожая женщина, девушка’, *трад.-нар.* Возможно, также существовали апеллятивы *беляй*, *беляна*, *белава*, *белаш(а)*, *белеха*. В современном русском языке отмечены экспрессивы с подобными непродуктивными формантами, ср.: *лентя́й*, *негодя́й*, *слюнтя́й*, *скупердя́й*; *шалáва*; *милáша*; *дурё́ха*, *нескладё́ха*, *тетё́ха*. Подобные сопоставления являются свидетельствами возможного апеллятивного происхождения имен.

Кроме того, у Т. И. Вендиной (со ссылкой на Н. Б. Бахилину) отмечается, что в древнерусских памятниках письменности белый цвет имел необыкновенно широкую употребительность, которая объясняется связью с христианской символикой, в соответствии с которой *белый цвет* является символом причастности к ангельскому чину, лику блаженных и святых» [Вендина: 2003, 192]. На наш взгляд, произошла контаминация двух культур – дохристианской, языческой и христианской, церковной.

7) Имена, соотносимые с названиями природных явлений: *Буторка* Ондронов, п. Паданский, 1597 [ДКЛП, 199]; *Падорко* Созонов, п. Олонецкий,

1582/83 [КЗПОП, 68]; *Сиверик* Фомин, п. Мегрежский, 1582/83 [Там же, 279]; *Слота* Третьяков, кр-н, п. Остречинский, 1582/83 [Там же, 117]; *Торонко* Захаров, п. Веницкий, 1563 [ПКОП, 240] и т. д. Данная группа личных имен соотносится с известной группой по времени рождения: *Вешняк (Вешнячко), Подосенко, Морозко, Суббота (Суботка), Пос(т)ник (Пос(т)ничко), Поздей (Поздейко, Поздеец, Поздыш), Поспел (Поспелко)* и т. д. Такие имена универсальны для всех регионов донациональной Руси. В них четко просматривается связь с метеорологией, являющейся важным элементом мифологических воззрений и практического знания предков. Отмечено, что «место метеорологии в народном мировоззрении, обрядовой практике и повседневной жизни определяется прямой зависимостью всей хозяйственной деятельности традиционного общества (земледелия, скотоводства) от погодных условий» [СД, 3, 248]. Поэтому основное назначение таких именовании не только характеристика каких-либо особенностей времени рождения лица, но и как в предыдущих описанных случаях — охрана от несчастий, в данном случае погодных. В условиях севера погода любого времени года ставила ведение хозяйства в особое положение. Поэтому много не только вербальных, к которым относятся некалендарные личные имена, но и акциальных обрядов связано с погодной магией.

8) Древние верования, бытовавшие в языковой картине периферийного региона Руси XV—XVII вв., представлены в именах, соотносящихся с *названиями нечистой силы*. Это антропонимы-мифологемы. Их основное назначение — быть личным именем, а сфера их появления и функционирования — семейный социум, который сохранил в таких именах образы народной низшей демонологии. (Подробный анализ данной группы см. в п. 2.12 данной главы).

Итак, фиксация таких именовании, без сомнения, отражает «живые» мифологические представления средневекового человека, их появление соотносится с мифологическими мотивами, нашедшими отражение в ритуалах, связанных с рождением, и ведет свое начало из того времени, когда человек представлял себя в нерасчлененном единстве с природой, подтверждая тезис: «Рождение ребенка является столь важным событием в космическом плане,

что даже мельчайшие детали получают символическое толкование и соотносятся с будущим» [Седакова: 1999, 124].

2.12. Антропонимы-мифологемы в региональном ономастиконе XV—XVII вв. как отражение этнолингвистической информации

Если выстраивать иерархию антропонимов по «степени охранности», то самыми «оберегающими» следует признать те, мотив которых связан с названиями мифологических персонажей в основе, или с мифологемами, которые входят в круг культурно значимых смыслов. Из памятников деловой письменности Карелии XV—XVII вв. вычленены антропонимы, содержащие в основе семантический компонент 'нечистая сила'. Среди антропонимических единиц, отобранных для анализа, не только некалендарные личные имена, но и патронимы, последние косвенно свидетельствуют, что в речи предыдущих поколений тоже были такие номинации.

Исследование мифологической лексики как одного из фрагментов народной культуры представлено в большом количестве исследований, ср. работы XIX — начала XX в. А. Н. Афанасьева [1865—1869], Ф. И. Буслаева [1886], Д. К. Зеленина [1916], С. В. Максимов [1903] и современные — Л. Н. Виноградовой [2000], А. Ф. Журавлева [2005], И. И. Иванова, В. Н. Топорова [1965; 1974], Н. А. Криничной [2004], Н. И. Толстого [1995; 2003], О. А. Черепановой [1983] и др. См. также другие монографии и статьи научной книжной серии «Традиционная духовная культура славян». Работы этих исследователей послужили основой для выяснения внутренней формы изучаемых антропонимов-мифологем.

2.12.1. Антропонимы, восходящие к славянской мифологической традиции

Сначала остановимся на именовании, в основе которых находим обозначения славянских мифологических персонажей.

Так, антропоним *Бутасов*, 1563 г. [ПКОП, 141] восходит в конечном итоге к апеллятиву *бутас*, для которого в архангельских говорах находим *бутас* (то же, что *бука*) ‘мифическое чудовище, нечистая сила в виде какого-то существа, обитающего в бане, овине, при доме или в лесу’ [АОС, 2, 188].

В структуре именованя *Тимофей Жихарев сын Саблина*, 1563 [ПКОП, 83] выделим компонент *Жихарев сын*, образованный от личного имени отца *Жихарь* (*Жихорь*), который, в свою очередь, восходит к названию мифологического существа *жихорь*, *жихарь*. Так в русских говорах Карелии (пуд., медв., кем.), а также в некоторых архангельских говорах называли ‘злого духа, обитающего в жилище человека, домового’, ‘нечистую силу, которая живет в бане’ [СРНГ, 9, 199]. В пудожских и медвежьегорских говорах Карелии сохранились поверья о том, что особенно опасны жихари баянные для маленьких детей, которых нельзя оставлять без пригляда в бане, иначе малыша жихорь может подменить или испугать. Опасны жихари и для тех, кто после захода солнца ходит мыться или по другим делам: таким людям жихорь посылает несчастья, которые опять же сказываются на детях тех лиц, которые нарушили запрет [Карт. Лаб]. Независимо от того, является ли жихарь банным или домашним покровителем, он, по словам Н. А. Криничной, древнейший домашний дух, причастный «к рождению, инициациям, свадьбе и смерти членов семейно-родового коллектива. Он предсказывает и предопределяет судьбу человека» [Криничная: 2004, 92—93], «в своей основе дух добрый, семейный» [Там же, 246].

Именование *Кострома* (*Ермока да Прошко Костроминьы*, 1563 [ПКОП, 164]) также имеет мифологическую основу. В восточнославянской мифологии *Кострома* — воплощение весны и плодородия. В русских обрядах известен ритуал похорон *Костромы*, то есть проводов весны, обеспечивающий плодородие [МНМ, 2, 10—11]. Позднее в говорах произошло переосмысление образа *Костромы*, ср. в современных диалектах *костромá* — ‘мифологический персонаж’: *А еще костромой пугали, это наподобие Бабы-яги* (канд.); *У, смотри, не ходи на улицу: там костромá* (онеж.) [СРГК, 2, 443]. Костроме приписываются демонические черты, ср., например, мотив «отбирания молока» в исповеди

Костромы перед своей «смертью» (брян.); с.-в.-р. проклятье *Кострома тебя утащит*, с.-в.-р. *кострóмы* ‘ряженные на святках’ (ср. русск. *Бог с рожью, а черт с костромой*) [СД, 2, 633—635].

Домового, который жил в подземелье, под печкой, называют *лизуном* (ярос., костр., твер., смол.) [СРНГ, 17, 44—45]. Апеллятив *лизун* в значении ‘мифологическое существо в образе большого зверя, живущего в лесах и пожирающего людей’ известен украинскому языку. По мнению О. А. Черепановой, первоначально слово обозначало домового пената, который зализывает волосы у любимой скотины и у хозяев [Черепанова: 1983, 23]. У М. Забылина находим наблюдения над определенными действиями от сглаза — об облизывании ребенка матерью [Забылин: 1990, 273]. Отсюда предположение о существовании охранного мотива именованя у антропонима *Лизун*, ср.: в грамотах XVI в. неоднократно упоминается *Пятый Дмитриев сын Лизунов* [Гейман, 177], где *Лизунов* ← *Лизун*. Антропонимы *Лизун*, *Лизуноу* отмечены в белорусских памятниках письменности XVI в. [ЭССЯ, 15, 164—165].

Антропоним *Мар(а)* (*Мар Юрьев*, 1563 г. [ПКОП, 196]), вероятно, выполнял охранную функцию, ср. в русских говорах Карелии *мара* ‘существо женского пола, обитающее в доме, которое ночью допрядает то, что оставлено недопряденным, причем путает и рвет куделю и пряжу’ (медв.) [СРГК, 3, 199]; (олон., выг. олон., твер., тул., курск.) [СРНГ, 17, 367]. Во многих современных диалектах в значении слова выделяется также компонент ‘злой’ [Там же]. Кроме того, в славянских языках зафиксированы болг. *Мáра* — название сказочного страшилища, *марá* ‘сказочное страшилище’, *марой*, *марок* ‘лесная фея, призрак, привидение’, словац. *tara* ‘болезнь’, ‘привидение, призрак’, луж. *tara* ‘богиня болезни и смерти’, польск. диал. *tara*, *tora* ‘призрак, ночной дух, нападающий на спящих лошадей и людей; ночное удушье’ и проч. [ЭССЯ, 17, 204—205].

*Хорь из *Хорев* (ср. *Ентрош Хорев Арлыга*, 1563 [ПКОП, 141]) и *хорь* ‘мифологическое существо в образе большой рыбы, которая может бегать по земле’, значение зафиксировано в медвежьегорских говорах Карелии [Карт.

Лаб.]. О. А. Черепанова приводит сведения о том, что «иногда хорьки, подобно ласке, считаются распорядителями двора» [Черепанова: 1983, 140].

Возможно, именование *Шатун* (*Иванко Шатун*, 1563 [ПКОП, 148]) является также охранным, ср. у В. Даля *шатун* ‘нечистый, злой дух, черт, шайтан’, без указ. места [Даль, 4, 623]. В данном случае предполагаем отдаленную связь с медведем, ср. медведь-шатун — ‘медведь, который не лег в берлогу на зиму или встал из нее раньше срока’. Образ медведя широко отражен в славянской мифологии, где медведь не только божество, дух-хранитель, дух-целитель, хозяин нижнего мира — хозяин леса, горы, зверей, покровитель охоты, но и предок людей, их старший родственник [МНМ, 2, 128—130]. Известны табуистические названия медведя — *отец, дед, дедушка, дядя, лесовой человек, зверь, хозяин леса, гор, владыка, князь зверей* и т. п. [Там же]. Предположим, что шатун — одна из поздних замен, которая претерпела изменения до образа нечистого, злого духа, черта, шайтана. Здесь же назовем, кажется, близкое в формальном плане слово *шати* ‘нечистый, злой дух, черт’ без указ. места [Даль, 4, 623], которое соотносим с именованием *Шати (из *Шати(ин)(ская)*, дер. *Шатинская*, п. Оштинский, 1563 [ПКОП, 226]).

Итак, рассмотренные выше антропонимы, предполагаем, восходят к мифологемам. На апеллятивном уровне мифологемы не нашли должного отражения в письменных источниках донационального периода и, как следствие, в исторических словарях. А потому ценность антропонимии неизмеримо возрастает, поскольку для лексико-семантической системы прошлого не только восстанавливаются отдельные лексемы, но и семантические множества слов, их анализ дает материал для размышления о духовной стороне жизни средневекового человека. Например, о том, что рассмотренные мифологические персонажи выступали как хранители домашнего очага и природы, и, называя ребёнка таким именем, наши предки хотели не только уберечь именуемого от действия нечистых сил, но и умиловить их этим, вызвать расположение к именуемому, а возможно, ко всей семье, роду. Ирреальное существо

переводилось в реальный мир через индивидуализирующую номинацию. Таким образом, имя становилось апотропеем, отводящим беду.

Однако уже было отмечено, что большой временной промежуток между сопоставляемыми антропонимами и апеллятивами придает представленным здесь размышлениям известную гипотетичность. И для объективной картины следует сказать, что у некоторых анализируемых антропонимов вместе с лексемой реконструируется не только мифологическое значение. Без сомнения, для ономастической системы XV—XVII вв. можно предположить наличие и других мотивов именования — характеризующих, опосредованно связанных или не связанных с мифологемами. Например, появление антропонима *Бутас* можно свести и к морально-этическим качествам лица, ср. в говорах *бутас* ‘суровый, угрюмый человек’ сев.-двин. [СРНГ, 3, 309], что метафорически могло соотноситься с уже рассмотренным *бутас* / *бука* ‘нечистая сила’, поэтому связь с мифологическим значением можно считать опосредованной.

Аналогичны предположения и о внутренней форме именования *Кика* (*Кика Максимов*, 1563 [ПКОП, 140]), где, помимо *кика* — ‘персонаж в доме, к которому обращается невеста перед тем как идти в баню’ (волог.) [Черепанова, 1983, 129], мог присутствовать экспрессивный характеризующий мотиватор ‘крикливый человек’, ср. с однокоренным в др.-русск. *кикати* (*кыкати*) ‘покрикивать, кричать’ [СлРЯ XI—XVII, 7, 122], близкий в семантическом плане глагол *кикать* зафиксирован в современных говорах [СРНГ, 13, 204—205]. Однако такое соотношение является косвенным, напрямую не связанным со значением апеллятива, так как *кика* ‘мифологический персонаж’ и *кика* ‘крикун’ могли появиться параллельно.

Подобное омонимичное семантическое образование наблюдаем и у именований *Жихарь* и *Лизун*, для которых находим следующие соответствия: *жихарь* в русских говорах Карелии ‘житель’, в сев.-двин. ‘домосед’, ‘скупой человек’, в арх. ‘шалун, повеса’ [СРНГ, 9, 198]; *лизун* ‘любитель лакомств, сластей’ (арх., пск., курск., ворон., смол., вят.) [СРНГ, 17, 44—45], однокоренное *лизунья* ‘лакомка’ отмечено в памятниках письменности [СлРЯ XI—XVII, 8, 233].

Значения лексем *жить* и *лизать* могли служить основой для появления не связанных напрямую между собой слов.

Еще меньше оснований увидеть соотносительность мифологического значения с характеризующим у антропонима *Ери* (*Ери Сергеев*, староста, 1538/39 [Гейман, 134]), *ери* ‘мифологическое существо, вызывающее болезнь’ (печер.) [Черепанова: 1983, 87] и *ери* ‘шаловливый, подвижный ребенок’ (онеж. КАССР) [СРНГ, 9, 36] и под., где последнее обусловлено метафорическим переносом от номинативного — ‘название рыбы’. Если и была такая связь, то она пока остается затемненной. Подобным образом, предполагаемым в плане отнесения к апотропеическим было именование *Шитик* (Орех да Дет *Шитиковы*, п. Толвуйский, 1563 [ПКОП, 142], ср. *шитик* ‘чертик’ медв. [Карт. СРГК] и *шитик* ‘живой, проворный мальчик’ смол. [Карт. СРНГ], а также *шитик* ‘личинка стрекозы’ кириш. [СРГК, 6, 877].

Под вопросом оставим соотнесение *Солоха* (из Солохин; Степанко да Васюк Семеновы дети *Солохины*, п. Сакульский, 1568 [ПКВП, 134]. Оставить в группе антропонимов-мифологем данный пример и рассматривать его как изначальное личное имя заставило соотнесение с апеллятивом *солоха* ‘русалка, лопасть’, которое имеет не единственную фиксацию в говорах XIX в. — псковское, тверское [Даль, 4, 267].

Изменение мотивационной составляющей имени в обществе XV—XVII вв. верифицировано функционированием большого количества антропонимов с экспрессивом в основе: типа *Базыка* ~ *базыка* / *базыга* в русских говорах Карелии ‘старый хрыч’ или ‘сварливый человек’ [СРНГ, 2, 51], подобное соотношение наблюдаем у большой группы именовании: *Бахарь*, *Бутора*, *Грибан*, *Дериба*, *Самодур*, *Талыза*, *Хабар* и под., см. многочисленные примеры Кюршунова [2010]). Наличие характеризующих экспрессивных мотивов дает право квалифицировать антропоним как прозвище, а при решении вопроса о статусе конкретного именовании рассматривать другие показатели отнесения онима к определенной группе антропонимических единиц (см. критерии разграничения некалендарных личных имен и прозвищ, представленные выше).

Напомним, что прозвище уже выводит именуемого за пределы семейного социума.

Однако в иерархии мотивов именования мифологический компонент следует поставить на первое место, ср., например, обычаи, суеверия, ритуалы, сохранившиеся в современном обществе и свидетельствующие об устойчивости дохристианских верований в народной культуре настоящего времени (см. содержание статей в словарях «Мифы народов мира» и «Славянские древности»). Невысокие количественные показатели по представлению в ономастиконе Карелии XV—XVII вв. антропонимов-мифологем имеют относительный характер, обусловленный экстралингвистическими факторами, например, миссионерской деятельностью писцов, призванных вместе с переписью населения нести православие в массы, заменяя некалендарное личное имя христианским. Можно несколько расширить круг именований с мифологической основой через сопоставление антропонимикон других регионов. Ср. с материалами, представленными у С. Б. Веселовского: *Баный*, 1578, Арзамас [с. 24], *Кикиморина* (от Кикимора) Ксения Осиповна, 1580 [с. 139], *Кумоха* Логгин, 1605, Юрьев Польский; Василий *Кумоха*, 1646, Арзамас [с. 171], *Невея* Федор Иванович Мякинин, 1539, Новгород [с. 214], *Русалка* Михаил Яковлевич Морозов, дворецкий Ивана III [с. 273], *Солох*, Новгород [с. 296], *Трясава* Петр Иванович Бороздин, начало XV в., Тверь [с. 324], *Упырь* Макарий, 1495, Новгород [с. 332] и др. Как видим, в основах антропонимов отмечены, прежде всего, образы народной демонологии, поскольку известно, что на Руси в течение длительного времени сохранялось, особенно среди женщин, почитание языческих мифологических персонажей в качестве низших духов, которые иногда выводились на уровень мифологических существ высших рангов [МНМ, 2, 216].

Несколько иную интерпретацию имеют антропонимы типа *Чертодавлев* и *Ожгибесов* (*Самсон Степанов сын Чертодавлева*, 1597 [ДКЛП, 189]; *Шишуля Ожгибесов*, 1563 [ПКОП, 169]). Дополним иллюстративный материал именами *Черт* (*Чертенок*, *Чертюк*) и *Бес* (*Бесище*, *Беско*, *Бесок*, *Обернибес*), которые в большом количестве фиксируются в опубликованных на сегодняшний день

ономастиконах [Веселовский, 37, 224, 352; Кузнецов: 2011, 34; Кюршунова: 2010, 46, 584; Мосин: 2001, 48, 463, 467; Полякова: 2005, 50, 418; Тупиков, 135, 483]. Они апеллируют к двум известным персонажам русской демонологии — *черт* и *бес*.

В отличие от предыдущих образов, черт и бес связаны с христианской культурой, но, как установлено, попали в нее из дохристианской терминологии [Трубачев: 2005, 424]. Отметим, что этимологически черта в исследованиях XIX в. сопоставляли со словом *черный* (А. Н. Афанасьев), словообразовательный параллелизм сводит данное слово с *черторой* и др.-русск. *кроторья* ‘крот’ (Е. Л. Березович, О. Т. Трубачев) и в какой-то степени подтверждается данными топонимии; кроме того, семантика слова черт, предполагают, связана со словом *черта* (‘межа, рубеж, предел’) (Л. Н. Куркина) (см. подробный анализ у А. Ф. Журавлева [2005, 77—80]. Первая этимология слова *бес* дана Ф. И. Буслаевым, возводившим его к санскр. *bhas* ‘светить’, но более убедительно связать праслав. **běsъ* с литов. *baisùs* ‘страшный, ужасный, чудовищный’ и далее оба слова с **bėda* [см. Журавлев: 2005, 88]. Не входя в подробности этимологии данных слов (дальняя внутренняя форма к указанному времени была, кажется, очень далека от истоков), отметим, что эти персонажи никогда не выступали в качестве благодетелей. Например, черт похищает детей, водит пьяных, он соблазняет женщин, толкает на самоубийство, провоцирует страшные с точки зрения христианской морали преступления, охотится за человеческими душами [Померанцева: 1985, 199—200].

Известно, что между чертом и бесом в христианстве нет четкого противопоставления, и потому перечисленные качества, свойственные черту, вполне можно отнести к бесу. Думается, что именованя *Чертодавлев* и *Ожгибесов* должны были хранить человека от действия нечистых сил. В противном случае нечистая сила будет задавлена или сожжена.

Возможно также, что именование *Чертодавлев* было дано с целью уберечь человека от того, чтобы черт не задавил его. Действие давления обычно, по поверьям, производит домовый — он наваливается на спящего и давит (гнетет) его ночью, иногда оставляет на теле синяки. В русских говорах Карелии домового

называют *хозяином* (пуд., медв. Карелия) [Карт. Лаб.]. Ср. с именованиями *Хозяин Юрьевич*, 1542 [Гейман, 145]. Подобное действие выполняют персонажи *гнеток*, *гнетеница*, *гнетко*, *жмара*, *жма* (русские говоры Карелии). В данном случае произошла контаминация образов черта с персонажами народной низшей мифологии. Подобное явление отмечено в современных русских говорах О. А. Черепановой [Черепанова: 1983, 41].

Теперь об именовании *Ожгибесов*. В. А. Никонов пишет, что *Ожгибесовы* были многочисленны в Зауралье в 1887—1897 гг., в 1978 г. фамилия зафиксирована в Кирове. В. А. Никонов предполагает связь этой фамилии с какой-либо легендой о хитреце, ожегшем беса [Никонов: 1993, 84]. На наш взгляд, именование *Ожгибесов* соединяет в себе языческие и христианские верования. Одна часть этого имени — *бес* — персонаж христианской мифологии. В другой части — *ожги* — отразилось действие огня. Известно, что в древности огонь обладал очищающей и целительной силой. «В отдаленное время язычества огонь, разведенный под домашним кровом, почитался божеством, охраняющим обилие дома, мир и счастье всех членов рода; вокруг него создавалась семейная жизнь» [Афанасьев: 1982, 178]. Огонь отгоняет нечистую силу — отсюда широко принятое в христианстве сожжение людей, которые, по мнению других, общались с нечистой силой. Ср. также в исследуемых документах: *Онисимко Огонь*, 1591 [Гейман, 302].

С бесом в антропонимиконе Карелии соотносится еще один мифологический персонаж — *синец* (ср.: Родионко Нестеров *Синцов*, п. Кижский, 1563 [ПКОП, 133], где *Синцов* ← *Синец* ← *синец*. Ср. основу именованья с церковным словом *синец* — ‘бес’ [Даль, 4, 187], имеющим, по данным М. Фасмера, табуистическое название, образованное от синий [Фасмер, 3, 624]. Как пишет А. Ф. Журавлев, «негативные ассоциации синего цвета для славянской культуры отмечались не раз (далее ссылка на М. Ивић и Л. Раденковић), подобно черному синий цвет противостоит белому [Журавлев: 2005, 520] и красному [Вендина:2003, 200].

Кроме того, фамильное образование *Ожгибесов* сочетается с именем *Шишуля*. Если только антропоним *Шишуля* не результат ономастического образования (*Шишуля* ← *Шиш-*), то *шишуля* можно поставить в один ряд с лексемами *шиш*, *шишко*, *шишок*, *шишел*, которые служат обозначением различных персонажей народной демонологии. Так, в русских говорах Карелии *шиш* — это ‘леший’ (пуд.) [Куликовский, 213; Карт. Лаб.]. О. А. Черепановой установлено, что на всей территории распространения этих слов (арх., пск., печер., Коми АССР) они употреблялись, прежде всего, в обобщенном значении ‘нечистый дух, черт, бес’ [Черепанова: 1983, 134; см. также: Журавлев: 2005, 425]. Обращает на себя внимание вся структура именованного в целом, где первый компонент (*Шишуля*) и второй (*Ожгибесов* ← *Ожгибес*) отражают семейные традиции в имянаречении.

Именования, восходящие к апеллятивам с корнем *шиш-*, зафиксированы и в памятниках письменности Карелии. Ср.: *Сысой Шишка*, 1579 [Докучаев-Басков, 38]; *Иона священник Шишелов*, 1573 [Там же, 34]; *Исак Омельянов сын Шишка*, 1593 [Гейман, 340]; *Дмитрейко Устинов Шишев*, 1591 [Там же, 322]; *Шишол Гурьев*, 1568 [ПКВП, 126]; *Шишолка Микулин*, 1563 [ПКОП, 170]. Они также представлены во всех регионах Руси, а также многочисленны в качестве фамилий в современном ономастиконе, как и фамилии от *Черт*, *Бес* и их модификатов.

О. А. Черепанова отмечает, что мифологемы с корнем *шиш-* распространены преимущественно на территории, где славянское население смыкается с неславянским — в первую очередь финно-угорским, затем тюркским, и это обстоятельство, по ее мнению, может свидетельствовать в пользу неславянского происхождения слова [Черепанова: 1983, 197]. Сюда же отнесем литов. *kai̯kas* ‘шишка’ и ‘черт’, в которых видится мифологическое употребление звукоподражательных глаголов, связанных с балтийскими и славянскими названиями домового и черта [Журавлев: 2005, 425 со ссылкой на Топорова].

Нет сомнений, что основой именованного у славян такие апеллятивы стали тогда, когда они глубоко укоренились в лексической системе русского языка XV—XVII вв. Боле того, в данных именах находим имплицитное выражение

темы «чужого», найденного ребенка, где опять же в целях охраны отрицается связь с родителями.

2.12.2. Антропонимы-мифологемы с прибалтийско-финской основой

Теперь об антропонимах, восходящих к мифологемам с прибалтийско-финской основой. Их количество также невелико: *Гижин*, *Лембоев*, *Меккелев*, *Рахкоев*, *Руготин* и, возможно, *Таппуев*, и все они зафиксированы в основах патронимов.

Сначала представим именование, в котором отражено взаимодействие славянского и неславянского этносов. Именование *Лембоев* (*Филка да Перха Лембоевы*, 1563 г. [ПКОП, 141], образованное от имени *Лембой*, которое, в свою очередь, соотносится с апеллятивом *лембой*, заимствованным русскими из финно-угорских языков: люд. *lembi*, карел. *limbo*, фин. *lempi* ‘нечистая сила, дьявол’ [Фасмер, 2, 480]. Известен персонаж в финской мифологии *Lemmes* ‘лесное божество, отец земли, лесной черт’ [Черепанова, 1983, 84; со ссылкой на Castren]. Описание лембоя включается в словарь Брокгауза и Ефрона: «Лембой — мифическое существо в сказаниях севернорусских, чаще всего олонецких — сила, посредствующая между духами воздушными и человеком: они похищают детей, давят людей и насылают на них болезни, но иногда приносят им пользу» (цит. по: [СРНГ, 16, 347]). Слово *лембой* широко представлено в русских говорах Карелии: олон., кем., медв., пуд., а также арх., кольск., карг., — в значениях ‘нечистая сила, злой дух (черт, леший и т. п.)’, ‘домовой’, ‘дьявол’ [Там же]. Это свидетельство того, что русские в XV—XVII вв., а может быть и раньше, могли знать лексему *лембой* с близким к указанным значением, поэтому такое именование мог носить не только представитель финно-угорского этноса, но и славянин.

Остальные антропонимы бытовали в иноэтническом социуме. Данный материал менее верифицирован, однако возьмем на себя ответственность

представить его в диссертации, поскольку он не менее важен для ономастической системы пришлого и без учета этих данных нельзя создать объективную картину.

Именование *Гижин* ← Гижа (*Осташко Гижин*, 1582/83 гг. [КЗПОП, 92] сравним с лексемой *hiisi*, известной карельскому и финскому языкам в значении ‘злой дух, леший, черт, дьявол’ [SKES, 1, 74], этот апеллатив очень частотен в топонимии Карелии [см.: Березович, 2015].

В патрониме *Меккелев* (Иван Васильев *Меккелев*, подьячий, Лопские пог., челобитная, 1689 [Мюллер, 313]) содержится мифологема прибалтийско-финского происхождения: ср. с карел. *mekkeli* — бран. слово, а также ‘черт, нечистая сила’, существуют устойчивые сочетания: *mekkeli otti* ‘сгинул (= меккели взял)’, *mekkeli tiedäw* ‘кто его знает (= меккели знает)’, *tene mekkelil* ‘уйди вон (= уйди к меккели)’ [Федотова, 122], соответствующие русским — *черт взял, черт знает, иди к черту*.

Выделенный курсивом патроним Гридка *Рахкоев*, 1496 [ПКОП, 41] и известные названия деревень рус. *Рахковичи*, вепс. *Rahkoil*, по предположению И. И. Муллонен, восходят к апеллативу *rahkoi* ‘мифологическое существо, домовый’. Антропоним неоднократно фиксируется в документах, относящихся к территории средневековой Финляндии [Муллонен, 1988, 271—282]. Добавим, в фольклоре сохранилось пудожское предание о герое Рахкое из Рагнозера.

Возможно, что с именем финно-угорского божества *Rukotivo* (ср. также с эст. *Rõugutaja*) — духа, покровителя ржи — связан патроним *Руготин* (*Иван Руготин*, 1597 [ДКЛП, 218]; *Игнатка Иванов Руготин*, 1597 [Гейман, 355]).

Менее надежным видится включение в данную группу антропонима *Таппуев*, ср.: *Куземка Таппуев*, 1597 г. [ДКЛП, 213]. Во-первых, можно предположить элементарную описку, то есть вместо Таппуев было Теппуев. Во-вторых, фиксация имени на территории Лопского погоста — Шуезерского — позволяет обратиться, конечно, к вероятностному соотношению именованного *Таппуев* с названием мифологического божества *Тапио*, где усматривается формальное совпадение основ. Известно, что Тапио — это бог леса, который посылал добычу охотникам [МНМ, 2, 564]. Ср. с упоминаемым в рунах Калевалы:

Дева *Tapiuo*, служанка,
Сладкогласная девица,
Ты поди с медовой дудкой,
Посвисти свирелью сладкой
Пред великой госпожою
Пред хозяйкой леса дивной [Калевала, 1977, руна 14, 203].
Дочка *Tapiuo*, девица,
Туллики, царевна леса!
Пригони ты дичь к опушке,
К протянувшимся полянам [Там же, руна 14, 206].

Итак, при расширяющемся мотивационном поле антропонимы-мифологемы продолжают оставаться неотъемлемой частью ономастикона XV—XVII вв. Их фиксация в региональных документах позволяет реконструировать один из культураносных эпизодов древней картины мира, основанной на мифологических представлениях, которые свойственны прежде всего семейному социуму как хранителю таких верований, являющихся одной из сторон культуры, воплотившейся в языке. Подтверждается интерференция образов народной и христианской демонологии, а также славянской и неславянской, где народная демонология по количеству задействованных в ономастической системе образов превалирует над христианской, а христианская перекрывает народную по количеству носителей таких имен.

Выводы

1.0. В документах Карелии XV—XVII вв. отмечены традиционные по всей Руси некалендарные личные имена. Большая часть из них входит в состав универсальных ономастических полей, отражающих порядок и время появления ребенка на свет, отношение родителей к факту рождения, внешние особенности и качества характера новорожденного, которые ярко проявлялись с детства. Самый

разнообразный репертуар некалендарных личных имен отмечен в ономастическом микрополе 'внешность новорожденного' (около 50). Самыми частотными являлись имена, указывающие на отношение родителей к факту появления ребёнка в семье (344 носителя) и на порядок рождения (311 носителей).

2.0. Несмотря на имеющиеся словари, перед отечественной ономастикой продолжает оставаться актуальной задача наиболее полного сбора некалендарных личных имен (антропонимии ресурсов), что позволит в последующем не только исчерпывающе представить состав некалендарного антропонимикона, но и обратиться к решению ряда теоретических вопросов, связанных с изучением некалендарного личного ономастикона, его универсальных и специфических свойств в этнокультурном, когнитивно-антропоцентрическом, аксиологическом планах.

3.0. Некалендарное личное имя — это поле для многоаспектного анализа, где все области исследования взаимосвязаны.

3.1. В задачи *ономастического* направления входит выявление состава имен, определение частотности отдельных единиц, изучение особенностей мотивов именования, а при множественной мотивации — определение мотивационной парадигмы. В выстроенной иерархии мотивов именования предпочтение отдается мифологической внутренней форме, как наиболее древней.

3.2. *Лингвистическое* направление позволяет определить способы номинации лиц, морфемно-словообразовательные особенности строения некалендарного личного имени.

3.3. Исследование мотивов именования свидетельствует, что данные исторической региональной антропонимии могут включаться в зону целенаправленного научного наблюдения над отдельным фрагментом или серией эпизодов, несущих *этнокультурную* информацию. Данный аспект позволяет выявить место некалендарных личных имен в мировоззренческом процессе прошлого.

3.4. *Когнитивно-антропоцентрический* аспект дает возможность через анализ некалендарного личного имени выявить информацию о семейных

ценностях, а также о выстраивавшейся иерархии в социуме, большем, чем семья. При этом за мотивами именовании могут быть скрыты и более глубинные культурно-исторические ассоциации, получившие преобразование в ономастиконах более позднего времени и свидетельствующие о значимых сторонах семейного сообщества.

3.5. *Ареальное* направление призвано наглядно отразить распространение некалендарных личных имен на периферийном пространстве Русского государства XV—XVII вв., а также различных процессов, нашедших отражение в некалендарном ономастиконе. География бытования данной антропонимической единицы свидетельствует о том, что исконно русский именовослов проникал и в прибалтийско-финскую среду, становился фактом неславянской ономастической системы.

4.0. К исследованию именника прошлого необходимо привлекать документы, написанные не только на русском, но и на других языках, если этот ономастикон отражен в нерусских источниках. Так, шведские документы (включая русскоязычными) являются дополнительным доказательством того, что «языческий консерватизм», связанный с функционированием исконно русских антропонимов, на территории Карелии XV—XVII вв. длился значительно дольше, смена религиозной формы освоения человеком мира через имя проходила менее интенсивно.

Глава 3

ПРОЗВИЩА В ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ КАРЕЛИИ XV—XVII вв. В НОВЫХ ПАРАДИГМАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

3.1. Характеристика прозвища как ономастической единицы

Прозвище как объект индивидуализирующей номинации средневекового человека занимает пограничное положение между некалендарными личными именами и апеллятивами. В отличие от некалендарных личных имен прозвище — это единица номинации лиц взрослого социума, поэтому совершенно справедливым является их отнесение к вторичным именованиям. Вторичность проявляется не только в номинации лица, уже имеющего имя с рождения — некалендарное или календарное (как Беляйко *Приходец*, Истомка *Черной*, Копоско *Скоморох*; Петрушка *Кляпик*, Иванко *Шуянин*, Иванко *Балаха*), но в семантике апеллятивной основы прозвища, в которой содержатся компоненты, характеризующие действия и признаки, свойственные человеку, достигшему определенного возраста (*Приходец* ← приходец, *Кляпик* ← кляпик, *Балаха* ← балаха и т. д.).

Эта достаточно четко обозначенная связь прозвищного ономастикона с апеллятивной лексикой ставит прозвище как антропонимическую единицу на более высокую ступень в выяснении когнитивно-антропоцентрической, этнолингвистической информации, нежели у календарных и некалендарных личных имен.

В памятниках письменности Карелии XV—XVII вв. фиксируется около 600 единиц, которые с уверенностью можно отнести к прозвищам, и, как уже было отмечено, 150 единиц, которые занимают пограничное положение между прозвищем и некалендарным личным именем, когда индивидуально (с опорой на разработанные критерии) определяется, какая именно антропонимическая

единица участвует в номинации лица (см. критерии разграничения личного имени и прозвища в главе 2, п.п. 2.4, 2.5).

Насколько активно функционировала данная антропонимическая единица в документах донационального периода, свидетельствуют фиксации прозвищ в описанных ранее лексикографических источниках А. В. Кузнецова [2007 (1, 2); 2011], И. А. Кюршуновой [2010], М. Морошкина [1867], А. Г. Мосина [2001], Е. Н. Поляковой [2007], Н. М. Тупикова [1903].

В *ономастиологическом плане* — способы, принципы и мотивы номинации — прозвища, отмеченные в документах исследуемого времени, продолжали традиции индивидуализации взрослого человека древности (в том числе дохристианской).

С точки зрения *антропонимии ресурсов* список прозвищных антропонимов, в сравнении с некалендарным и календарным именем, не является закрытым, что доказывает: прозвищная номинация — динамический процесс, в котором отражены креативные особенности и предпочтения номинаторов определенного социума. Таким образом, прозвища следует рассматривать в новых категориях лингвистики.

Сопоставление прозвищ и омонимичными им апеллятивами показало, что в *семантическом плане прозвища можно классифицировать* по следующим группам, или ономастическим полям: 1) названия лиц по внешним признакам человека (*Глазатой, Кабан, Коржава, Костыга, Обрюта, Сухой, Шаньга* и т. д.); 2) названия лиц по качествам характера человека (*Базыка, Галбач, Дероба, Звяга, Колокол, Луста, Слота* и т. д.); 3) названия лиц, отражающие род деятельности человека (*Кожемяка, Швец, Шитик, Шубарник* и т. д.); 4) названия лиц, отражающие место жительства человека (*Андомец, Колдопожанин, Маслозерец, Падмозер, Сумлянин, Толвуянин* и т. д.); 5) названия социального положения, статуса человека (*Бобыль, Поп, Бирич*); 6) названия этнической принадлежности именуемого (*Кореленик, Литвин, Лопин, Татарин* и т. д.). Анализ основ данных групп онимов дает возможность увидеть у этих характеризующих прозвищ, как и у некалендарных личных имен, дополнительные мотивы именования: 1) профилактический (наиболее ярко проявляющийся у первых двух групп

прозвищ) и 2) обусловленный критерием «свой — чужой», где «чужой» — это каждый, имеющий прозвище, обозначенный такой индивидуальной номинацией, которая его противопоставляет обществу по обозначенному в прозвище качеству.

В *функциональном плане* прозвищем может стать любое слово и даже сочетание слов (Стефан Мартемьянов сын Судокон, а по прозвищу *Орел Малой*, 1587, купчая [Гейман, 301]; Онтон, прозвище *Трясца Гость*, 1612, купчая [Мюллер, 27]), за которыми будет стоять индивидуализирующая мотивация.

В *формальном плане* прозвища могут обозначаться через использование в тексте документа слов «прозвище», «по прозвищу», «прозвищем», «прозвание»: вдовой священник Хрисанф Семенов, *прозвище* Русин, 1580, данная [АСМ, 148]; Стефан Мартемьянов сын Судокон, а *по прозвищу* Орел Малой, 1587, купчая [Гейман, 301]; староста Вымоченского погосту Артемий, *прозвищем* Оря, 1375, мировая [Там же, 386]; чернцы Тимофей да с ним другой, *прозваньем* Розунов, 1693, отписка [Мюллер, 337] и т. д. На более чем 3000 употреблений только в 40 случаях мы имеем маркер «прозвище». Как уже было отмечено (см. главу 2, с. 84), в данный номинативный разряд изредка переводятся бывшие некалендарные личные имена: Ефрем, прозвище *Бажен*, 1650, челобитная [Чернякова, 107]; Родионко, прозвище *Воинко*, Бурмин, 1602, грамота [Мюллер, 16]; Мосейко Степанов, прозвище *Третьяк*, 1614—1619 (гос.) [Чернякова, 437 об.] и т. д.; а также в редких случаях другие ономастические единицы — патронимы: «...с ним живут два чернца; один родом Пудожского погоста из Сумы, прозванием *Розунов*, а имени его он Федка не знает...», 1693, отписка [Мюллер, 337], «крестьяне... деревни На Иваниной горы, прозваньем *Крохины*...», 1700, изветная челобитная [Мюллер, 16]; и даже двухкомпонентные модели именования — Июдка Матвеев сын, а прозвище *Истомка Масельской*, 1579, купчая [Гейман, 267].

В *грамматическом плане* прозвища делятся на именованья, построенные 1) по атрибутивному типу: *Брюхатой, Волосатой, Глазатой, Горбатой, Дряблой, Зубатый, Хромой* и т. д.; 2) Остальные прозвища являются субстантивами. При этом важно заметить, что большая часть суффиксальных апеллятивов,

отмеченных в составе прозвищ, имеют: а) или *именную* апеллятивную основу, ср. *Горбач* (← горбач ← горб), *Горбун*, *Грибан*, *Губарь*, *Копотило*, *Косач*, *Кривяк*, *Лобак*, *Лобач*, *Мерзляк*, *Рудак*, *Усач*, *Щербак*; *Бурец* (← бурец ← бурый), *Глушок*, *Зеленец*, *Коптяй*, *Коротай*, *Кротень*, *Ногатка*, *Слабырь*, *Старко*, *Сухан*, *Сухарь*, *Ушок*, *Худоха*, *Хилок*, *Чистик* т. д.; б) или глагольную основу, ср. *Смотрак* (← смотрак ← смотрети), *Ботало*, *Брызгало*, *Буян*, *Вьюша*, *Горза*, *Лопот*, *Колокол*, *Пыхач* и т. д.; реже форму словосочетания, ср.: *Широкий Колпак*, *Рогатые Виш*, *Усталые Глаза* и т. д., переходившие в именованья со сложной основой — *Горемыка*, *Самодур*, *Терпигоре*, *Худокуй*, *Чернобай* и т. д.

В сопоставительном плане выделяются прозвища, соотносящиеся с омонимичными 1) названиями, отмеченными в памятниках письменности как апеллятивы (*Ведерник* ← *ведерникъ* ‘мастер, делающий ведра’ [СлРЯ XI—XVII, 2, 45]; *Калачник* ← *калачникъ* ‘тот, кто печет и продает калачи’ [Там же, 7, 33]; *Коновал* ← *коноваль* — ‘знахарь, лекарь; человек, смотрящий за лошадьми, занимающийся их лечением и холощением’ [СлРЯ XI—XVII, 7, 27]) и т. д.), и 2) не имеющие такого представления. Последние делятся на группы именованья, которые связаны с нарицательным существительным без коннотативного оттенка, и, наоборот, с апеллятивом, маркированным дополнительным компонентом лексического значения, позволяющим прозвищам выполнять различные характеризующие функции (экспрессивную, образную, эмоциональную). Например, прозвище *Толстик* (Гаврилко *Толстик*, 1563 [ПКОП, 143] соотносится с диалектным апеллятивом *толстик* ‘толстяк’ арх., горьк., казан. [СРНГ, 44, 208], в лексическом значении которого наблюдается оценка внешних данных именуемого. Как известно, основы таких именованья называются экспрессивами, поскольку их предметно-понятийная сторона связана, по словам Н. А. Лукьяновой, «с отражением сферы эмоционально-психической деятельности — чувств, эмоций, эмоциональных переживаний человека, субъективных представлений о реальных явлениях» [Лукьянова: 1986, 76; 1984, 117]. Именованья, подобные рассмотренному *Толстик*, широко представлены в ономастических системах донационального периода разных регионов, что

позволяет исследовать их с разных сторон, а именно: 1) дать лексико-семантический анализ основ именовании с точки зрения системности; 2) использовать данные прозвищного ономастикона для реконструкции лексики донационального периода; 3) первых два аспекта позволяют привлечь прозвища к исследованию их в новых лингвистических парадигмах современности.

3.2. Реконструкция элементов лексической системы по материалам антропонимии

Таким образом, неслучайно, начиная с 60-х гг. XX в., прозвища, восходящие к экспрессивам, были указаны исследователями в качестве ценнейших источников восстановления лексико-семантической системы прошлого и признаны своеобразными «резерватами языковых реликтов» [Юркенас: 2003, 26], поскольку в большей своей массе экспрессивные апеллятивы отсутствуют в памятниках деловой письменности XV—XVII вв. в силу их жанрового своеобразия. Особая «миссия» прозвищ в тексте деловых документов явилась той движущей силой, которая заставила лексикографов включить прозвища в состав словника «Словаря русского языка XI—XVII вв.» на общих правах с нарицательной лексикой.

Так, лишь небольшая часть именовании, отмеченных в документах Карелии XV—XVII вв., содержит в своей основе апеллятивы, также зафиксированные в письменных источниках исследуемого временного периода. Ср. прозвище *Брюхач, зафиксированное в основе патронима (Ушак *Брюхачов*, 1563 [ПКОП, 140]) и апеллятив *брюхач*, известный с 1018 г. как ‘человек с большим животом, толстяк’ [СлРЯ XI—XVII, 1, 342].

Остальные прозвища соотносятся с апеллятивами, сохранившимися только в современных говорах, просторечии, современном русском литературном языке, и их фиксация в документах донационального периода — яркое доказательство того, что апеллятив тоже был составной частью лексико-семантической системы, а следовательно, он восстановлен для языка XV—XVII вв.

Представим пример реконструкции слова. В купчей из актов Соловецкого монастыря зафиксирован Григорей *Грибан*, 1542 [АСМ, 60], где прозвище *Грибан* восходит к апеллятиву *грибан*, не представленному в русских памятниках письменности. Фиксация антропонима *Грибан* в документе является доказательством, что такое нарицательное существительное было в лексической системе XVI в. Вероятно, это слово содержало характеристику внешности человека, поскольку в современных говорах находим омонимичный апеллятив *гриба́н* — ‘человек с толстыми губами’ пск., ср. также *гри́ба* — ‘губа’ пск., твер., смол., брян. [СРНГ, 7, 140]. Возможно предположение и о других мотивах именования: ср. *гриба́н* ‘угрюмый, вечно недовольный человек’ арх. [СРНГ, 7, 140], а также *гри́биться* ‘дуться, капризничать’ чуд., новг. [СРГК, 1, 396], ‘морщиться, хмуриться, плакать, скривив губы’ твер. [СРНГ, 7, 140]. Таким образом, слово *грибан реконструировано для языка донационального периода.

Подобным образом, реконструируются не только отдельные лексемы, но и целые группы слов, имеющие или не имеющие коннотативные компоненты в структуре значения. Например, такие экспрессивные названия лиц, отражающие внешние и внутренние качества лица как *бахор*, *безум*, *бобоша*, *дерига*, *зубака*, *роснута*, *северга* и под., не зафиксированы в документах донационального периода. Омонимичные им прозвища, представленные в письменных источниках Карелии XV—XVII вв., свидетельствуют, что они входили в лексико-семантическую систему языка указанного периода, ср.: Васко *Бахор*, п. Остречинский, 1563 [ПКОП, 112], Куземка Матфеев *Безум*, п. Шальский, 1563 [Там же, 171], Никонко Офремов *Бобоша*, память, 1553 [АСМ, 115], *Дерига* Стефанов, Строкина пуст., 1572 [Докучаев-Басков, 34], *Роснута* Григорьев, п. Шуньгский, челобитная, 1649 [Мюллер, 92], *Северга* Федоров, п. Оштинский, 1582/83 [КЗПОП, 297].

Таким же источником пополнения сведений о лексическом составе языка донациональной эпохи являются патронимы, фамильные прозвания и посессивные ойконимы, образованные от прозвищ с экспрессивной и нейтральной апеллятивной основой. К данным антропонимическим единицам

обращаемся в том случае, если прозвище отсутствует в тексте памятника письменности³⁷. Докажем их информационную ценность следующими примерами.

Так, патроним *Бутасов* — Сенка да Гришка *Бутасовы*, 1563 [ПКОП, 141], безусловно, восходит к прозвищу *Бутас*, которое можно связать с *бутас* — ‘суровый, угрюмый человек, бука’ сев.-двин., арх., ‘нелюдимый, необщительный человек’ арх. [СРНГ, 3, 309; АОС, 2, 188; СГРС, 1, 230]. Добавим однокоренные *бутаско* ‘то же, что бутас’ в арх. говорах и бутаситься ‘хмуриться’ арх. [СГРС, 1, 230]. Следовательно, апеллятив *бутас восстановлен для лексической системы донационального периода.

В составе посессивного ойконима дер. Яковлевская *Тетюхина* на Святом наволоке Шулятниковская [КЗПОП, 1582/83, 147] курсивом выделен компонент, восходящий к патрониму *Тетюхин*, который, в свою очередь, образован от прозвища *Тетюха*, пока не зафиксированного в ономастической системе прошлого. Конечный элемент — апеллятив *тетюха* — сопоставим с диалектным *тетюха* — ‘дородная, грубоватая баба, бабища, девка’ [Даль, 4, 403] или с *тюття* ‘вялый, нерасторопный человек’ тихв. [СРНГ, 6, 551], менее возможна связь с карел. *tüttö*, фин. *tyttö* ‘девочка, девушка’ [СОС, 73].

Подобным образом на базе этих антропонимических единиц, функционирующих в памятниках письменности Карелии XV—XVII вв., восстанавливаются семантические множества экспрессивных апеллятивов и апеллятивов без экспрессивной нагрузки. Подробно методика реконструкции лексики по данным антропонимии описана в кандидатской диссертации автора данной работы [Кюршунова: 1994].

Тем не менее при всей доказанной возможности использования исторической антропонимии для исследования лексической системы прошлого имеется ряд существенных особенностей, которые необходимо учесть, привлекая для этих целей ономастический материал. Считаем, следует обратить внимание на такие важные аспекты, апеллирующие к временному параметру: *сопоставляемые прозвища и апеллятив разделены значительным временным промежутком.*

---

³⁷ Об использовании патронимов и посессивных ойконимов см. главу 1, с. 48—50.

Из этого вытекает такое специфическое свойство использования ономастического материала для целей реконструкции, как «сравнение антропоосновы и апеллятива носит вероятностный характер» [Юркенас: 2003, 155]. Обусловлено это тем, что лексическое значение апеллятива, бытующего в современных говорах или литературном языке, которое мы рассматриваем как возможную внутреннюю форму прозвища, могло претерпеть изменения: сузиться, расшириться, развить многозначность. Последнее — диалектная многозначность — представляет собой сложную проблему и по-разному определяется исследователями применительно, например, к диалектной системе в целом и к системе отдельного говора. Основной тезис для определения полисемии связан с положением Н. И. Толстого о том, что *формирование лексического значения заканчивается в разных говорах в разное время* (разрядка моя. — И. К.). Как следствие, отдельные семантические микросистемы (= говоры) демонстрируют различные сдвиги и трансформации в значении слова [Толстой: 1997, 16], и потому *многозначным признается слово только в частной диалектной системе*. Вероятно, это положение является верным для современного состояния диалектной лексической семантики. Но думаем, что в таком сложном вопросе, как реконструкция слова для донационального периода, построенная на вероятностной основе «в виде набора более или менее возможных единиц значения» [Там же, 17], надо учитывать практически все лексико-семантические варианты слова (особенно если среди привлекаемых к сопоставлению материалов нет четкого посыла к современности) независимо от того, в одной диалектной системе они зафиксированы или нет.

Так, обращаясь к выявлению мотивов именованя у прозвища *Жиган* — *Ивашко Жиган*, п. Сакульский, 1539 [ПКВП, 23], — для нас особенно существенно, что в русских говорах Карелии и на сопредельных с ней территориях зафиксированы близкие в формальном плане однокоренные слова *жигануть* — ‘причинить вред, неприятности’ чуд., *жигать* — ‘бранить, ругать’ лод., кем. [СРГК, 2, 58], которые позволяют у реконструированного апеллятива *жиган предполагать значения (= мотивы именованя): 1) ‘скандалист’,

2) ‘хулиган’. Близким к указанному значению является отмеченный в уральских говорах омонимичный апеллатив *жигán* — ‘озорник, хулиган’ [СРНГ, 9, 164—165]. Остальные совпадения также возможны, но уже менее вероятны, поскольку они отделены от места бытования говоров Карелии и антропонимической единицы (родной частной диалектной системы) еще и значительным пространственным промежутком: ср. 3) *жигán* — ‘сухой, тощий человек’ перм., урал. [СРНГ, Там же]; 4) *жигán* ‘пройдоха, мошенник, плут, вор’ вят., свердл., томск., енис., краснояр. [Там же]; 5) *жигán* ‘смуглый, с темным цветом кожи человек’ курск., урал. [Там же]; 6) *жигán* ‘малек семги или хариуса’ арх. [СГРС, 3, 366]. В этой серии сопоставлений прозвища *Жиган* с диалектными материалами значение 7) ‘кочегар при печах на смоляных заводах’, отмеченное у слова в вятских говорах [СРНГ, 9, 164—165], будет стоять или последним, или не должно учитываться вообще, поскольку смоляных заводов на территории Карелии в XV—XVII вв. не было.

Степень учета сопоставляемых ономастических и апеллативных материалов должно идти по типу расширяющихся кругов в направлении от «родной», совпадающей с географией бытования прозвища, диалектной системы к более дальним, имеющим меньше оснований для сближения.

Применительно к рассматриваемому прозвищу *Жиган* получается, что однозначно можно утверждать только то, что его внутренняя форма — это некое название лица. Отнесение апеллатива-основы к той или иной семантической подгруппе гипотетично, поэтому одно и то же прозвище отмечается, согласно значению основы, в разных семантических группах, то есть прозвище *Жиган* служит основой для включения реконструированного апеллатива *жиган в следующие лексико-семантические группы: ‘худощавый человек’, ‘смуглый человек’, ‘лживый человек’ и, возможно, ‘название лица по профессии’. Далее группы входят в более широкие семантические множества ‘названия лиц по внешнему виду, физическим особенностям’, ‘названия лиц по морально-этическим качествам’, ‘названия лиц по роду деятельности’.

Таким образом, данные размышления о восстановлении недостающих

звеньев лексической системы донационального периода через привлечение прозвищных материалов вписываются в разработку семантико-мотивационной реконструкции. За прозвищем, бытовавшим в региональном ономастиконе, стоит список гипотетически возможных внутренних форм, который является мотивационной парадигмой. Однако члены этой парадигмы в большей степени дискретны, чем у некалендарного личного имени. Диффузия касается только профилактических свойств прозвища. Но при сопоставлении прозвищ и многозначных апеллятивов, которые проводятся далее в главе, одна и та же прозвищная единица будет фигурировать в разных ономастических полях. Добавим, что прозвища с прибалтийско-финской основой рассматриваются в общем ряду, если эта основа на уровне апеллятива бытует в русских говорах и русском языке.

3.3. Информативная значимость прозвищ в определении духовных ценностей в языковой картине мира донационального периода

Одновременно вместе с восстановлением недостающих звеньев в лексико-семантической системе прошлого по данным региональной антропонимии и их анализом с точки зрения системности можно говорить о существенном дополнении наших знаний о духовных, морально-этических ценностях, на которые ориентировались жители Карелии XV—XVII вв. Рассмотрим их.

3.3.1. Прозвища, отражающие внешние (физические) особенности лица

На основе сопоставления прозвищ с апеллятивной лексикой, отраженной в исторических, диалектных, современных словарях русского языка, выделим именованья, в лексическом значении которых содержатся компоненты, апеллирующие к описанию внешности человека, его физическим особенностям.

Статистические показатели³⁸ и названия групп прозвищ, имеющих такие семантические маркеры, приведем в таблице 5.

Таблица 5

Семантические группы, отражающие у именуемых различные внешние данные, физические особенности

1	Полный человек	31
2	Неаккуратный человек	20
3	Возрастные особенности лица	16
4	Неуклюжий человек	14
5	Светловолосый человек	12
6	Рыжеволосый человек	12
7	Худощавый человек	12
8	Слабый, болезненный человек	12
9	Здоровый, крепкий человек	9
10	Высокий человек	8
11	Человек с рябым лицом	8
12	Белолицый человек	8
13	Невысокий человек	7
14	Смуглолицый человек	7
15	Красивый человек	6
16	Шепелявый человек	5
17	Горбатый человек	4
18	Некрасивый человек	4
19	Человек с толстыми губами	4
20	Человек с тонкими ногами	3
21	Непричесанный человек	3
22	Человек с большим высоким лбом	3
23	Кудрявый человек	3
24	Черноволосый человек	3
25	Человек с большими зубами	3

³⁸ В подсчетах учтены все возможные мотивы номинации, связанные с определенным прозвищем. Поэтому одно и то же прозвище может входить в состав разных ономастических полей.

26	Человек с большим носом	3
27	Калека	3
28	Человек, испытывающий чувство озноба	3
29	Человек, переболевший оспой	3
30	Сонливый человек	3
31	Человек с искривленным позвоночником	3
32	Хромой человек	3
33	Человек, имеющий дефекты зубов	3
34	Косноязычный человек	3
35	Человек с кривыми ногами	2
36	Человек с толстыми ногами	2
37	Человек с большой головой	2
38	Человек с заячьей губой	2
39	Человек с большими ушами	2
40	Седоволосый человек	2
41	Тонконосый человек	2
42	Человек, страдающий лихорадкой	2
43	Человек, страдающий одышкой	2
44	Человек, имеющий хриплый голос	2
45	Гнусавый человек	2
46	Аккуратный человек	2
47	Человек, страдающий грыжей	2

Представленные в таблице семантические группы основ именования (= ономастические поля) свидетельствуют о следующем: если говорить о внешних данных человека, его физических особенностях, то, судя по антропонимическим материалам, здесь нет ни одного объекта, на который не обратили бы внимание наши предки (цвет волос, кожи; рост; особенности строения тела, его отдельных частей; приобретенные дефекты; внешне выраженные последствия болезни и т. д.). Все это подтверждает мнение исследователей, что в народной культуре признаки внешнего вида являются важнейшими, наиболее показательными [Виноградова: 2005, 19].

Большая часть микрогрупп имеют небольшую наполняемость

в пределах региона. Они представлены 2—4 лексемами. Много именований, которые трудно объединить в какие-либо группы, однако семантику основы все же можно расшифровать, хотя и достаточно схематично, как ‘человек, имеющий физические отклонения или особенности во внешности’.

Следует сказать и о количестве групп апеллятивов и самих прозвищ, связанных с отражением положительных качеств, оценок именуемого. Их немного. При этом группе названий лиц с положительной эстетической оценкой противопоставляется комплекс групп названий лиц, описывающих различные недостатки внешности. Ср. в таблице 6.

Таблица 6

Сопоставление состава реконструированных лексико-семантических групп с положительной и отрицательной оценкой внешних данных человека

Группы и количество прозвищ с положительной характеристикой внешних особенностей лица	Группы прозвищ с отрицательной характеристикой внешних особенностей лица	Количество прозвищ
Здоровый крепкий человек — 9 прозвищ	Слабый, болезненный человек	12
	Калека	3
	Горбатый человек	4
	Человек, постоянно испытывающий чувство озноба	3
	Человек с искривленным позвоночником	3
	Хромой человек	3
	Человек, имеющий дефекты зубов	3
	Человек, страдающий одышкой	2
	Человек, страдающий грыжей	2 и т.д.
Красивый человек — 6 прозвищ	Некрасивый человек	4
	Человек с рябым лицом	8
	Человек с толстыми губами	4
	Человек с тонкими ногами	3
	Человек с кривыми ногами	2
	Человек с толстыми ногами	2
	Человек с заячьей губой	2 и т.д.

Наблюдаемая асимметричность наполняемости групп прозвищ — одна из характерных черт в описании внешности лица. Безусловно, оценка детерминирована «мировоззрением народа — носителя языка, его культурно-историческим опытом, системой существующих в данном социуме критериев оценки, а также универсальностью оценочного суждения, обязывающего “соблюдать” соизмерение ценности с некоторыми стереотипами» [Телия: 1986, 39].

3.3.1.1. Анализ наиболее объемных групп прозвищ, отражающих внешние данные лица

Представим в убывающем порядке сопоставительные материалы наиболее объемных групп, входящих в семантическое множество ‘внешние (физические) особенности человека’. Каждая характеристика внешних данных лица является фрагментом языковой картины мира и несет сумму знаний об общепринятых ценностях общества XV—XVII вв., его обычаях, правилах³⁹.

3.3.1.1.1. Прозвища, мотивированные значением ‘полный человек’

Самое большое количество именовании восходит к названиям лица, где выделяются компоненты ‘полный’, ‘толстый’, ‘жирный’, ‘пухлый’, то есть ‘такой, объем тела которого больше среднего, потому что в нем много мяса и жира’ [Апресян: 2003, 1157]. Данные семы нашли отражение в многочисленных дериватах, зафиксированных в основах прозвищ. Дадим их описание.

Часть именовании восходит к *апеллятивам в прямом значении*.

Именовании *Гладкой* — Василей Клементиев сын *Гладкой*, 1579, Строкина

---

³⁹ При выявлении мотива именовании автор исследования учитывает, что определяемый мотив именовании не был единственным, поскольку большая часть прозвищ соотносится с многозначными апеллятивами, что создает парадигму мотивов именовании, принципы составления которой и учет данных для сопоставления описаны на с. 153—156.

пуст. [Докучаев-Басков, 1914, № 5, 5], *Толстой* — Иванко *Толстой*, кр-н, п. Панозерский, 1597 [ДКЛП, 217], — восходят к апеллитивам, известным древнерусскому языку, ср. в др.-русск. *гладкий* — ‘толстый, дородный (о человеке)’: «За что казакъ *гладокъ*, по тчи да на бок» [СлРЯ XI—XVII, 4, 27]. Это же значение известно современным говорам — кондоп., медв., чуд., пуд., чер., шексн. [СРГК, 1, 334], а также *гладкий* ‘жирный, толстый, здоровый’ волог., ворон., костр., курск., новг. [ООВС, 36], ‘полный, здоровый’ [Подвысоцкий, 30], в укр. *гладкой* ‘жирный, полный, толстый’, белорус. диал. *гладкі* ‘полный, упитанный’, у полаб. словян *glott’ě zaivăt* ‘толстый, упитанный’ [ЭССЯ, 6, 116]. Слово *толстый* не требует дополнительных комментариев. По морфологическим свойствам эти имена являются субстантивированными прилагательными.

Гундор — Яков *Гундор*, купчая, 1555 [АСМ, 124], в говорах *гундóра* — ‘толстый, неповоротливый, с тяжелой походкой человек’ новг., моск. [СРНГ, 7, 232].

Лабза — Матфейко *Лабза*, кр-н, п. Выгозерский, 1563 [ПКОП, 164], в говорах *лабза́* в значениях ‘толстая, неуклюжая, неповоротливая женщина, девушка’ зап.-брян. [СРНГ, 16, 215], ‘некрасивая, круглолицая, с крупными чертами лица девушка’ зап.-брян. [Там же].

Сюда же уже рассмотренное выше именование *Толстик*.

Остальные именованья апеллируют к переносным значениям базовых нарицательных имен. Приведем ряд примеров с учетом обработки материала, ориентированного на фиксацию разных типов значений по соотнесенности с действительностью в памятниках письменности⁴⁰. См следующие примеры:

*Баклан — Сенка Михайлов *Бакланова*, г. Корела, 1568 [ПКВП, 69], ср. с *бакла́н* ‘толстый, неповоротливый, неуклюжий человек, ребенок’, зафиксированное у слова в вят., перм., урал., пск., калуж. [СРНГ, 2, 60], являющееся переносным по отношению к *бакла́н* — ‘чурбан, чурка’ симб., сиб., Даль [Фасмер, 1, 110]. Н. А. Баскаков находит в данном случае тюркскую основу

---

⁴⁰ Так, если ни прямое, ни переносное значения не отражены в памятниках письменности и не представлены в исторических словарях, то считаем, что помимо переносного значения, отражающего внешние данные человека, восстанавливается и прямое.

baqlan ~ baqlan в значении ‘голован, головач, головастый, обладающий большой головой’, ‘толстый, здоровый, полный человек’ [Баскаков: 1979, 121].

Бочка — Михалка *Бочка*, п. Выгозерский, 1563 [ПКОП, 159—160], ср.: в разг. речи *бочкой* называют полного, неповоротливого человека.

Кережа — Васюк *Кережа*, 1563 [ПКОП, 243] и *керéжа* ‘брюхан, обжора; толстый, неповоротливый человек’ медв., канд. [СРГК, 2, 340]; бран. ‘о толстом человеке с большим животом’ волог., выт. [СГРС, 5, 120]. Можно, как кажется, утверждать, что апеллятив *керéжа* образован способом нулевой суффиксации от глагольной основы *керéжить* ‘жадно есть’ [Доля, Кривонкина: 1976, 4], однако в карельском языке *kerо* ‘пасть, глотка, горло’ [Фасмер, 2, 224].

Корова — Мартемьянко Давыдов *Корова*, кр-н, п. Шальский, 1563 [ПКОП, 169], ср. в современном русском языке следующие значения слова *корова*: ‘о толстой неуклюжей, а также неумелой женщине’ (*груб.*) [МАС, 2, 106], ‘о толстой, неуклюжей, нерасторопной или неумной женщине’ (*разг.-сниж.*) [БТС], являющиеся переносными от *корова* ‘животное’.

Луста — Олферей Ондреев сын *Луста*, п. Толвуйский, грамота, 1538—1539 [Гейман, 133], возможно, существовало перен. значение ‘полный человек’, ср. с *лустый* ‘жирный’ смол. [СРНГ, 17, 205]. Однако, по всей очевидности, здесь был перенос, обусловленный связью с *луста* ‘ломоть хлеба’ курск., орл., калуж., пск., смол., зап. брян., твер., калин., перм., урал., Лит. ССР, а также ‘жирный кусок; кусок сала’ смол., Латв. ССР [СРНГ, там же].

Мянда — Гридя Июдин *Мянда*, кр-н, п. Выгозерский, 1563 [ПКОП, 162], в др.-русск. языке *мянда* — ‘болотная сосна, редкослойная, рыхлая, не смолистая’ [СлРЯ XI—XVII, 8, 343], предполагаем, что данное значение могло оказать влияние на развитие переносного в современных говорах *мянда* — это еще и ‘очень полный человек’ олон., медв. [СРНГ, 18, 85].

*Олелюха — Пятка Михайлов *Олелюхин*, г. Корела, 1568 [ПКВП, 58]. В говорах *олелю́ха* — ‘большой, неровно обрезанный ломоть хлеба, кусок пирога и т. п.’ волог., ‘колоб, колобок’ костр., на основе которых развились переносные значения, одно из них — ‘толстая, неуклюжая женщина’ — отмечено

в вологодских говорах [СРНГ, 23, 184].

Телепень — Фома Кузмин сын *Телепень*, кр-н, п. Кижский, грамота, 1540 [Гейман, 143]. В говорах *тэлепень* ‘большой двуручный кистень, в виде цепа’, ‘язык, билень, клепало у колокола’ без указ. места [Даль, 4, 396], ‘обрубок дерева, бревна; толстый, тяжелый чурбан’ яросл. [СРНГ, 44, 6]. Одно из значений послужило базой переносного — *тэлепень* ‘неповоротливый, толстый человек; увалень’ новг. [СРГК, 6, 447], ‘толстый, здоровый ребенок’ ярос. [ЯОС, 9, 100—101]; ‘о толстом, неповоротливом, медлительном, вялом человеке’ курск., орл., пенз., смол., твер., влад., ярос., волог., сев.-двин., ‘о толстом, вялом ребенке’ волог., брян. [СРНГ, 44, 6].

Тукач — Микитка *Тукач*, кр-н, п. Шуньгский, 1563 [ПКОП, 149]. В современных говорах находим апеллатив *тукач* в значении ‘связка, охалка соломы или льна’ олон. [Фасмер, 4, 116], медв. белом., пуд., прион. [Карт. Лаб.], новг. [Даль, 4, 441] и *тукач* (*перен.*) — ‘толстый человек’ пуд. [Карт. Лаб.].

Подобное соотношение антропонима с апеллативом, имеющим в своем составе сему ‘полный’, наблюдаем следующих у прозвищ *Гладун, *Гладыш, *Дупль, *Кабан, *Корчага, *Кряква, *Крякуша, *Кубас*, *Кубач*, *Курбат, *Лепяха, *Лось, *Мамон, *Обрюта*, *Телеп, *Теляш [см. Кюршунова: 2010].

3.3.1.1.2. Прозвища, мотивированные значением ‘худощавый человек’

В антонимичную группу базовых слов со значением ‘худощавый человек’ входит только 12 антропонимов. Это неравномерная поляризация свойственна и современной лексической системе [см.: Апресян: 2003, 1158].

Так же, как и в рассмотренной ранее группе прозвищ, отражающих внешние данные лица, часть именований восходит к апеллативам в прямом или переносном значениях, известным и/или неизвестным древнерусскому языку, сохранившимся в современных говорах, отмеченным в прибалтийско-финских языках. Прозвища, входящие в данное поле, соотносятся с апеллативами, в лексическом значении которых содержатся семы ‘худой’, ‘тощий’, ‘костлявый’,

‘исхудалый’, ‘поджарый’, ‘сухой’, то есть ‘такой, объем тела которого меньше среднего, потому что в нем совсем нет жира и нет лишнего мяса’ [Там же, 1270, 1273]. Ср. представленные ниже соотношения:

Жареной — Иванко Микитин *Жареной*, кр-н, п. Мегрежский, 1582/83 [КЗПОП, 287]. ср. в говорах *жа́реной* — ‘очень худой, тощий (о человеке)’ моск. [СРНГ, 9, 77].

Жиган — Ивашко *Жиган*, кр-н, п. Сакульский, 1539 [ПКВП, 23], в говорах *жигáн* — ‘сухой, тощий человек’ перм., урал. [СРНГ, 9, 164—165].

Коржава — Митка *Коржава*, кр-н, п. Толвуйский, 1582/83 [КЗПОП, 174], предположение о мотиве именованья, связанном со значением ‘худощавый человек’, строится на основе зафиксированных в курских говорах *коржа́вить* ‘делаться худым, худощавым (о человеке)’ и *коржа́веть* ‘чахнуть, сохнуть (о растениях)’ [СРНГ, 14, 328—329], близкое значение ‘ежиться’ отмечено в русском Прионежье в Карелии [СРГК, 2, 427].

Костыга — Ивашко *Костыга*, кр-н, п. Никольский Готслав волок, 1496 [ПКОП, 21]. В др.-русск. языке *костыгъ* – ‘вид широкого шила для плетения лаптей (колчедык)’ [СлРЯ XI—XVII, 7, 371], возможно, это значение служило основой для появления перен. значения, ср. в современных говорах *косты́га* — ‘худощавый человек’ *петерб.* [СРНГ, 15, 84]. Кроме того, известно слово *косты́га* в значениях ‘кость, мосол’ без указ. места, Даль [СРНГ, 15, 84], ‘сустав ноги домашнего скота, используемый при игре в кости’ волог. [СГРС, 6, 91] и ‘игральная бабка, кость’ волог., арх., сев.-зап. [Там же], которые также могли служить базой для появления значения ‘худощавый человек’. Вероятностной внутренней формой могла быть и именная основа *кость*.

Лох — Лох Матфеев, кр-н, п. Толвуйский, 1582/83 [КЗПОП, 171]. В др.-русск. языке *лохъ* — ‘отощавший после нереста в реках лосось’ [СлРЯ XI—XVII, 8, 287—288], значение известно и совр. говорам Карелии, где *лох* — ‘исхудалая рыба’, «*лох* во время метания икры» без указ. места [Алатырев 1948, 37]. Аппеллятив заимствован из фин., карел. *lohi*, вепс. *lohi* ‘лосось’, эст. *lõhi* от лит. *lāšis* — то же [Фасмер, 2, 524]. Вероятно, *лох* – это еще и ‘тощий, исхудавший

(как лох после нереста) человек’.

Рагозина — Мартемьянко *Рагозинин*, кр-н, п. Оштинский, 1582/83 [КЗПОП, 298]. В др.-русс. языке *рогозина* — ‘камышовая трость для писания’ [Срезневский, 3, 129]. Современные говоры позволяют установить переносное значение, ср. *рагóзина* — ‘худой и длинный человек’ медв. [Карт. Лаб.], которое могло служить основой именованя.

Именованя *Сухой* — Самсонко Томгуев да сусед его *Сухой*, кр-не, п. Вытегорский, 1496 [ПКОП, 15] — соотносится с др.-русс. *сухой*, *сухий* — ‘тощий, сухой’, ‘иссохший от болезни’ [Срезневский, 3, 632], слово и значение зафиксированы в говорах *сухой* — ‘худой, чахлый, тощий, поджарый’ без указ. места [Даль, 4, 365]. В диалектной речи отмечается однокоренной апеллятив *сухара* — ‘тощий, сухой человек’ пск. [Даль, 4, 366], ‘высокая, тонкая женщина’ перм. [Полякова 2005, 365], что позволяет предполагать подобный мотив именованя у прозвища *Сухарь* — Иванко Панфилов *Сухарь*, кр-н, п. Шуньгский, 1563 [ПКОП, 147].

Худой — Иван *Худой*, Сумская вол., 1553 [АСМ, 115]. За словом *худый* в др.-русс. языке закреплен целый комплекс отрицательных признаков, ср. ‘плохой, дурной’, ‘некрасивый, невзрачный’, ‘некрепкий, непрочный’, ‘слабый’, ‘малый’, ‘бедный, скудный’, ‘бедный, в бедности находящийся’, ‘незнатный, простой’, ‘незначительный, не обладающий достоинством’, ‘дурной, скверный, зловредный’, ‘жалкий’, ‘ничтожный’, ‘слабый, безличный’ [Срезневский, 3, 1417—1419]. По всей очевидности, именование отражало или реальную действительность, или должно было хранить человека от несчастий, которые могли стоять за значением слова. Но в данном случае именование выполняет функцию прозвища, поэтому к тем значениям, которые существовали в древнерусском языке, добавим с некой долей гипотетичности сведения из современного русского литературного языка, где слово *худой* употребляется в значении ‘имеющий тонкое, сухощавое тело (о человеке и животном); тощий’ [БТС], которое также могло существовать в языке донациональной эпохи и служить мотивом именованя. Мотив именованя — ‘худощавый человек’ —

можно видеть и у прозвища *Худоха — Трофимко *Худохин*, земец, п. Ровдужский, 1568 [ПКВП, 153].

Предполагаем, что значение ‘худощавый человек’ существовало и у апеллятива *хворость* в древнерусском языке — ‘тальник’ [Срезневский, 3, 1365], фиксируется также В. Далем: *хвóрост* — ‘сушняк, сушник, сушь, отболевшие от дерева, усохшие сучья, ветви, хруст’ [Даль, 4, 545]. Модель ‘дерево’ → ‘человек’ могла вызвать развитие переносного, в данном случае ‘сухое дерево’ → ‘сухощавый человек’ и стать мотивом именованя для прозвища *Хворост* — Тимошка *Хворост*, кр-н, п. Выгозерский, 1563 [ПКОП, 161]. Подобным образом можно рассмотреть и прозвище *Хворостина* — Ивашко *Хворостина* Семенов, кр-н, п. Городенский, 1539 [ПКВП, 22].

Объемными можно назвать и некоторые другие группы прозвищ. Частично сопоставительные материалы, отражающие внутреннюю форму прозвищ, представим в таблицах 7 — 9.

3.3.1.1.3. Прозвища, мотивированные значением ‘неаккуратный человек’

Прозвища этой группы соотносятся с историческими и современными материалами (диалектными и литературными), у которых в значении слова содержится сема ‘неаккуратный’, которая соотносится на основе синонимических связей с такими компонентами, как ‘грязный’, ‘неопрятный’, ‘нечистоплотный’, ‘неряшливый’, а также различных дериватов, представленных в основах прозвищ в таблице 7.

Таблица 7

Сведения о функционировании антропонима	Сопоставительные апеллятивные материалы
* <i>Варакса</i> — Прокофий <i>Вараксин</i> , помещик, челобитная, 1643 [Мюллер, 51]	<i>варáкса</i> ‘неряха, пачкун, пачкунья’ влад. [СРНГ, 4, 43], однокоренные глаголы <i>варáкать</i> , <i>варáксать</i> ‘марать, писать каракули’ без указ. места [Фасмер, 1, 273—274], <i>варакóсить</i> ‘делать небрежно, врать’ выт., петрозав.

	[Куликовский, 8; Фасмер, 1, 274]
Захарей Левонтьев сын <i>Варач</i> , Кемская вол., 1586 [Гейман, 292]	<i>варáчка</i> ‘пачкать; небрежно, плохо писать и рисовать’ ярос., твер.; <i>варáчкаться</i> ‘пачкаться, становиться грязным’ ярос., твер [СРНГ, 4, 45]
* <i>Варзака</i> — Фетко <i>Варзакин</i> , п. Олонецкий, 1563 [ПКОП, 69]	<i>варзáка</i> ‘тот, кто плохо, неряшливо пишет’ волог. [СРНГ, 4, 45], ср. также с однокоренными <i>вáрза</i> ‘нечистоплотный, неопрятный человек; пачкун, грязнуля, неряха’ петерб., волог. [Там же]; <i>варзúля</i> ‘неряха, грязнуля’ медв. [СРГК, 1, 163]; <i>вáрзать</i> ‘делать небрежно, плохо, пачкать’ медв., <i>вáрзгать</i> ‘марать’ [Там же; Фасмер, 1, 275]. Исследователи отмечают, что по семантике и сходству в морфемной структуре слово <i>варзака</i> связано со словом <i>варакса</i> [Куркина: 1967, 184—185]
* <i>Вотола</i> — Иван Минин сын <i>Вотолина</i> , купчая, 1514 [АСМ, 27]	<i>ватóла</i> ‘неряшливая хозяйка, неряха, грязнуля’ нижегор., петрозав. олон. [СРНГ, 4, 71—72]. Возможно, вторичное по отношению к <i>ватóля</i> ‘женщина, не умеющая тонко прясть’ нижегор., ряз., тамб. [СРНГ, 5, 160], ср. также <i>ватóлить</i> , <i>ватóлить</i> ‘плохо прясть; делать грубую, толстую нить’ нижегор., ряз., тамб. [СРНГ, 4, 71—72; 5, 159]
Павлик <i>Гомаза</i> , п. Соломанский, 1568 [ПКВП, 175]	<i>гомзá</i> и <i>гамзá</i> ‘неаккуратная, нечистоплотная женщина-стряпуха’ пск. [СРНГ, 6, 353], <i>гóмазом</i> ‘неаккуратно, в спешке’, <i>гомáзиться</i> ‘пачкаться’ медв. [Карт. Лаб.]
* <i>Кастей</i> — Демидко да Онтонко Ивановы дети	<i>касть</i> — ‘сор, мусор’ арх., ‘вонючая, смрадная грязь’ арх., ‘о чем-л., вызывающем отвращение,

<p>Кастиева, г. Корела, 1568 [ПКВП, 56]</p>	<p>гадливое неприятное чувство' ряз., новг., пск., ленингр., арх. [СРНГ, 13, 118], 'мусор, что-н. ненужное' тер., тихв. [СРГК, 2, 332], а также <i>ка́сто</i> — 'грязно' олон., <i>кастли́во</i> — 'грязно' олон., <i>кастли́вый</i> — 'неряшливый, нечистоплотный' арх., пск., твер. [СРНГ, 13, 117]; <i>кастíть</i> — 'пачкать, гадить' подп., тер. [СРГК, 2, 332], 'бранить, пачкать, грязнить' петрозав., заон. [Куликовский, 34]</p>
<p>Иван Федор сын <i>Кулема</i>, целовальник, Выгозерская вол., грамота, 1558 [Гейман, 187]</p>	<p>кулёма 'о неприятном, неряшливо одетом человеке' волог., онеж. арх., пенз., моск., калуж. и в других говорах [СРНГ, 16, 57], 'о человеке, одетом не так, как принято' прион., лод. [СРГК, 3, 56] и <i>кулёма</i> 'плохая хозяйка' волог. [Карт. Лаб.]. Возможно, связано с <i>кулема</i> — 'ловушка для мелких зверей' [СлРЯ XI—XVII, 8, 114]. Значение известно и совр. говорам, в том числе белом. говорам Карелии, а также карг. арх., волог., кемер., печер. и др. [СРНГ, 16, 56]</p>
<p>Иван <i>Мазило</i>, Олонец, 1564 [Веселовский, 191]</p>	<p>в др.-русск. языке зафиксировано однокоренное слово <i>мазати</i> 'пачкать, марать' перен. [СлРЯ XI—XVII, 9, 8], в говорах <i>маза́ло</i> 'грязнуля, пачкун' перм., урал., <i>маза́лка</i> 'неряха, грязнуля' костр., смол., твер., пск., вят. [СРНГ, 17, 296—297]</p>
<p>*<i>Мазура</i> — Гаврила Овдокимов сын Мазурин, купчая, 1556 [АСМ, 142]</p>	<p><i>мазу́ра</i> в значении 'неопрятный человек, грязнуля' влад., тул. [СРНГ, 17, 299], в словенском языке <i>mazûra</i> 'замарашка' [ЭССЯ, 18, 32—33]</p>
<p>*<i>Мурзан</i> — Терентий Мурзанов сын Рокульского,</p>	<p><i>му́рза</i> — 'грязный, неопрятный человек', 'о человеке, чем-л. запачкавшемся' моск., ярос.,</p>

п. Городенский, 1568 [ПКВП, 84]	влад. [СРНГ, 18, 354] и <i>мурзаний</i> — ‘неопрятный, запачканный’ пск., смол., рост. [СРНГ, 18, 354]
Микитка <i>Свинья</i> , кр-н, п. Важинский, 1563 [ПКОП, 101]	в др.-русск. языке <i>свинья</i> — ‘кабан, дикая свинья’, ‘свинья, домашнее животное’ [Срезневский, 3, 1532]; в совр. русск. литер. языке отмечено перен. значение у слова <i>свинья</i> — это ‘грязный, неопрятный человек; неряха’ [МАС, 4, 50], ср. также с разг. выражением <i>грязный как свинья (чушка, хрюшка)</i>
Дениско <i>Урюпа</i> , кр-н, п. Андомский, 1563 [ПКОП, 201]	<i>урюпа</i> — ‘неряха’ новг. [Даль, 4, 510], ‘нечистоплотный, грязнуля’ олон., чер. новг. [КСРНГ]
Онкифко да <i>Чупряк</i> Давыдковы, п. Вытегорский, 1496 [ПКОП, 52]	<i>чупра</i> в значении ‘замарашка, грязнуля’ кирил. [СРГК, 6, 806]

Подобные соотношения наблюдаются у прозвищ *Ворона, Корепан, Ляпун, Патра, Пуляко, Рямзя, Шаран* (всего 22 антрополоксемы; см.: Кюршунова: 2010).

3.3.1.1.4. Прозвища, мотивированные значением ‘возрастные особенности человека’

В семантическое подмножество включаются антропонимы, связанные с апеллятивами, содержащими семы, ‘старый’ (‘пожилой’, ‘дряхлый’, ‘немошный’) или ‘молодой’ (‘неопытный’, ‘зеленый’, ‘незрелый’) и под. (см. табл. 8)

Таблица 8

<i>Сведения о функционировании антропонима</i>	<i>Сопоставительные апеллятивные материалы</i>
* <i>Барда</i> — место Демеховское Турки Бардина, 1598 [ДКШВ, 241]	<i>барда́</i> — ‘старая карга, страшилище’ онеж. [СРНГ, 2, 112]
Васюк <i>Зеленец</i> , п. Ровдуж-	<i>зелене́ц</i> ‘незрелые ягоды, плоды’ белоз., вашк.,

ский, 1539 [ПКВП, 41]	карг., кирил., медв., уст., чер. [СРГК, 2, 248],
* <i>Зеленя</i> — Мартышко Федоров <i>Зеленин</i> , п. Вытегорский, 1563 [ПКОП, 209]	ярос. [ЯОС, 4, 119], ср. также в др.-русск. с однокоренным <i>зеленый</i> ‘неспелый, незрелый’, <i>зелень</i> ‘все неспелое, незрелое’ [СлРЯ XI—XVII, 5, 370—371]. Возможно, возникло переносное значение, отражавшее возрастные особенности лица, так могли прозвать человека, не достигшего полного развития, зрелости, возмужалости, ср., например, с подобным в животном мире <i>зеленец</i> — ‘новорожденный детеныш гренландского тюленя’ арх., помор., онеж. [Подвысоцкий, 56, 85; СРНГ, 11, 247; СРГК, 2, 248]
* <i>Капшак</i> — Исаак Андреев сын <i>Капшаков</i> , Кемская вол., купчая, 1587 [Гейман, 297]	<i>ка́пшитъ</i> — ‘медленно, потихоньку идти, брести’ олон. [СРНГ, 13, 62], <i>ка́пшатся</i> — ‘работать с трудом (так говорят о стариках)’ тер., ‘задерживаться, мешкать, долго собираться’ кем. [Карт. Лаб.], <i>капши́веть</i> — ‘становиться хилым, чахнуть, хиреть’ курск., ворон. [СРНГ, 13, 62]
Гаврилко Федоров <i>Каргач</i> , п. Челмужский, 1563 [ПКОП, 167]	<i>каргáч</i> — ‘старый человек, старик; хрыч’ ярос. [ЯОС, 5, 21], известны и однокоренное слово <i>каргá</i> , <i>коргá</i> — ‘старуха’, ‘сердитая старуха’ заон., медв. [Куликовский, 40], белорус. <i>корга</i> ‘старуха’ [Фасмер, 2, 196], в укр. <i>каргá</i> , <i>бран.</i> ‘старая ведьма’, ‘ворона’, белорус. <i>каргá</i> <i>бран.</i> слово; отмечено также в др. слав. языках. В значении ‘злая старуха’ в конце XVII — начале XIX в. общеупотребительно. Широко распространено в тюрк. языках [Черных, 1, 380]

<p>поп <i>Назим</i> Федоров, п. Остречинский, 1582/83 [КЗПОП, 129]</p>	<p>в др.-русск. языке <i>назимокъ</i> — ‘животное в возрасте одного года; молодое животное’, <i>назимый</i> — ‘в возрасте одного года, годовалый, однолетний; молодой (о животном)’ [СлРЯ XI—XVII, 10, 94]; в говорах сохранилось близкие значения у слова <i>назімок</i> ‘годовалый теленок’ орл., ярос., курск.; ‘годовалый поросенок’ перм., твер. [СРНГ, 19, 282—283; ЯОС, 6, 95], ‘теленок, жеребенок до года, родившийся летом или осенью’ вашк., кирил., плес. [СРГК, 3, 323], а также <i>назімки</i> ‘мальчики от 5 до 10 лет’ свердл. [СРНГ, 19, 282]</p>
<p>*<i>Нестарый</i> — Васко <i>Нестаров</i>, п. Вытегорский, 1496 [ПКОП, 10]</p>	<p>именование отражало реальную действительность, антоним — старый</p>
<p>*<i>Старина</i> — Якуш <i>Старинин</i>, п. Городенский, 1568 [ПКВП, 86]</p>	<p>в др.-русск. языке <i>старина</i> — ‘старость’ [Срезневский, 3, 494—495], у В. Даля <i>старина́</i> — ‘старик, старый человек’ [Даль, 4, 316], сюда же</p>
<p>*<i>Старко</i> Кирилов, Илейка <i>Старков</i>, г. Корела, 1568 [ПКВП, 61]</p>	<p>значение слова <i>старой</i> ‘проживший много лет, достигший старости’, свидетельствующее об отражении реальной действительности</p>
<p>Михайло <i>Старой</i>, п. Вытегорский, 1563 [ПКОП, 202]</p>	
<p>*<i>Ярец</i> — Патракийко Кирилов <i>Ярцов</i>, п. Кижский, 1563 [ПКОП, 130]</p>	<p>у М. Фасмера <i>яре́ц</i> ‘годовалый бобр’ [Фасмер, 4, 560], связано с <i>яра</i> ‘весна’, в болг. языке <i>ярец</i> ‘козленок’, ‘годовалый козленок’ [ЭССЯ, 8, 181]. Ср. также с однокоренным апеллятивом женского рода <i>ярица</i> ‘молодая, ни разу не ягнившаяся овца’ пуд., медв., прион.; лод., выт.</p>

	<p>волог., онеж. арх. [СРГК, 6, 963], ‘полугодовалая овечка’ заон., выт. [Куликовский, 142], в слав. языках в лексическом значении слов <i>ярец</i>, <i>ярица</i> выделяются компоненты ‘молодой’, ‘нестарый’, ‘родившийся весной’, ср.: сербохорв. <i>jàrica</i> ‘годовалая курица’, словен. <i>jàrec</i> ‘ягненок весеннего помета’, <i>járica</i> ‘молодая овца’, ‘молодая курица’, словац. <i>jarica</i> ‘молодая курица, которая еще не неслась’, польск. <i>jarzysa</i> ‘все, что родилось в эту весну’, ‘первый рой этого года’ [ЭССЯ, Там же, 172—173, 181];</p> <p>возможно, имя <i>Ярец</i> — откомпозитивный модификат (от <i>Яр-</i>(слав, мир и т. д.) + <i>-ец</i>)</p>
--	---

Подобным образом, семы, отражающие различные возрастные особенности, выделяются в основах именовании *Базыка*, *Дровко*, *Карза*, *Кокора*, *Мальга*, *Малко*, *Сосун* (всего 16 антрополоксем; см.: Кюршунова: 2010).

3.3.1.1.5. Прозвища, мотивированные значением ‘слабый, болезненный человек’

Данная группа прозвищ связана с апеллятивами, лексическое значение которых содержит семы ‘больной’, ‘болезненный’, ‘нездоровый’, ‘хворый’, ‘хилый’, ‘чахлый’, ‘дряхлый’ и др. (см. таблицу 9)

Таблица 9

Сведения о функционировании антропонима	Сопоставительные апеллятивные материалы
Сидор Иван <i>Дряхлой</i> , отводная, 1564, АСМ, 182.	в др.-русск. языке <i>дряхлый</i> — ‘печальный’, ‘слабый, немощный’, ‘вялый, ленивый’, ‘жестокий’ [СлРЯ XI—XVII, 4, 368]
<i>Кисель</i> Игнатъев,	<i>кисель</i> — ‘слабый, беспомощный, не имеющий

п. Пудожский, 1563, ПКОП, 184	силы стоять на ногах человек' пск. и твер. говоры [СРНГ, 13, 228]
* <i>Корчага</i> — Лучка <i>Корчагин</i> , п. Шальский, 1582/83 [КЗПОП, 304]	<i>корча́га</i> — 'калека со сведенными членами' курск. [Даль, 2, 170]; <i>ко́рчить</i> — 'сводить судорогой, гнуть, мять' без указ. места [Там же], а также укр. <i>корчѹти</i> , цслав. <i>съкръчѹти</i> 'скорчить', сербохорв. <i>крчѹти</i> , словен. <i>krčiti</i> , чеш. <i>krčiti</i> 'морщить, сгибать' [Фасмер, 2, 341]
Стефан <i>Лежень</i> , Кереть, 1567 [АСМ, 199]	др.-русск. <i>лежень</i> — 'лежащий больной', а также 'больной или дряхлый монах, не выходящий из кельи' [СлРЯ XI—XVII, 8, 198]
* <i>Слабырь</i> — Сергейко Марков <i>Слабырев</i> , г. Корела, 1568 [ПКВП, 68]	в др.-русск. языке <i>слабый</i> — 'бессильный, слабый', <i>слабькыи</i> — 'бессильный, слабый', ср. также <i>слабота</i> , <i>слабость</i> , <i>слабитися</i> , <i>слабити</i> [Срезневский, 3, 403—404]
* <i>Убоженник</i> — пуст. на Пилуксе ж, что была дер. Степанков след <i>Убоженников</i> , п. Пудожский, 1582/83 [КЗПОП, 239]	др.-русск. <i>убогый</i> 'убогий, увечный' [Срезневский, 3, 1113—1114], в говорах <i>убогий</i> 'больной, плохо себя чувствующий' тихв., медв., <i>убо́жина</i> 'больной, беспомощный, прикованный к постели человеке' медв. [СРГК, 6, 561], <i>убо́жник</i> 'убогий, увечный, калека' без указ. места [Даль, 4, 459]
* <i>Хилок</i> — Петр <i>Хилков</i> , воевода, кн., грамота, 1647 [Мюллер, 57]	<i>хилый</i> или <i>хило́й</i> , <i>хилкий</i> и <i>хилко́й</i> 'плохой, слабый, жидкий, вялый, больной, непрочный, ненадежный' без указ. места [Даль, 4, 547], <i>хилить</i> 'худеть, становиться хилым' карг. [СРГК, 6, 711]. Как отмечает П. Я. Черных, значение 'слабый' является более поздним [Черных, 2, 338—339]. Отметим, что слово <i>хилый</i> известно в славянских языках.

Якуш Шестаков <i>Хрип</i> , г. Корела, 1568 [ПКВП, 56]	У В. Даля записаны <i>хрипенье, хрип, хрипеть, хриплый звук</i> ; при этом <i>хрип</i> — ‘простудная хрипота, хриплость’, <i>хрипать</i> — ‘быть дряхлым или болезненным, хрипеть’ пск. [Даль, 4, 565], ‘жить не то в здоровом, не то в совершенно больном состоянии’ пск., твер. [ЭССЯ, 8, 97]
Иван да <i>Хрипун</i> Федоровы дети Жеглова, боярские дети, п. Пикринический, грамота, очень часто, Гейман	У В. Даля <i>хрипу́н, хрипу́ля</i> — ‘тот, кто хрипло говорит, охрип’ без указ. места [Даль, 4, 565]
Иван <i>Худой</i> , Сумская вол., 1553, АСМ, 115	за словом <i>худый</i> в др.-русск. языке закреплён целый комплекс отрицательных признаков, в том ‘слабый’ [Срезневский, 3, 1417—1419]

Подобным образом соотносятся с апеллятивами, содержащими значение ‘слабый, болезненный человек’, следующие прозвища *Вялица, Зелень, Капшак, Корепан, Кочура, Лулак, Мендяк, Рохкач, Сусло, Чалец* (см.: Кюршунова: 2010).

3.3.1.2. Соматизмы в составе прозвищ, зафиксированных в памятниках письменности Карелии XV—XVII вв.

Внешние, физические особенности чаще всего отмечаются в различных отклонениях частей тела от стандарта, их недостатках. Это так называемые соматизмы, которые включены в прозвища, через которые описываются, например:

- особенности ног: Григорий *Батоног*, Строкина пуст., 1565 [Докучаев-Басков, 28] и *ботонóгий* — ‘человек с заплетающейся ногой’ без указ. места [СРНГ, 3, 138]. Сюда же относятся прозвища: Кюрша Иванов *Рудног*, 1563 [ПКОП, 116]; Онфимко *Толстоног*, 1496 [ПКОП, 53]; Васюк *Хлупоног*, 1563 [ПКОП, 164] и *хлопый* ‘имеющий укороченную ногу, хромой’ чуд., тихв., чаг. [СРГК, 6, 720]; Иванко *Хромой* [ДКЛП 1597: 229]; *Шаран* Давыдов, бобыль, 1594

[Гейман, 342] и *шарáп* — ‘человек с кривыми ногами’ волог. [Карт. СРГК]. В данную группу будут входить основы таких прозвищ, как *Колтырь*, *Луконог*, *Лытка*, *Ногатка*, *Тонконог*, *Хромец*, *Щелконог*. Добавим именованиями по другим регионам: *Безногий*, *Долгоног*, *Кривоножка [Веселовский, 32, 98], *Кривоног(ий)* [Кузнецов, 2011, 179], *Хромоногой* [Тупиков, 474] и т. д.;

- особенности рук — *Пакуля*, 1591 [Гейман, 321] и *паку́ля* — ‘левая рука’ нижегор. [СРНГ, 25, 161]; *пáккула* ‘левая рука’, ‘левша’ кириш. [СРГК, 4, 373]; возможно, сюда же *Кобра (Степан Ондреев сын Равда *Кобрин*, кемлянин; 1572 [Гейман, 221], ср. *ко́бра* — ‘рука’ подп. [СРГК, 2, 381], *коба́рка* — ‘рука, кисть’ кем. [Там же]; хотя исследователи предполагают, что, на самом деле, здесь сложное по структуре слово *Равдакобрин*, из карел. *Raudakobra ‘железная (или крепкая, сильная) рука’; по другим регионам Руси отмечены такие прозвища, как *Безрукий*, *Долгорукий* [Веселовский, 33, 98];

- особенности головы — Ефимко Семенов *Бут*, 1563 [ПКОП, 130] и словен. *búta* ‘большеголовый человек’ [Фасмер, 1, 253]; Гришка Иванов *Гангопя*, 1563 [ПКОП, 60] и фин. — *hanko* ‘вилы’ + *rää* ‘голова, конец’ [Мамонтова, 1988, 223]; Ивашко *Головарь*, 1496 [ПКОП, 2] и белорус. диал. *галава́рь* — ‘человек с большой головой’ [ЭССЯ, 7, 7-8], а также такие как *Голован*, *Головка*, *Горшок*, *Клуб*, *Кочан*, *Курик*, *Медвежья Голова*, *Трясоголов* и т. д.

Как отмечает О. Д. Сурикова, «принципиальная важность соматических объектов для жизни и нормального функционирования человека в социуме определяет повышенное внимание номинатора к физическим увечьям» [Сурикова: 2013, 59].

В народной культуре существуют поверья, что человек, внешне отличающийся от коллектива и особенно имеющий физические дефекты, был связан с нечистой силой и переводился в разряд «чужих»⁴¹ [Виноградова: 2005,

---

⁴¹ Ср. также «если отнести человека в категорию горбунов, калек, прокаженных, девственников или подростков... человек помещается в определенную категорию, рассматриваемую в этот момент как 'уникальная'. На этого человека наклеивается ярлык, как можно было бы наклеить ярлык на банку консервов» [Вежбицкая: 1999, 97].

19—27; СД, 5, 373—375]. Вероятно, поэтому часто соматизм осложнен описательными компонентами, являющимися составными элементами модели — компонент (без-, бело-, долго-, красно-, криво-, остро-, сухо-, сыро-, толсто-, тонко-, черно-, широ(ко)- и т. д.) + соматизм. Ср. в документах Карелии: *Беззубой* — Тишук Оксентьев Беззубой, 1563 [ПКОП, 110], *Безносок — Костя Иванов Безносков [Там же, 128], *Безнос — Ондрей Васильев Безносова, 1568 [ПКВП, 72], **Без(с)хвост* — Сенка Безхвостов, 1496 [ПКОП, 33]; *Белоглаз(ой)* — Прошка Белоглас, 1582/83 [КЗПОП, 215], *Белоус* — Иванко Белоус, 1563 [ПКОП, 205]; *Долгомуд* — Степан Семенов сын Долгомуд, поступная, 1545 [АСМ, 70]; *Долгошей* — Яков Долгошей, духовная, 1561 [АСМ, 166]; *Краснохуй* — Степанко Карпов Краснохуй [Там же, 132]; *Кривоногой* — Кудро Семенов Кривоногой, 1563 [ПКОП, 142]; *Кривонос* — Сава Кривонос, 1595 [Докучаев-Басков, 64]; *Кривошей* — Игнатко Филипов Кривошейей, 1563 [ПКОП, 247]; *Кривощек* — Федор Савельев сын Городчанин, Кривощек, 1592 [Докучаев-Басков, 62]; *Сухонос* — Гриша Офонасов сын Сухонос, отводная, 1556 [Гейман, 184]; *Толстоног* — Онфимько Толстоног, 1496 [Там же, 53]; **Тонконог(ой)* — Конан Иванов сын Тонконогова, 1550 [АСМ, 101]; *Широнос* — Иванко Васильев Широнос, 1568 [ПКВП, 68].

Прозвища-соматизмы представлены и в документах Кексгольмского лена, особенно имена, вероятно, карельские с компонентом *pää* ‘голова’. В книге 1618 г. — *Griska Kolupäieff*, p. Uguniemi [КЛ, 337]; *Jwan Tuckarä*, Kiriansk Bohåråditzk p. [КЛ, 311]; *Luka Korgarä*, p. Kiriansk Bohåråditzk [КЛ, 299] и т. д., где *kolupää* ‘каменная голова’, *tuckarää* ‘волосатая голова’, *korgarää* ‘высокая голова’; в книге 1631 г. — *Madz Jauhörä*, p. Rautus [КЛ, 400]; *Fedoriko Lihäpä*, p. Kurki Joki [КЛ, 426]; *Brusi Mustarä*, p. Sordowala [КЛ, 555]; *Peer Tackurää*, p. Rautus [КЛ, 399]; *Eskell Tachkäpä*, p. Sackula [КЛ, 397]; *Juantko Tasarä*, p. Kiteis [КЛ, 474] и т. д., где *jauhörä* ‘мучная голова’, *lihäpä* ‘мясистая голова’, *mustarää* ‘черная голова’; *tackurää* ‘косматая голова’, *tasarää* ‘крепкая голова’. В книге 1637 г. — Гиндрик Пунапяев / Hendricn Pawarää, п. Угонемский [КЛ, 550/150]; Петрушка Кованяев / Petruska Kowarää, п. Угонемский [КЛ, 556/156]; Юшко Карганяев

/ *Jusska Kargaräef*, п. Угонемский [КЛ, 635/268]; Первушка *Ковкупяев* / *Pärwoi Koukupäi*, п. Угонемский [КЛ, 461/50] и т. д., где *rawaräi* ‘рыжая голова’, *kowaräi* ‘твердолобая голова’, *kargaräi* ‘шершавая голова’, *koukupäi* ‘крючковатая голова’.

Данные антропонимии по другим территориям Руси расширяют список таких прозвищ: у С. Б. Веселовского, Н. М. Тупикова, А. Г. Мосина, А. В. Кузнецова, Е. Н. Поляковой: *Белобок, Белобород, Белобров, Белоголов, *Белогуб, Белогуз, Белогузка, *Белоног, Белонос, Белорук, Белощец; Вострощец, Долгоног, Долгорукий; Краснозоб, Красношея; Кривобород, Кривоножка, Криворог, Кривочелюстный, Кривошейка; Сухобоков, Сухорук, Сухощец; Сырогуз, Сыропятый; Толстоголов, Толстопят, Толстоух, Толстошея; Чернобровец, *Чернобровка, *Черногуб, Черногуз, Черноскул, Черноус, *Широкобрюх* и т. д.⁴²

В семантическом плане, видим, они могут выстраиваться в антонимические именованья: *Бело-* ↔ *Черно-*, *Сухо-* ↔ *Сыро-*. Отсутствие полярности в некоторых случаях (*Криво-*) накладывается на известное понятие о норме, которая, как известно, не нуждается в дополнительной выраженности в языке и остается непроявленной по разным причинам, например, к сериям прозвищ с компонентами *Долго-*, *Остро-*, *Толсто-*, *Широ(ко)-* ожидаются потенциально возможные фиксации на *Тонко-*, *Тупо-*, *Узко-*, которые пока не зафиксированы, но отмечены у именованья с одним корнем в основе — **Тонкач, Тонкий, Тонкуша, Тончик; Тупик, Тупица, Узкий*.

Прозвища со сложной основой нельзя возводить к именам композитам. Для образования двусловных имен экспрессивного образования «потребовались предварительные акты апеллятивного словосложения и синтаксического фразообразования» [Трубачев: 1988 (1), 8]. Такие имена, без сомнения, образовались из сочетаний типа *Белобров* ← *белые брови* или ‘тот, у кого белые брови’, **Редоус* ← *редкие усы* или ‘тот, у кого редкие усы’ и т. д. Доказательством

---

⁴² Примеры прозвищ, восходящих к соматизмам, содержащим элемент *без-*, здесь не приводятся, см. их полный состав по памятникам письменности, ономастикомам и подробное описание у О. Д. Суриковой [2013].

того, что ряд двуосновных антропонимов не относится к древним композитам, является наличие соответствующих апеллятивов в исторических и диалектных словарях. Так, для *Белоглазой*, 1538/39 [Гейман, 133] находим в Словаре XI—XVII вв. апеллятив *белоглазый* ‘светлоглазый’ [СлРЯ XI—XVII, 1, 134]. Именования *Батоногой от Батоногов — Иванко Кузьмин сын *Батоногов*, 1568 [ПКВП, 56] и *Трегубой от Трегубов — Ондрюша Олексеев *Трегубов*, 1597 [ДКЛП, 219] связаны по происхождению с диалектными апеллятивами *батонóгий* ‘человек с заплетающейся ногой’ без указ. места [СРНГ, 3, 138] и *трегубый* ‘тот, у кого от природы рассечена верхняя губа’ без указ. места [Даль, 4, 432], ‘о человеке с большими губами, губастый’ чкал. [СРНГ, 45,22], а также однокоренное *трегубка* ‘о человеке с раздвоенной губой’ калуж. [Там же]. Вероятно, в данную группу можно включить и произвища *Кривогразий (Иванка Захаров *Кривогразиев*, 1598 [ДКШВ, 241]) и *Деригуз (Микифорко Иванов *Деригузов*, кр-н, п. Шуньгский, 1563 [ПКОП, 151]). Однако закономерно все же допустить, что у прозвищ со сложной основой есть все же точка пересечения с именами-композитами: за ними скрыт текст, более прозрачный, нежели у личных имен-композитов.

В мотивационном плане экспрессивные двуосновные прозвища близки составным именам, см. примеры, выделенные курсивом, как Васка *Медвежья Голова*, п. Шуньгский, 1496 [ПКОП, 3]; Родивонко да Фомка Васильевы *Толстые Нагавицы*, п. Пудожский, 1563 [Там же, 180]; Окул *Сальное Рыло*, Строкина пуст., 1572 [Докучаев-Басков, 33], Третьяк, сапожный швец, *Усталые Глаза*, Строкина пуст., 1593 [Там же, 559], а также вычлененное из ойконима прозвище *Рудный Палец (дер. на Колодо-озере ж слово Рудного Палца), п. Пудожский, 1563 [ПКОП, 185], и, возможно, сюда же можно отнести именованья — Онтон, прозвище *Тряса Гость*, Шуерецкая вол., купчая, 1512 [Мюллер, 27]; Стефан Мартемьянов сын Судокон, а по прозвищу *Орел Малой*, Кемская вол., купчая, 1587 [Гейман, 301]; Василей Борисов сын *Рогатых Вшей*, Строкина пуст., 1588 [Докучаев-Басков, 55].

Составные прозвища (в отличие от композитов) являются

на сегодняшний день практически не описанным антропонимическим материалом. Вероятно, это связано с их единичной представленностью в документах донационального периода. В памятниках письменности Карелии их состав исчисляется менее чем одним процентом от числа всех прозвищ. Малоактивны такие прозвища и по другим территориям. В ономастиконе С. Б. Веселовского представлено чуть более 30 таких конструкций, построенных в основном по типу «прилагательное + существительное» (*Возривая Рожа, Угреватая Рожа, Очунная Рожа; Долгая Борода, Костяные Уши, Сеченая Щека, Короткие Ноги, Толстая Голова, Толстые Пальцы* и т. д.). Такие фиксации позволяют взглянуть на еще один тип номинации лица и убедиться в разнообразии представления человека номинатором.

Безусловно, между прозвищами однословными, сложными и прозвищами, построенными по составному типу, существовали взаимопереходы, ср. пример у С. Б. Веселовского: *князь Михаил Иванович Засекин Черносовка* и он же — *Черная Совка* [Веселовский, 352]. Направление подобной номинации — от словосочетания к его эллиптированию, далее субстантивация с возможным добавлением антропоформанта. Семантически компоненты составного прозвища — единое целое, это оним, за которым стоит повышенная индивидуализация лица. Однако предполагаем, что возможным было усечение одного из компонентов составного именованя. Таким образом, составное прозвище, например, *Окул Сальное Рыло* могло преобразовываться в *Окул Рыло* или *Окул Сальный*. Зависело это от того, какой компонент номинатор «считал» более сильным. К сожалению, мы не располагаем данными, позволяющими сделать более точные выводы в данном случае.

Отметим, что соматизмы могли оказаться в структуре именованя в результате метонимического переноса, по характерному признаку, выделявшему человека в социуме: Тимофей Григорьев сын *Голова*, ямщик, п. Кижский, челобитная, 1664 [Мюллер, 173], Василий Семенов сын *Горло*, староста Панозерского погоста, 1598 [ДКШВ, 235], *Губа* Павлов, бобыль, п. Выгозерский, 1582/83 [КЗПОП, 195], *Жила* Яковлев, п. Андомский, 1563

[ПКОП, 192], Гридка Лукин *Зуб*, п. Олонецкий, 1563 [Там же, 65], Микитка Карпов *Кожа*, п. Челмужский, 1563 [Там же, 166], Иванко *Коковка*, Выгозерский, 1563 [Там же, 162]; Онашка Сидоров *Коча*, п. Андомский, 1563 [Там же, 193], *Кудро* Семенов Кривоногой, п. Толвуйский, 1563 [Там же, 142], Иванко *Кудрь*, п. Олонецкий, 1563 [Там же], *Кудря* Кодратов, п. Шальский, 1582/83 [КЗПОП, 220], Палка *Локоть*, п. Шуньгский, 1496 [ПКОП, 9], *Лулак* Лукин, п. Андомский, 1563 [ПКОП, 200], Иван Иванов *Лытка*, п. Толвуйский, 1563 [Там же, 140], *Маслак* Федоров, п. Оштинский, 1563 [Там же, 225—226], Ивашко *Моклок*, п. Пелушский, 1496 [Там же, 24], Ивашко *Нос*, п. Остречинский, 1563 [Там же, 109], *Пакуля*, запись, 1591 [Гейман, 321], Потапко *Потка*, п. Пелушский, 1496 [ПКОП, 27], Гридья *Рука* Терешкин, Веницкий, 1496 [Там же, 39], Ивашко *Ус*, п. Шуньгский, 1496 [ПКОП, 4], Иван Степанов, по прозвищу *Утроба*, Кемская вол., купчая, 1579 [Гейман, 269], Михалка *Хвост*, п. Выгозерский, 1563 [ПКОП, 163], Ивашко *Хребет*, п. Никольский Готслав Волок, 1496 [Там же, 20], Василий дьяк *Шадра*, Строкина пуст., 1579 [Докучаев-Басков, 37], а также восстановленные по данным патронимов и ойконимов: *Борода, *Брюхо, *Глаз, *Голень, *Горб, *Гуза, *Гузнице, *Десна, *Десница, *Дупля, *Желвач, *Жилка, *Кила, *Кишка, *Кобра, *Коковица, *Коса, *Косица, *Космыня, *Кулак, *Кярзя, *Мамон, *Мозоль, *Нога, *Скура, *Сорка, *Стегно, *Сурна, *Турбас, *Шульга, *Язык.

Итак, такое разнообразие физических особенностей, внешних признаков лица, зафиксированных в основах прозвищ, дают возможность для предположения о существовании в прошлом *эстетического критерия*: внешний облик человека оценивался по параметрам *молодой ~ старый*, *аккуратный ~ неаккуратный*, *здоровый ~ больной*, *красивый ~ некрасивый*. Кроме того, полагаем, что призмой, через которую оценивали внешние данные человека, было *отношение к труду*. Толстый, худой, больной, искалеченный, старый и т. д. человек не мог полноценно трудиться. В обществе, где большая часть работ выполнялась коллективно, такие отклонения были особенно заметны.

3.3.2. Прозвища, связанные с оценкой морально-этических качеств человека

Названия лиц по морально-этическим качествам, реконструированные по прозвищам, также представлены большим количеством микрогрупп, при этом группы более объемные, чем группа восстановленных названий лиц по внешним (физическим) особенностям. См. таблицу 10, в которой отражены статистические показатели и названия групп именований, отражающих морально-этические качества человека:

Таблица 10

Семантические группы прозвищ, отражающие различные качества характера

1	Глупый человек	75
2	Скандалист, спорщик	63
3	Ленивый человек	56
4	Болтливый человек	49
5	Сварливый человек	43
6	Упрямый человек	38
7	Лживый человек	37
8	Драчливый человек	34
9	Бойкий человек	22
10	Непоседливый человек	18
11	Медлительный человек	18
12	Назойливый человек	18
13	Злой человек	17
14	Жадный человек	17
15	Плаксивый человек	17
16	Чванливый человек	15
17	Наглый человек	13
18	Ветреный человек	13
19	Крикливый человек	11
20	Угрюмый человек	11

21	Шаловливый человек	8
22	Веселый человек	8
23	Невнимательный человек	7
24	Пьяница	6
25	Смелый человек	6
26	Торопливый человек	6
27	Трудолюбивый человек	6
28	Хулиган	5
29	Вор	5
30	Ловкий человек	5
31	Задира	5
32	Неудачник	5
33	Капризный человек	5
34	Молчаливый человек	4
35	Трусливый человек	4
36	Бродяга	4
37	Невежественный человек	4
38	Тихий, спокойный человек	3
39	Умный человек	2

Анализ данных, представленных в таблице 10, показал, что особенности поведения человека в социуме были в центре внимания общества XV—XVII вв. Реконструированные на базе данных групп прозвищ апеллятивы, входящие в различные группы семантического множества ‘морально-этические качества

человека', свидетельствуют о *существовании* в прошлом у жителей Карелии определенного *морального кодекса* перед собой и обществом. Нарушение правил поведения, этикетных норм общежития противопоставляли человека членам определенного социума и находили отражение в языке. Особо выделяются количественные показатели у первых восьми групп именованных. На их эмоциональном, образном, оценочном (отрицательном) фоне резко выделяется наполняемость групп именованных, апеллирующих к словам с положительной коннотацией: 'веселый человек', 'смелый человек', 'трудолюбивый человек', 'ловкий человек', 'тихий, спокойный человек', 'умный человек', как и при рассмотрении, что «является отголоском моральной и эмоциональной ориентации русской души» [Вежбицкая: 1996, 83], а возможно, и более широкой этнической общности, поскольку стремление к норме является социально-психологической универсалией.

Представим в убывающем порядке сопоставительные материалы по наиболее объемным группам экспрессивов, отражающим морально-этические качества лица, к которым восходят прозвища, отмеченные в документах Карелии XV—XVII вв. Каждая из представленных групп — определенный фрагмент картины мира.

3.3.2.1. Прозвища, мотивированные значением 'глупый человек'

Данная группа является объемной в лексике и фразеологии современных говоров, литературном языке. В семантическом, этнолингвистическом, когнитивном, культурологическом плане, кажется, это самая описанная группа из многих других семантических объединений слов. См. Т. В. Бахвалова [1993], О. Ю. Богуславская [1999], Л. Е. Кругликова [2000], Т. В. Леонтьева [2003], Л. Б. Никитина [2000], Е. В. Урысон [1997] и др.

В группу 'глупый человек' включены прозвища, которые соотносятся с апеллятивами, содержащими в структуре лексического значения компоненты, синонимически связанные с архисемой 'глупый', 'неумный', 'тупой',

‘бестолковый’, ‘несмышленный’, то есть ‘обладающий ограниченными способностями к пониманию’ [Апресян: 2003, 213], сюда же стоит добавить ‘несообразительный’, ‘недогадливый’, ‘глуповатый’, ‘туповатый’, ‘тупоголовый’, ‘тупоумный’, ‘туповатый’, ‘безмозглый’ и др., входящие в структуру лексического значения различных дериватов.

Дадим сопоставительные материалы в таблице 11.

Таблица 11

Сведения о функционировании антропонима	Сопоставительные апеллятивные материалы
Кондранко Павлов <i>Балда</i> , кр.-н, п. Шуньгский, 1563 [ПКОП, 153]	др.-русск. <i>болда</i> ‘тяжелый молот’ [СлРЯ XI—XVII, 1, 278] развивал перен. значение <i>балда</i> ‘долговязый и неуклюжий дурень’, а от него, по мнению П. Я. Черныха [Черных, 1, 68], – значение ‘дурак, тупица, болван’ волог., в просторечии <i>балда́</i> ‘бестолковый, глупый человек’ [МАС, 1, 57], в укр. <i>балда</i> ‘дурень’, болг. ‘глупак’ [Черных, 1, 68]
Иван <i>Басарга</i> , Ивановский трапезник, Строкина пуст., 1582 [Докучаев-Басков, 50]	<i>басарга́</i> — ‘пугливая, неприрученная овца’ нижегор., ‘овца’ ср.-урал., <i>басарга́</i> ‘глупый или несерьезный человек’ нижегор., свердл. [СРНГ, 2, 128]
Овдоким Максимов сын <i>Булыга</i> , купчая 1552 [АСМ, 111]	<i>булыга</i> — ‘болван, грубый, неотесанный человек, неуч, невежа’, олон. [Куликовский, 7], ср. также <i>булыга</i> ‘пустой, никчемный человек’ тихв., медв. [СРГК, 1, 137]
Ондрюшка Остафьев <i>Гага</i> , г. Корела, 1568 [ПКВП, 58]	<i>га́га</i> — ‘глуповатая женщина большого роста’, ‘глуповатая женщина’, ‘глупый и самодовольный зубоскал или лентяй’, курск. говорах [СРНГ, 6, 86], перен. к <i>гага</i> — ‘утка, живущая в море’
* <i>Глупаш</i> — Иванко да	др.-русск. однокоренные — <i>глупый</i> ‘глупый,

<p>Степанко Федоровы Глупашова, п. Шуерецкий, 1563 [ПКОП, 115]</p>	<p>неумный', 'неразумный, бессмысленный', <i>глупати</i> 'делать глупости', <i>глупецъ</i>, <i>глупость</i> [СлРЯ XI—XVII, 4, 38], в говорах <i>глупить</i> 'несерьезно вести себя, шутить' подп., выт., прион., пуд., <i>глупиться</i>, <i>глуповать</i> 'делать глупости' медв., пуд., подп., тихв., <i>глупяш</i> 'глупый человек' онеж. [СРГК, 1, 341]</p>
<p>Иванко Васильев <i>Дудыр</i>, кр-н, п. Шуныгский, 1563 [ПКОП, 153]</p>	<p>ср. с однокоренным <i>дудыря</i> — 'дурак, дура' нижегор. [СРНГ, 8, 251]</p>
<p>*<i>Дурава</i> — Кузьма <i>Дуравин</i>, п. Ровдужский, 1539 [ПКВП, 44]</p>	<p>ср. основы имен с др.-русск. однокоренными и омонимичными <i>дуракъ</i> — 'слабоумный, помешанный', 'глупый, неосновательный,</p>
<p>*<i>Дурака</i> — Кирил Семенов <i>Дуракин</i>, купчая, 1586 [Гейман, 294]</p>	<p>безрассудный человек', 'придворный или домашний шут', а также в памятниках письменности <i>дурити</i>, <i>дуровати</i> в значениях</p>
<p>Дорожка <i>Дурак</i>, кр-н, п. Егорьевский в Коигушах, 1496 [ПКОП, 50]</p>	<p>'совершать нелепые, сумасбродные поступки; буйствовать', 'упрямиться, своевольничать', <i>дуравка</i> 'помешанная, юродивая', с 1691 г.</p>
<p>Федор <i>Дурила</i>, Строкина пуст., 1556 [Докучаев-Басков, 23]</p>	<p>[СлРЯ XI—XVII, 4, 376—378]</p>
<p>Яков Иванов Кологривов <i>Кока</i>, отступная, 1569/70 [АСМ, 215]</p>	<p><i>кóка</i> — 'глупый человек' тер. [СРГК, 2, 389]</p>
<p>Иванко <i>Лапоть</i>, земец, п. Пиркинический, 1563 [ПКОП, 85]</p>	<p>в др.-русск. языке <i>лапоть</i> — 'плетеная обувь' [СлРЯ XI—XVII, 8, 171], совр. говоры сохранили перен. значения этого слова: 1) 'простоватый, бесхитростный человек'</p>

	нижегор., смол., ворон.; 2) ‘глупый, несообразительный человек’ нижегор., смол., ворон. [СРНГ, 16, 266]
Сенка <i>Нетес</i> , Сумская вол., мировая, 1556/57 [АСМ, 135]	др.-русск. <i>нетесаный</i> ‘нетесанный’, <i>болван нетесанный</i> ‘тупица, неуч, невежа’ [СлРЯ XI—XVII, 11, 319], в говорах <i>нетес</i> — ‘невежа’ пск., твер. [СРНГ, 21, 174], ср. с однокоренными <i>нетесанный</i> ‘некультурный, неотесанный’ костр., <i>нетесанный дурак</i> ‘невежа’ костр. [Там же]
* <i>Обалда</i> — Родя <i>Обалдин</i> , Кемская и Подужемская вол., запись, 1591 [Гейман, 323]	ср. с однокоренными диалектными <i>обалдѣть</i> и <i>обалдеть</i> ‘одуреть или лишиться сознания’ ярос., волог., <i>обалтус</i> и <i>обалтус</i> ‘глупый или ленивый человек’ зап.-брян., <i>обалдóха</i> ‘глупая женщина’ без указ. места [СРНГ, 21, 345]
* <i>Олелюха</i> — Пятка Михайлов <i>Олелюхин</i> , г. Корела, 1568 [ПКВП, 58]	в говорах <i>олелю́ха</i> — ‘большой, неровно обрезанный ломоть хлеба, кусок пирога и т. п.’ волог., ‘колоб, колобок’ костр., на основе которых развились перен. значения у данного слова — ‘толстая, неуклюжая женщина’ волог., ‘разиня, болван’ костр. [СРНГ, 23, 184]
Софонка да <i>Олух</i> ⁴³ Семеновы, кр-не, п. Толвуйский, 1563 [ПКОП, 140]	<i>олух</i> ‘глупый человек, дурак, болван’ — [БТС], ср. также с фразеологизмом <i>олух царя небесного</i> ‘глупый человек, простофиля’ [СРФ, 421]
Васюк <i>Самодур</i> , кр-н, п. Пиркинический, 1563 [ПКОП, 79]	<i>самоду́р</i> — ‘глупый и самоуверенный человек’ без указ. места [Даль, 4, 133]. Ср. также <i>самоду́р</i> — ‘упрямый человек’ пск., твер., ‘шалун, проказник’ тамб. [СРНГ, 36, 85] и <i>самодурно</i> ‘самовольно, без разрешения’ баб. [СРГК, 5, 628]

⁴³ Возможно, имя Олух — модификат от Олферий из Елевферий.

<p>Фома Кузмин сын <i>Телепень</i>, кр-н, п. Кижский, грамота, 1540 [Гейман, 143]</p>	<p><i>téleпень</i> ‘большой двуручный кистень, в виде цепа’, ‘язык, билень, клепало у колокола’ без указ. места [Даль, 4, 396], ‘чурбан’ выт. волог. [Карт. Лаб.], послужившие основой для переносных: ‘болван, повеса’ без указ. места [Даль, 4, 396], ‘недотепа, олух’ выт. волог. [Карт. Лаб.], ‘бестолковый, неразвитый человек’ ярос. [ЯОС, 9, 101]</p>
<p>*<i>Тупик</i> — Анисимка Иванов <i>Тупиков</i>, кожевник, п. Вытегорский, отписки, 1691 [Мюллер, 327]</p>	<p>др.-русск. <i>тупый</i> ‘тупой, бездарный’, ‘ленивый’ [Срезневский, 3, 1038]. Соответствующее слово и однокоренные лексемы отмечены во многих слав. языках [см. Черных, 2, 271—272]</p>
<p>Тимошка Павлов <i>Тюлча</i>, кр-н, п. Выгозерский, 1563 [ПКОП, 159]</p>	<p>в карел. языке <i>tülčii, tylččä</i> ‘тупой, ограниченный’ [СКЯ, Ливв., 395; КРС, 192], фин. — <i>tylsä</i> ‘тупой, глупый, дурацкий’ [ФРС, 666], ср. с карел. фразеологизмами — <i>tül’čii riä</i> ‘тупица’, <i>tül’čii raadoh on</i> ‘неумеха (= тупой в работе)’ [Федотова, 226]</p>
<p>Олексей <i>Тюлна</i> Семенов сын, вкладная, 1519/20 [АСМ, 32]</p>	<p><i>тjольна</i> — ‘глуповатый, ротозей, разиня’ шенк. арх. [Даль, 4, 451; Подвысоцкий, 176], в чеш. <i>tulpa</i> ‘болван, дурак, остолоп’, словац. <i>tulpas</i> ‘болван’ [Фасмер, 4, 136]</p>
<p>*<i>Тютюха</i> — Волостка Яковлевская <i>Тютюхина</i>, п. Кижский, 1563 [ПКОП, 129]</p>	<p><i>тjютjуха</i> — ‘растяпа, бестолковый человек, тот, кто не умеет вести дело’ медв. [Карт. Лаб.]</p>
<p>Ортемко <i>Чюрак</i>, п. Выгозерский, 1563 [Там же, 160]</p>	<p><i>чурáк</i> — ‘отпиленная часть бревна, чурбан’ медв., онеж., карг. арх., выт. волог., плес., подп. ленингр., тихв., кириш. [СРГК, 6, 807], без указ.</p>
<p>*<i>Чурка</i> — Федко <i>Чюркин</i>, грамота, 1555 [Гейман, 179]</p>	<p>места [Даль, 4, 615; Фасмер, 4, 387] и <i>чурáк</i> — ‘глупый, неповоротливый человек’ без указ.</p>

* <i>Чурок</i> — Якушко <i>Чурков</i> , кр-н, п. Никольский Готслав волок, 1496 [ПКОП, 20]	места [Даль, 4, 615]
* <i>Чечуля</i> — Лашук Иванов <i>Чечулин</i> , кр-н, п. Шуньгский, 1563 [ПКОП, 147]	<i>чечуля</i> ‘большой кусок хлеба или пирога’ [Никонов 1993, 160], значение известно целому ряду совр. говоров — олон., волог., ярос., вят., костр. [КСРНГ], ср. также с перен. экспр. назв. лица: <i>чечу́ля</i> — ‘тупица, болван’ онеж. арх. [Там же]

Подобные соотношения находим для следующих прозвищ: *Базыка, Баклан, Безум, Булыч, Буян, Валуй, Виглоха, Дуб, Дубина, Дудор, Дуль, Квашня, Кокора, Киндяк, Кистень, Лупай, Остолоп, Ошмара, Пест, Столб, Тетеря, Тороп, Турка, Шабала, Шелена* и др. (всего 75 антрополексем, см. Кюршунова: 2010).

3.3.2.2. Прозвища, мотивированные значением ‘скандалист, спорщик’

Эта достаточно объемная группа, наполнение которой свидетельствует об особом отношении к данному характерному признаку лица, той особой оценки, которую давали человеку, обладавшему данным качеством. Прозвища, включенные в данную группу, соотносятся с апеллятивами, в лексическом значении которых выделяются семы ‘скандальный’, ‘склочный’, ‘вздорный’, то есть ‘такой, которому свойственно без достаточного повода вступать в конфликты с другими людьми’ [Апресян: 2003, 479]. Данный ряд сближается с такими словами, как задиристый, задира, забияка, неуживчивый, буйный и др. (См таблицу 12)

Таблица 12

<i>Сведения о функционировании антропонима</i>	<i>Сопоставительные апеллятивные материалы</i>
* <i>Брызгало</i> — дер. <i>Брызгалова</i> Гора Иванка Терентьева, п. Андомкий, 1582/83 [КЗПОП, 244]	<i>брызгáло</i> ‘человек, который, не выслушав, что ему говорят, спорит и ссорится’ влад. [СРНГ, 3, 214]

<p>Игнатий Иевлев сын <i>Бузуй</i>, староста, 1598 [ДКШВ, 235]</p>	<p><i>буза́</i> ‘хулиган, скандалист’ кондоп., тер.; <i>буза́к</i>, <i>бузи́ла</i>, <i>бузу́н</i> то же вашк., кириш., медв., кондоп., чер.; <i>бу́зайдать</i>, <i>бу́зандать</i>, <i>бузова́ть</i> ‘буйствовать, скандалить’ подп., медв., выт.; <i>буза́нить</i> ‘безобразничать, хулиганить’ карг. волог.; <i>бузли́вый</i> ‘задиристый, скандальный’ выт., тер., лоух., онеж. [СРГК, 1, 132—133]; <i>бузо́й</i> ‘буйный, драчливый человек’ волог. [СГРС, 1, 204]</p>
<p><i>Булгак</i> Борисов сын Барыкова, помещик, п. Сакульский, 1539 [ПКВП, 29—30]</p>	<p>др.-русск. <i>булгакъ</i> — ‘мятеж, смятение’, <i>булгачно</i> ‘тревожно, беспокойно’ (XV в.) [СлРЯ XI—XVII, 1, 353]; в говорах находим <i>булга́тить</i> ‘тревожить’ пенз., пск., твер.; <i>булга́чить</i> то же влад., оренб., симб., ярос., твер., пенз., тамб., курск., орл., сарат., костр., самар. [СРНГ, 3, 268]; <i>булга́тень</i> ‘тот, кто поднимает шум, затевает ссору’ пск., твер. [Там же]; <i>булга́</i> ‘скандал, шумная ссора, склока’ перм., симб., сарат. [Там же]</p>
<p>Данило Матфеев сын <i>Бучен</i>, купчая, 1541 [АСМ, 57]</p>	<p><i>бу́чить</i> ‘устраивать скандал, шуметь, бузить’ вашк. [СРГК, 1, 149]</p>
<p>*<i>Буян</i> — Третьяк Клементьев сын <i>Буянов</i>, каргополец, посадский человек, 1606 [Мюллер, 18]</p>	<p>др.-русск. <i>буй</i> — ‘неразумный, глупый человек, юродивый’ [СлРЯ XI—XVII, 1, 349] и <i>буявы́й</i> — ‘безумный, глупый’, ‘отважный, смелый’, ‘дерзкий, наглый’, <i>буяти</i> — ‘бушевать, буйствовать, неистовствовать’, <i>буяты́й</i> (прилаг.) ‘грубый, неотесанный’ [Там же, 351]; в чеш. диал. <i>vijan</i> ‘буян, крикун’, укр. <i>буян</i> ‘непослушный, упрямый вол’, белорус. <i>буя́н</i> ‘буян’ [ЭССЯ, 3, 82—83], у В. Даля <i>буя́н</i></p>

	<p>‘человек буйный, бурливый, беспокойный; грубиян и забияка, задира и драчун, особенно во хмелю’ [Даль, 1, 138];</p> <p>в говорах <i>буянистый</i> — ‘задиристый, склонный к скандалам’ арх. [АОС, 2, 195], совр. литер. язык <i>буян</i> ‘человек, склонный к буйству, скандалист’ и <i>буйность</i> ‘буйно вести себя, бесчинствовать’ [МАС, 1, 128]</p>
<p>*<i>Ва(о)тола</i> — Иван Минин сын <i>Вотолына</i>, купчая, 1514 [АСМ, 27]</p>	<p><i>ватóлить</i> ‘браниться’ ср.-урал. [СРНГ, 4, 72]</p>
<p>Онуфрей Васильев <i>Галбач</i>, Кузаранда, правая грамота, 1538/39 [Гейман, 133]</p>	<p><i>галбити</i> ‘браниться, хулить’ [СлРЯ XI—XVII, 4, 10]. Вероятно, <i>галбач</i> — ‘скандалист, спорщик’</p>
<p>*<i>Задорка</i> — Трофимка <i>Задоркин</i>, посадский человек, п. Олонецкий, ценовая, 1684 [Мюллер, 280]</p>	<p>др.-русск. <i>задорь</i> ‘ссора, стычка’ (с 1552 г.), ‘поведение или действие, приводящее к ссоре’, <i>задорный</i> ‘побуждающий к ссоре, стычке’ [СлРЯ XI—XVII, 5, 187]; в говорах <i>задóра</i> ‘драчун, задира’ кондоп., медв. и <i>задóрить</i> ‘раздражать кого-н.’ пуд.; ‘обижать кого-н.’ волог.; ‘дразнить кого-н.’ кирил.; ‘вызывать сильное желание, раззадоривать’ плес., кирил. [СРГК, 2, 117]</p>
<p><i>Комар</i> Рудаков, п. Андомский, 1563 [ПКОП, 191]</p>	<p><i>комáрить</i> ‘буянить, шуметь’ карг. [СРГК, 2, 409], <i>выкомáривать</i> ‘вести себя нагло, крайне неприлично, буйствовать, шуметь’ медв. [Карт. Лаб.]</p>
<p>*<i>Костарь</i> — Никифорко <i>Костарев</i>, грамота, 1575 [Гейман, 237]</p>	<p><i>костéрить</i> ‘сильно ругать, бранить’ без указ. места (<i>В. Даль</i>), свердл., нижегор., влад., костр., волог. и т. д., <i>костериться</i> ‘браниться,</p>

	ссориться' арх., ульян. [СРНГ, 15, 70], <i>костенить</i> 'ругать' ярос. [Там же, 71], в совр. просторечии <i>костерить</i> , <i>костить</i> 'ругать, поносить'
<i>Ощера</i> — Митя <i>Ощерин</i> , 1581, Строкина пуст. [Докучаев-Басков, 49]	<i>ощёра</i> и <i>ощера</i> 'тот, кто ощеряется, оскаливается' пск., 'дерзкий, грубый, сердитый, строптивый человек, спорщик' волог., перм., 'зубоскал, насмешник' тамб. [СРНГ, 25, 102]
Иванко <i>Рагоза</i> , п. Шуерецкий, 1563 [ПКОП, 114]	<i>рогóза</i> 'сварливый человек' арх., волог. [Доп., 223], <i>рагóза</i> то же сев., симб., пенз. [Даль, 4, 7], <i>рагóзливый</i> 'склонный к кляузам, ссорам' медв. [СРГК, 5, 389]
Гриша <i>Собака</i> , кр-н, п. Выгозерский, 1582/83, КЗПОП, 199	<i>собáка</i> — 'злой человек' волог., ленингр., онеж., карг. [Карт. Лаб.]; 'наглый человек' кирил. волог. [Там же], <i>собаковáтый</i> — о человеке 'любящий спорить, ругаться' медв., прион. [СРГК, 6, 192], <i>собачливый</i> то же выт., чер., лод., тер., белоз., карг., кириш., онеж., плес. [Там же], <i>собачина</i> (<i>перен.</i>) 'о злой, любящей ругаться женщине' выт., лод. [Там же], <i>собачить</i> 'зло ругать' лод., прион., медв., тихв., кондоп., выт., кириш., подп. [Там же], <i>собáчиться</i> — 'браниться' вят. [Фасмер, 3, 703]
<i>Суторма</i> Коротнев, грамота, п. Пиркинический, 1596 [Гейман, 349]	<i>сúторма</i> — 'суета, беспорядок' [Даль, 4, 365], <i>сúторить</i> 'говорить вздор, толковать' волог., <i>суты́рить</i> 'спорить, затевать склоки, задирать' [Фасмер, 3, 811—812]
* <i>Харза</i> — <i>Харзийко</i> Гаврилов, кр-н, п. Челмужский, 1563 [ПКОП, 167]	<i>хáрзítь</i> — 'зазнаваться, сердиться, горячиться' [Даль, 4, 561; Фасмер, 4, 224]; <i>хáрзýстый</i> 'заносчивый, склочный' пск. [Даль, 4, 543]

* <i>Яга</i> — Иванко Гришин <i>Ягин</i> , г. Корела, 1568 [ПКВП, 63]	<i>яга́ть</i> ‘кричать, шуметь, бушевать, браниться, вздорить, ругаться’ волог., перм., сиб. и <i>яжи́ть</i> то же ярос., моск., влад. [Даль, 4, 672], <i>ягви́ть её</i> — ‘черт бы её побрал’ выт. [СРГК, 6, 946]
---	--

Подобные соотношения находим также у прозвищ *Боец, Брыка, Войка, Вьюша, Голка, Грызло, Гудок, Деряга, Дикий, Желна, Жигляй, Жила, Жихорь, Замятня, Звяга, Зубарь, Зуй, Игла, Керчуй, Кисель, Колокол, Копос, Куккой, Омут, Рагозина, Самодур, Собина, Сокол, Спица, Стырко, Хлус, Шабала, Щекарь, Щеть* и др. (всего 63 антрополексемы, см. материалы Кюршунова: 2010).

3.3.2.3. Прозвища, мотивированные значением ‘ленивый человек’

По свидетельству Н. А. Лукьяновой, на апеллятивном уровне группа слов со значением ‘ленивый человек’ «является частью более широкого сегмента лексико-семантической системы говоров и литературного языка — лексико-семантического поля «отношение человека к труду, трудовой деятельности» [Лукьянова: 1985, 58], что обусловлено актуальностью данного свойства для характеристики не просто отдельного человека, а всего общества в целом: «трудолюбие – одно из неперемных мерил достоинства человека, критерий нравственной оценки личности» [Там же]. Данное семантическое поле на уровне диалектного и литературного апеллятива исследовано в этимологическом, сопоставительном, структурно-семантическом, этнолингвистическом аспектах, см.: Т. В. Бахвалова [1995], М. А. Еремина [2003], Н. А. Лукьянова [1985, 1986], З. В. Сметанина [1996], Г. В. Токарева [2003], С. М. Толстая [1998], Ю. И. Чайкина [1995] и др.

В группу включены прозвища, в лексическом значении омонимичных им апеллятивов выделяются синонимические компоненты — архисемы ‘ленивый’: ‘праздный’, ‘неработающий’, ‘праздношатающийся’, а также ‘лодырь’, ‘бездельник’, ‘бездельничать’, ‘повеса’, ‘тунеядец’ и т. п. (См. таблицу 13)

Сведения о функционировании антропонима	Сопоставительные апеллятивные материалы
<i>Бакланко</i> Филипов, 1563, п. Оштинский [ПКОП, 224]	<i>бакла́н</i> — ‘лентяй, ленивый человек’ томск. [СРНГ, 2, 60], является перен. по отношению к <i>бакла́н</i> — ‘чурбан, чурка’ симб., сиб., Даль [Фасмер, 1, 110]
<i>Бекет</i> Терехов, п. Шальский, 1582/83 [КЗПОП, 222]	<i>бе́кет</i> ‘бездельник, лентяй’ арх. [АОС, 1, 147]
* <i>Валу́й</i> — Васка <i>Волуев</i> , п. Олонецкий, 1582/83 [КЗПОП, 32]	<i>валу́й</i> — ‘лентяй’ чуд. [СРГК, 1, 160]
* <i>Висленя(ь)</i> — Брага <i>Висленев</i> , п. Выгозерский, отпись, 1575 [Гейман, 242]	<i>висле́ня</i> — ‘баловень, повеса, забулдыга, лентяй, неработающий член семьи’ волог. и <i>висле́на</i> ‘праздный шатун, повеса’ курск., твер., ярос. [СРНГ, 4, 296]
* <i>Висляк</i> — Гриша <i>Висляков</i> , п. Шуерецкий, 1563 [ПКОП, 114]	<i>висля́га</i> — ‘тот, который бродит повсюду (о животных)’ чаг., баб., тихв. [СРГК, 1, 202], <i>висля́жничать</i> ‘бездельничать, хулиганить’ чаг., тихв. [Там же], см. также * <i>Висленя(ь)</i>
<i>Коковка</i> — Иванко <i>Коковка</i> , п. Выгозерский, 1563 [ПКОП, 162]	<i>коко́вка</i> ‘лентяйка’ чер. [СРГК, 2, 390]
<i>Лагун</i> — Васко <i>Лагун</i> да сын его Селифанко, п. Оштинский, 1496 [ПКОП, 35]	<i>лагунь (логунь)</i> — ‘род бочонка или ушата с плотно входящей крышкой’ [СлРЯ XI—XVII, 8, 159], известно совр. говорам (олон., арх., волог., сев.-двин. и др.) [СРНГ, 16, 224], в русск. говорах Карелии (карг., кириш., люб., онеж.) [СРГК, 3, 88], на его базе развилось перен. значение, ср. <i>лагу́н</i> — ‘ленивый, прожорливый человек’ чер.

	волог., костр., новг. [СРНГ, 16, 224—225]
Стефан <i>Лежень</i> , Кереть, 1567 [АСМ, 199, 200]	в др.-русск. <i>лежень</i> — ‘лежебока’ [СлРЯ XI—XVII, 8, 198], в говорах <i>лёжень</i> — ‘лентяй, бездельник’ чер. [СРГК, 3, 107], <i>лежёня</i> — ‘лентяй, лентяйка’ нижегор. [СРНГ, 16, 334], сербохорв. <i>лежоња</i> ‘лентяй’ [ЭССЯ, 14, 165]
<i>Лингач</i> Клементьев, п. Шуерецкий, 1563 [ПКОП, 117]	<i>ленкач</i> и <i>ленгач</i> ‘бездельник, лентяй’ медв. (экспр.) [СРГК, 3, 111], ср. также с однокоренными: <i>ленгáрь</i> ‘лентяй’ олон., новг., <i>ленгáл</i> ‘лентяй’ тотъм. волог., <i>ленгáс</i> ‘лентяй, тунеядец’ арх., волог., ‘вялый, плохой работник’ арх. [СРНГ, 16, 351]
Иван Семенов сын <i>Лодыга</i> , Сумская вол., мировая, 1556/57 [АСМ, 136]	<i>лоды́га</i> ‘лодырь’ перм. [СРНГ, 17, 106]
<i>Лох</i> Матфеев, п. Толвуйский, 1582/83 [КЗПОП, 171]	<i>лох</i> ‘лентяй’ волог., ‘ротозей, простофиля, дуралей’ пск. [СРНГ, 17, 150—160]
Микитка <i>Немятой</i> , кр-н, п. Выгозерский, 1563 [ПКОП, 162]	<i>немя́тый</i> ‘не измученный работой’ сев.-двин. [СРНГ, 21, 90], а также <i>немя́тый</i> ‘не испытавший трудностей, тяжестей жизни, неопытный’ нижегор. [Там же]
* <i>Рямзя</i> — Мирон <i>Рямзин</i> , староста Юштозерские выставки, челобитная, 1659 [Мюллер, 136]	<i>ря́мзый</i> ‘бездельник, праздношатающийся человек, лодырь’ лод. [СРГК, 5, 612]
Фома Кузмин сын <i>Телепень</i> , п. Кижский, грамота, 1540 [Гейман, 143]	<i>те́лепень</i> ‘большой двуручный кистень, в виде цепа’, ‘язык, билень, клепало у колокола’ без указ. места [Даль, 4, 396], ‘чурбан’ выт. волог. [Карт. Лаб.], на основе этих значений могли

	развиться переносные, ср., например, <i>тэлепень</i> ‘лентяй’ ярос. [ЯОС, 9, 100—101]
* <i>Трутень</i> — Васка Трутнев, п. Мегрежский, 1582/83 [КЗПОП, 285]	<i>трутень</i> ‘лентяй, дармоед’ [Никонов, 1995, 139]
* <i>Халдей</i> — Потапей Левонтьев сын <i>Халдеев</i> , Нюхча, отступная, 1574 [Гейман, 232]	значение ‘ленивый человек’ выводится на основании зафиксированного у В. Даля глагола <i>халдить</i> ‘шататься, таскаться без дела’ без указ. места [Даль, 4, 541] и выражения <i>халды-балды</i> ‘праздношатательство’ [Там же]
Михалко <i>Шобуня</i> , кр-н, п. Выгозерский, 1563 [ПКОП, 161]	<i>шобу́ня</i> — ‘плохой работник, бездельник’ [Веселовский, 371], <i>шебуня́й</i> ‘лентяй’ моск. [КСРНГ], <i>шебуня́ть</i> ‘ходить, слоняться, шататься’ влад., ворон. [Там же], <i>шебу́нить</i> ‘делать кое-как’ [Даль, 4, 626]

Подобным образом соотносятся с апеллятивами в значении ‘ленивый человек’ следующие прозвища: *Ботало, Будан, Дюк, Залежень, Кабан, Кокора, Лодья, Лыко, Мерин, Негодяй, Охлябина, Ошманай, Ступа, Телен(а), Холдыга, Шабала, Шала, Шамша, Шат, Шатун, Шоболда* (всего 56 антрополоксем, см.: Кюршунова: 2010).

Данная группа прозвищ по семантике внутренней формы находится в оппозиции к группе ‘трудолюбивый человек’, которая представлена ограниченным списком прозвищ: *Копос, Крот, Мантурий, Мерин, Халдей, Холдыга*. Обращает внимание, что в данные оппозиции входят одинаковые имена — *Халдей* и *Холдыга*: Исачко Окс¹новъ *Халдей*, Корела, 1500 [ПОКВП, 2], Грихно *Халдей*, п. Ровдужский, 1500 [Там же, 92]; Ивашко *Халдей* [Там же, 102]; Потапей Левонтьев сын *Халдеев*, Нюхча, отступная, 1574 [Гейман, 232]; варница Ивановская Офонасова сын *Холдыги*, Вирма, отводная сотная выпись, 1556 [Там же, 184]. Мотив именования ‘ленивый человек’ выводится на основании зафиксированного у В. Даля глагола *халдить* ‘шататься, таскаться без дела’ без

указ. места [Даль, 4, 541] и выражения *халды-балды* ‘праздношатательство’ [Там же]. Однако в русских говорах бытует лексема *халтыжный* — ‘трудолюбивый’ *пест.* [СРГК, 6, 701], ср. также с выражением *душенька халтит* ‘испытывать нетерпение, желание сделать что-н. немедленно’ бокс. [Там же].

3.3.2.4. Прозвища, мотивированные значением ‘болтливый человек’

Прозвища этой группы соотносятся с историческими и современными диалектными и прочими материалами, у которых в значении слова содержится сема ‘болтливый’, а также ‘разговорчивый’, ‘говорливый’, ‘словоохотливый’ и под. (См. таблица 14)

Таблица 14

Сведения о функционировании антропонима	Сопоставительные апеллятивные материалы
<i>Байко</i> , г. Корела, 1568 [ПКВП, 77]	др.-русск. глагол <i>баяти</i> ‘говорить, болтать’, ‘рассказывать басни, вымыслы’ (с XVI—XVII
* <i>Бай</i> — Карп <i>Баев</i> , мастер, обыск, 1663 [Мюллер, 156]	вв.) [СлРЯ XI—XVII, 1, 82], в укр. <i>баяти</i> ‘рассказывать’, чеш. <i>bajati</i> ‘говорить, болтать’, польск. <i>bajac</i> ‘болтать’ [Фасмер, 1, 140; ЭССЯ, 1, 137]; следует учесть макед. <i>бајка</i> ‘сказка’, сербохорв. <i>bajka</i> ‘басня, сказка’, ‘сказка, выдумка’, ‘ворожба, заговоры’, словен. <i>bajka</i> ‘сказка’, чеш. <i>bajka</i> ‘басня, выдумка’, диал. ‘неправда’, ст.-укр. <i>байка</i> ‘выдумка’, укр. <i>байка</i> ‘басня’, ‘безделица, шутка, пустяки’, белорус. <i>ба́йка</i> ‘басня, небылица’ [ЭССЯ, 1, 141]; в русск. говорах <i>ба́я</i> ‘прозвище веселой говорливой женщины, рассказчицы’ ворон. [СРНГ, 2, 167], ср. также диал. однокоренные <i>ба́йкаць</i> ‘рассказывать’ тер., белоз., выт., лод., тихв.;

	‘рассказывать сказки’ выт. [СГРС, 1, 44]; <i>ба́йка</i> ‘сказка, рассказ, легенда’ пуд., подп. [СРГК, 1, 31]
* <i>Балака</i> // * <i>Балакша</i> — Якимко Иванов <i>Балакшын</i> , п. Кижский, 1563 [ПКОП, 133]	<i>Балакша</i> ← <i>Балака</i> + <i>-ша</i> . Ср. <i>балáка</i> ‘болтун, говорун, болтунья, говорунья’ ярос., влад., ряз.; ‘шутник, балагур’ смол. [СРНГ, 2, 69], от глагола <i>балáкать</i> ‘болтать, молоть чепуху’ без указ. места [Фасмер, 1, 112], ‘говорить хорошо, толково, правильно’ арх., волог. [СРНГ, 2, 70; СГРС, 1, 49], ср. с однокоренными <i>балáкирь</i> ‘шутник, веселый рассказчик’ калуж., <i>балáкарь</i> ‘болтун, говорун’ без указ. места, ‘шутник, балагур’ калуж., курск., <i>балакúха</i> ‘болтунья’ курск. [СРНГ, 2, 69—70]
Васко <i>Бахор</i> , п. Остречинский, 1563 [ПКОП, 112]	в др.-русск. <i>бахарь, бахорь</i> (XVII в.) ‘сказочник’, в говорах <i>ба́хорь, ба́харь</i> ‘говорун, краснобай, хвастун’ волог. [СРНГ, 2, 152; Фасмер, 1, 136], <i>бахóрить</i> ‘болтать, хвастать’ новг., волог., вят., нижегор. [Даль, 1, 56; Фасмер, 1, 137], <i>бахорить</i> ‘болтать, говорить попусту’ [ПОС, 1, 134], однокоренные отмечены в слав. языках: чеш. <i>bachora</i> ‘россказни, сказки’, <i>bahoriti</i> ‘болтать’, в.-луж. <i>bachtacso</i> , н.-луж. <i>bachtasse</i> ‘сплетничать’ [Фасмер, 1, 136]
<i>Бобоша</i> да брат его Поздяк, п. Выгозерский, 1563 [ПКОП, 160]	<i>бобóша</i> ‘человек, который говорит без умолку’ перм. [СРНГ, 3, 38]; <i>боботáть</i> ‘говорить быстро и невнятно’ арх. [СГРС, 1, 123], праслав. * <i>bobotati</i> ‘болтать’, ‘говорить

	непонятно', известен ряду слав. языков [Дерягин 1985, 32—33]
Иванко Филипов <i>Болтун</i> , 1614 [ОКШВ, 5]	в др.-русс. с 1644 г. фиксируется <i>болтунь</i> 'болтливый человек' [СлРЯ XI—XVII, 1, 283]
старостишко Филка <i>Бубен</i> , п. Остречинский, 1684 [Мюллер, 275]	<i>бубен</i> 'о человеке, слишком много говорящем; о болтуне' курск., <i>бубэнить</i> 'говорить, разговаривать' калуж., 'разглашать, рассказывать что-л.' без указ. места, Даль [СРНГ, 3, 232—233] и близкий в фонетическом отношении глагол <i>бубнить</i> 'разглашать вести' тул. [Даль, 1, 135]
Михалко Климентьев <i>Бутора</i> , п. Соломанский, 1568 [ПКВП, 172]	<i>бутора</i> 'тот, кто быстро, громко, бестолково говорит, тараторит' волог. [СРНГ, 3, 312], <i>буторить</i> 'говорить глупости, болтать' ярос. [ЯОС, 2, 32]
Яков <i>Гундор</i> , купчая, 1555 [АСМ, 124]	<i>гундора</i> в значении 'болтун, болтунья' без указ. места, Даль [СРНГ, 7, 232] и <i>гундорить</i> 'говорить, болтать' твер. [Там же]; 'начинать говорить (о ребенке)' арх. [СГРС, 3, 165]
дьяк <i>Звяга</i> , п. Остречинский, 1563 [ПКОП, 103]	в др.-русс. <i>звяга</i> 'пустая болтовня' [СлРЯ XI—XVII, 5, 358—359], в говорах <i>звяга</i> 'болтун, пустомеля' пск., твер.; выт., пуд. [СРНГ, 11, 225; СГРК, 2, 246]; <i>звягчить</i> 'говорить (обычно что-н., не соответствующее действительности, пустое)' пуд. [СРГК, 2, 246]
Степанко <i>Колокол</i> купчина, п. Сакульский, 1568 [ПКВП, 141]	др.-русс. <i>колокол</i> : 1) 'колокол', 2) 'небольшой колокол, колокольчик', 'бубен, бубенчик', 3) 'весовая гиря' [СлРЯ XI—XVII, 7, 248—249], в говорах <i>кóлокол</i> — 'человек, болтающий вздор, пустяки; пустолов, пусто-

	звон' перм. [СРНГ, 14, 163—164]. Образование названия лица связываем с глаголом <i>колоко́лить</i> 'говорить много, без толку о чем-л. незначительном или о том, о чем не следует болтать' волог., арх., ленингр., калин., костр., ряз. [Там же, 165]
Яков Макарьевич <i>Колоколец</i> , 1613 [Мюллер, 27]	в др.-русск. <i>колоколец</i> 'небольшой колокол, колокольчик' [СлРЯ XI—XVII, 7, 249] и <i>колоко́лец</i> 'словоохотливый, разговорчивый человек' волог., казан. [СРНГ, 14, 164—165]. Не исключено, что <i>Колоколец</i> ← Колокол + <i>-ец</i> .
<i>Левзонец</i> Андрей Никитич, 1558, Строкина пуст. [Докучаев-Басков, 26].	<i>лявзать</i> 'говорить попусту, болтать, пустословить' выт., кирил., кондоп., медв., прион., пуд. [СРГК, 3, 170—171], ср. также <i>лявзунь</i> 'болтун' медв., <i>лявзунья</i> 'болтунья' медв. [Там же, 171]
* <i>Лопот</i> — Ондрейко да Третьячко Игнатъевы дети <i>Лопотовы</i> , п. Андомский, 1563 [ПКОП, 191]	др.-русск. <i>лопотъ</i> 'крик, плач' [СлРЯ XI—XVII, 8, 283—284], в говорах <i>лопот</i> 'неотчетливые звуки разговора, речи' новг., 'болтливый человек, болтун' пск. [СРНГ, 17, 137—138],
Федотей Леонтиев сын Кропыш <i>Лопотей</i> , купчая, 1550 [АСМ, 100]	<i>лопотать</i> 'говорить невнятно', 'разговаривать' (с пометой «неодобр.») петерб., калуж., тул., брян., Латв. ССР [Там же]; ср. также с <i>лопатень</i> ,
<i>Лопата</i> Григорьев, кр-н, п. Толвуйский, 1582/83 [КЗПОП, 180]	<i>лопотень</i> 'болтливый человек, болтун' пск., твер., смол., Латв. ССР [СРНГ, 17, 133]
<i>Луста</i> Дмитриев, п. Вытегорский, 1563 [ПКОП, 203]	<i>луста́чить</i> — 'пустословить, болтать' пск., твер. [СРНГ, 17, 205] и 'выпрашивать, неотступно домогаться чего-л.' пск., твер. [Там же]

Иванко <i>Рагоза</i> , п. Шуерецкий, 1563 [ПКОП, 114]	<i>раго́за</i> ‘болтун, говорун, пустомеля’ олон. [СРГК, 5, 389], <i>раго́зить</i> ‘пустословить, врать, выдумывать’ тихв., <i>рого́зить</i> ‘говорить вздор, чепуху, пустословить’ люб. [Там же, 389, 542];
Иванко <i>Слота</i> Федоров, г. Корела, 1568 [ПКВП, 75]	<i>сло́тить</i> ‘пустословить, врать’ без указ. места [Даль, 4, 223], ‘врать, шутить, острить, пустословить’ волог., арх., тобол. [СРНГ, 38, 305], ‘вести неприличный разговор, рассказывать неприличные анекдоты, прибаутки’ волог. [Там же], а также <i>ослота</i> — ‘клевета, дурная слава’ пск. [Веселовский, 291]
Клементей Иванов сын <i>Сорока</i> , Кереть, 1564 [АСМ, 182]	др.-русск. <i>сорока</i> ‘птица <i>corvus pica</i> ’ [Срезневский, 3, 464]; ср. с выражениями <i>сорока на хвосте принесла, трещит как сорока</i> [Даль, 2, 141]; <i>сорока</i> ‘болтливый человек, особенно женщина, пустоplet’ [Даль, 4, 274]
Куземка <i>Хлус</i> Дементьев, г. Корела, 1568 [ПКВП, 77]	в говорах <i>хлус</i> ‘шут, враль, пустомеля’, <i>хлу́стить</i> ‘шутить, врать, говорить вздор’ курск., ворон., зап. [Даль, 4, 551; Фасмер, 4, 246], <i>хлусить</i> ‘говорить чепуху, бессмыслицу’ брян., белорус. <i>хлусіць</i> ‘лгать’ [ЭССЯ, 8, 40]
Иванко <i>Шабала</i> , 1598 [ДКШВ, 240]	<i>шабала́</i> ‘болтун, врун’, <i>шаболу́ (шоболы) бить</i> ‘балагурить’ [Даль, 4, 617], южн.-русск., сиб. [Никонов: 1993, 163]
* <i>Щемела</i> — Василей Иванов сын <i>Щемелин</i> , закладная, 1548, АСМ, 86	в говорах <i>шемелá</i> — ‘метла’ новг., волог., ярос., калуж., тамб., смол. и <i>шемелá</i> — ‘болтун’ олон. [Фасмер, 4, 427; Куликовский, 137]

Подобное соотношение наблюдается у следующих прозвищ: *Басень, Бача, Бачура, Варач, Варзака, Ватола, Керка, Колтырь(я), Лязга, Ляпа, Тарабук(х)а, Шамша, Шоболда, Щека* и т. д. (всего 49 антрополексем, см.: Кюршунова: 2010).

3.3.2.5. Прозвища, мотивированные значением ‘сварливый человек’

В лексическом значении прозвищ, входящих в данную группу, выделяются следующие компоненты: ‘бранчливый’, ‘вздорный’, ‘ворчливый’, ‘вспыльчивый’, ‘раздражительный’, ‘недовольный’, ‘придирчивый’, ‘брюзгливый’ и т. д. (см. таблицу 15).

Таблица 15

<i>Сведения о функционировании антропонима</i>	<i>Сопоставительные апеллятивные материалы</i>
Оксенко Левонтьев <i>Верещага</i> , п. Выгозерский, 1563 [ПКОП, 158]	в говорах <i>верещáга</i> ‘брюзга, ворчун’ ряз., нижегор. [СРНГ, 4, 144]
Иван <i>Вязга</i> Офонасьев сын Сукова, дьяк, 1538/39 [Гейман, 131]	в говорах <i>вя́зга</i> ‘придирчивый, привязчивый человек’ ярос., влад., твер., новг., арх., нижегор. [СРНГ, 6, 73]
* <i>Грызло</i> — Григорий Иванов сын <i>Грызлов</i> , боярский сын, владел в Обонежье рядом деревень, упоминается часто	в говорах <i>гры́зло</i> , <i>гры́зла</i> ‘ворчун, брюзга, скандалист’ ярос., сиб. [СРНГ, 7, 178]; <i>грызу́ха</i> ‘ворчунья, скандалистка’ тер. [СРГК, 1, 403]; <i>грызу́н</i> , <i>грызу́нья</i> ‘ворчун, брюзга’ арх. [СГРС, 3, 143]
Иван Яков сын <i>Дериба</i> , купчая, 1571 [АСМ, 248]	<i>дери́ба</i> ‘брюзга’ онеж. арх. [СРНГ, 8, 24]
<i>Деряга</i> , п. Выгозерский, 1563 [ПКОП, 164]	в говорах <i>деря́га</i> ‘вздорный, сварливый человек’ волог., ‘тот, кто громко ругается’ вят. [СРНГ, 8, 32]; шексн., кирил. [СРГК, 1, 456]; ‘нудный, надоедливый человек’ волог. [СГРС, 3, 218]

* <i>Дудор(а)</i> — Роман Иванов сын Игумнова <i>Дудорова</i> , отводная 1509 [АСМ, 25]	ср. <i>дудá</i> ‘человек с дурным несговорчивым характером’ смол. [СРНГ, 8, 246]
* <i>Желвач</i> — Немирка Ондреев <i>Жолвачова</i> , п. Андомский, 1563 [ПКОП, 194]	<i>желва́чить</i> ‘брюзжать, ворчать, браниться’ волог. [СРНГ, 9, 102]; стоит обратить внимание на семантическую связь личного имени и основы фамильного прозвания
Федор Федоров сын <i>Желна</i> , Кемская и Подужемская вол., купчая 1587 [Гейман, 302]	в говорах <i>желна́</i> ‘ворчунья, брюзга’ чуд. [СРГК, 2, 46], ‘капризная женщина, обладающая переменчивым настроением’ арх., волог. [СГРС, 3, 351]; <i>желни́ть</i> ‘ворчать, брюзжать’ чуд. [СРГК, 2, 46]
* <i>Карза</i> — Нестерко <i>Карзин</i> , п. Остречинский, 1563 [ПКОП, 111]	<i>карзо́вка</i> ‘старая, сварливая женщина-сплетница’ пск., твер. [СРНГ, 13, 90]; <i>ка́рзаться</i> ‘спорить, ругаться’ арх. [СГРС, 5, 80]
* <i>Колтыря</i> — дер. на Горке словоет Микитинская Килмашка да <i>Колтыревская</i> , п. Важинский, 1563 [ПКОП, 90]	<i>колоти́рить</i> ‘сплетничать, переносить и ссорить людей, пролазничать; ссориться, браниться, брюзжать’ [Даль, 2, 141—142], <i>колоти́ра</i> , <i>колоти́ря</i> , <i>колоти́рь</i> — ‘тот, кто колотырит’, <i>колоти́рный</i> — ‘сварливый, бранчливый’ [Там же]
Оска Алексеев сын <i>Копос</i> , дьячок, п. Пудожский, отписка, 1693 [Мюллер, 336]	<i>копо́ский</i> ‘раздражительный, вспыльчивый’ пск., твер., свердл., волог., новг.; ‘брюзгливый’ волог., перм., новг. [СРНГ, 14, 293—294];
Ивашко <i>Крюк</i> , п. Вытегорский, 1496 [ПКОП, 14]	<i>крюк</i> ‘придирчивый человек’ смол. [СРНГ, 15, 354—358]
Никифор <i>Севрюк</i> , Кемская вол., купчая, 1587 [Гейман, 301]	в говорах <i>севрю́к</i> ‘угрюмый, суровый человек’, ‘брюзга’ курск., ворон. [Даль, 4, 169]
* <i>Пестрик</i> — Сергей Иванов	<i>пе́стрый</i> ‘сварливый’ без указ. места, Даль

<i>Пестриков</i> , п. Шуйский, поручная, 1649 [Мюллер, 77]	[СРНГ, 26, 319]
--	-----------------

Подобное соотношение находим у прозвищ *Аргун, Базыка, Бунда, Бурундай, Бурчак, Бучень, Ватола, Галбач, Желвач, Звяга, Левзонец, Мухлак, Репяк, Рагоза, Собака, Стырко, Сувор, Треста, Шабан, Ярец* и т. д. (всего 43 антрополоксеммы, см.: Кюршунова: 2010).

3.3.2.6. Прозвища, мотивированные значением ‘упрямый человек’

В данную группу включены прозвища, которые соотносятся с апеллятивами, содержащими в структуре лексического значения компоненты, синонимически связанные с архисемой ‘упрямый’: ‘несговорчивый’, ‘строптивый’, ‘непослушный’, ‘ершистый’, ‘своенравный’ и т. д. (см. таблицу 16).

Таблица 16

<i>Сведения о функционировании антропонима</i>	<i>Сопоставительные апеллятивные материалы</i>
<i>Брил</i> чюдин, п. Петровских Кречатникова, 1539 [ПКВП, 49]	<i>бри́ла</i> ‘упрямый человек’ костр. [СРНГ, 3, 180], ‘капризный, обидчивый человек’ ярос. [ЯОС, 2, 3]
Ларька <i>Бык</i> , Кемская и Подужемская вол., запись, 1591 [Гейман, 322]	<i>бык</i> ‘об упрямом, капризном ребенке’ костр. [СРНГ, 3, 342], <i>бы́читься</i> ‘упрямиться, сердиться’ медв. [Карт. Лаб.]
* <i>Дубонос</i> — Иванко <i>Дубоносов</i> , п. Олонецкий, 1563 [ПКОП, 121]	<i>дубоно́сый</i> ‘непослушный, упрямый’ бокс., кириш. [СРГК, 2, 8]
<i>Жила</i> Яковлев, п. Андомский, 1563 [ПКОП, 192]; Грибанко <i>Жилин</i> , п. Толвуйский [Там же, 142]	<i>жи́ла</i> ‘упрямец, спорщик’ арх., твер., ворон., казан., астрах. [СРНГ, 9, 173]
Васюк <i>Козел</i> , мировая, 1556/57 [АСМ, 135]	в совр. разг. речи <i>козел</i> — ‘упрямый человек’

Сенка Олексеев <i>Кокора</i> смольник, г. Корела, 1568 [ПКВП, 68]	<i>кокóристый</i> — ‘упрямый, своенравный’ без указ. места [Даль, 2, 134]
Третьяков человек Лутьянчикова <i>Коряка</i> , п. Пиркинический, 1563 [ПКОП, 83]	<i>ко́ряка</i> – ‘несговорчивый, упрямый человек’ ярос., ряз. [СРНГ, 15, 42; ЯОС, 5, 74]; <i>ко́рячливый</i> ‘несговорчивый, строптивый, ломливый человек’ [Даль, 2, 161], <i>ка́рячить, ко́рячить</i> ‘ломаться, упрямитесь, не соглашаться, заставлять упрашивать себя’ без указ. места [Даль, 2, 91]
* <i>Крен(ь)</i> — Иван Ильин <i>Кренив</i> , п. Олонецкий, 1563 [ПКОП, 60]	<i>крень</i> ‘упрямый человек’ олон. [СРНГ, 15, 214]
Иванко Олексеев <i>Лобан</i> , г. Корела, 1568 [ПКВП, 67]	<i>лоба́н</i> — ‘упрямый человек, животное’ новг. [СРНГ, 17, 94]
* <i>Обух</i> — Иванко <i>Обюхов</i> , п. Выгозерский, 1582/83 [КЗПОП, 204]	<i>о́бух</i> ‘упрямый человек’ без указ. места, Даль [СРНГ, 22, 256]
Федко <i>Рогач</i> , п. Оштинский, 1496 [ПКОП, 35]	<i>рога́ч</i> ‘упрямый человек’ без указ. места [Даль, 4, 100]
Кирилко <i>Треста</i> , п. Егорьевский в Коигушах, 1496 [ПКОП, 52]	<i>трости́ть</i> ‘крутить, скручивать’, ‘упрямо говорить о чем-л.’ [Фасмер, 4, 100, 106];
* <i>Стырко</i> — Максимко <i>Стырков</i> , п. Толвуйский, 1582/83 [КЗПОП, 173]	<i>сты́рить</i> ‘спорить, упрямитесь’ волог., тамб. [Даль, 4, 350]

Подобные соотношения отмечены у следующих прозвищ *Бутора, Губа, Деряга, Дуда, Дюк, Залом, Корепан, Остолоп, Пест, Самодур, Собина* (всего 38 антрополоксемы, см. Кюршунова: 2010).

3.3.2.7. Прозвища, мотивированные значением ‘лживый человек’

Группа представлена прозвищами, апеллирующими к названиям лиц, в лексическом значении которых выделяются компоненты ‘лживый’, ‘хитрый’, ‘изворотливый’, ‘пронырливый’, ‘плутовской’, ‘лукавый’ и т. п. (См. таблицу 17)

Сведения о функционировании антропонима	Сопоставительные апеллятивные материалы
*Базло – Михей Калинин сын Базлова, стрелецкий голова Олонецкого города, челобитная, 1665 [Мюллер, 180]	<i>базло́</i> ‘врун, обманщик’, русск. говоры Карелии [СРНГ, 2, 50]; волог. [СГРС, 1, 42—43]
Гаврило Григорьев сын <i>Бухаря</i> , староста, купчая, 1571 [АСМ, 235]	<i>бухарá</i> ‘лгун, лгунья’ вят., <i>бухарить</i> ‘лгать’ вят. [СРНГ, 3, 319]
* <i>Вертячей</i> — Олешка <i>Вертячев</i> , п. Толвуйский, 1582/83 [КЗПОП, 173]	др.-русс. <i>вертячий</i> ‘неустойчивый, нетвердый, легко поддающийся какому-л. влиянию’ [СлРЯ XI—XVII, 2, 100], в говорах <i>вертячий</i> ‘ненадежный, лживый’ арх., олон. [СРНГ, 4, 157]
* <i>Виранец</i> — Степанко <i>Виранцов</i> , 1598 [ДКШВ, 240]	в говорах <i>вирáть</i> ‘врать, рассказывать небылицы’ медв., кондоп., пест., арх., ‘отвертываться, хитрить, действовать или говорить уклончиво’ карг. олон. [СРГК, 1, 201; СРНГ, 4, 292], ‘выдумывать, сочинять’ кондоп., медв. [СРГК, 1, 201], а также <i>вирáнда</i> ‘лгун, лгунья’ олон. [СРНГ, 4, 292], <i>вирáница</i> ‘выдумка, небылица’ медв. [СРГК, 1, 201]
* <i>Врач</i> — Омельялко Григорьев <i>Врачев</i> , п. Остречинский, 1563 [ПКОП, 110]	в говорах сохранилось слово <i>врач</i> в значении ‘лгун, обманщик’ камч., сиб., томск., енис., забайк. [СРНГ, 5, 188], связанное с <i>врать</i>
Иванко <i>Жегало</i> , п. Ровдужский, 1568 [ПКВП, 167]	ср. <i>жег</i> ‘плут, хитрец, пройдоха’ выт. олон., ‘бойкий, находчивый плут, парень-

* <i>Жегач</i> — Левка <i>Жегачов</i> , п. Сакульский, 1568 [ПКВП, 117—118]	выжига' калуж. [СРНГ, 9, 97]; <i>жѣга</i> 'плут, обманщик, хитрый, опытный, бывалый человек' ворон., курск., 'плут, хитрец, проныра' холмогор., олон. [Там же]; <i>жегáть</i> 'ввести в убыток, обмануть' холмогор., пинеж., сев.-двин. арх., ср.-урал. [Там же]
* <i>Жегло</i> — Алексей Федоров сын <i>Жоглов</i> , 1572, 1574 [Гейман, 218—219]	
* <i>Жигляй</i> — Анашка Ларионов да пасынок его Федосейко Иванов <i>Жигляев</i> , 1614 [ОКШВ, 5]	
* <i>Качало</i> — Семен да Ондрей Петровы дети Качаловы, боярские дети, п. Важинский, грамота, 1582 [Гейман, 279—281]	в говорах <i>качáло</i> — 'изворотливый, пронырливый человек' ряз. [СРНГ, 13, 141]
Феофанко <i>Келас</i> , п. Важинский, 1582/83, КЗПОП, 105	в вепс. ойконимии зафиксировано название дер. <i>Келасово</i> на Шокше, восходящее к вепс. <i>kelaz</i> 'лгун, льстец' [Муллерен 1994, 99]
пономарь <i>Клена</i> , п. Пудожский, 1583 [Шайжин: 1906, 294]	в говорах <i>клепáть</i> — 'лгать, сплетничать' новг., пск., волог., арх., тер., твер., ярос., перм. и др. [СРНГ, 13, 278], <i>клепáло</i> — 'о том, кто наговаривает на других; лгун, лгунья, сплетник, сплетница' без указ. места, Даль [СРНГ, 13, 278]
Степанко <i>Колокол</i> купчина, п. Сакульский, 1568 [ПКВП, 141]	<i>колоко́лить</i> , <i>колоколíть</i> 'врать, преувеличивать, привирать' урал., свердл. [СРНГ, 14, 165—166], сюда же <i>сколокольничать</i> – 'украсть, стянуть' заон. [Лойтер: 2001, 281]
Иванко <i>Лисица</i> , п. Панозерский, 1597 [ДКЛП, 217]	совр. русский язык хранит перен. значение <i>лиса</i> 'хитрый человек'; у Вл. Даля находим

	пословицы — «Лиса врет, на свой хвост шлет, да оба изверились» [Даль, 1, 156], «Лиса семерых волков проведет» [Даль, 2, 359]
Дмитрей Григорьев сын <i>Мухлак</i> , отводная, Кереть, 1564 [АСМ, 182]	в говорах <i>мухлевать</i> , <i>мухл́чить</i> , <i>мухловать</i> , <i>махлевать</i> , <i>мухл́ить</i> , <i>мухл́ть</i> ‘плутовать, обманывать, мошенничать’ влад., чер. волог., перм., подп., ряз., твер., урал., южн.-сиб., ярос.; ‘воровать, красть’ перм. [СРНГ, 19, 36; СРГК, 3, 275; Фасмер, 3, 19]
<i>Намет</i> — Ивашко <i>Наметов</i> , кр-н, п. Вытегорский, 1496 [ПКОП, 12]	в говорах <i>наметка</i> ‘ловкий обман’ пск. [ЭССЯ, 22, 184—185]
Мишка <i>Омут</i> , п. Кижский, отписка, 1684 [Мюллер, 271]	в говорах <i>омут</i> — ‘хитрый, скрытный человек’ без указ. места, Даль [СРНГ, 23, 206], а также <i>омутко́вый</i> — ‘любящий приврать, лживый’ волог. [Там же], ср. в данном случае с выражением <i>тихий омут</i> ‘о человеке скромном, спокойном, но способном обмануть это первое впечатление’ (<i>неодобр.</i>) [СРФ, 421]
Оксентейко Васильев <i>Ошук</i> , п. Шуньгский, 1563 [ПКОП, 152]	<i>ошукать</i> ‘обмануть’ зап., южн., пск., смол., <i>ошукати</i> , <i>ошукаць</i> — ‘обмануть’ укр., белорус. [Фасмер, 3, 180; СРНГ, 25, 97], попало в русский язык через польский <i>oszkać</i> из немецкого <i>versuchen</i> ‘испытывать (кого-л.), искушать’ от <i>suchen</i> ‘искать’ [Фасмер, 3, 180], ср. также: <i>ошукала</i> ‘обманщик (обманщица), мошенник (мошенница)’ зап., южн., Даль [СРНГ, 25, 97], <i>ошуканщик</i> ‘обманщик’ смол., ‘сплетник, клеветник’ читин., бурят.

	[СРНГ, там же]
<i>Прокуда</i> — <i>Прокуда</i> Марков, п. Ровдужский, 1568 [ПКВП, 150]	<i>прокуда</i> — ‘проказник, изворотливый, предприимчивый’ [Никонов 1993, 97]; в говорах <i>прокуда</i> ‘хитрый, лукавый человек; притворщик, обманщик’ волог., твер., пск., смол., ‘плутишка’ перм., [СРНГ, 32, 165]
Михалка <i>Хвост</i> , п. Выгозерский, 1563 [ПКОП, 163]	<i>хвост</i> ‘лгун’ костр., ‘сплетник’ без указ. места [Даль, 4, 107]
Олексейко Григорьев <i>Щука</i> , кр-н, п. Паданский, 1597 [ДКЛП, 203]	<i>щука</i> ‘лукавый, пронырливый человек’ без указ. места [Даль, 4, 658], возможно, перен. по отношению <i>щука</i> ‘рыба’, а возможно, находящееся в производных отношениях со словом <i>щучить, прищучить</i> ‘поймать на воровстве, обмане’ медв., прион. [Карт. Лаб.]
Гриша <i>Юла</i> , п. Сакульский, 1568 [ПКВП, 143]	в говорах <i>юла</i> ‘тот, кто юлит’, ‘льстивый пролаз’ без указ. места [Даль, 4, 667]

Подобным образом соотносятся с апеллятивами со значением ‘лживый человек’ следующие прозвища: *Жук, Игла, Кондак, Мутар, Огарок, Пестрик, Хлюст(а), Шило, Шипуля, Шильник* и т. д. (всего 37 антрополексем, см.: Кюршунова: 2010).

3.3.2.8. Прозвища, мотивированные значением ‘драчливый человек’

В группу включены прозвища, в лексическом значении омонимичных им апеллятивов выделяются следующие синонимические компоненты архисемы ‘драчливый’ (см. таблицу 18).

Таблица 18

<i>Сведения о функционировании антропонима</i>	<i>Сопоставительные апеллятивные материалы</i>
* <i>Бодун</i> — дер. на Падус же озерки <i>Бодуновская</i> , Васюков	мотив именованья мог быть связан со значением ‘драчун, забияка’, ср. у В. Даля: <i>боду́нь</i> ‘о

след <i>Бодунов</i> , п. Пудожский, 1563 [ПКОП, 179]	животных, которые бодаются, т. е. бьют лбом, колют рогами' без указ. места [Даль, 1, 106], в совр. русск. литер. языке то же значение [МАС, 102]
* <i>Вьюша</i> — Степанко Иванов <i>Вьюшин</i> , п. Городенский, 1568 [ПКВП, 84]	в говорах <i>вью́шить</i> 'бить, колотить кого-л.' пск. [СРНГ, 6, 70]
* <i>Горза</i> — Тимоха <i>Горзин</i> , кр-н, п. Толвуйский, 1563 [ПКОП, 140]	в говорах <i>горзонуть</i> 'ударить кого-л.' онеж. арх. [СРНГ, 7, 36]
* <i>Горзан</i> — дер. Горзаново, п. Остречинский, 1582/83 [КЗПОП, 116]	
* <i>Зажога</i> — Васюк да Лашук Ивановы дети <i>Зажогина</i> , п. Толвуйский, 1563 [ПКОП, 141]	в говорах <i>зажб́га</i> 'зачинщик ссор, драк' пск., твер., смол. [СРНГ, 10, 88]
Кузьма <i>Заколупа</i> , 1538, Строкина пуст. [Докучаев-Басков, 13]	<i>колупать</i> 'бить' пуд., <i>наколупать</i> 'избить' заон., медв. [Куликовский, 39, Карт. Лаб.]
Матфей Ондреев сын <i>Колупай</i> , дело, 1663 [Мюллер, 163]	
* <i>Зворыга</i> — Карп Иванов сын <i>Зворыгин</i> , вологжанин, закладная, 1578/79 [Гейман, 266]	<i>взварыка</i> 'горячий, вспыльчивый, опрометчивый' [Унбегаун 1989, 148], в говорах <i>завары́га</i> 'забияка' новг. [НОС, 3, 11], <i>взв́аривать</i> 'сильно бить, избивать' волог., влад., перм. [СРНГ, 4, 247; см. также: Чайкина 1995, 38; Полякова 2005, 139—140]
пономарь <i>Клепа</i> , п. Пудожский, 1583 [Шайжин: 1906, 294]	<i>клепать</i> — 'бить кого-л., шлепать' пск., твер., ленингр., Эст. ССР, Латв. ССР [СРНГ, 13, 279],

	<i>клепа́ть друг друга</i> — ‘драться’ новг., ленингр. [СРНГ, 13, 279]
* <i>Кокша</i> — Фофанко Кокшин, п. Шуньгский, 1496 [ПКОП, 1]	в говорах <i>ко́кшитъ</i> ‘бить, колотить, лупить’ олон., новг., волог., перм., вят., калин., ленингр., нижегор., тамб. [СРНГ, 14, 108], <i>коко́шитъ</i> , <i>укоко́шитъ</i> , <i>коки́итъ</i> ‘бить, колотить кулаками’, укр. <i>кокоши́тися</i> ‘важничать, петушиться’ [Фасмер, 2, 284], <i>коко́шитъ</i> ‘бить кого-л.’ пск., волог., влад., вят. [СРНГ, 14, 101], <i>ко́кшать</i> ‘рубить, вколачивать, копать’ петрозав. [Куликовский, 38]
Гришка да <i>Кокшак</i> Ивановы, п. Пудожский, 1563 [ПКОП, 184]	
* <i>Липач</i> — дер. на Бесовце словет <i>Липачовых</i> , п. Шуерецкий, 1563 [ПКОП, 117]	в русск. говорах Карелии <i>ли́пач</i> — ‘удар ногой’ медв., <i>ли́пать</i> — ‘наносить удары, бить’ онеж. [СРГК, 3, 124—125]
<i>Лупайко</i> Ондреев, п. Андомский, 1582/83 [КЗПОП, 247]	<i>лупáч</i> , <i>лупи́ла</i> ‘буян, забияка, драчун’ тул. [СРНГ, 17, 199], ср. с <i>лупить</i> , сербохорв. <i>лупити</i> ‘колотить’, польск. <i>łupić</i> , <i>łupię</i> ‘лупить, грабить, бить’; родственно также литовскому, латышскому, санскриту [Фасмер, 2, 534—535]
* <i>Мячко</i> — дер. Петровская <i>Мячковская</i> в Осином в наволоке, п. Андомский, 1582/83 [КЗПОП, 260]	<i>мя́кчатъ</i> ‘стучать рубить’ прион., кондоп., ‘бить, избивать’ медв., подп., сег., тихв. [СРГК, 3, 288]
* <i>Талыза</i> — Лукьян <i>Талызин</i> , дьяк новг., грамота, 1669 [Мюллер, 195]	в белорус. языке <i>талыза́ць</i> ‘колотить, дергать’, <i>талы́скаць</i> , <i>поталы́скаць</i> ‘побить’ смол. [Фасмер, 4, 16]
* <i>Тереб</i> — Фетка <i>Теребов</i> , п. Пиркинический, 1563 [ПКОП, 78]	<i>тереби́ть</i> ‘наказывая, бить, ругать’ медв., <i>теребе́нить</i> ‘беспокоить постоянно просьбами, требованиями’ пуд. [СРГК, 6, 452]

* <i>Урус</i> — воевода и князь Семен <i>Урусов</i> , Заонежские пог., грамота, 1669 [Мюллер, 195]	имеет тюрк. основу, ср. ногайск., казах. <i>urus</i> ‘война, сражение, бой’, хотя возможно, что прозвище <i>Урус</i> могло быть усеченным из <i>urus-şar</i> ‘драчун’ [Баскаков 1979, 188]
* <i>Чеглок</i> — Василий <i>Чеглоков</i> , олонецкий воевода, г. Олонец, 1649, Мюллер, несколько раз	имеет тюрк. основу, производной основой, возможно, послужило слово <i>çoçol</i> ~ <i>çoçool</i> ‘вспыльчивый, сердитый, забияка, задира, драчун’ + уменьш. суфф. <i>-oq</i> [Баскаков 1979, 56]
<i>Щолкан</i> Макаров, п. Водлозерский, 1582/83 [КЗПОП, 211]	<i>щелкун</i> ‘наглый забияка, драчун’, ‘пустобай’ без указ. места [Даль, 4, 653], <i>дать щелкানা</i> ‘щелкнуть. ударить’ медв., <i>щелкануть</i> ‘сильно и неожиданно ударить, стукнуть’ тер. [СРГК, 6, 928]

Подобное соотношение отмечено также у следующих прозвищ: *Брыка*, *Бузуй*, *Бутак*, *Буян*, *Войка*, *Деряга*, *Карза*, *Ошмара*, *Хок*, *Чупряк* и т. д. (см.: Кюршунова: 2010).

3.3.3. Контаминация внешних и внутренних качеств человека, нашедших отражение в прозвищах Карелии XV—XVII вв.

Сопоставление антропонимического материала с диалектными апеллятивами показало, что экспрессивным названиям лица из обеих групп свойственен семантический синкретизм: в структуре значения диалектного апеллятива, с которым сопоставляется прозвище, содержатся дополнительные свойства внешнего облика человека, а также его характера и поведения, которые нельзя расчленить. Так, в лексическое значение слов, называющих полного человека, проникают компоненты, дополнительно описывающие различные физические данные: ‘неуклюжий’, ‘неповоротливый’, ‘здоровый’, ‘болезненный’, ‘невысокий’. Ср. именованья, зафиксированные в памятниках письменности Карелии, и лексическое значение диалектных и древнерусских апеллятивов:

- ‘полный и неповоротливый, неуклюжий’ — *Кубаско* Лутьянов, 1563 [ПКОП, 208] и перен. значение *кубас* ‘о толстом, неуклюжем человеке’ олон. [СРНГ, 15,

378], а также *кубастый* в др.-русск. языке — ‘имеющий выпуклые бока (о сосудах)’, ‘выпуклый’ [СлРЯ XI—XVII, 8, 101]; *Кубач*, 1496 [ПКОП, 26] и в говорах Карелии *кубáч* — *перен.* ‘о неповоротливом, неуклюжем человеке’ [СРГК, 3, 45]. Подобную контаминацию компонентов значения наблюдаем при анализе внутренней формы прозвищ *Баклан*, *Бочка*, *Лабза*, *Олелюха*, *Телепень*;

- ‘полный и здоровый’ — *Гладыш — Сенка *Гладышов*, 1563 [ПКОП, 150] и *гладыш* — ‘полный, здоровый человек’ чер., волог. [Чайкина: 1995, 25], ‘толстый, тучный, жирный человек или животное’ костр., новг., влад., твер., волог., курск., тамб., вят., ср.-урал., орл. [СРНГ, 6, 182];

- ‘полный и болезненный’ — *Дупль — Менший Степанов сын *Дуплев*, Строкина пуст., 1602 [Докучаев-Басков, 69] и *дупля* — ‘болезненная, тучная, медлительная женщина’ волог., ср. также *дупля* ‘задница’ с.-в.-р.; это же значение в польском языке *дира*, восходящего, по мнению М. Фасмера, так же, как *дупля* к дупло [Фасмер, 1, 554];

- ‘полный и невысокий’ — Минка Петров *Курбатко*, 1563 [ПКОП, 207] и *курбатый* ‘малорослый и толстый’ пенз., сарат., краснояр., влад., ‘толстый, круглый, дородный’ влад., *курбáтик* ‘малорослый человек, толстяк’ пенз., сарат., симб.; *курбатенький* ‘маленький и толстенький’ пенз. [СРНГ, 16, 113].

Более того, внешние данные могут переплетаться с характеристикой качеств характера лица, ср.:

- ‘полный и неуклюжий, неумелый’ — Мартемьянко Давыдов *Корова*, 1563 [ПКОП, 169] и в совр. русском языке *корова* ‘о толстой неуклюжей, а также неумелой женщине’ (*груб.*) [МАС, 2, 106];

- ‘полный и ленивый’ — *Мамон (Семенча *Мамонов*, 1568 [ПКВП, 168] и *мамон.* ‘лентяй, располневший от ожирения и безделья’ (перен.) волог. [СРНГ, 17, 351];

- ‘полный и неповоротливый, обжора’ — Васюк *Кережа*, 1563 [ПКОП, 243] и *керёжа* ‘брюхан, обжора; толстый, неповоротливый человек’ медв., канд. [СРГК, 2, 340].

Подобная диффузность значения наблюдается и при характеристике худошавого человека. Во внутренней форме прозвищ отмечаются также высокий рост, болезненность, физические недостатки отдельных частей тела. Ср.:

- ‘высокий и худошавый’ — Федка *Драница*, 1647 [Мюллер, 57] в др.-русс. языке *драница* ‘длинная (два метра и более) сосновая дощечка для крыши, получаемая расщеплением отрезка древесного ствола’ [СлРЯ XI—XVII, 4, 350]. Ю. И. Чайкина предполагает, что *драницей* могли назвать ‘высокого, худошавого человека’ [Чайкина: 1995, 31]; *Жеравль — дер. Жеравлево в лахте: в ней Иванко *Жеравлев*, 1568 [ПКВП, 120] и перен. значение в смол. говорах *жарáвль*, *журуáвль* — ‘худой, высокий человек’ [СРНГ, 9, 228]; *Рогозинка* Офонасьев, 1582/83 [КЗПОП, 138] и диалектное перен. значение *рагóзина* — ‘худой и длинный человек’ медв. [Карт. Лаб];

- ‘худой и больной’ — *Зеленя — Петрушка *Зеленин*, 1690; [Мюллер, 319] и перен. значение *зéлень* — ‘худой, болезненный ребенок’ выт. [СРНГ, 11, 251]; *Лулак* Лукин, 1563 [ПКОП, 200] и диалектное *лу́лаки* ‘незрелые ягоды’ олон. выт. [СРНГ, 17, 192]. *Сухан* Нефедьев, 1594 [Гейман, 343] и *Сухой*, 1496 [ПКОП, 15], в др.-русс. языке *сухой*, *сухий* — ‘тощий, сухой’, ‘иссохший от болезни’ [Срезневский, 3, 632], в говорах *сухóй* — ‘худой, чахлый, тощий, поджарый’ [Даль, 4, 365]; и др.-русс. *сухой*, *сухий* — ‘тощий, сухой’, ‘иссохший от болезни’ [Срезневский, 3, 632], в говорах *сухóй* — ‘худой, чахлый, тощий, поджарый’ безуказ. места [Даль, 4, 365]; *Васюк Чалец*, 1538/39 [Гейман, 132] и в говорах *ча́лый* — ‘хилый, болезненный, худой человек’ медв., ‘тот, кто плохо ест’ кондоп. [СРГК, 6, 754];

- ‘худошавый, имеющий разные физические недостатки рук и ног’ — *Паук* Панкратов, 1582/83 [КЗПОП, 119—120] и диалектное *паук* — ‘слишком худошавый, с кривыми ногами и руками человек’ медв. [Карт. Лаб.].

В народном сознании излишне худошавое телосложение связано с мнением о злобном характере (например, в фольклоре *Кощей Бессмертный* — один из самых злых персонажей, представляется костлявым, излишне худошавым человеком); и наоборот, полнота, как свидетельство доброго, веселого, простого нрава, ср. с выражениями: *Толст да прост, тонок да звонок* [Даль, 4, 414]; *Хорошего*

человека должно быть много. Более того, в фольклоре представлен образ внешне красивого, привлекательного, здорового человека: *Полнеть, наполняться, становиться полнее; добреть, тучнеть, толстеть* [Даль, там же]. Лексемы *толстеть* и *добреть* являются синонимами, интегрирующее значение — *‘добреть, полнеть, полнеть, жирнеть, отъедаться, наживать тела’* [Там же]. Ср. также с толстодом *‘зажиточный хозяин’* [Там же], которое можно рассматривать с позитивной стороны, как умеющий вести хозяйство и т. д.

При этом и чрезмерно полный человек также заслужил отрицательную оценку, полнота соединялась с обжорством, ненасытностью, жадностью и, как следствие, духовной бедностью: *Мамон полнит, а душа скудается; Брюхо встрясло, да и совесть вынесло; Чистота духовная паче телесной; Что телу любо, то душе грубо; Грешно тело душу съело; Душе с телом мука; Когда наелся, тогда и застыдился; Стыдненько да сытененько; Наша попадья, что широкая ладья; Сам копной, брюхо горой; Копна копной – так и переваливается; Толст, как бочка; Его черт ядрами кормит; Копной набит, в кожу зашит; Поперек себя толще; Пяти чертей в отрубе и т.д.* [Даль, Пословицы, 1, 596—606]. Ср. также в языке большое количество оценочных прилагательных, существительных — *толстомордый, толсторылый, толстозадый, толстопузый, толстобрюхий, толстожир, толстошея* [Даль, 4, 414].

Как видим, физические отклонения от нормы очень часто контаминируются с отрицательными морально-этическими качествами лица. А такое качество, как неаккуратность, совмещает в себе внешнюю (нечистоплотность) и внутреннюю (расточительность, беспутность, неумение вести хозяйство, лень) характеристику человека.

Однако о негативной оценке некоторых внешних данных можно говорить условно. Так, большелобый человек — это еще и умный человек, человек с большими зубами — здоровый человек, а старый человек — мудрый человек.

Взаимопроникновение оценок, невозможность их расчленить с лингвистической точки зрения свидетельствуют о некоторой условности в выделении той

или иной микрогруппы, а с онтологической — характеризуют человека как *неоднозначное по своим внутренним и внешним особенностям явление*.

Кроме того, анализ внутренней формы прозвищ дает основание полагать, что все выделенные предполагаемые мотивы номинации соотносились еще и с профилактическим мотивом именованного. Иначе невозможно объяснить наличие большого количества обидных с точки зрения современного носителя языка прозвищ. Думается, в обществе исследуемого времени прозвище уже выступало как «средство постижения своей качественной определенности в мире. Оно выступает в роли того “прямого” и “точного” зеркала, благодаря которому лицо обретает возможность наконец-то увидеть себя так, как его видят все окружающие, и утвердиться в соответствующем качестве» [Берестнев: 1997, 32—33].

Более того, важно, что в мотивационное поле прозвищ, помимо разного рода явно выраженных характеризующих признаков и имплицитного профилактического мотива, входит в ряде случаев еще один — скрытый, — соотносимый с семей ‘чужой; лицо из другого круга’, который по своим признакам призван противопоставлять именуемого «нормальному» («своему») обществу.

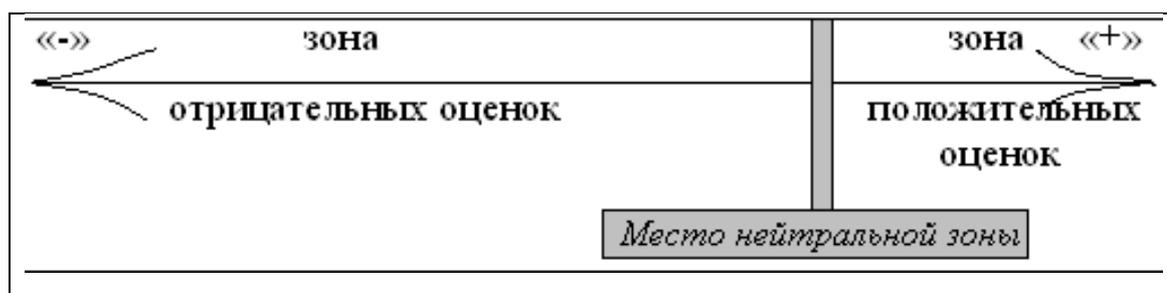
3.3.4. Ведущие ценностные ориентиры, нашедшие

отражение в прозвищных номинациях с экспрессивной апеллятивной основой

Для прозвищ, отражающих морально-этические качества индивида, *отношение к труду* (как и у прозвищ, характеризующих внешние, физические данные) является *ведущим фактором*, который участвует в оценке норм поведения, выработанных в обществе, вынужденном коллективно трудиться, где вклад каждого и его способность выполнять определенную работу явно ощущались и опять же находили отражение в языке. Именно этим можно объяснить объем таких лексико-семантических групп, как ‘сварливый человек’, ‘ленивый человек’, ‘упрямый человек’, ‘глупый человек’ и т. д. (см. таблицу 10), содержащих слова с негативной, отрицательной оценкой. Безусловно, это связано с тем, что трудолюбие, сметливость, расторопность, воздержанность, радушие,

физическая сила считались нормой, а потому реже находили отражение в лексике и апеллятивной, и ономастической.

Отсутствие нейтральной зоны в описании человека, поляризация семантики, большой объем пейоративной лексики, запечатленной в основе прозвищ, дают возможность с достаточной степенью уверенности допустить: в отрицательной оценке разных качеств лица, в усиленном внимании к любым отрицательным характеристикам *содержится скрытый образ идеального во всех планах человека*, жившего на Руси в XV—XVII вв. Это «отголосок моральной и эмоциональной ориентации русской души» [Вендина: 2000, 29]. В данном случае закономерно допустить, что такое стремление к внутреннему совершенству является универсалией, свойственной многим этносам. Если представить шкалу норм, то условно она будет иметь следующий вид:

Самая большая — зона отрицательных оценок, ей противопоставляется значительно меньшего объема зона положительных оценок, между ними нейтральная зона, объем которой в данном случае стремится к нулю, если вообще возможно ее видение, поскольку, думается, что нейтральное и положительное приравниваются друг к другу. Как отметила Л. А. Климова, «прозвище — это вербальный знак, лишенный признака нейтральности» [Климова: 2015, 116]. Отметим, что подобная шкала накладывается и на уже рассмотренные экспрессивные именованья, отражающие внешний вид человека.

По мнению лексикологов, это явление находит объяснение в особенностях народного характера: все положительное считается нормой и не требует особых языковых средств для выражения, отклонения же от нормы обязательно находят отражение в языке. Возможно, это одно из объяснений того, что в ономастиконе так много обидных с точки зрения современного носителя русского языка

прозвищ, ср. именные единицы с явно отрицательной внутренней формой — типа *Окул Сальное Рыло, Василей Борисов сын Рогатых Вшей*, а также примеры самономинатии таким именем: *Се яз, Семен Одреев сын Худокуй*, 1520, купчая [АСМ, 35]; *Се яз, Фома Узрим Иванов сын*, 1530/31, мировая [Там же; 43]; *Се яз, Тимофей Левонтеев сын Бушуй*, 1540/41, купчая [Там же; 53] и проч.

В некоторой степени поиск идеального человека контаминируется с теми ценностями, которые пропагандировало христианство, диктовавшее, каким должен быть человек, как он должен поступать.

3.3.5. Региональные особенности

в отражении языковой картины мира через прозвище

Безусловно, количество слов, входящих в те или иные лексико-семантические группы, не может быть одинаковым по разным регионам Руси. Так, во многих документах донационального периода, относящихся к торговым городам (Архангельск и Холмогор, Великие Луки, московский Китай-город, Вятка, Вологда), достаточно объемными являются группы названий лиц по профессии, роду деятельности [Попова: 2002; Комлева: 2004]. В документах Карелии XV—XVII вв. таких именовании всего 4—5 %, что связано с преобладанием сельского населения в Карелии в указанное время. Еще меньше в основах прозвищ названий лиц по местности. Зато разных групп экспрессивных названий лиц достаточно много, и они имеют другие количественные показатели. В вологодских документах достаточно объемной для указанного периода является лексико-семантическая группа ‘пьяница’, в источниках Карелии — это группа немногочисленная. Всего несколько именовании восходят к апеллятивам, в лексическом значении которых можно выделить компонент ‘пьяница’: *Брага* — Обрамко Спиров, прозвище *Брага* 1597 [ДКЛП, 221], *Бражник* — *Бражник* Самойлов, отпись, 1575 [Гейман, 242], *Булыга* — Овдоким Максимов сын *Булыга*, купчая, 1552 [АСМ, 111], *Горло* — Василий Семенов сын *Горло*, староста, 1598 [ДКШВ, 235], *Заливень — Матфейка Терехов *Заливнев*, 1563 [ПКОП, 146],

*Качало — Семен да Ондрей Петровы дети *Качаловы*, боярские дети, грамота, 1582 [Гейман, 279—280], *Кочур* — Васюк *Кочур* Мелентьев, 1563 [ПКОП, 111], *Хмель — волостка Микифоровская *Хмелева*, 1563 [ПКОП, 129], *Ярыга — Истомка *Ярыгин*, 1563 [Там же, 160].

Сделанные наблюдения следует считать предварительными. К сожалению, установить, насколько выделенные различные внешние и внутренние качества были характерны для языкового сознания жителя Карелии XV—XVII вв., до конца объективно невозможно. Это обусловлено общим развитием ономастической лексикографии: отсутствием или недоступностью региональных ономастиконов различных периодов.

Однако уже одно такое сопоставление показывает, что исследование данных исторической антропоники может быть сопряжено с богатейшими возможностями, связанными с изучением языковой картины мира на определенной территории в конкретное историческое время. Основы именовании могут отражать различный уклад жизни, характер восприятия человеком / целым социумом окружающей действительности, а следовательно, иное членение денотативного пространства, его концептов, другое видение их составляющих.

Кроме того, для территории Карелии XV—XVII вв. в определении через прозвище ценностных ориентаций человека необходимо учитывать взаимовлияние разноязычных народов, находившихся издревле в тесных контактах. Такой подход важен для понимания этнопсихологических, этнокультурных систем, истории народа.

На наш взгляд, значительный объем группы ‘глупый человек’ является общерусской, а может быть, и общеславянской универсалией. А вот наполняемость групп, которые включают такие характеристики внешности человека, как полнота, цвет кожи, глаз, волос, аккуратность, а также внутренние качества лица, как сварливость, лживость, лень, упрямство, болтливость, медлительность, обусловлены контактами русских и прибалто-финнов, саамов. В антропоники Карелии достаточно много именовании с корневым формантом *Бел-* (*Белой*, *Беляй* и под.).

Прежде всего обращает на себя внимание большое количество прозвищ, апеллирующих к лексико-семантическим группам, в которых отражен процесс говорения, характеристика речевой деятельности, характер общения между людьми: ‘сварливый человек’, ‘болтливый человек’, ‘скандалист, спорщик’ — см. представленные выше примеры в таблицах 12, 14, 15. Сюда же следует отнести прозвища, внутренняя форма которых мотивирована значениями ‘назойливый человек’, ‘крикливый человек’. См. примеры ниже, в таблицах 19, 20.

3.3.5.1. Прозвища, мотивированные значением ‘назойливый человек’

Таблица 19

Сведения о функционировании антропонима	Сопоставительные апеллятивные материалы
Ворошилко Ондреев, п. Мегрежский, 1582/83 [КЗПОП, 283]	др.-русск. <i>вороштити</i> ‘переворачивать, передвигать, трогать’ [СлРЯ XI—XVII, 3, 37], <i>ворошйло</i> ‘тот, кто ворошит, трогает то, до чего ему нет дела’ без указ. места [СРНГ, 5, 127]; <i>ворошйтъ</i> ‘трогать, касаясь, шевеля кого-л., беспокоить, мешать, тревожить’ арх., курск. [Там же]
Яков Гундор, купчая, 1555 [АСМ, 124]	<i>гундóрить</i> ‘клянчить, ноя, надоедая’ свердл. [Там же]
Василей Яковлев сын Бородатой с сыном своим Евсеєм Докукою, Кемская вол., данная, 1571 [Гейман, 200]	др.-русск. <i>докука</i> ‘беспокойство, заботы, неприятности’, ‘просьба, особенно повторная, настойчивая’, <i>докучный</i> ‘навязчивый, надоедливый’, <i>докучник</i> ‘тот, кто докучает, надоедливый человек’ [СлРЯ XI—XVII, 4, 294, 295, 299], в говорах <i>доку́ка</i> ‘потребность в чем-л.’ карг. олон., ‘неприятность’ сев.-двин.; <i>доку́кать</i> ‘надоедать, докучать’ онеж. арх. [СРНГ, 8, 100]
*Желвач — Третьяк Желвачов,	<i>желва́ч</i> — бран. слово, кирил. новг.;

староста, Андомская вол., 1582/83 [КЗПОП, 261]	<i>желв́ачить</i> ‘назойливо просить, канючить’ кадн. волог. [СРНГ, 9, 102]
* <i>Канюк</i> — Васко Марков <i>Канюков</i> , п. Шуерецкий, 1563 [ПКОП, 120]	<i>ка́ня, каню́к</i> — ‘назойливый попрошайка, нищий’ без указ. места [Фасмер, 2, 183], ‘надоедливый проситель, попрошайка’ волог., вят., перм., свердл., нижегор., ярос., новг., костр., ср.-урал [СРНГ, 13, 48]; <i>каню́чить</i> ‘клянчить, донимать просьбами’, укр. <i>канючити</i> — то же [Фасмер, 2, 183]; <i>канюк, канжа</i> ‘человек, надоедающий просьбами, попрошайка (чаще о детях)’ арх. [СГРС, 5, 57]; <i>канжить</i> ‘клянчить, выпрашивать что-либо’ арх., волог. [Там же]
Фалелейко Яковлев да дети его Тимошка да <i>Лыско</i> , п. Мегрежский, 1563 [ПКОП, 215]	<i>лы́ска</i> — ‘человек, который назойливо вмешивается во что-л.’ твер., пск., ‘ловкая, пронырливая женщина, пройдоха’ калин.; <i>лы́скать</i> ‘втираться в доверие’ твер., пск. [СРНГ, 17, 224]
Иванко <i>Муха</i> , п. Шуньгский, 1563 [ПКОП, 149]	ср. в устойчивых сочетаниях — <i>назойливая / надоедливая муха</i>
* <i>Пестрик</i> — Сергей Иванов <i>Пестриков</i> , п. Шуйский, поручная, 1649 [Мюллер, 77]	др.-русск. <i>пестрити</i> ‘мелькать, проявлять навязчивость, путая, перебивая что-л. законченное’ [СлРЯ XI—XVII, 15, 23]
Терех <i>Притыка</i> , п. Важинский, 1582/83 [КЗПОП, 88]	др.-русск. <i>притыкание</i> — ‘преткновение’, <i>притыкати</i> — ‘прикастаться’ [Срезневский, 2, 1484], в говорах <i>приты́ка</i> — ‘человек, который всем мешает’ без указ. места [Даль, 3, 455; Веселовский, 259], ‘человек, который всюду суется, вмешивается в чужие дела’ волог. [СРНГ, 32, 34]
* <i>Смола</i> — Иван Федорович сын <i>Смолев</i> , грамота, 1538—1539	в др.-русск. языке <i>смола</i> — ‘древесный сок, смола’ [Срезневский, 3, 445], в говорах и

[Гейман, 136]	совр. языке <i>липнет как смола</i> ‘кто-л. очень навязчив, назойлив’ [СРФ, 535] и <i>смола липучая</i> ‘надоедливый, докучливый, неотвязный человек’ пск, твер., ярос., Лит.ССР [СРНГ, 39, 26], <i>смола</i> — ‘неотвязчивый, наян’ пск. [Чайкина 1995, 94]
Гриша <i>Юла</i> , п. Сакульский, 1568 [ПКВП, 143]	юла́ — ‘непоседа, егоза, суета’, ‘тот, кто то и дело снует туда-сюда; тот, кто докучает’ (с пометой “обл.”). [Даль, 4, 667] и др.

Подобные соотношения находим у следующих прозвищ: *Звяга, Канюк, Комар, Луста, Лыска, Лязга, Слота, Шевыряло* (всего 18 прозвищ, см.: Кюршунова: 2010).

3.3.5.2. Прозвища, мотивированные значением ‘крикливый человек’

Таблица 20

Сведения о функционировании антропонима	Сопоставительные апеллятивные материалы
Никита Васильев <i>Базыка</i> , г. Корела, 1568 [ПКВП, 67]	<i>базá</i> — ‘горластая женщина, крикунья’ мезен. арх. [Вендина 1980, 252—253], <i>базáнить</i> — ‘громко кричать’ олон., арх., волог., вят., твер. ярос., костр., перм., урал. и др. говоры, <i>базлáнить</i> — ‘говорить громко и важно’ карг. олон., волог. [Там же, 252—253]
<i>Голос</i> — Ивашко <i>Голосов</i> , п. Вытегорский, 1496 [ПКОП, 15]	др.-русск. <i>голосити</i> ‘громко звать’, выражение <i>во весь голось</i> [СлРЯ XI—XVII, 4, 68]; в говорах <i>голосяга</i> ‘сильный голос’ тихв., онеж. [СРГК, 1, 360]
Василий Семенов сын <i>Горло</i> , староста, Панозерская вол.,	<i>гóрло</i> ‘о крикливом человеке, крикуне’ арх., онеж. КАССР, волог., перм. и др. говоры,

1598 [ДКШВ, 235]	‘крикливый ребенок’ калуж. [СРНГ, 7, 40], <i>горлани́ть</i> ‘говорить, кричать слишком громко’, выражение <i>го́рло откры́ть</i> ‘кричать при ссоре’ ср.-урал, <i>го́рло распусти́ть</i> ‘сильно, громко кричать’ ворон. [СРНГ, 7, 41]
*Гуда — Гудашко Устюженин, кр-н, п. Оштинский, 1582/83 [КЗПОП, 310]	в говорах <i>гуда́ть</i> ‘кричать, спорить’ смол., ‘скверно петь, горланить’ сев.-двин. [СРНГ, 7, 200], <i>гуде́ть</i> ‘шуметь, трещать’ выт. [СРГК, 1, 411]
*Гучь — Богдашко Гучев, земец, п. Шуерецкий, 1563 [ПКОП, 116]	др.-русск. <i>гучати</i> ‘шуметь’ (с 1688 г.) [СлРЯ XI—XVII, 4, 162], диал. <i>гуча́ть</i> ‘гудеть’ пск. [СРНГ, 7, 250]
Онцыфорко п. Олонецкий, 1563 [ПКОП, 68]	др.-русск. <i>зыкь</i> — ‘шум, крик’ [СлРЯ XI—XVII, 6, 69], в говорах <i>зы́ка</i> — ‘крикун, пискун, плакса’ ряз., <i>зы́кало</i> — ‘тот, кто громко кричит, ревет; крикун’ [СРНГ, 12, 35], <i>зы́кать</i> — ‘кричать, плакать’ тер., кем. [СРГК, 2, 261—262], в совр. просторечии <i>зы́кать</i> , <i>зы́кнуть</i> — ‘громко, резко крикнуть’ [БТС]
Иван <i>Кика</i> , отпись, не ранее 1571/72 [АСМ, 255]	др.-русск. <i>кикати</i> (<i>кыкати</i>) ‘покрикивать, кричать’ [СлРЯ XI—XVII, 7, 122], в говорах <i>ки́кать</i> ‘кричать (о птицах)’ белом арх., волог. и др. говоры, ‘горевать, печалиться, грустить’ арх., пск., твер., волог., ‘кричать, понукать животное, чихать’ волог. [СРНГ, 13, 204—205]
Василей Ильин сын <i>Кобель</i> , купчая, 1541 [АСМ, 56]	<i>кобе́ль</i> (перен.) — ‘о человеке, который громко и скверно ругается’ сиб. [СРНГ, 13, 356]
*Рыкач — дер. <i>Рыкачово</i> на Горе, п. Никольский в Ярославичах, 1563 [ПКОП, 249]	др.-русск. <i>рыкать</i> — ‘рычать, реветь’, <i>рычать</i> ‘громко кричать, звать’, [Срезневский, 3, 210], в говорах — ‘громко звать, кликать’ олон., <i>рык</i> — ‘громкий зов, крик’ олон., волог. [КСРНГ],

* <i>Рык</i> — Олексейко Ларионов <i>Рычко</i> , кр-н, п. Толвуйский, 1563 [ПКОП, 137]	<i>рыкун</i> — ‘тот, кто много кричит’ медв. [СРГК, 5, 593]; <i>рыкач</i> — ‘тот, кто рычит, рыкун’ без указания на источники [Войтович 1986, 89], <i>рыкун</i> ‘тот, кто много громко кричит’ медв. [СРГК, 5, 593]
Петрушка <i>Шумило</i> Гаврилов сын, Сумская вол., 1551 [Гейман, 168]	<i>шумило</i> с пометой “обл.” — ‘крикун, кто громко и много говорит, кричит, орет’ [Даль, 4, 648]
* <i>Яга</i> — Иванко Гришин <i>Ягин</i> , г. Корела, 1568 [ПКВП, 63]	<i>ягать</i> — ‘кричать, шуметь, бушевать, браниться, вздорить, ругаться’ волог., перм., сиб. и <i>яжить</i> — то же ярос., моск., влад. [Даль, 4, 672]

Известно, что русскими прибалто-финны позиционируются как малоразговорчивые, необщительные, и наоборот, русские как коммуникабельные личности, ср. в таблице 21 количество слов, входящих в полярную группу ‘молчаливый человек’.

Таблица 21

Прозвища, входящие в ономастическое поле ‘молчаливый человек’

<i>Сведения о функционировании антропонима</i>	<i>Сопоставительные апеллятивные материалы</i>
Ларька <i>Бык</i> , запись, 1591 [Гейман, 322]	<i>бык</i> ‘молчаливый, серьезный, имеющий как будто сердитый вид мальчик’ твер. [СРНГ, 3, 342] и <i>быковатый</i> ‘нелюдимый, застенчивый’ курск., тул., влад., ‘угрюмый, глядящий исподлобья’ без указ. места, Даль [СРНГ, 3, 342, 343]
<i>Молчан</i> Якушов, п. Сакульский, 1568 [ПКВП, 115]	антропоним, скорее всего, являлся не прозвищем, а личным именем, однако упоминаем данное имя здесь, основываясь на семантике основы
Деонисей старец <i>Неклюд</i> , Строкина пуст., 1579 [Докучаев-Басков, 37]	<i>неклюдимый</i> ‘молчаливый; замкнутый (о человеке)’ костр. [СРНГ, 21, 59], ярос. [ЯОС, 6, 132], ‘недоступный, несговорчивый’ костр. [ООВС, 127]

Немта Нефедов, п. Пудожский, 1563 [ПКОП, 180]	др.-русск. <i>нѣмота</i> — ‘немота’, ‘нечленораздельные звуки, которыми изъясняется немой’,
*Немец — Микула Немчин, п. Сакульский, 1568 [ПКВП, 141]	‘неясность (речи)’ [СлРЯ XI—XVII, 11, 175], в говорах <i>немтá</i> — ‘немой человек’ сиб., забайк., ср.-урал, свердл., ‘косноязычный человек’ тобол., ср.-урал [СРНГ, 21, 87]; ‘немой ребенок (человек)’, ‘ребенок, долго не начинающий говорить’ прион. [Карт. СРГК]; ‘молчаливый человек’ ср.-урал [СРНГ, 21, 87]
*Обух — Иванко Обюхов, п. Выгозерский, 1582/83 [КЗПОП, 204]	<i>обух</i> — ‘неразговорчивый человек’ пинеж. арх. [СРНГ, 22, 256]

Такой разрыв объясняется также экстралингвистическими причинами: север отличал гнездовой способ поселения. В исследуемое время (особенно в его начальных датах — XV — начало XVI в.) в регионе существовали однодворные и односемейные деревни [Витов: 1967, 79, 81, 88], насельниками которых были русские или карелы, вепсы. Вероятно, в таких поселениях существовала ориентация на определенную социально-культурную модель поведения. Возникла ситуация сравнения своего стиля поведения, особенностей ведения хозяйства, манеры общения с другим, «чужим». Результатами сравнений явились разнообразные характеристики лица, нашедшие отражение и в индивидуальных номинациях.

3.3.6. О грамматической характеристике апеллятивных основ общего рода у прозвищ, отмеченных в документах Карелии XV—XVII вв.

Вторичность прозвищ по отношению к апеллятиву позволяет использовать их для исследования отдельных вопросов грамматики, а именно: определения родовой принадлежности экспрессивов, послуживших внутренней формой антропонима.

Как показал анализ материала, большая часть экспрессивной лексики, зафиксированной в составе прозвищ, функционирующих в памятниках письменности Карелии XV—XVII вв., относится к словам мужского рода, что абсолютно закономерно: через субстантивы мужского рода именуется лица мужского пола, тем более что именно они — мужчины — в подавляющем большинстве представлены в текстах документов.

Однако в исследуемых источниках не менее активны прозвища, которые восходят к словам, имеющим женскую финаль -а(-я): *Брыка* ← *брыка*, *Заколуна* ← *заколуна*, *Чеченя* ← *чеченя* и т. д. Поскольку они также именуют лиц мужского пола, то есть основания полагать, что омонимичные прозвищу апеллятивы называли не только лиц мужского пола на -а (типа *вельможя*, *воевода*, *слуга*, *судья*), а относились к общему роду. Тем более, что они семантически не связаны с известной моделью на -а, использовавшейся для номинации лиц по роду деятельности и не имевшей ярких дополнительных коннотаций, которые и становились препятствием для включения подобных апеллятивов в текст делового документа. Именно поэтому ценность подобных прозвищ возрастает. Они специфические свидетели функционирования слов общего рода в народно-разговорном языке донационального периода.

На данную особенность указывает еще работах 80-х гг. XX в. Ю. С. Азарх [1981, 1984]. Ею же со ссылкой на работы историков языка и собственный анализ текстов древнерусского и старорусского языка приводятся единичные фиксации слов общего рода, отмеченные в памятниках письменности, например, *невежа*, *недума*, *пьяница*, *ближика*, *ужика* (XIII—XIV вв.), *проидоша*, *розиня*, *ростяпа*, *чистоха*, *бедняга*, *блудяга*, *бродяга*, *расстрига*, *волочуга* (XVII в.) [Азарх: 1984, 125]. Такие фиксации демонстрируют, что как апеллятивы «существительные этого разряда формируются в русском языке сравнительно поздно, в начальный период развития категории одушевленности/неодушевленности» [Там же, 124—125].

Опираясь на Ю. С. Азарх, выделим в документах Карелии прозвища, восходящие к апеллятивам общего рода.

Они выделяются в составе обоих рассмотренных семантических множеств и

имеют именную или глагольную основу, образуются с помощью различных формантов. Рассмотрим примеры.

3.3.6.1. Экспрессивы общего рода в составе прозвищ, отражающих внешний вид именуемого

Названия лиц по внешности, зафиксированные в основе прозвищ, в большинстве случаев имеют именную основу, глагольные мотивации единичны.

Базыка (Никита Васильев Базыка, 1568 [ПКВП, 68]) ← *базыка ‘старый человек’ ← баз-, Т. И. Вендина предполагает здесь как именную, так и глагольную мотивацию [Вендина: 1980, 252-253];

*Белеха (Якуш Белехин, 1563 [ПКОП, 143]) ← *белеха ‘светловолосый человек’, ‘светлокожий человек’ ← белый;

*Буроха (Никита Бурохин, Олонец, 1564 [Веселовский, 56]) ← *буроха ‘рыжеволосый человек’ ← бурый;

Заика (Заика Софронов, 1582/83 [КЗПОП, 202]) ← *заика ← заикаться ‘говорить с затруднением, произвольно повторяя одни и те же звуки’ [СлРЯ XI—XVII, 5, 201];

Зеленя (Шарапко Мартынов сын Зеленина, 1582/83 [КЗПОП, 265]) ← *зеленя ← зеленый;

Зубака (Федор Микулин Зубака, 1563 [ПКОП, 111]) ← *зубака ← зуб;

*Карза (Нестерко Карзин, 1563 [ПКОП, 111]) ← *карза ‘косноязычный человек’ ← карзати, ср. карзать ‘неправильно говорить’ пск. [СРНГ, 13, 90];

Каршица (Каршица Федотов, 1614 [ОКШВ, 11]) ← *каршица ‘человек, страдающий одышкой’ ← каршити, ср. каршить, коршить ‘дышать с трудом’ [СРНГ, 13, 111];

Корчага (Лучко Корчагин, 1582/83 [КЗПОП, 304]) ← *корчага ‘калека’ ← корчити, ср. корчага ‘калека со сведенными членами’ курск., корчит ‘сводит судорогой, гнуть, мять’ без указ. места [Вендина: 1980, 250];

*Косица (Олеша Косица, 1563 [ПКОП, 86]) ← *косица ← косой;

*Космыня (Бориско Федоров Космынин, 1563 [ПКОП, 150]) ← *космыня ‘косматый, непричесанный человек’ ← космы, косматый, ср. укр., косм, цслав. космъ, болг. косъм ‘волос’, сербохорв. космат, чеш. kosm ‘волосы’, kosmaty ‘косматый’, польск. kosm. kosmaty [Фасмер, 2, 345], космыни, космыль ‘длинные, растрепанные волосы; космы’ арх., сев.-двин., перм., кемер., киров. [СРНГ, 15, 57];

Костыга (Ивашка Костыга, 1496 [ПКОП, 21]) ← *костыга ‘худой (костлявый) человек’ ← кость;

Мерзляна (Федко Мерзляна, 1563 [ПКОП, 143]) ← *мерзляна ‘человек, испытывающий чувство озноба’ ← мерзлый;

*Магута (Якуш Магутин, 1547 [АСМ, 83]) ← *могута ‘физически сильный человек’ ← могутный, ср. могутный ‘физически сильный, крепкий, могучий’ пуд., олон., белом., арх., волог., пск., новг., твер., перм. [СРНГ, 18, 194-195];

Немта (Немта Нефедов, 1563 [ПКОП, 86]) ← *немта ← немой;

Рябина (Мишка, прозвище Рябина, 1666/67 [Мюллер, 189]) ← *рябина ‘конопатый, рыжеволосый человек’ ← рябой и т. д.

Как видим, наиболее продуктивны: *-ак(а)*, *-аг(а)*, *-ыг(а)*, *-ык(а)*, *-ох(а)*, *-ян(а)*, *-ин(а)*, *-иц(а)*, *-т(а)*, *-ут(а)*, *-ын(я)*.

3.3.6.2. Экспрессивы общего рода в составе прозвищ, отражающих морально-этические качества лица

Сначала сопоставительные материалы группы именованных, восходящих к экспрессивам общего, образованным наиболее продуктивным способом — способом нулевой суффиксации:

*Болта (Демка Антонов Болтин, 1568 [ПКВП, 57]) ← *болта ‘болтливый человек’, ср. *болтать* и девербатив *болтень* ‘враль, болтун, пустомеля’ [СРНГ, 3, 81];

*Брыка (Ондрей Брыкин, 1563 [ПКОП, 91]) ← *брыка ← брыкати, в говорах *брыкать*, *брыкать* ‘беспорядочно бросать, разбрасывать что-либо’

самар., ‘бросать с пренебрежением’ пенз., тамб., с 1641 г. *брыкатися* ‘брыкаться’ [СлРЯ XI—XVII, 1, 341];

*Бунда (Семен Бундин, 1699 [Мюллер, 366]) ← * бунда ← бундеть, ср. в говорах *бундэть* ‘ворчать’ [СРНГ, 3, 276];

*Вяньга (Кузьма Вянгин, 1563 [ПКОП, 116]) ← *вяньга ← вяньгать, в говорах *вяньга* ‘нытик, плакса’ ладож., петерб., нижегор. [СРНГ, 6, 79], *вяньгать* ‘ныть хныкать, жаловаться на судьбу, надоедливо просить о чем-либо’ олон., перм., вят., иркут., забайк., ‘говорить вяло, невнятно, растягивая слова, как бы неохотно’ олон., новг., свердл., южн.-сиб. [СРНГ, 6, 79];

Гомаза (Павлик *Гомаза*, 1568 [ПКВП, 175]) ← *гомаза ← гомазить, ср. *гомоза́* ‘непоседа, беспокойный человек’, *гомозить* ‘суетиться, беспокоиться’ [Фасмер, 1, 435], гомзание ‘ползание, шевеление’ [СлРЯ XI—XVII, 4, 71—72];

*Ерза (Федотко Ерзин, 1563 [ПКОП, 139]) ← *ерза ← ерзать, ёрза ‘тот, кто ерзает’, ‘непоседливый человек’ твер., курск., волог., ‘подлый человек’ ряз. [СРНГ, 9, 24], ёрзать ‘сидя, беспокойно двигаться, ворочаться’ (разг.) [БТС], в др.-русск. ерзнути ‘двинуться беспокойно’ [СлРЯ XI—XVII, 5, 58];

Заляка (Гридка Заляка, 1563 [ПКОП, 161]) ← *заляка ← залякать, *залякать* ‘закидывать голову назад’ пск., *залякаться* ‘кривляться во время ходьбы, задирать голову, капризничать (о детях)’ пск., ‘гордиться, кичиться’ пск. [СРНГ, 10, 228];

*Ошира (Васюк Михайлов Оширина, 1556/66 [АСМ, 188]) ← *ошира ← оширить, ср. *ошириться* ‘зазнаться’ пинеж. арх. [СРНГ, 25, 88];

*Ошмара (Алексей Иванов сын Ошмарин, 1578 [Гейман, 262]) ← *ошмара ← ошмарить, ср. *ошмарить* ‘сильно ударить’ новг., волог., твер., ярос. и др. говоры, ‘затуманить сознание, одурманить (о действии вина, угара и т. д.)’ выт. олон., ярос., казан., ‘ошеломить, озадачить’ выт. олон., ярос., волог. [СРНГ, 25, 92];

Рюма (Родюга Петров сын Рюма, 1535 [АСМ, 48]) ← *рюма ← рюмить, ср. *рю́ма* ‘плакса’, *рю́мить* ‘плакать, хныкать’ без указ места [Фасмер, 3, 533], укр. *рюма*, *рюмати*, белорус. *рюмзаць* [Там же];

*Хаха (Юшко Михайлов Хахин, 1568 [ПКВП, 65]) ← *хаха ← хахать, ср. в говорах *хахать* ‘смеяться, шутить, хохотать’ олон. Карелия, волог.

[Куликовский, 128; Фасмер, 4, 227];

Цыба (Иванко Иванов Цыба, 1563 [ПКОП, 190]) ← *цыба ← *цыбить, ср. *цыбиться* ‘ломаться, жеманиться’ твер. [Веселовский, 345];

**Чеченя(ь)* (Приезжий Климентьев сын Чеченин, 1556 [АСМ, 133]) ← *чеченя(ь) ← чеченить, ср. *чечёня* ‘тот, кто чеченится, чопорный щеголек, щеголиха’, чечениться ‘жеманиться; щегольски одеваться’ с.-в.-р., вост.-русск. [Даль, 4, 603; Фасмер, 4, 355], ‘гордиться, чваниться’ смол. [Фасмер, там же]. См. также уже рассмотренные выше *Вьюша, *Горза, *Кокша, *Ощера, *Харза.

Теперь представим материалы, связывающие прозвище с омонимичными суффиксальными экспрессивами общего рода, в образовании которых использовались форманты *-ыз(а)*, *-ак(а)*, *-ак(а)*, *-ах(а)*, *-ул(я)*, *-ын(я)*:

*Бобыня (Якуня Иванов сын Бобынина, 1532 [АСМ, 44]) ← *бобыня ← боботать, *бобыня* ‘надутый, гордый, чванный, спесивый человек’ тул., влад. [СРНГ, 3, 40];

*Едака (Васильев Юрьев сын Едакина, 1542/43 [АСМ, 60]), в др.-русск. отмечен глагол *едати* [СлРЯ XI—XVII, 5, 15], *едáка* ‘человек, обладающий хорошим аппетитом, любящий плотно поесть; обжора’ без указ. места, Даль [СРНГ, 8, 319];

*Зворыга (Карп Иванов сын Зворыгин, вологжанин, 1578/79 [Гейман, 266]) ← *зворыга ← звор-, *зварыка* ‘горячий, вспыльчивый, опрометчивый’ [Унбегаун: 1989, 148], *взвáривать* ‘сильно бить, избивают’ волог., влад., перм. [СРНГ, 4, 247];

*Потеряха (Ондрейко да Васко Потеряхины, 1563 [ПКОП, 163]) ← *потеряха ← потерять, *потеря́ха* ‘растеряха’ [Даль, 3, 355];

Холдыга (варница Ивановская Офонасова сын Холдыги, Вирма, отводная сотная выпись, 1556 [Гейман, 184]) ← *холдыга ← холд-, ср. *халды́га* ‘грубый, невежественный человек, наглец’ пск., *халда́* то же ярос., новг., вят., костр., смол. [Вендина: 1980, 261]; в данном случае трудно определить характер производящей основы;

Шипуля (Лука Ануфреев сын Шипуля, кемлянин, 1571 [Гейман, 203]) ← *шипуля ← шипеть, *шипуля* ‘тот, кто молча, втихомолку что-нибудь делает’ вят.,

‘тихоня, медлительный человек’ вят., ‘притворщик’ вят. [Чайкина: 1989, 63] и т. д.

Обращает на себя внимание, в частности, следующая деталь: практически все прозвища, образованные от апеллятивов со значением характеристики качеств характера человека, имеют конечный мотивационный этап, связанный с названием действия, что позволяет сделать следующие предположения: 1) действие, производимое лицом, имело оценку в социуме, по производимому действию человек ставился за грань того, что считалось нормой; 2) в ряде случаев прозвище могло сформироваться сразу от глагола, заимствуя из апеллятивной лексики модель образования и формант. Однако в последнем случае для уверенного утверждения не хватает доказательств.

3.3.7. Прозвища, восходящие к названиям лиц, не имеющим коннотативной окраски

Помимо экспрессивной лексики, в составе прозвищ фиксируются названия лиц по профессии, катойконимы, этнонимы, не имеющие коннотативной окраски. Последняя группа отмечена единичными примерами, поэтому в данное описание она не внесена.

3.3.7.1. Прозвища, восходящие к названиям лиц по роду деятельности

Всего в документах Карелии XV—XVII вв. зафиксировано около 150 антропонимов, образованных на базе апеллятивов со значением профессии,⁴⁴ на более чем 500 носителей. Представляется, что это является свидетельством разнообразных трудовых отношений внутри небольшого северного региона, каким являлась Карелия. В то же время данные показатели являются относительными, особенно на фоне статистики по другим регионам, имеющим разнообразные производства.

Наиболее употребительными оказались названия *староста, кузнец, поп, кожевник, пономарь*. Распространение таких именований обусловлено

---

⁴⁴ В подсчеты включены и патронимические данные.

экстралингвистическими причинами: каждому населенному пункту было необходимо обращение к трудовым навыкам и обязанностям лиц, занимающихся названным родом деятельности. Как следствие, предположение об образовании таких единиц как патронимы сразу от названия лица, минуя прозвищный этап⁴⁵, то есть *Старостин, Кузнецов, Попов* — ребенок старосты, кузнеца, попа, в последнем случае, как предполагают исследователи, возможно, и работник попа [Никонов: 1993, 95], как самого социально обеспеченного члена деревенского сообщества, имеющего возможность нанимать работников.

Больше половины прозвищ (90) восходят к названиям лиц по роду деятельности, которые представлены единичными употреблениями (*Бочевник, Бражник, Глинник, Гуртник, Дворник, Жерник, Замочник, Золотарь, Извозчик, Иконник, Лоточник, Медведник, Оконничник, Сальник, Санник, Седельник, Смольник, Стекольник, Таможник, Хлебник* и т. д.).

Что касается проблем реконструкции лексики по данным прозвищ, поднятым в данной главе в связи с рассмотрением экспрессивных основ именований, то среди прозвищ-профессий также имеется некоторое количество антропонимов, основы которых не представлены в исторических словарях. Дадим сопоставительные материалы по некоторым из них.

*Багряч — Герасимка Мартынов Багрячов, 1597 [ДКШВ, 235] — в говорах *багрячий* ‘рыболов, который багрит рыбу’ урал. [СРНГ, 2, 35];

*Виранец — Матфей Виранцов, Шуерецкая вол., запись, 1664 [Мюллер, 172] — *вирать* ‘сшивать, соединять полотнища сетей’ олон., пск., петроград., *вирать тенета* ‘устанавливать подо льдом сети’ пск. [СРНГ, 4, 292];

*Волишук — Тимошка Волшуков, п. Веницкий, челобитная, 1675/76 [Мюллер, 231] — др.-русск. *волишница* ‘то же, что волшебница (колдунья, чародейка)’, *волиба* ‘колдовство, колдовские действия’, *воливание* (*волхование*) ‘волхование (колдовство, волшебство)’ [СлРЯ XI—XVII, 3, 14—16], в говорах *волховник* (*волховница*) ‘колдун, колдунья’ [Куликовский, 11], ‘колдунья’ пуд.

---

⁴⁵ Такой подход в образовании фамилий от названия лица по профессии представлен в монографии Б. О. Унбегауна [1989, 92—104].

[Карт. Лаб.], волхит ‘большой колдун’ волог. [Там же], волшить, волхвить ‘колдовать’ арх., калуж., нижегор. [СРНГ, 5, 82];

Жегарь — Степанко Жегарь, п. Никольский Готслав волок, 1496 [ПКОП, 19] — в говорах *жигарь* ‘рабочий-углежог’ урал. [СРНГ, 9, 165];

Зуй — Микитка Зуй, п. Шуньгский, 1563 [ПКОП, 150] — в говорах *зуй*, *зуёк* ‘мальчик 12—15 лет, помогающий в море старшим, исполняющий мелкие поручения, юнга’ онеж., белом., тер., лоух. [СРГК, 2, 261];

*Кожемяка — Михалка Кожемякин, п. Толвуйский, 1563 [ПКОП, 145] — др.-русс. *кожемяцкой* ‘относящийся к ремесленникам, занимающимся выделкой кож (кожемяком)’ [СлРЯ XI—XVII, 7, 221], в говорах *кожемяка* ‘кожевник, мнущий кожу, выделявающий сыромять’ олон. [Куликовский, 38; Даль, 2, 131];

*Кухарь — дер. в Шеменичах на Урозерке Кухаревская, п. Важинский, 1582/83 [КЗПОП, 108] — в говорах *кухарь* ‘мельничник’ [СРНГ, 16, 183];

*Кушник — Мишка Кушников, церковный раскольник, Колодозерская вол., челобитная, 1691 [Мюллер, 329] — в говорах *кушник* ‘содержатель кушни’, где *кушня* ‘лесная избушка для охотников, промысляющих птицу и дичь’ арх. [СРНГ, 16, 196, 197];

*Молеван — Леонтий Дмитриев сын Молеванов, своеземец, 1582/83, п. Шуерецкий, Кижский [КЗПОП, 133] – в языке XIX в. *малеван* ‘иконописец’ [Даль; СРНГ, 17, 320];

*Поварница — Третьячко Поварницын, п. Оштинский, 1582/83 [КЗПОП, 315] — *поварница* ‘кухарь, приспешник, кухарка, приспешница,стряпуха, кто готовит кушанье, пищу’ [Даль, 3, 141];

Стрелок — Игнатко Стрелок, грамота, 1598 [Гейман, 360] — др.-русс. стрельник, стрелец ‘стрелец’ [Срезневский, 3, 569, 570], ‘мастер, делающий стрелы’ [Шкатова, 1984, 124], в языке XIX в. стрелок — ‘тот, кто стреляет, охотник ружейный, ловец, лесник, полевщик, промысляющий ружьем зверя и птицу’ [Даль, 4, 345];

*Трубач — в Кузаранде поч. Трубачевской на речке, п. Толвуйский, 1563 [ПКОП, 145] — ср. с *трубник* ‘трубочный мастер в солеварении’ [Шкатова: 1984, 124];

*Шубарник — Вахно Шубарников, Обонежье, 1525 [Веселовский, 73] — *шубарь* + *-ник*, в говорах *шубари* (мн. ч.) ‘кожаные рукавиц, покупные’ [Дерягин: 1974, 43].

Подобное наблюдается у именовании *Аргун* (‘плотник’), *Жиган*, *Жегач (‘рабочий-углежог’), *Ловчик, *Судоплат*, *Шапольник*, *Щанник (‘изготовитель чанов’), *Швец* (‘тот, кто шьет лодки’), обстоятельный анализ которых дан у И. А. Кюршуновой [1994, 181—192].

Б. О. Унбегаун делает предположение, что в качестве профессий использовались названия продуктов труда [Унбегаун: 1989, 92], допуская такую возможность дополним данную группу прозвищ подобными примерами из документов Карелии: *Бочка*, *Ведро*, *Драница*, *Игла*, *Карбас*, *Коромысло*, *Корыто*, *Лагерь*, *Лопата*, *Лузика*, *Ступа*, *Шитик* и т. д.; одежды и обуви: *Башмак*, *Клобук*, *Лапоть*, *Ногавица*, *Овчинка*, *Чебот*, *Чуга*, *Шапка*, *Шуба*, *Шустик*, *Шушпан* и т. д.; продуктов питания: *Блин*, *Брага*, *Варенец*, *Каша*, *Кеж*, *Кисель*, *Коврига*, *Колюбака*, *Коровай*, *Курник*, *Линдач*, *Масло*, *Пахтач*, *Рыбник*, *Сметана*, *Сусло*, *Сухарь*, *Сырник*, *Творог*, *Шаньга* и т. д.

На наш взгляд, апеллятивные основы данной группы прозвищ могут рассматриваться в качестве сегмента лексико-семантического поля ‘отношение человека к труду, трудовая деятельность’. Вместе с лексико-семантической группой ‘трудолюбивый человек’ такие слова противопоставляются различным негативным проявлениям, актуализированным в группе именовании, называющих ленивого человека. Чтобы закрепиться в прозвищах и сохраниться в патронимах / ойконимах, человек должен был выделиться в социуме своим несомненным мастерским умением делать что-либо лучше других, чтобы именно с этим человеком в социуме связывался определенный род деятельности, позволяющий названию профессии стать основой индивидуальной номинации. Кроме того, нейтральность названий лиц, закрепившихся в прозвищах, следует признать относительной. Думается, в пределах социума человек, обозначенный таким прозвищем, всегда воспринимался со знаком плюс.

3.3.7.2. Прозвища, восходящие к названиям лиц по месту жительства и этнонимам

Названия лиц по месту жительства, рождения не всеми исследователями отнесены к онима́м, но поскольку названия лиц по местности (или катойконимы) и этнонимы отмечены в составе прозвищ, патронимов и современных фамилий (*Белозеров, Двинянинов, Москвитин; Вотяков, Татаринцев, Хохлов* и т. д.), то их если не принадлежность, то очень близкое соприкосновение с прозвищной номинацией имеет основание на ономастическое признание⁴⁶.

Сначала о катойконимах.

Данная неконнотативная по внутренней форме группа прозвищ является немногочисленной, как и по другим регионам Руси. В документах Карелии XV—XVII вв. фиксируется чуть более 60 названий лиц, отражающих названия различных населенных пунктов, на примерно 130 носителей таких именовании́й.

Формальными показателями апеллятивных основ таких именовании́й являются суффиксы *-анин (-енин), -ец, -о* (*Пинежанин, Повенчанин, Пудожанин, Сердоволец, Толвуянин, Шуньжанин, Заонежец, Подужемец, Поморец, *Пулозерец, Самозерец, Хачелец, Белозер* и т. д.), реже адъективная форма (*Воломской, Колижемской, Масельской, Сакульской, Толвужской, Устьвольский*), единичны

---

⁴⁶ Вопрос о статусе таких названий актуален для исследователей исторических документов, поскольку прежде всего катойконимы (как впрочем и названия лиц по профессии, рассмотренные в п. 3.7.1.) по-разному квалифицируются исследователями исторических документов. Так, в купчей 1538/39 г. зафиксирован *Захарья Кириллов сын Олончанина* (АСМ, 50), где катойконим является прозвищным именованием. В то же время в дозорной книге Шуерецкой волости 1598 г. записан *Иван олончанин* (АСМ, 240), где оттопонимное название рассматривается как апеллятив, хотя личное имя (да еще такое распространенное), безусловно, требует постоянной дополнительной идентификации именуемого. Поэтому при решении данного вопроса считаем необходимым принять во внимание следующее: 1) положение названия лица по отношению к компонентам, имеющим статус имени собственного; 2) степень близости названия лица к личному имени; 3) наличие других (иногда более ярких) идентификаций лица.

прозвища, омонимичные названию географического объекта (*Волома, *Кудома, Ладва, Пельяка, Шала*).

Небольшая численность этой группы, вероятно, связана с тем, что часто состав деревни исчислялся членами только одной семьи (ср.: дер. у часовни Костино: в ней Микулка Селуев, 1539 [ПКВП, 37]). Название однодворной деревни лишь иногда способствовало образованию катойконимов. Появление оттопонимного названия лица исследователи связывают с более крупными территориальными объединениями, какими для Карелии XV—XVII вв. являлись, по-видимому, погост, волость, они совпадали с характерным для всего Севера гнездовым типом расселения [Витов: 1962, 57; Михайлова: 1985 и др.]. Поэтому мотивирующей базой для образования двух третьих откатойконимных прозвищ, отмеченных в письменных источниках Карелии, послужили названия поселений, погостов, волостей Обонежской и Водской пятин, Северного Поморья, Лопских погостов (*Андомец, Водлозерец, Заонежанин, Колежемец, Кондопожанин, Ладожанин, Маслозерец, Мунозерец, Ноколец, Олончанин* и т. д.), реже они связаны с географией, выходящей за пределы Карелии (*Белозер, Белозерец, Вологжанин, Двинянин, Переславец, Ростовец, *Самарец, Угличанин, Устюжанин*), единично соотносятся с названиями географических объектов, не имеющими точной привязки (*Заручейной, Подберезной*).

Основная информативная миссия именованных, мотивированных различными названиями мест, — отражение процессов миграции населения. Как видим, выделялся не только человек, пришедший из других территорий Руси, но и тот, кто был жителем какого-либо региона Карелии, но по каким-то причинам (вероятно, образу жизни, общественным правилам) отличался в той среде, которая и дала ему устойчивую номинацию по прежнему месту жительства. Поэтому катойконимы (как и все рассмотренные выше группы прозвищ) имеют в мотиве именованного «второе дно», поскольку «внедряются» в парадигму «свой ~ чужой», где «чужой» как раз и представлен через название лица по местности. Стояла ли за этим дополнительным мотивом именованного еще какая-то функция (как у экспрессивных именованных профилактическая, а у некалендарных —

охранная или пожелательная), сказать сложно. Однозначным признаем сложившееся видение «чужих» представителей территорий, иначе такое название не возникло бы и не закрепилось в основе прозвища.

Близки к катойконимам немногочисленные этнонимы. Семантико-мотивационная сходство проявляется в том, что в современных диалектных текстах наблюдается следующая особенность: «В сознании народа часто нет границы между этнонимами и катойконимами» [Сироткина: 2002 (2), 118].

Этнонимы, зафиксированные в памятниках письменности Карелии, отражают этническую принадлежность коренных жителей Карелии, ср.: *Корела*, *Кореленик*, *Корельской*, *Корелянин*⁴⁷, *Лопин*, *Лопинец*, *Русской*, *Русин*, *Сумлянин*, *Чудин*, *Чудинко*, *Чудинец*, *Чухарь*, *Немчин*, *Немец*, а также тех, кто с Карелией связан опосредовано через более широкий общерусский этнический фон, ср.: **Ижора*, *Казарин*, *Литвин*, *Мазур*, *Мордвин*, *Печенегин*, *Татарин*, *Хазар*, *Черкас*. Среди названных отэтнонимических антропонимов подчеркнуты те, которые активно функционировали в других регионах Руси [Баскаков: 1979; Веселовский: 1974; Войтович: 1986; Тупиков: 1903; Чибисов: 2016; Шилов: 2010 и др.⁴⁸]. Такой географический разброс одинаковых этнонимических имен дает возможность видеть за номинацией мотивационную парадигму.

Во-первых, за прозвищем мог находиться мотив, отражающий реальную принадлежность индивида к этносу. В данном случае и номинатор, и номинируемый ощущали себя представителями другого этноса. Различия, как известно, касались языка, менталитета, моральных и духовных составляющих этничности. Во-вторых, исследователи этнонимических названий в современном русском языке (литературном и диалектном) отмечают, что они обрастают коннотациями [см.: Березович, Гулик: 2002 (1, 2); Березович: 2014 (1); Быкова, Ракитина: 1999; Сироткина: 2008 и др.], различными характеристиками целого этноса, наиболее

---

⁴⁷ *Корелянин* — это еще и житель г. Корела, выходец Корельского уезда, а Немчин и Немец могли отражать особенности речи (см. с. 224).

⁴⁸ Подробный анализ исследований, в которых представлены именованья с этнонимом в основе находим в работе Б. И. Чибисова [2016].

яркие из которых могли становиться индивидуальной оценкой отдельного лица, онимизируясь впоследствии. Однако была ли «этническая экспрессия» в мотиве именовании, бытовавшего в ономастиконе XV—XVII вв., сказать сложно. Мы располагаем единственным примером, который дает некую возможность для подобного допущения: именование *Белоглазой*, несмотря на славянскую основу, могло быть дано с некоторой долей гипотетичности неславянину, ср. с выражением *чудь белоглазая* [Куликовский, 134], где последний компонент является постоянным атрибутом к слову *чудь*⁴⁹. В-третьих, такие антропонимы отражали координату «чужого» представителя сообщества и могли быть даны ребенку как охранное имя. Подобное предполагает Н. А. Баскаков в отношении тюркских имен, которые могли появиться в русской семье или в национально-смешанной [Баскаков: 1979, 27]. Наконец, интересной видится в данном случае гипотеза Н. Я. Морошкина о метонимическом характере этнонимического имени: «Родители, в воспоминанье о своей любезной Родине, давали своему дитяти имя своей родной земли». Последнее относится и антропонимам с географическим названием в основе.

Таким образом, прозвища от катойконимов и этнонимов отражают фрагмент картины мира, позволяющий судить об особенностях определения идентичности по географическому, этническому признакам, об особом статусе места, из которого прибыл новый житель социума.

3.3.8. Прозвища со славянской апеллятивной основой в документах Кексгольмского лена

В шведских документах представлены прозвища, имеющие русскую или (шире) славянскую апеллятивную основу, которая содержит экспрессивную или

---

⁴⁹ Ср. также с антропологическими описаниями карелов, вепсов, финнов, которые относятся к европеоидной беломоро-балтийской расе, признаками которой являются большая доля светлорусых волос и светлоокрашенных радужин глаза, ширина лица, средневысокое переносье и средний носовой указатель [БРЭ, 3, 235].

нейтральную характеристику лица и вписывается в рассмотренные выше семантические объединения, ср.:

а) внешние, физические данные взрослого человека: Fedorko *Hrãmoi*, Salmis p., 1618 [КЛ, 380]; Sdan *Kriwoi*, Kiriansk Bohåråditzk p., 1618 [КЛ, 302]; Filipko *Slepoi*, Salmis p., 1631 [КЛ, 547]; Степанко *Глухой* (*Steranka Gluohai*), Китежский п., 1637 [КЛ, 581 /185] и т. д.;

б) качества характера: Иванко *Срамик* (*Iwanka Sramick*), там же, 1637 [КЛ, 574 / 176]; Софронко *Бурча* (*Soffronka Burtza*), Шуезерский п., 1637 [КЛ, 687 /281]⁵⁰ и т. д.;

в) род деятельности: Kasiana *Melnitznik*, Kiriansk Bohåråditzk p., 1618 [КЛ, 309]; Ortuska *Korobeinik*, Pomantsi p., 1631 [КЛ, 511]; Iuantko *Dwornik*, там же, 1631 [КЛ, 506]; Ромашко *Швец* (*Romaska Suetz*), Соломенский п., 1637 [КЛ, 724 /346] и т. д.;

г) место жительства: Piуска *Pamoritz*, Salmis p., 1631 [КЛ, 543]; Иванко *Новожил* (*Iwanko Nousill*), Соломенский п., 1637 [КЛ, 728 / 351];

д) этническую принадлежность: Griska *Nemtzin*, Libelis p., 1618 [КЛ, 350]; Fedorko *Websä*, Kurcki Jocki p., 1631 [КЛ, 430]; Omoska *Radzalin*, bobull, Pelisjerfwi p., 1631 [КЛ, 505] и т. д.

Наиболее показательны случаи, свидетельствующие о номинативном творчестве бывших официальных жителей Карелии в пределах Кексгольма. Выделим группу прозвищ, которые не были ранее представлены в русскоязычных документах Карелии. Приведём несколько примеров: 1618 — Mika *Hãmutnik*, Kiriansk Bohåråditzk p. [КЛ, 294]; Jwanko *Slobodha* [Там же, 309]; Bogdan *Smedz*, Sordowolski p. [Там же, 325]; Kusemka *Turha*, Soojärfwi p. [Там же, 359] и т. д.; 1631 — Onufriko *Busar*, Soojärfwi p. [КЛ, 513]; Ogafontko *Mosla*, Kiteis p. [Там же, 471]; Ondruska *Sessnoj*, Suistamoij p. [Там же, 525]; Waska *Sodra*, Kurcki Jocki p. [Там же, 425]; Kusemka *Turha*, Soojärfwi p. [Там же, 515]; Kusemka *Streletz* [Там же, 513], а также уже названные выше *Stramik*, *Pamoritz* и т. д.; 1637 — Софронко *Бурча*

---

⁵⁰ Они же в Переписной книге Корельского уезда 1631 г: Soffrontko *Burtza*, Korbo selki, Soojärfwi pogost, 1631 [КЛ, 514]; Juantko *Stramik*, Orawa lax, Kiteis Pogost, 1631 [КЛ, 470].

(Soffronka *Burtza*), Шуезерский п. [Там же, 687/281]; Дениско *Уэва* (*Denäska Uswa*), Китежский п. [Там же, 574/176]; Федор *Шлеба*⁵¹, Соломенский п. [Там же, 733] и т. д.

Интерпретация внутренней формы некоторых из представленных прозвищ (как *Hråmoi*, *Kriwoi*, *Slepoi*, *Глухой*, *Срамик*, *Melnitznik*, *Korobeinik*, *Dwornik*, *Slobodha* и др.) прозрачна, хотя в некоторых случаях предполагаемые мотивы номинации лица разные. Другая группа прозвищ требует дополнительных комментариев. Сравним прозвище *Бурча* с девербативом *бурч́ать* ‘говорить негромко, ворчливо и невнятно; бормотать, ворчать’ [БАС; близкое Даль, 1: 143], а прозвище *Busar* с отмеченными в говорах апеллятивами *бус́ара* и *бусарá* ‘неспокойный, скандальный человек’ волог., сев.-двин. [СРНГ, 3, 303] или *бусар* ‘неряшливый, нечистоплотный человек’ волог. [СГРС, 1, 226]. Предположительно *Хомутником* могли прозвать изготовителя хомутов.

Трудность толкования внутренней формы обусловлена искажением имени шведскими документоведами. Так, в выделенном выше прозвище *Turha* графему «h» можно коррелировать с русскими фонемами <x> / <к> / <г>, и привлечь к сопоставлению близкие в фонетическом плане апеллятивы: *ту́ркать* ‘дёргать, тормозить беспрестанными требованиями, поручениями, наставлениями’ [БАС], а также *ту́рка* ‘о невысокой полной женщине’ арх., прозвище крепкого, коренастого человека. сев.-двин. [СРНГ, 45, 270]; *ту́ркий* и *турко́й* ‘скорый, проворный, быстрый; бойкий, решительный’ олон. [Там же, 271]; *ту́рга* ‘ненастье, непогода’ ленингр. [СРНГ, 45, 266]. Не исключено, что данная основа имела прибалтийско-финскую основу, ср. с карел., фин. *turha* ‘ненужный, бесполезный’ [KKS], ‘напрасный, тщетный, бесполезный’ [ФРС, 662]; карел. *turha* ‘всклокоченные волосы’ [KKS]; возможно, сюда же карел. *turkki*, карел. *turki*, *turk* ‘шуба’ [СОС, 166]. Запись прозвища *Mosla* дана только по-шведски, а потому базовый апеллятив лишь подразумевается, ср. с диалектными лексемами: *mozlí*, *mozlý*, *mozля́* ‘мозоли’ [СРНГ, 18: 205] и *mozlíть* ‘ныть, ломить (о больном месте)’ калуж. [Там же] или *мослявы́й* ‘костлявый, худой’ [Там же, 286]. Прозвище *Шлеба* соотносим с *шлеба́ть* ‘подбрасывать при качании’ выт. [СРГК,

---

⁵¹ Нет в шведской части.

6, 886] или *шлёпа* ‘неаккуратно, кое-как одетый человек’ [Там же, 887]. В фонетическом облике прозвища *Ужва* можно увидеть близость к глаголу *ужв́ачить* ‘устроить беспорядок’ [Там же, 590].

Итак, несмотря на изменение политического пространства, оставшиеся в Кексгольмском лене бывшие жители Карелии продолжали сохранять известные им особенности номинации лиц.

Количество прозвищ, как и некалендарных личных имён, в шведских документах немного: около 140 именовании (2 %) на чуть более 200 носителей.

Предполагаем, что носителями таких прозвищ в Кексгольме были в большей степени русские, возможно карелы, находившиеся до и после передачи данной территории под власть Швеции в тесных отношениях с русским населением исследуемого региона: такие имена функционировали в национально-смешанных русско-карельских семьях, в среде билингвов. Однако «русская» гипотеза представляется более правильной, поскольку неслучайно некалендарные имена сопровождают патронимы, построенные по русской модели, а прозвища занимают постпозицию по отношению к некалендарному или русифицированному календарному имени.

3.3.9. Оттапелятивные патронимы в документах Кексгольмского лена

Выделенная в заголовке ономастическая единица — патроним — яркий отличительный признак ономастикона Кексгольмского лена, как и функционирование в нем некалендарных личных имен и прозвищ, имеющих славянскую или исконную русскую базу. Часть патронимов, зафиксированных в документах Кексгольмского лена, имеет патронимных тёзок в русскоязычных документах Карелии, ср. с примерами, представленными в таблице 22.

<i>Шведские материалы, 1637, КЛ</i>	<i>Материалы из русскоязычных документов Карелии</i>
Ивашко <i>Дудников</i> (Iwaska <i>Dudnikof</i>), Тиврольский п., 472 / 61	дер. на Пул-озери Мартынка <i>Дудникова</i> посиденье, п. Выгозерский, 1582/83 [КЗПОП, 267]
Иванко <i>Ерзын</i> (Iwanka <i>Järsin</i>), Соломенский п., 726 / 348	Федотко <i>Ерзин</i> , п. Толвуйский, 1563 [ПКОП, 139]
Сенка Иванов <i>Звягин</i> (Zenkса Iwanof), Куркиёкский п., 491 / 82	Олеша <i>Звягин</i> , п. Городенский, 1568 [ПКВП, 84]
Никифорко <i>Козицын</i> (Nikiforko <i>Kolitzin</i>), Евгинский п., 531 / 128	дер. в Ладве же слово Тимошкинская <i>Козицына</i> , п. Оштинский, 1563 [ПКОП, 229]
Илюшка <i>Пирогов</i> (Iliuska <i>Piruhof</i>), Либелицкий п., 612 / 243	Сергейко <i>Пирогов</i> , кр-н, п. Олонецкий, 1563 [ПКОП, 67]
Юрка <i>Уткин</i> (Jyгi <i>Utkin</i>), Пялгозерский п., 667 / 295	Федот <i>Утка</i> Матвеев, п. Сакульский, 1568 [ПКВП, 137]
Маланья <i>Чортова</i> , бобыль (Malana Tzograss <i>Änckia</i> , bobell), Китежский п. 587 / 192	Ивашко <i>Чертов</i> , п. Сакульский, 1539 [ПКВП, 23]
Корнилка <i>Щербин</i> , бобыль (Cormillka <i>Särbin</i> , bobell), Тогмо озерский п., 662 / 231	Иванко <i>Щербин</i> , Сумская вол., отводная сотная выпись, 1556 [Гейман, 183]
Гаврилко <i>Ярыгин</i> (Gafrillka <i>Jarigin</i>), Куркиёкский п., 511 / 105	Истомка <i>Ярыгин</i> , п. Выгозерский, 1563 [ПКОП, 160]

Другая часть кексгольмских патронимов соотносится с более широкими пространствами Руси, ср. материалы в таблице 23.

<i>Шведские материалы, 1637, КЛ</i>	<i>Материалы из русских ономастиконов</i>
Сидорко <i>Блудов</i> (<i>Zidårko Bulof</i>), Тогмо озерский п., 654 / 222	Семен Федорович <i>Блудов</i> , конец XV в., Коломна; Борис <i>Блудов</i> , первая пол. XVI в., Козельск [Веселовский, 40—41]
Федорко <i>Гулин</i> (<i>Fedårko Huulin</i> <i>Räijmäla</i>), Соломенский п., 727 / 349	<i>Гулин</i> Иванка, Суздальск., 1579 [Тупиков, 583]
Ондрюшка Павлов <i>Кухнов</i> (<i>Åndruska</i> <i>Paulof</i>), Куркиёкский п., 479 / 69	<i>Кухно</i> , крестьянин, 1495, Новгород [Веселовский, 175]
Ромашко <i>Мусорин</i> (<i>Romaska</i> <i>Musarin</i>), Китежский п., 584 / 188	<i>Мусора</i> Иван Салтанакович Левашов, вторая пол. XVI в. [Веселовский, 208]
Офонка <i>Тупицын</i> (<i>Offonka Turitzin</i>), Тиврольский п. 466 / 55	<i>Тупицын</i> Артем, 1605, Муром [Веселовский, 325]

Назовем патронимы, незафиксированные в русских документах, где наблюдается взаимосвязь онимов во временной проекции: *Долгобрюхов* от *Долгобрюх* — *Famka Dolhobruch*, Joensu eller selänprä, Salmis p., 1631 [КЛ, 543]; *Itzasko Dolhobruch*, там же, и, вероятно, он же в 1637 — *Исачко Долгобрюхов* (*Isatzko Dolgobriuchof*), дер. Речное Устье, п. Соломенский, [КЛ, 723 / 344]; *Дубин* от *Дуба* (возможно, от формы генитива) — *Patrakiko Duban*, Pomantsi p., 1631 [КЛ, 506]; *Leweska Duban*, *Waska Duban*, там же, и они же в 1637 — *Васка Дубин* (*Waska Dubin*), *Левашка Дубин* (*Lewoska Dubin*), дер. Коннуннема, п. Иломанский [КЛ, 632 / 265]; *Мухряев* от *Мухряй* — *Cornilka Mygroieff*, Kideen selka, Kiteis p., 1631 [КЛ, 476] и он же в 1637 г. *Кормилка Мухряев* (*Cornillka Mychrief*), дер. Китеная Сельга, Китежский п. [КЛ, 584 / 188]; *Позорин* от *Позора* — *Sentka Posorin*, Sångaiа By, Pomantsi p., 1631 [КЛ, 508]; *Sentka Posorin*, Condia leppälax, Pelgi Järfwi p., 1631 [КЛ, 533]; *Софонко Позорин* (*Soffraska Passorin*), дер. Шуралакша, Китежский п., 1637 [КЛ, 576 / 178], вероятно, связан с *Пюска Позорин*, Sorolax, Kitäga p., 1618 [КЛ, 347]; *Тупарев* от *Тупарь* — *Matfeiko Tupareoff*, Kinnas Niemi, Pomantsi p., 1631 [КЛ, 511]; вероятно, имеется связь *Петрушка Тупарев* (*Petrusska Tupparou*), дер. Эмисярви, Иломанский п., 1637 [КЛ, 642 / 276];

Узоров от *Узор* — Luka *Usurain*, Kuhilanwara, PelgiJarfwe p., 1618 [КЛ, 369], и он же в 1637 — Лучка *Узоров* (*Lutzka Ussárof*), дер. Куглова Вара, п. Пялгозерский [КЛ, 678 / 308]; а также Sawa *Usurinpoika*, Kuhilanwara, PelgiJarfwe p., 1618 [КЛ, 369]; Climko *Usoroff*, Kuhilan waara, Pelgi Järfwi p., 1631 [КЛ, 539]; Gordiko *Usoroff*, [Там же].

Данные фрагментарные перечни патронимов расширяют представление об ономаσιологических процессах прошлого, о составе прозвищ, находящихся в основе патронима, и, как следствие, об их более или менее гипотетическом мотиве именованя. Так, внутренняя форма прозвища *Долгобрюх* (→ *Долгобрюхов*) понятна, хотя рождает разные предполагаемые мотивы номинации лица по внешности (более вероятностные): *долгобрюх — ‘полный человек’, ‘тот, кто имел большой, отвисший живот’, по внутренним свойствам (менее вероятностные): *долгобрюх — ‘обжора’, ‘тот, кто много ел’. Меньшая вероятность в определении мотива именованя у патронимов, восходящих к прозвищам *Мухряй*, *Позора*, *Тупарь*. Ср. в современных говорах *мухрítь* ‘хитрить’ Тихв. или *мухóрый* ‘серый, мышиноного цвета’ Кирил., ‘длинноволосый, обросший’ кирил., ‘неразговорчивый’ кирил. [СРГК, 3, 275]; *позорá* — ‘мучение’ онеж., ‘беда, напасть’ онеж. [СРГК, 5, 33], белом. [Карт. Лаб.], *позóрить* — ‘делать что-н. не в полную силу, без старания, кое-как’ медв., пуд., онеж. [СРГК, 5, 34], *позóриться* ‘изнурительно, тяжело работать, мучиться’ карг., медв., онеж., ‘жить тяжело, трудно, терпя нужду’ онеж., карг., *позóрливый* ‘стыдливый, стеснительный’ онеж. [Там же]; *тупáрь* — ‘тот, кто недопонимает чего-н.’ медв. [СРГК, 6, 536].

Таким образом, прозвища, отмеченные в документах Кексгольмского лена, находятся в той же семантической парадигме, что и ономастические единицы, представленные в русскоязычных документах. Они являются в новой социально-экономической, этнической, культурной среде своеобразными маркерами того мира, к которому относилось большинство населения бывшего Корельского уезда «в русское время».

Выводы

1. Прозвища, отмеченные в региональных памятниках письменности, — это та ономастическая единица, которая обладает наибольшей когнитивно-антропоцентрической, этнолингвистической, аксиологической информативностью, поскольку они отличаются особенно тесной связью с апеллятивной лексикой.

2. Большая часть прозвищной лексики восходит к экспрессивам, которые, как имена нарицательные, не нашли должного отражения в памятниках письменности в силу жанровой специфики последних. А потому прозвища и восходящие к ним ономастические единицы являются теми «драгоценными свидетелями», которые позволяют расширить представление о лексико-семантической системе прошлого. Через прозвище реконструируются достаточно объемные семантические множества экспрессивных названий лиц по внешним (физическим) и морально-этическим качествам, среди которых выделяется грамматическая группа слов, функционировавшая в народно-разговорном языке донациональной эпохи, — разряд слов общего рода.

3. За прозвищем выстраивается семантико-мотивационная парадигма, состоящая из гипотетических мотивов. Совмещение характеризующего и профилактического мотивов возможно в том случае, если с прозвищем соотносится однозначный апеллятив. Если прозвище соотносится с многозначным апеллятивом, то членов такой парадигмы будут дискретны даже в частной диалектной системе. Исключения будут составлять случаи, когда семантический синкретизм отмечен у апеллятива, сопоставляемого с прозвищем.

4. Статистический анализ единиц, входящих в различные семантические группы, показал, что самыми большими являются ономастические поля прозвищ, связанные с апеллятивами со значениями ‘полный человек’, ‘неаккуратный человек’, ‘слабый человек’, ‘возрастные особенности человека’, ‘глупый человек’, ‘скандалист, спорщик’, ‘ленивый человек’, ‘болтливый человек’, ‘сварливый

человек', 'упрямый человек', 'лживый человек', 'драчливый человек' и т. д. Реже в исследуемой региональной ономастической системе прозвища образуются от названий лиц по профессии, катойконимов, этнонимов.

Количество прозвищных номинаций, имеющих негативную, резко отрицательную оценку основы, значительно превышает количество положительных характеристик лица, закрепившихся в данных ономастических единицах и напрямую соотносящихся с апеллятивной системой номинации лиц. За отрицательной характеристикой скрыто стремление к норме и идеалу. При этом характеристика лица обладает диффузностью, в которой отмечается контаминация внешних и внутренних характеристик человека.

5. Призмой, через которую оценивали внешние данные и качества характера человека, являлось *отношение к труду*. Толстый, худой, больной, имеющий различные наследственные или приобретенные недостатки, старый, слишком молодой, неопытный и проч. человек не мог полноценно трудиться. Лень, глупость, излишняя болтливость, упрямство, скандальность и т. д. отрицательно сказывались не только на межличностных отношениях, но и мешали совместному труду. В обществе, где большая часть работы выполнялась коллективно, где учитывался вклад каждого и его способность к определенному виду деятельности, труд имел особую ценность. Как следствие, перечисленные отклонения были особенно заметны и потому находили отражение в языке. Антропонимизация этих лексем — это не только характеристика именуемого (и номинатора), это еще своего рода профилактическая мера, направленная на человека лично и все общество в целом. Таким образом, *коллективная трудовая деятельность — основная координата, тот стержень, на котором держалась иерархия ценностей*.

6. Выявленные ценностные ориентиры по данным исторической антропонимии могут и не быть общерусскими универсалиями. В ряде случаев основы исследуемых имен собственных отражают региональный образ жизни, который характеризовался не типичными для всех русских особенностями жизнедеятельности, а сформировавшимися свойствами поведения, общения,

мышления и прочими устоявшимися формами бытия человека на определенной территории в конкретное историческое время. Кроме того, для выявления потенциальных возможностей антропонимии Карелии XV—XVII вв. в фиксации ценностных ориентиров необходимо учитывать взаимовлияние разноязычных народов, находящихся издревле в тесных контактах, что актуально для понимания этнопсихологических, этнокультурных систем, истории народа на данной территории.

Пристальное внимание к отличительным признакам внешности и поведения человека на территории Карелии связано с особым отражением архетипического противопоставления «свой ~ чужой». В системе прозвищ наблюдается скрытое сравнение, когда особо вычленяются «свои» и «чужие» достоинства и недостатки, которые становятся более заметными при соприкосновении с иной моделью поведения, образом жизни, системой ценностей (для русских — это прибалтийско-финская, саамская, и наоборот). Важно и то, что в процессе общения, носившего мирный характер, русские видели не только свои положительные качества и чужое несовершенство, а как раз наоборот: свои изъяны и чужие достоинства. В данном случае через анализ основ именовании видится уважение, понимание, принятие мировоззрения и культуры других этносов.

7. Выявленная система ценностей представлена и в прозвищных номинациях с русской или славянской основами, зафиксированными в шведских документах. Несмотря на оторванность от родной языковой системы, бывшие жители Корельского уезда в новом иноязычном, инокультурном, иноконфессиональном окружении продолжали создавать прозвища, этнически и культурно связанные с той ономастической системой индивидуальной номинации лица, которая существовала до момента передачи территорий и лиц, ее населявших, под власть Швеции. В данном случае функционирование прозвищ со славянской или русской основой — свидетельство продолжающегося в XVII в. «живого», свойственного русской или тесно связанного с ней процесса номинации лица по русскому образцу.

8. Итак, через детальное рассмотрение мотивов именования, через семантический анализ нарицательной лексики, зафиксированной в основе прозвищной номинации, можно определить систему ценностей, характерную для определенного региона (природу возникновения и значимость одних ориентиров перед другими), и прочие специфические ономастические аспекты, обусловленные географическим положением края.

ГЛАВА 4

Календарные имена в ономастиконе Карелии XV—XVII вв. в новых парадигмах лингвистического знания

4.1. Аспекты исследования календарного именника донационального периода

Календарные личные имена регулярно становятся объектом исследования в работах, посвященных различным проблемам региональной и общерусской исторической антропониимии. Систематически затрагиваются вопросы, касающиеся состава календарного ономастикона, или, по терминологии С. Н. Смольникова, антропониимии ресурсов, в которой общепринятым стало сопоставление актуального и потенциального списка календарных имен [Смольников: 2005 (1), 5]. Выявление репертуара календарных личных имен — антропониимии ресурсов — тесно связано с лексикографированием данного вида антропониимической лексики, которое имеет настолько длительную историю, что толкование календарного имени следует признать колыбелью отечественной лексикографии, поскольку без должного представления инородного имени не произошло бы его внедрение в русскую лексическую систему. Известно, что первыми лексикографическими источниками (донаучного плана) признаны азбуковники и ономастиконы, цель которых — объяснить библейские имена собственные из Ветхого и Нового завета, см., например, ономастикон XIII в. — «Рѣчь жидовскаго языка» [Козырев, Черняк: 2000, 15]. Однако еще ранее объяснение некоторых иноязычных имен представлено в «Изборнике» (1073 г.) [см. об этом: Соколова: 2008 (1), 148], в минеях XI—XIII вв., опубликованных И. И. Срезневским [Срезневский: 1863], а также в Сирском месяцеслове V в. архимандрита Сергия [см. об этом: Суперанская: 2004, 26; Соколова: там же]. Поэтому с достаточной степенью уверенности можно предположить, что христианские имена начали «русский путь» достаточно давно — до 988 г., точной даты их официального вхождения в русский ономастикон.

Ср. летописные свидетельства: княгиня Ольга крещена в 955 (или 957) г. под именем Олена; князь Владимир в 988 г. получил в Херсонесе имя Василий; многие первые русские христиане (воины, купцы, путешественники) остались неизвестными [Супрун: 1998, 18]. Таким образом, еще до Крещения некоторая часть христианских имен попала в русскую именную систему, что позволило им прочно ассимилироваться в языке и стать частью русской национальной культуры.

Процессы адаптации календарного ономастикона были описаны В. А. Никоновым [1969 (1)] и Б. А. Успенским [1969], их работы стали основой для подобных исследований, проведенных, например, Г. Я. Симиной по материалам древних письменных памятников Пинежья [Симиная: 1970], А. К. Устинович при изучении мужского именника в гродненских и брестских актах XV—XVII вв. [Устинович: 1970], С. Н. Смольниковым, рассмотревшим номинативные варианты календарных имен в деловой письменности Русского Севера [Смольников: 2002, 2003, 2005], Н. В. Комлевой на примере календарных антропонимов, представленных в вологодских официально-деловых документах конца XVI—XVII вв. [Комлева: 2002, 2004], Н. С. Дьяковой — по сотным г. Устюжны Железнопольской этого же периода [Дьякова: 2007], Е. Н. Соколовой при изучении фонетико-морфологических особенностей модификации христианских имен в древнерусских памятниках письменности Киевской эпохи [Соколова: 2008 (2)] и др. Выделены различные фонетические, морфологические, деривационные процедуры, которым подверглось христианское имя в русской языковой системе, прежде чем получило привычный фонетико-морфологический вид, используемый в церковном, официальном и неофициальном бытовом сообществе. Однако, как видится, эти явления, представленные в памятниках письменности, отражают все же единый общерусский феномен, который с фонетическими региональными вариантами и некоторыми предпочтениями в выборе антропоформантов затронул всю территорию Руси, включая и территорию Карелии. Для данного исследования интерес представляет статья Д. В. Кузьмина, посвященная вопросам вхождения календарных имен в карельский ономастикон, выявления состава таких

антропонимов, фонетико-морфологическим, словообразовательным явлениям преобразований [Кузьмин: 2016].

Адаптация наиболее ярко представлена деривационными явлениями, отразившимися на усвоении календарного именника в русском ономастиконе. Пожалуй, одно из решающих обстоятельств, чтобы перевести имя из чужого в свое ономастическое пространство, — это использовать родной формант и строить его словообразовательные варианты по образцу модификатов некалендарного личного именника и русских экспрессивных апеллятивов. Данная сторона исследования календарного именника становится объектом изучения в целом ряде работ. Помимо уже названных выше отметим исследования Ю. С. Азарх [1981, 1984], И. М. Ганжиной [2004, 2005, 2013, 2015 и др.], С. И. Зинина [1971], А. Н. Мирославской [1971, 1993], А. И. Толкачева [1975, 1977 (1, 2), 1978] и др. Исследователи обращают внимание, в частности, на следующую деталь: с одной стороны в образовании модификатов используется достаточно широкий спектр формантов, с другой — один из формантов — *-к- (-шка)* имеет самую масштабную употребительность, переводя большую часть суффиксов в разряд единичных, малопродуктивных.

Данные факты следует рассматривать не только в антропонимии ресурсов, но и в функциональном плане, поскольку закрепиться имя, его вариант, структура именования лица в целом, где и фигурировало календарное личное имя, могло только в речевой деятельности, косвенным представителем которой является текст делового документа.

Из аспектов исследования календарного именника можно назвать еще сопоставительный, который касается соотнесения всего репертуара именников разных территорий, разных памятников письменности, разных конфессий. Направление нуждается в разработке методов и приемов анализа, которые представят полную картину жизни христианского именника на всем пространстве действия христианской религии, дадут возможность выявить универсальные и специфические особенности номинации, связанных с наречением календарным личным именем лиц православного сообщества.

Еще одно белое пятно в исследовании календарного именника донационального периода — это определение его когнитивно-антропоцентрической сущности. Возможно, это связано с тем, что раскрыть когнитивную информацию, заключенную в календарном ономастиконе, достаточно сложно. Особенно эта сложность заметна при сравнении календарного именника с некалендарным. У последнего, благодаря «прочитываемой» внутренней форме имен и прозвищ, информативна каждая антропонимическая единица: с выявлением мотивов номинации вычленяются разные по объему группы имен собственных, что позволяет судить о принципах именовании лиц в прошлом, о семейном устройстве, об особом отношении к ребенку, о «значимых культурно-исторических характеристиках древнего общества, свидетельствующих о верованиях и тесной связи через имя человека с природой» [Кюршунова: 2012, 78—79].

В этом плане внутренняя форма календарных имен не определяется характерными особенностями именуемого, она формально и «конституционно» закреплена в принятом церковью и государством ономастиконе. Значим лишь человек, носящий имя и живущий по установленным правилам (имеются в виду лица, причисленные церковью к святым).

Информативный ресурс календарного имени, его особая связь с человеком, представление его ценностных ориентиров в картине мира могут быть выявлены через анализ всей совокупности адаптированного на тот момент русского календарного ономастикона, относящегося к данному региону в тот или иной период его истории. С этой целью необходимо исследовать: 1) состав ономастикона региона / регионов, памятника / памятников письменности, в которых особое внимание следует уделить частотности / единичности имен, специфике формы представления антропонима в документе, возможной зависимости выбора имени и формы именованного лица от статуса именуемого; 2) особенности приспособления имен не только к русской языковой системе, но и — в ситуации межэтнических контактов — к региональным условиям; 3) характерные черты проявления этноязыковых взаимодействий в системе именованного;

4) несмотря на предупреждение Е. Л. Березович, касающееся субъективного подхода к этнокультурному исследованию современного ономастикона, когда культурно значимыми признаются отдельные антропонимы [Березович: 2001, 40], считаем, что для части имен, отмеченных в преднациональных письменных источниках, возможна такая селекция, поскольку имеется группа популярных / непопулярных календарных личных имен, неслучайно закрепившихся в культуре и нашедших воплощение в фольклорных текстах, сохранившихся в русских говорах с определенным коннотативным содержанием.

С этих позиций рассматриваются календарные антропонимы, которые становились объектом подобного исследования эпизодически [см.: Кюршунова: 2013; Кузьмин: 2016 (1, 2)]. Календарные антропонимы извлечены из русскоязычных деловых документов Карелии XV—XVII вв.; в ряде случаев для сопоставления используются именованья, зафиксированные в материалах переписи на русском и шведском языках жителей Кексгольмского лена.

4.2. Состав календарного ономастикона Карелии XV—XVII вв.

Как и по всей территории Руси XV—XVII вв., христианский именьник занимает в Карелии лидирующие позиции. Его функциональная «победа» представлена в делопроизводственной письменности XV—XVII вв. солидными показателями: на календарные имена приходится 88,5 % всех антропонимических употреблений. Причины победы понятны. Они обусловлены контаминацией факторов, сформировавшихся в самой ономастической системе с комплексом социальных причин.

Как уже отмечалось, внутриономастические основания обусловлены тем, что привычный и понятный в смысловом плане дохристианский именьник, который, казалось бы, должен быть неограниченным по списку, все же имел пределы, создавая тезоименность, на которую в нужное время и легли новые, пусть и семантически непонятные, христианские имена, обеспечив

«антропонимической революции» (термин В. И. Супруна [2012, 196]) статус «бархатной».

Среди социальных мотивов принятия календарного именника назовем авторитет правящего класса, который под влиянием христианской Европы начал обращаться к новым именам еще до официальной даты Крещения Руси. И потому давление церкви и помощь княжеского «руководства» в распространении новых имен следует в определенной степени признать условными. Добавим, что на данный процесс повлияли рост числа монастырей, призванных нести особую миссию по пропаганде веры и имен с ней связанных, а также развитие городов и увеличение населения в них, где внутриономастическая причина была отражена как нельзя более остро.

Перейдем к анализу фактологической базы календарного ономастикона на территории Карелии. Она представлена 348 именами, отмеченными в русскоязычных памятниках письменности, на 26918 носителей и в шведских документах — 201 именем на 10008 носителей (см. приложения 1—16, в которых содержится полный состав извлеченных из памятников письменности календарных личных имен и статистические показатели о количестве фиксаций каждой антропонимической единицы в текстах изучаемых источников).

Календарные имена проникли во все социальные сферы (крестьяне, бобыли, ремесленники и мастеровые, дворяне, земцы, священнослужители), их носителями было и мужское и женское население края. Для указанного периода характерна высокая вариативность имен, нашедшая отражение в графике и подтвержденная документально в разных жанрах деловой письменности, что обусловлено различными историческими и диалектными причинами, (ср. в писцовой книге 1563 г. морфонологические варианты: *Абакунко / Обакумко, Оверкейко / Оферкийко, Ореф / Орех, Арест / Арист / Аристарх, Григорей / Григорий, Давид / Давыд, Ентрошка / Онтрошка, Захарий / Захарья, Зехно / Зихно / Зешка, Юхно / Юшко* и т. д.).

Можно сказать, что календарная антропонимия любого региона Руси в исследуемое время многовариантна. Объясняется это явление не только

языковыми причинами, свидетельствующими о продолжающейся адаптации имени, но и социальными, и субъективными. Последняя связана с деятельностью писцов и отсутствием должной нормы в представлении человека; таким образом, писец — уполномоченный новгородского, а позднее московского Приказа, — также вносил «творческую» лепту в ономастическую многоликость. Социальная сторона детерминирована начавшимися в середине XVII в. событиями: никоновской справой богослужебных книг и именника и расколом церкви, приведшими к еще большему количеству модификатов, но уже применительно к полной форме имени (типа *Исаак / Исая, Козьма / Кузьма, Мартин / Мартын, Матрона / Матрена, Нестер / Нестор* и т. д.), а также социального расслоения имен на мирские и церковные, или канонические (строгие, используемые в литургии) и календарные неканонические имена (используемые в бытовом общении).

4.3. Анализ регионального календарного именника

с точки зрения активности, информационная ценность данного явления

Общеизвестно, что из обширного списка христианских именовании на Руси в XV—XVII вв. использовалось около 300 (по некоторым регионам более 400—500 имен), данная статистика приводится Т. А. Закачковой [1979: 16—17], В. Д. Бондалетовым [1983: 140], И. М. Ганжиной [1992: 12], С. Н. Смольниковым [1996: 6—7], Н. В. Комлевой [2004: 11], Е. Н. Поляковой [2010: 140], В. И. Супруном [2012, 197] и другими исследователями.

Привлекает внимание частотность использования отдельных православных имен. Списки наиболее популярных календарных антропонимов представлены Т. А. Закачковой по пензенским десятням [Закачкова: 1977, 58; 1979, 13], И. М. Ганжиной по тверским документам [Ганжина: 1992, 12], А. И. Назаровым по переписи яицких казаков XVII в. [Назаров: 2003, 48-49], Ю. И. Чайкиной при сопоставлении именников Вологды и Воронежа в первой половине XVII в. [Чайкина: 2005 (1), 199]; В. Е. Татаркиным по орловскому краю XVI—XVII вв.

[2005: 11], Н. С. Дьяковой по документам Устюжны XVI—XVII вв. [Дьякова: 2007, 13]; Л. В. Карловой при исследовании источников, относящимся к южно-великорусским территориям [Карлова: 1991, 9—10]; сравнительный анализ наиболее частотных имен разных регионов XVI—XVII вв. по работам ономастов выполнен Н. С. Дьяковой [2007] и Л. М. Городиловой [2011 (3)]. В группу популярных имен входят *Иван, Федор, Василий, Семен, Михаил, Григорий, Яков, Дмитрий, Андрей*.

Перейдем к подобному описанию календарного ономастикона Карелии XV—XVII вв., дадим его анализ с точки зрения активности. Для рассмотрения данного вопроса обратимся к определению так называемого среднего коэффициента одноименности (далее СКО). Термин и методика его определения принадлежит В. Д. Бондалетову [1983, 80]. Вслед за В. Д. Бондалетовым, для календарных именовании, зафиксированных практически во всех документах Карелии XV—XVII вв., исследуемых нами, определим СКО, результаты вычисления которого представим в таблицах 23, 24 по русскоязычным и шведским источникам.

Таблица 23

<i>Средний коэффициент одноименности в русскоязычных документах</i>								
Тип документа	Писцовые книги					Дозорные книги	Акты	
	Регион	Обонежье			Водская пятина			
Время		1496	1563	1582/83		1539	1568	1597
Количество именовании	187	279	267	63	193	153	226	249
Количество носителей имен	2280	8195	6338	271	3615	1490	1404	3104
СКО =	12	29	23	4	19	10	6	12

Таблица 24. Средний коэффициент одноименности в шведских документах				
	Переписные и поземельные книги Кексгольмского лена			
Время	1590	1618	1631	1637
Количество именованных	68	167	175	168
Количество носителей имен	300	2519	4015	3174
СКО =	4	15	23	19

СКО показывает насколько разнообразен был именованный. Если частота употребления определенного имени равна или превышает СКО, то имя считается частотным. В идеале СКО должен равняться единице, то есть каждый носитель имеет свое, в прямом смысле слова, собственное имя, в таком случае

реализуется основная функция ономастической системы — индивидуализировать и идентифицировать субъект в ряду подобных.

В исследуемых документах выделяются имена, употребительность которых не просто равна СКО, но и превышает его в десятки раз. Ср. СКО с показателями употребительности десяти наиболее частотных имен в документах Карелии. Результаты представлены в таблицах 25, 26, 27.

Таблица 25						
<i>Список наиболее частотных имен в документах Обонежья XV—XVII вв.</i>						
	1496		1563		1582/83	
1	Иван	196	Иван	882	Иван	623
2	Федор	103	Василий	405	Федор	307
3	Григорий	95	Федор	354	Василий	288
4	Василий	93	Григорий	288	Петр	248
5	Иаков	74	Семен	287	Григорий	204
6	Семен	61	Михаил	228	Семен	189
7	Степан	50	Иаков	221	Иаков	159
8	Михаил	47	Андрей	216	Михаил	158
9	Андрей	46	Тимофей	165	Андрей	135
10	Павел	40	Степан	151	Степан	126

Таблица 26				
<i>Список наиболее частотных имен в документах Водской пятины XVI в.</i>				
	1539		1568	
1	Иван	47	Иван	379
2	Федор	18	Федор	209
3	Семен	16	Василий	205
4	Григорий	13	Григорий	173
5	Матвей	12	Иаков	145
6	Иаков	10	Семен	137
7	Тимофей	9	Андрей	95
8	Андрей	8	Михаил	82
9	Василий	8	Степан	81
10	Петр	8	Никита	71

Таблица 27 <i>Список наиболее частотных имен в документах Лопских погостов XVI в.</i>	Иван	160
	Федор	70
	Василий	64
	Семен	59
	Иаков	45
	Григорий	42
	Михаил	39
	Никита	38
	Степан	30
	Андрей	29

Следует отметить, что список календарных имен, наиболее часто выбираемых для наречения в Карелии в XV—XVII вв., в целом совпадает с подобными показателями по всей Руси в указанное время. Кроме того, наблюдается практически одинаковая картина по репертуару наиболее частотных христианских имен в разных субрегионах Карелии — Обонежье, Водской пятине, Лопских погостах.

Показательно, что актовые материалы XVI и XVII вв. по территории всей Карелии дают примерно одинаковые результаты. См. данные в таблице 28.

Это самые распространенные православные именованья. И список их может быть продолжен именами *Алексей, Афанасий, Гавриил, Дмитрий, Игнатий, Кирилл, Кузьма, Лев, Максим, Савва, Фома* и др.

Таблица 28					
Список наиболее частотных имен в актовых документах Карелии					
№	Акты XVI в.		Акты XVII в.		№
1	Иван	175	Иван	375	1
2	Василий	81	Василий	136	2
3	Федор	70	Федор	130	3
4	Степан	62	Семен	109	4
5	Семен	57	Андрей	95	5
6	Андрей	38	Григорий	95	
7	Михаил	36	Михаил	76	6
8	Григорий	32	Петр	75	7
9	Иаков	31	Никита	71	8
	Петр	31	Тимофей	57	9
10	Дмитрий	28	Афанасий	52	10

Частотность некоторых из них имеет временную и территориальную привязку и отражает динамику изменения употребительности отдельных имен в ономастической системе.

Небезынтересны факты, касающиеся документов Кексгольмского лена конца XVI — первой половины XVII в.: здесь состав наиболее употребительных имен в общем соответствует представленному выше, но при этом есть

отличия в расположении имен по частотности (за исключением имени *Иван*). Для исследования отобраны только те имена, которые можно с уверенностью включить в православный ономастикон (см. Приложения 12—16), а также имена с признаками карельского заимствования, если их сопровождают патронимы, построенные по русской словообразовательной модели. Такие имена были составной частью ономастикона Карелии и образовывали карелизированные модификаты от русифицированных именованья: *Пекка, Пекой* (от *Петр*), *Терой* (от *Терентий*), *Теппой* (от *Степан*), *Ригой* (от *Григорий*) и под.

Из перечня именованья исключены календарные личные имена (католические, лютеранские), принадлежащие западноевропейскому ономастикону: *Arfwelli, Bängdt (Bängt, Bänt, Bänti, Benti), Bärtell (Bärtill), Brusi, Carli, Casper, Christer (Chriser, Christen, Rista), Erich, Eskill, Häcjkki (Häiki, Häjcki, Hajki), Hämming (Hemming), Hendrich (Henrich), Inge (Ingen), Jäsper, Junti, Knut (Knuti), Lodwich, Magnus, Oluff (Olli), Rasmus (Rassmuss), Sigfredh (Sigfred, Sibrät, Sibrät,*

Sichwo, Sichwoh, Siffo, Siffredi, Sibbi, Sippo, Zibrät, Zibräth), Suni, Tauny, Willan, Wintzi. Таким именам присущи не характерные для русской грамматической системы финали или неславянские апеллятивные основы, их сопровождают компоненты именования с неславянскими патронимными формантами (фин. *-nen*, фин., карел. *-poika*, швед. *-son*). Исключаются и календарные имена, коррелирующие с русифицированным ономастикомом, но принятые только в западноевропейском ономастиконе: *Anders* ~ Андрей; *Ante (Anti)* ~ Антон; *Gabriell (Caupi, Gauro)* ~ Гавриил; *Greels (Grejus Rejus)* ~ Григорий; *Johan (Hannus, Hanno, Hans)* ~ Иван; *Jakob (Jako)* ~ Яков; *Job* ~ Иов; *Jöran (Jören, Yriän)* ~ Юрий, Георгий; *Lars (Larss, Lassì)* ~ Ларион; *Lauri* ~ Лаврентий; *Marti, Marte* ~ Мартин; *Matti (Matte, Matz)* ~ Мамвей; *Michill (Mickill, Micko, Mikili, Mikill, Miko)* ~ Михаил; *Niliss (Nils, Nicki, Nicko)* ~ Николай; *Pawo (Pawo)* ~ Павел; *Peter (Petari, Pettari, Pär, Päckä, Päcko, Pässu, Pässö)* ~ Петр; *Phillip (Phillpius)* ~ Филипп; *Simon* ~ Семен; *Staffan* ~ Стефан; *Timo* ~ Тимофей; *Tomass (Tomas)* ~ Фома.

Представим список наиболее частотных русских календарных имен, зафиксированных в документах Кексгольмского лена, в таблицах 29—32.

Таблица 29 Частотные имена в Переписной книге Кексгольмского лена 1590 г.			
1	Иван	Ivan	28
2	Григорий	Grigorij	19
3	Фотей	Fotej	16
4	Василий	Vasilij	15
5	Семен	Semen	14
6	Петр	Petr	13
7	Андрей	Andrej	12
	Михаил	Mikhail	12
8	Тимофей	Timofej	8
9	Алексей	Aleksej	7
	Кузьма	Kuz'ma	7
	Никита	Nikita	7
	Филипп	Filipp	7

Таблица 30			
<i>Частотные имена в Переписной книге</i>			
<i>Кексгольмского лена 1618 г.</i>			
1	Иван	Ivan	236
2	Петр	Petr	95
3	Василий	Vasilij	92
	Федор	Fedor	92
4	Семен	Semen	83
5	Степан	Stepan	80
6	Иаков	Iakov	64
7	Михаил	Mikhail	61
8	Павел	Pavel	57
9	Тимофей	Timofej	50
10	Никита	Nikita	49

Таблица 31			
<i>Частотные имена в Переписной книге</i>			
<i>Кексгольмского лена 1631 г.</i>			
1	Иван	Ivan	327
2	Семен	Semen	250
3	Андрей	Andrej	221
4	Петр	Petr	201
5	Федор	Fedor	139
6	Василий	Vasilij	125
7	Григорий	Grigorij	117
8	Мартин	Martin	90
	Степан	Stepan	90
9	Никита	Nikita	85
10	Михаил	Mikhail	81

Таблица 32 Частотные имена в Поземельной книге Кексгольмского лена 1637 г.			
1	Иван	Ivan	289
2	Михаил	Mikhail	125
3	Василий	Vasilij	118
4	Петр	Petr	111
	Семен	Semen	111
5	Федор	Fedor	109
6	Григорий	Grigorij	89
7	Иаков	Iakov	79
8	Степан	Stepan	74
9	Иван / Юхани	Ivan	73
10	Никита	Nikita	65

К распространенным антропонимам Кексгольма относятся также *Алексей, Афанасий, Гавриил, Иосиф, Кирилл, Кондрат, Кузьма, Леонтий, Павел, Савва, Тимофей, Филипп, Фома*.

Таким образом, все эти данные свидетельствуют, что к указанному времени сложился базовый список имен, чаще других выбираемых для наречения, который не был связан ни с внутренней формой имени, ни с языком-источником. Базовый ономастикон соотносится с популярным ономастиком Руси и свидетельствует об универсальности данного процесса. Получается, что в системе именования лиц наблюдается тенденция к созданию относительно закрытого списка календарных личных имен, наиболее часто выбираемых для наречения. Становится очевидным, что ономастическая система, уходя от некалендарной тезоименности, пришла к тезоименности календарной. Подсчеты показали, что большая группа именованных равна или перекрывает СКО для всех субрегионов Карелии, а десять наиболее частотных имен обслуживают от 30 до 40 % именуемых, что заставляет задуматься о причинах развитой тезоименности.

4.4. Вопрос о причинах тезоименности календарного ономастикона

Отмечая узость репертуара христианских имен на Руси, исследователи исторической антропологии приводят для объяснения этого факта целый ряд причин: безразличие общей массы населения к многообразию новых имен, сложность усвоения фонетики и морфологии, широкая распространенность и популярность отдельных образов и персонажей христианства (*Иоанн Креститель, Иоанн Богослов, архангелы Гавриил и Михаил, Алексей* — человек божий и т. д.), высокая частотность княжеских и царских имен в православных календарях и даже народные представления о связи имени с судьбою его носителя и прочие в большей степени экстралингвистические факторы (см.: С. Н. Смольников [1996]; Н. В. Комлева [2004]; Е. Н. Полякова [2010]; В. Л. Дьячков, Е. В. Трофимов [2011] и др.).

Эти объяснения, безусловно, приемлемы, но, на наш взгляд, требуют комментариев. Как нам представляется, невысокое разнообразие русского календарного именника в XV—XVII вв. обусловлено и другими важными причинами — прежде всего тем, что полный месяцеслов имен поминаемых святых создавался в первой половине XVI в. в эпоху митрополита Макария, отличавшуюся интенсификацией соборной жизни. И, как известно, отправной точкой канонизации русских святых на Руси считаются Соборы 1547 и 1549 гг., а до этого общепринятого месяцеслова не было. Так, в систематизированных акад. И. И. Срезневским минеях XI—XIII вв. содержится лишь около 400 имен [Срезневский: 1863]. Вполне возможно, что попы и дьяки на местах имели как раз тот ономастический минимум, к которому от начала принятия христианства привыкли сначала они, а потом и паства. Известно также, что первые месяцесловы, появившиеся в «макарьевский» период, вызывали у народа протест, поскольку, по словам историка А. И. Клибанова, «массовая фабрикация святых в середине XVI в. вызвала недовольство в народной среде. Возникали сомнения в святости тех или иных епископов и игуменов, которые сохранились в памяти народной как захватчики крестьянской земли, угнетавшие население поборами, известные своими разгульными пирами...» [Клибанов: 1989, 115]. В 1551 г. был

созван Стоглавый собор, после которого на Руси началась церковная реформа, завершенная через 100 лет патриархом Никоном. *Следовательно, и отсчет «строгому» календарному именнику надо вести от этого времени.*

Нельзя полностью принять и положение о трудностях фонетической и морфологической адаптации. Думается, работы В. А. Никонова [1969 (1) и др.] доказывают как раз закономерность такой адаптации, хотя, вероятно, стоит говорить о проблемах, связанных с морфолого-фонетическим преобразованием имен в принимающем языке, когда становится трудно опознать имя-первоисточник (ср. *Йоханаан* и *Иван*). Во всяком случае, как можно судить по материалам памятников письменности Карелии, в XV—XVII вв. календарный именник уже был оформлен по всем законам русской фонетики и грамматики, в нем попросту проявлялись диалектные севернорусские черты и влияние, обусловленное взаимодействием с финно-угорской языковой системой.

Невозможно согласиться также с тезисом о безразличии населения к новым именам — в этом случае они не «обрастали» бы формантами и, более того, не становились бы фактами фольклора, где порой приобретали различные коннотации: положительные (у героев сказок) или отрицательные (например, в поговорках и пословицах), ср. у В. И. Даля: новг. *ананья* ‘угодливый и ласковый человек’, в поговорке: «В людях *Ананья*, а дома каналья» [Даль, 1, 16]; имя *Арина*, *Аришка*, бранное для калмыков, как *Иван Иванович* дружелюбное и почетное [Там же, 22]; *макар* ‘прозвище рязанцев, особенно кадомцев’, сиб. ‘простак’, а также в поговорках: «Вчера *Макар* гряды копал, ныне *Макар* в воеводы попал» (намек на откупщиков винных); «Я тебя туда спроважу, куда *Макар* телят не гонял!»; «Комар да мошка, *Макар* да кошка»; «*Макара* дву-раз не женят»; «На бедного *Макара* шишки валятся» [Даль, 2, 290]; *фофан* – ‘простак, простофиля, дурак, глупец’, в поговорке: «Наш *фофан* в землю вкопан» (столб); «В нынешних обрядах и *фофаны* в нарядах»; «Не тот дурак, кто в *фофаны* играет, а кому быть доведется» [Там же, 4, 538] и т. д. Даже по этим немногим примерам можно наблюдать стремление носителей языка «по-своему» прочитывать новое имя: оно ставится в новый ассоциативный ряд (*Макар* — неудачник), приближается

к структурным особенностям слов русского языка (типа *Макар — комар*). Эти данные подтверждают тезис Е. С. Отина о том, что «они́мы не только способны выполнять свою прямую и изначальную функцию — быть именами объектов окружающего мира, но и проникаются вторичным, дополнительным понятийным содержанием, становятся в речи экспрессивно-оценочными заместителями имен нарицательных. Они обогащаются понятийными, или референтными, коннотациями, органично слившимися с коннотациями эмоционально-экспрессивного плана» [Отин: 2004, 5]. Данный вопрос активно обсуждается на страницах статей, диссертаций, монографий по ономастике. Например, доказывается, что выбор частотных имен, бытующих в сказках, народных лирических песнях, былинах, загадках, заговорах (см. Головина: 2001; Горбачева: 2008; Кондратьева: 1964; 1967; Листорова-Правда: 2001; Тарланов: 2002; Фролова: 2007; Юдин: 1997, 2007 и др.), не является случайным. Предполагаем, что за Иваном — персонажем волшебных сказок стоит не конкретный человек, а наделенный большей частью положительными коннотациями герой, образ которого, помимо разнообразных художественных функций, имел еще и воспитательную нагрузку, что позволяло множеству лиц с таким именем равняться на созданный народом героический тип характера. Этот тезис закономерно переплетается с другим фактом, отраженным в загадках. В них, как известно, имя человека выполняет заместительную функцию. А. В. Юдин замечает, что имя Иван редко избирается для номинации загаданного объекта, поскольку на выбор в данном случае влияли характер функционирования имени в языке и культуре, частотность этого имени в народном обиходе и устойчивые коннотации (в том числе связанные с национальными стереотипами) [Юдин: 2007, 14]. См. также исследования об отдельных русских именах, получивших значимость в русской культуре у Е. Л. Березович [2007, 518—551], Ф. Н. Двинятина [2001, 143—144], М. Э. Рут [2008, 209—214 (1), 2008, 102—119 (3)], Д. В. Спиридонова [2012, 268—270], Ф. В. Степановой [2010, 82—85], В. Н. Топорова [2001, 69—90], Л. А. Феоктистовой [2016, 85—116]. Несмотря на то, что имя является средством индивидуализации, оно «тем не менее может

обрастать функцией этноидентификации, трансформироваться в знак этнопредставительства. Чтобы образы такой функцией, имя должно быть массово распространенным и тем самым глубоко вписанным в этническую культуру» [Тарланов: 2003, 25]. По Е. С. Отину, «коннотативные онимы с вторичными развивающимися значениями, вероятно, можно отнести к ономастическим универсалиям, присущим словарному составу большинства языков мира» [Отин: 2004, 5]. Интересными в данном случае представляются наблюдения В. Н. Топорова о календарных именах, «претендующих на особый статус», перечисляя такие имена (многие из них в списке частотных по документам Карелии), В. Н. Топоров отмечает, что они фиксируются в разных жанрах и формах русской народной словесности, «каждое из этих имен доросло до эстетически отмеченного и семантически выделенного образа; многие из них — до статуса персонажа мифологического сюжета или мотива, чаще всего сниженного по сравнению с типологически соответствующим ему образом древнего мифа» [Топоров: 2001, 69—70]. Итак, широкое распространение частотных антропонимов в фольклорных текстах, а также в качестве различных заместительных номинаций в современном русском языке и диалектах [Качинская: 2005, 83—85], — явление идущее, как думается, из далеких веков.

Поскольку мы вступили в дискуссию, то позволим себе дополнить размышления об узости репертуара, развивающего тезоименность, еще одним аргументом.

Закономерно допустить, что на частотность имени и сам репертуар региональной и общерусской антропосистемы оказывал влияние церковный календарь. Чтобы убедиться в этом, достаточно произвести подсчет повторяемости имен в (в порядке убывания) по «Древнему русскому календарю (по месячным минеям XI—XIII в.)», составленному И. И. Срезневским [1863]. Картина оказывается следующей: *Иван* (16), *Федор* (10), *Яков* (8), *Григорий* (7), *Василий*, *Георгий*, *Павел* (6), *Иосиф*, *Кирилл*, *Мефодий*, *Петр*, *Симеон*, *Стефан* (5), *Андрей*, *Константин*, *Максим*, *Тимофей*, *Филипп* (4). Даже такая относительно невысокая в первых календарях повторяемость названных антропонимов давала

им возможность быстрее адаптироваться на всех уровнях в системе русского языка (в том числе и ономастической), чем именам, единично представленным в святцах.

Так, в исследуемых документах нет конкурентов у имени *Иван*: оно отмечено в исследуемых документах более 2800 раз⁵². Более того, нет соперников и у более сложных тезоименных структур с этим именем (ср.: *Иванко Иванов* — 34 употребления, *Ивашко Иванов* — 13, *Юшко Иванов* — 12). В источниках Карелии XV—XVII вв. фиксируются даже такие структуры, где имя *Иван* прослеживается еще и в ойконимах, ср.: «Дер. *Иванова* на горе: в ней *Ивашко Иванов*», п. Оштинский, 1582/83 г. [КЗПОП, 312]; «Дер. *Ивонкинская* в Ленакали: в ней *Иванко Иванкин*», п. Ровдужский, 1568 [ПКВП, 162] и т. д. Некоторые населенные пункты Карелии XV—XVII вв. перенаселены Иванами и Ивановыми, ср.: «Дер. Урбуево: в ней Васка *Иванов*, в ней Филипка *Иванов*, в ней *Ивашко Матвеев*, в ней *Ивашко Иванов*», п. Пиркинический, 1582/83 гг. [КЗПОП, 78] и под. Интересными представляются примеры, где большинство жителей определенного населенного пункта связаны с именем отца, ср.: «Волостка Оргина на немецком рубеже против Белые реки, а крестьян: в ней *Федько Федоров*, *Сенька Семенов*, Сенка Павлов, Иванко Оверкиев, *Иванча Иванов*, Иванко Алексеев», п. Ровдужский, 1568 [ПКОП, 168]. Видим, что особого разнообразия в выборе имен в пределах небольшой волостки не наблюдается.

Высокие показатели частотности имени *Иван* в документах всех европейских стран говорит об особой значимости этого имени в христианской культуре.

Интересными в данном случае представляются факты об имени *Иван*, отражающие взаимодействие разноязычных ономастических систем на территории Карелии. В качестве примера рассмотрим имя *Юшка* / *Юшко*, которое

---

⁵² Это общерусское явление, в рецензии В. И. Супруна на монографию В. Л. Дьячкова и Е. В. Трофимовой «Русское наречие в четырех веках социальной истории страны» (2011) отмечено, что имя *Иван* превосходит по употребительности все остальные имена, бытовавшие в XIV—XVI вв.: 16 % при в три раза меньших долях трех последующих имен [Супрун: 2011, 156].

неоднократно зафиксировано в русскоязычных и шведских документах [подробнее см.: Кюршунова: 2007, 156—157]. Календарное имя в русской редакции стало основой для образования различных модификатов в прибалтийско-финском (карельском) ономастиконе (почти 130 форм приведено в статье Д. В. Кузьмина [2016, 77]). Среди них выделим **Juhana, Juho, Juss, Juška, Juško, Jušši*, которые, по Д. В. Кузьмину, являются фонетическими, словообразовательными, морфологическими дериватами от православного *Иван* [Кузьмин, там же]. Имеющиеся в нашем распоряжении документы Кексгольмского лена 1637 г. дают единичные примеры других соответствий: *Юшко ~ Юрий, Юшко ~ Илюшка, Юшко ~ Яшка*, ср.: *Юрка* Офонасьев (*Jussko Offonasief*) дер. Ражваними (Raswa Nemi), п. Евгинский [КЛ, 544/143]; *Юшко* Павлов бобыль (*Illiuska Paulof*), дер. Кумоля (Kumola by), п. Куркиекский [КЛ, 512/107]; *Юшко* Яковлев (*Jako Jakolef*) дер. Пуйкола (Puikula), п. Пялгозерский [КЛ, 673/303]. Однако чаще всего имени *Юшка* альтернативой является имя *Иван* или его модификаты *Иванко, Ивашко*.

Будучи довольно частотной в русскоязычных документах Карелии, эта адаптированная форма придавала своеобразие региональному ономастикону и частично снимала проблему тезоименности, ср.: «В волостке в Гимоле: в ней *Юшко* да Ортемко Олексеевы, *Иванко* Захарьев, *Юшко* Тарасьев, в ней *Юшко* Есоев, *Иванко* Якимов, *Иванко* Никонов, *Юшко* Иванов, *Иванко* Матфеев», п. Селецкий, 1597 [ДКЛП, 196]; «Дер. Кивеницы: в ней *Иванко* Калинин, в ней *Юшко* Иванов, в ней Федотко *Иванов*, в ней Окулко *Иванов*», п. Ярославический, 1563 г. [ПКОП, 248]. Все это подтверждает мысль В. Н. Топорова, «что во многих семьях и даже в целом роде именослов был жестко ограниченным и воспроизводился с известными вариациями в нескольких поколениях» [Топоров: 2001, 67].

Рассмотренные нами примеры тезоименности отражены, прежде всего, в крестьянской среде. Предполагаем, что данное явление имело условный характер и, по сути, транслировало подобный феномен, отмеченный в княжеской среде. Вопрос детально разработан А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенским при исследовании

способов имянаречения в династии Рюриковичей [см.: Литвина, Успенский: 2002, 2003, 2004, 2006]. Опираясь на данные исследования, тезисно изложим важные для нас позиции, соприкасающиеся с изучением тезоименности в региональном ономастиконе. Христианские имена в эпоху Рюриковичей должны были быть не только родовыми, но и династическими. Их список был ограниченным. При запрете одноименности между живыми отцом и сыном, отцом, дедом и внуком (обычая, идущего из дохристианского времени) князья изыскивали возможность примирить две тенденции. Это возможность давать одинаковые христианские имена в честь разных святых: сын, нареченный именем отца, имел другого небесного покровителя, нежели его отец, между братьями действовали более свободные принципы в выборе одинаковых имен. Подобный акт наречения активизировался с XIV в. и символизировал родовую цельность и стабильность, тем самым запечатлевалось представление о мире и преемственности внутри рода как о норме.

Тезоименность — это универсальное свойство индоевропейских ономастических систем, которые проявляются как раз у лиц высокого сословия, ср. французские династии Людовиков, шведские — Карлов, английские — Эдуардов. Как отмечает В. Н. Топоров, «установка на однообразие-тождество обнаруживает себя в использовании одного и того же имени, которым нарекается при рождении старший (чаще всего) сын в длинной череде поколений» [Топоров: 2001, 64].

Совершенно закономерно, что тезоименность в крестьянской среде (и другом социуме) строилась по образу и подобию принципов имянаречения, принятых в княжеском обществе. Более того, именно семья становится своеобразным хранителем имени, способствуя усвоению слова из чуждого ономастикона, ср. примеры семейной тезоименности: «Дер. на Сяко-озерке: в ней *Васко* Иванов да брат его *Васко* ж», п. Егорьевский в Коигушах, 1496 г. [ПКОП: 50]; «Дер. на Тагжаме: в ней Захарко Исаков да его сын Гридка, в ней *Нестерик* да братья его, Терешко да *Нестерик*», п. Вытегорский, 1496 г. [ПКОП: 10]; «Дер. на низу: в ней *Павлик* Исачков да сын его *Павлик* жо», п. Вытегорский, 1496 г. [ПКОП: 16]; «Дер. на Суме же реке: в ней поп Гаврило да его дети *Якуш* да

Тимошка да Васко да *Якушко ж*», п. Выгозерский, 1563 г. [ПКОП: 160] и т. д. См. также уже приведенные примеры выше, всего более 200 подобных случаев в русскоязычных документах.

4.5. Тезоименность как один из импульсов развития структуры именованя

Использование одинаковых имен в семье, в населенном пункте создает в ономастической системе ситуацию необходимости дифференцировать субъектов номинации. Как следствие, развивается структура именованя через использование дополнительного идентификатора. Это может быть патроним, экспрессивное прозвище (в том числе характеризующее положение человека в семье), указание на род деятельности или местожительство лица, ср.: «Дер. Татаркин Наволок у Свята озера: в ней Иванко Иванов сын *Мендяков*», п. Сакульской, 1568 г. [ПКВП, 147], «Дер. Олферьевская: ...в ней Иванко *Перхин*, в ней Иванко Иванов *Боран*», п. Кижский, 1563 г. [ПКОП, 133]; «На Кучо ж озере в волостке в Аччиеве Наволоке: ...Иванко *Большой* да Иванко *Меньшой*», п. Линдозерский, 1597 г. [ДКЛП, 231]; «Дер. Большая Лахта Грехнова у озера у Свята: ...а непашенных: в ней Куземка Павлов да Степанко Колокол купчина з детми с Ъванком да с Ъвашком с *меньшим*», п. Сакульской, 1568 г. [ПКВП, 141] и т. д.

Таким образом, возникает условие для закрепления уже развившихся двух- и трехкомпонентных моделей именованя, для образования более сложных — многокомпонентных — номинаций лица типа *Яков Кока Иванов сын Кологривова Яковлева*, запись, 1581 [АСМ, 159], где условное отсечение некоторых элементов имени сокращает его как раз до тезоименной структуры *Яков Яковлева*.

Подобная тезоименность отмечена и в материалах Кексгольмского лена. Приведем данные по книге 1637 г., имеющей русскую и шведскую части: *Гринка Григорьев* (*Grinka Gregorijef*), дер. Юрикозеро (Juricka Järvi), п. Китежский [КЛ, 588 / 193]; *Леметти Леметтив* (*Clemmet Clemmetinpoika*), дер. Шурисилта (Suuri Syllda), п. Куркиекский [КЛ, 515 / 110]; *Пекко Пеккоев* (*Päcko Päckonpoika*), дер. Меря (Märiä), п. Угонемский [КЛ, 562 / 164]; *Федорко Федоров* (*Fedårko*

Fedorof), дер. Калама (Kalama), п. Китежский [КЛ, 600 / 207] и т. д. (более 60 случаев). В некоторых случаях тезоименную модель, как и в русскоязычных документах, сопровождает дополнительный идентификатор: Гейки Гейкиев *Паккар (Häjski Häjskinpoika)*, дер. Гидола (Hidoola), п. Тиврольский [КЛ, 469 / 58]; *Матты Маттиев Ногелайне (Matti Mattinpoika Nogileijn)*, дер. Кумба (Kumbo by), п. Куркиекский [КЛ, 489 / 80]; *Гейки Гейкиев Ронние (Häiki Häikinpoika Roppi)*, дер. Годияла (Hoffwiala), п. Куркиекский [КЛ, 488 / 80]; *Лаври Лавриев Ягвонен (Lauri Laurin Jauhone)*, дер. Ристапуста (Musta Pusta), п. Куркиекский [КЛ, 490 / 81] и т. д. Тезоименность наблюдается и в материалах Кексгольмского лена 1618 и 1631 гг. (37 и 86 примеров соответственно). При этом в документах 1618 г. практически большая часть тезоименных конструкций сопровождается третьим компонентом именованного, имеющим еще и территориальную закреплённость, — Евгинский погост, ср. по 1618 г.: *Hodari Hodarinpoika Hoskonen*, Kellemälä, р. Sordowolski [КЛ, 331]; *Kuisma Kuismanpoika Uliaska*, Huchtilambi, р. Tochmo Jarffwi [КЛ, 367]; *Hendrich Hendrikofsen Kapiakof*, Kesusma, р. Jougis [КЛ, 317]; *Andrei Ondrief Muråsu*, Ilmis, р. Jougis [КЛ, 321] и т. д.; 1631 г. представлен единичным трехкомпонентным примером: *Thomas Thomasson Assi*, Koitzalax, р. Iougio [КЛ, 453]. Есть основания считать отражением взаимодействия русской и западноевропейской систем именованного.

Таким образом, тезоименность является одной из причин, по которой развивается структура именованного, чтобы через дополнительный идентификатор разграничить в социуме лица с одинаковыми именами.

4.6. Когнитивная составляющая модифицированных календарных личных имен в ономастиконе Карелии XV—XVII вв.

Как известно, система антропонимического словообразования была воспринята из апеллятивного, последняя «сложилась исторически, как и в каждом естественном языке. Поэтому она пестра, логически противоречива» [Никонов:

1969 (2), 109]. Именно поэтому в исследовании модификатов (= диминутивно-квалитативных форм, субъективно-оценочных форм именований, качественно-размерных существительных, уменьшительно-ласкательных и проч.) здесь до сих пор не поставлена точка, несмотря на ряд интересных, не потерявших своей актуальности разработок А. И. Толкачева, начавшихся в 70-е гг. прошлого века [Толкачев: 1975; 1977 (1, 2); 1978] и продолжающихся в настоящее время серией статей И. М. Ганжиной [Ганжина: 2004, 2005, 2009, 2012 (1, 2), 2013, 2015]. В данных очень успешных и глубоких исследованиях показаны неисчерпаемые резервы исторического антропонимического словообразования, а работа А. И. Толкачева — образец энциклопедического обзора литературы по данной проблеме, скрупулезного подхода к анализу представления формантов у антропонимических квалитативов. Данная тема окружена парадоксами, часто требующими специального рассмотрения отдельных фактов. Несмотря на то, что образование модифицированных антропонимов шло по определенным моделям с использованием большого количества формантов, их присоединение к базовому производящему имени вызывало различные исторические морфонологические изменения, а также изменения, попадавшие под действие аналогии, не только в основе, но и у форманта. Чтобы уловить определенные закономерности таких явлений, необходимо обращение к большой фактологической базе и не только XV—XVII вв., но и более ранних периодов, отражающих функционирование календарного антропонима в языке. Все это свидетельствует, что данная тема, только затронутая здесь, ждет своего исследователя.

Следует добавить: модификаты календарных имен имеют лексикографическую обработку. В конце 70-х — начале 80-х гг. XX в. были предложены материалы для словаря вариантов русских личных имен, собранные П. Г. Поротниковым [1979; 1982], в XXI в. А. В. Суперанской опубликован «Словарь народных форм русских личных имен», в который вошло свыше 25000 форм имен [2010]. Если работа П. Т. Поротникова охватывает XIX—XX вв., то в словарь А. В. Суперанской «вошли все, какие удалось собрать, имена, признаваемые и признававшиеся в прошлом Русской православной церковью, и

их народные разговорные формы, сложившиеся у русскоязычного населения за их тысячелетнее обращение в России» [Суперанская: 2010, 35]. Работы этих исследователей послужили прикладной базой при работе с модификатами, отмеченными в памятниках письменности Карелии XV—XVII вв., в частности, при составлении приложений 1—10, 12—14.

Из огромного многообразия словообразовательных операций, происходивших в региональном ономастиконе XV—XVII вв., отметим, что:

1) календарная антропосистема Карелии с точки зрения формы в большей степени представлена модифицированными образованиями, нежели полными официальными; но именно модификаты придавали своеобразие именнику;

2) полные официальные формы таких имен также имеют варианты: церковные и народно-бытовые, обусловленные различными фонетико-морфологическими процессами и аналогиями, ср.: *Иоаким / Яким, Екатерина / Катерина, Симеон / Семен, Илларион / Ларион; Ирина / Орина / Арина, Флор / Фрол, Климент / Климентий, Анания / Ананий, Василий / Василей, Сергей / Сергий* и т. д.;

3) модификаты позволяют в некоторой степени решить проблему тезоименности. Соотношение основного списка официальных имен к модифицированному списку составляет приблизительно 1/5. Так, репертуар календарных имен Карелии XV—XVII вв., насчитывающий примерно 370 антропонимических единиц, представлен более 1800 модификатами. Справедливым будет заметить: среди модификатов, образованных с помощью различных формантов также выделяются частотные, ср. в писцовых книгах Обонежья и Водской пятины: *Иванко* — 1266, *Ивашко* — 663, *Сенка* — 563, *Васка* — 492, *Куземко* — 395, *Федко* — 325, *Тимошка* — 291, *Ондрейко* — 235, *Михалко* — 206, *Максимко* — 171, *Фомка* — 170, *Якушко* — 163, *Гридка* — 145 и т. д. (см. прочие примеры в Приложениях 1—9). При этом крестьянский ономастикон выглядит в буквальном смысле именником модификатов, настолько полная форма неактуальна для него;

4) такие модифицированные формы, как гипокористики, квалитативы, переводят заимствованное имя в родную языковую стихию, отражая тем самым креативный потенциал русского народа.

В таблице 33 представлен фрагмент модифицированных календарных имен, засвидетельствованный в русскоязычных документах Карелии XV—XVII вв. Подробный материал см. в Приложениях 1—9 (в столбце «Форма представления в документе»).

Таблица 33

Примеры модифицированных календарных именованний

<i>Исходное имя</i>	<i>Модифицированная форма</i>
<i>Алексей(ий); Олексей(ий)</i>	А(О)лексе(и)йко(а), Алексеец, Алексеищо, А(О)леша, А(О)лешко(а), Лешко(а), Леска, Алюк
<i>Андрей; Ондрей(ий)</i>	Андрейко, Ондрейко(а), Ондрийко, Ондреец, А(О)ндрюша, А(О)ндрюшко(а), Ондрюк, Ондрюка
<i>Артемий(ей); Ортемей</i>	Артемон, Ортем, Ортемейко, Артемка, Ортемко(а), Артемище, Арт(ь)юшка, Артуйко, Ортюк, Ортюка, Ортюх, Ортюха, Ортюша, Ортюшко(а)
<i>Афа(о)насей(ий), Офана(о)сей(ий)</i>	Офона(о)с, Офонасе, Офона(о)ско(а), Офоня, А(О)фон(ь)ко(а), Афонаска
<i>Василий(ей)</i>	Василь, Василка, Василек, Васильище, Вас(ь)ка(о), Васюк, Васют, Васюта, Ваша, Вашук, Вачуй
<i>Григорий(ей)</i>	Грид(д)я, Грид(ь)ка, Гридкя, Гридко(а), Гритка, Гриша, Гришко(а), Гришук, Гришно
<i>Дементей(ий)</i>	Дементейко, Дема, Демка, Демех, Демеш, Демешка(о), Демшак, Деша
<i>Дмитрий(ей)</i>	Дмитрейко(а), Дмитр, Дмитрок, Дмитерко, Дмитреец, Дмитрец, Дмитрушко(а), Митрйка, Митя, Мит(ь)ка, Митюк, Мичуй

<i>Емельян; Омельян</i>	Емельяноко, Омельяноко(а), Емельянище, Омельяник, Омельяноко, Омельяшко, Омельянец, Е(О)меля, Е(О)(А)мел(ь)ка, Омелца, Омешка,
<i>Еуфим, Ефим(ей)</i>	Еуфимка, Еуфимько, Ефе(и)мко(а), Еуфимьище, Иеуфимище, Алфимко, Олфимко(а), Офиманко, Офимьянко, Офишко
<i>Михаил</i>	Михалка(о), Михаль, Мишка(о), Мишаня, Мишута, Мишук
<i>Иван</i>	Иванка(о), Ивашка(о), Иванько, Иванча, Иванец, Иванище, Ивантий, Ивонка, Ванюк, Юшко(а), Юхно(а)
<i>Иаков, Яков</i>	Яковец, Яковик, Якуня, Якунька, Якуш(ь), Я(А)кушко(а), Яшко(а), Якук
<i>Мартын, Мартин, Мартьян</i>	Мартиянко, Мартьянко, Мартьянко, Мартинко, Мартынко(а), Мартишко, Мартышко(а), Мартынец, Мартюш, Мартюшко(а)
<i>Павел</i>	Павелка(о), Павко, Павлик, Павлище, Павчюк, Павша, Павшак, Пашка(о), Пашук, Палка, Пачка
<i>Пантелей</i>	Пантеоейко(а), Пе(о)нтелейко, Пянте(и)лейко, Пянтеш(ж), Пантюша, Па(е)нтешка, Пянте(ю)шка, Панша, Паня, Панюк, Панюй
<i>Патрекей, Патрикей</i>	Патракейко, Патрекейко(а), Патрекейко, Потрекейко(а), Патрейко, Потройко, Патре(и)кеец, Патруша, Патрашко(а), Патрушко(а), Патя, Патра
<i>Петр</i>	Петерко, Петрок, Петрук, Петруша, Петрушко(а), Петрище, Петеля, Петелка, Пешко, Пешек
<i>Прокопий(ей), Прокофей</i>	Прокоп(ф)ейко, Прокопко(а), Прока, Прокош, Прокошко, Прокуша, Прокушка, Прокша, Проня, Пронко(а)
<i>Си(е)ме(и)он, Семен, Симон,</i>	Семон, Симан, Семак, Семейко(а), Семейцо, Семионище, Семенец, Семко(а), Сен(ь)ко(а), Сеня, Семенец, Семуха, Симанко(а), Си(е)менко, Симашко, Симак, Симаник, Симанок, Симонко(а), Симша, Семенко, Симкуй, Семкуй, Семенча, Симша,

<i>Степ(ф)ан</i>	Степ(ф)анец, Стеня, Стен(ь)ка, Степанко(а), Степаноко, Степашко(а), Степка, Стефашко, Шеш, Шешко
<i>Феодор, Федор</i>	Федорко(а), Фед(ь)ко(а), Федорец, Федорище, Федорок, Фед(т)ча, Федша, Федюша, Федюшка, Фет(ь)ко(а)

Анализ таблицы показывает, что и полные формы имен, и гипокористики имеют высокую вариативность, отразившую на письме различные фонетические, морфологические диалектные и общерусские явления. Наблюдается морфологическое тяготение к аналогии в выравнивании основ ряда имен, особенно в выборе финалей, ср. соотношение *-ей/-ий* в полных формах следующих имен, зафиксированных в актовых материалах XVI в.: *Аврамей / Аврамий* (1 / 1), *Алексей / Алексий* (10 / 1), *Ондрей / Ондрий* (13 / 1), *Аникей / Оникий* (5 / 1), *Офонасей / Офонасий* (3 / 2), *Гордей / Гордий* (3 / 1), *Григорей / Григрий* (11 / 10), *Гурей / Гурий* (1 / 1), *Зиновей / Зиновий* (1 / 2), *Климентей / Климентий* (5/3), *Леонтей / Леонтий* (11/6), *Макарей / Макарий* (3 / 1), *Меркурей / Меркурий* (1 / 1), *Онофрей / Онофрий* (4 / 1), *Парфеней / Парфений* (1 / 1), *Савелей / Савелий* (3 / 2), *Федосей / Федосий* (3 / 2). Как видим, имена на *-ей* преобладают. О их превосходстве в документах этого же периода говорит количество «чистых» именованных с *-ей*: *Василей, Геронтей, Де(о)нисей, Дмитрией, Евсихей, Евсей, Еремей, Еуфимей, Оксентей, Ортемей* и т. д., всего 35 случаев против 9 употреблений с *-ий*: *Аркадий, Аверкий, Ананий, Арсений, Варофоний, Дементий, Елизарий, Мелентий, Федотий*.

Следует отметить, что количество модификатов не зависит от популярности или непопулярности имени, как не имеет значения и «длина» имени.

Однако чем длиннее антропонимический ряд, тем социально неоднородней его носители (это и крестьяне, и земцы, и бобыли, и помещики, и священнослужители и проч. «корпоративные» объединения). Антропонимический ряд, состоящий из одного слова, чаще характеризует священнослужителей высокого сана.

Кроме того, чем длиннее антропонимический ряд, тем более свойственна членам этого ряда словообразовательная гетерогенность: 1) в качестве производящей основы выступают самые разные формы именованных: полные, сокращенные, модифицированные при помощи форманта, имеющие основу на согласный или гласный; 2) как можно видеть по уже приведенным материалам, в образовании диминутивно-квалитативных форм календарных имен используется очень широкий круг формантов разной продуктивности. Не вдаваясь в тонкости различных процессов, приведем примеры некоторых формантов, задействованных в образовании мужских имен Карелии XV—XVII вв.: самым продуктивным формантом был суффикс *-к-*: А(О)бросимко, Оброско, А(О)бакунко, Аввакумка, А(О)веркейко, Аверка, Аверчка, Оферкийко, А(О)врамка, А(О)гапитко и т. д. См. также другие примеры, приведенные ниже, где данный формант употребляется в составе производных суффиксов, а также в тексте данной главы. Назовем также образования с такими формантами:

-ак-: Демшак, Долмак, Олшак, Ермак, Ершак, Климшак, Мишак, Павшак, Си(е)мак, Тишак;

-аш(а): Домаша, Игнаша;

-ек-: Василек, Пешек;

-ик: Олександрик, Омельяник, Онисимик, Иевик, Изотик, Карпик, Конаник, Кондратик, Лаврик, Лазарик, Ма(о)карик, Мануй(и)лик, Микифо(а)рик; Нестерик, Никифорик, Никоник, Нифонтик, Окатик, Окулик, Олферик, Онцифорик, Павлик, Пуминик, Саму(о)йлик, Селиваник, Селиверстик, Селифоник, Селифантик, Симаник, Сидо(а)рик, Софоник, Труфаник, Филистик, Фофаник, Яковик;

-иц-: Карпица;

-ок: Дмитрок, Омельянок, Лашок, Кипрок, Лаврок, Петрок, Пименок, Симанок, Федорок, Филипок, Фролок;

-ош(к)-: Ентрош, Ермоша, Ловошка, Лукошка, Малошка, Мартошка, Мирошка, Митрошка, Прокош(ко), Софошка, Софрошка, Торошка, Тимош, Тимошка;

-ук-: Алюк, Валюк, Ванюк, Васюк, Вашук, Гришук, Данюк, Евсюк, Елук, Ерук, Инюк, Лаврюк, Ларюк, Лашук, Лаврук, Лаврюк, Мартюк, Матюк, Митюк, Мишук, Мишюк, Овдук, Олюк, Онюк, Ортюк, Павчюк, Панюк, Родюка, Пашук, Паршук, Петрук, Самук, Селюк, Силюк, Тишук, Фалюк, Фолелюка, Фенюк, Якук, Янюк;

-ут-: Васюта, Ишута, Мишута, Онюта;

-ух-: Мануха, Олух, Ортюх(а), Ончух, Селюха, Семуха, Трухо;

-уш(к)-: Анушка, Вахруш(к)а, Дмитрушка(о), Карпушка, Климуша, Лаврушка, Левуш(к)а, Макушко, Манушка, Маркушка, Меркуш(к)а, Онтушка, Онушка, Патрушко(а), Петруш(к)о(а), Прокуш(к)а, Сергуш(к)а, Харлушка, Якуш(к)а;

-хн-: Грихно, Зехно, Зихно, Прохно, Юхно;

-ш(а): А(О)леша, Гавша, Ганша, Гриша, Даньша, Деша, Ерокша, Ерша, Инша, Кирша, Климша, Клиша, Конша, Ланша, Манша, Окинша, Павша, Панша, Прокша, Пропша, Самша, Симша, Федша;

-ш(к)-: А(О)нашка, А(О)нтошко, Онтрошко, Галашко, Пашка и т. д. Примеры формантов, участвовавших в образовании личных имен жителей Карелии в XV—XVI вв., см. в фрагменте статьи Е. Ф. Теплова [1970, 256—257].

Как видим, в образовании суффиксальных модификатов использовался достаточно большой фонд экспрессивных формантов. Подобное наблюдается в украинском и белорусском ономастикомах [Бірыла: 1966, 324; Устинович: 1970, 263—266; Глушик: 2003, 10—11; Худаш 1977; Редько: 1968, 10—11 и др.], сербохорватском именнике [Железняк: 1969; Осташ: 2004, 11—12], имена с суффиксами субъективной оценки отмечены и в болгарском языке, но их количественный состав несколько меньше, чем в названных антропонимических системах [Енчева: 1990; Илчев: 1978; Молошная: 2001, 28—30].

Интересным представляется наблюдение Д. И. Алексеева о сокращенных именовании со звательной-интимной функцией как *Ваня, Вася, Катя, Петя, Коля, Саша, Саня* и под., появление которых исследователь датирует XVIII в.

[Алексеев: 1970, 243]. В русскоязычных памятниках письменности Карелии такие антропонимы действительно отмечаются крайне редко: *Ганя, Гридя, Заня, Костя, Миня, Митя, Паня*, а также, возможно, *Емеля, Кипря, Ларя, Оксеня, Останя, Офоня, Проня, Родя, Селя, Фаля, Филя, Харя*. Последние могли появиться путем усечения полной формы: *Емел(ьян) + я, Кипр(иан) + я, Лар(ион) + я, Оксен(тий) + я, ... Филл(ип) + я, Хар(итон) или Хар(лампов) + я*. Первые — *Ганя ... Паня* — хронологически фиксируются XV—XVII вв. Однако даже единичность таких именований позволяет уверенно отодвинуть временную планку их бытования в языке до XIV в., а возможно, и к более ранним датам. Кроме того, подтверждением их присутствия в ономастической системе региона являются суффиксальные модификаты, за производящей основой которых видятся именно такие сокращенные основы. Если для формы *Васка* производящую основу не обязательно связывать с модификатом *Вася*, поскольку есть полная *Василий*, где как раз могло быть усечение *Василий + -к-*, то для форм *Ванко, Колинка, Палка, Санко* и под. производящими могли быть только *Ваня, Коля, Паля, Саня*, которые не отмечены в документах Карелии и которые можно считать реконструированными для регионального ономастикона. Безусловно, Д. И. Алексеев прав в том, что такие формы возникли в семье [Алексеев, там же] как отражение особого отношения к ребенку.

Все это доказывает, что арсенал средств антропоформантов, использующихся для образования модификатов, достаточно широк, а словопроизводственный процесс уникален и специфичен. Для образования модификатов большей частью используются суффиксы, пришедшие из некалендарного, а еще ранее — апеллятивного — словообразования и участвующие там в создании входящих в различные семантические множества экспрессивных названий лиц. Установлено, что «в русской ономастике чаще всего употребляются, во-первых, форманты, которые в системе имен нарицательных лишены специализированного значения, если они не сочетаются с основами существительных... во-вторых, суффиксы, которые служат для деривации существительных с так называемыми модификационными словообразова-

тельными значениями субъективной оценки, уменьшительности, увеличительности, собирательности, единичности, «женскости», принадлежности / происхождения, а также суффиксы притяжательных прилагательных» [Азарх: 1984, 233].

Мы солидарны с данным, пожалуй, единственным тезисом, предлагающим обратить внимание не только на формальный аспект облика антропонима, но и на семантику имени, которая меняется, когда к основе имени присоединяется определенный формант.

Считаем, что форманты создавали определенную коннотацию антропониму, по крайней мере, в момент имянаречения, когда эту коннотацию нельзя не усмотреть и различие — *Иван // Ивашко* и под. — очевидно. В дальнейшем при функционировании имени в речи эта семантика постепенно ослабевает. В этом смысле интересными представляются наблюдения Ю. С. Азарх: «Разрядное значение производных имен собственных на начальном этапе формирования ономастического словообразовательного типа обычно семантически связано со словообразовательным значением омонимичного апеллятивного форманта или регулярным лексическим значением ряда дериватов с этим формантом» [Азарх: 1984, 234]. Таким образом, коннотации («оттенки значения», «экспрессивная окраска») присутствуют у именовании с различными неспециализированными формантами. Так, самый продуктивный суффикс *-к-*, как и прочие суффиксы субъективной оценки, передавал такие оттенки значения, как смирение, униженность и пренебрежение, реже имели уменьшительное или уменьшительно-ласкательное значение [Волков: 1974, 139]. Коннотации придают именованию и некоторые другие форманты. Например, известно, что суффикс *-ище* придает существительным увеличительное значение [Русская грамматика, I, 216]. Думается, не случайно он имел сословную маркированность: мы находим его *только* в именовании церковнослужителей, зафиксированных в частно-деловых документах, причем в финальной части формуляра: «Шуеретцкие волости поп *Еуфимьище* Максимов руку приложил», купчая, 1612 [Мюллер, 26]; «Гимолские выставки... поп *Изотище* Ившов и в понятых людей мисто руку приложил»,

отбойная запись, 1628 [Там же, 36]; «У подлинной поп *Иванище* руку приложил», запись, 1640 [Там же, 43] и под. (всего 15 случаев). В официально-деловых документах подобные именованья (четыре случая) отмечены только у попов в Дозорной книге Лопских погостов 1597: «К сим дозорным книгам Никольской Паданского погоста поп *Алексеишо* Дмитриев и в детей своих духовных место руку приложил» [ДКЛП, 232], «К сим книгам погоста Селетцкого поп *Леонтеишо* Дмитриев и в детей своих духовных место руку приложил» [Там же]; «К сим дозорным книгам Пречистенского погоста Семчезерского поп *Семионище* Ларионов руку приложил» [Там же, 233]; «К сим дозорным книгам ильинской поп Шуезерского погоста *Федотище* Дмитриев руку приложил» [Там же].

Сословную характеристику можно предположить и у форманта *-ец*⁵³, который вычленяется, например, в составе имен следующих социальных групп:

- земцев и помещиков: «И всего за *Иванцом* за Максимовым да за Гришею, да за Мисюрем за Огафоновыми, да за *Ондрейцом* за Игнатовым», п. Сакульский, 1568 [ПКВП, 128]; «другая половина тое деревни за земцы же за *Матвейцом* да за *Михалцом* за Ивановыми детьми Головкина», п. Ровдужский, 1568 [Там же, 163]; помещиков: поместье за Юрьем за Гавриловым сыном Скобелцына да за его детьми за *Китайцом* да за *Ондрейцом*, п. Мегрежский, 1563 [ПКОП, 220] и т. д.; всего 54 примера;

- дьяков: дьяк *Дмитрец* Кондратов, п. Вытегорский, 1563 [ПКОП, 202]; дьяк *Мартынец*, п. Важенский, 1563 [ПКОП, 95]; дьяк *Омельянец*, п. Оштинский, 1563 [ПКОП, 221], дьяк *Сергиец*, п. Толвуйский, 1563 [ПКОП, 137]; послух *Федорец*, дьяк климентовской, Ненокса, купчая, 1572 [АСМ, 24]; земской дьяк петровской *Патрикеец* Петров, купчая, 1572 [АСМ, 12] и т. д., более 10 примеров;

---

⁵³ Оригинальную идею выдвигает Д. В. Кузьмин. Он предполагает, что за модификатами на *-ец* скрыты карелоязычные формы на *-šč*¹ [Кузьмин: 2016, 72]. Думается, что выдвинутая гипотеза пока должна остаться в поле вероятности, поскольку для такого утверждения необходимо представление большего количества доказательных фактов.

- дьячков: церковной дьячек *Яковец* Пантелеев, купчая, 1581 г. [АСМ, 162]; земской дьячек *Логинец* Григорьев сын Дворянинова, отводная, 1579 г. [АСМ, 132] и т. д., около 10 примеров;
- подьячих: «Справлявал подьячей *Федорец* Иванов», п. Выгозерский, отпись, 1578 г. [АСМ, 105]);
- непоследовательно отмечен этот формант и в составе имен зажиточных крестьян (22 примера), которые имели или внушительный земельный надел, или кроме земли являлись владельцами дополнительной собственности: амбаров, варниц, щербетей, рыбных ловель, тоней и под., ср. «анбар царевых и великого князя крестьян толвуйских Нечайка да *Семенца* Федоровых Плаксиных», 1582/83 [КЗПОП, 178].

Показательно, что примеры именованных на *-ец* вычленились преимущественно в XVI в., в XV в. и XVII в. они единичны, ср. в документах 1496 г. записаны крестьяне: «Дер. Скороходово: в ней *Михалец* да Тимошка Чухора», п. Михайловский в Озерах [ПКОП, 56]; «Дер. на Боровом же озерке: в ней Минка, [Родиво]нов, сусед его *Овдокимец*», п. Никольский Готслав волок [Там же, 19]; «Дер. на Водлицы: в ней Сергейко да Неронко Ивковы, в ней *Яковец* да Васко Ивковы», п. Оштинский [Там же, 31]; в 1664 г. фиксируется «К сей записи дьякон кемской *Семенец* Маковеев руку приложил», Кемская волость [Мюллер, 172]. Наричательные с таким формантом также обладают широким спектром характеризующих семантических компонентов. В современном русском языке слова с *-ец* имеют уменьшительно-ласкательное или уменьшительно-уничижительное значение с ...экспрессией близости, сочувствия, издевки [Русская грамматика, I, 210].

В любом случае, использование в составе подобных имен большого количества формантов, совпадающих с апеллятивными суффиксами родного языка, — это способ адаптации заимствованного имени в социуме, его своеобразное сближение с родной лексической системой. Представляется, что на появление таких форм оказывал влияние семейный социум, уже имеющий опыт создания некалендарных имен с подобными формантами. Без сомнения, имеет

смысл сопоставить суффиксальные именованья календарной и некалендарной антропонимических систем, которые употребляются в данном регионе, в данную эпоху, в известных исторических, культурных, социальных условиях.

Есть основания полагать, что число модификатов, использующихся для образования имен, было большим, чем это представлено в отдельном документе. На это указывает вся фактологическая база по модифицированным именам самого исследуемого документа. Так, если в конкретном документе представлен единственный модификат *Окулко* ← именованья *Окул*, то на фоне других зафиксированных модификатов, построенных по той же модели (то есть имеющих основу на твердый согласный), можно предположить наличие других потенциально возможных диминутивно-квалитативных форм, как *Окулик* (ср. *Александрик*), *Окульша* (ср. *Игнаша*), *Окулец* (ср. *Иванец*), *Окулице* (ср. *Изотице*) и т. д., применяя весь арсенал базы данных источника или других источников. Приведем только один пример представления лиц с именем *Михаил*. В русскоязычных документах имя представлено большим количеством модификатов, ср.: *Михаил*, *Михайл*, *Михаила*, *Михал(ь)*, *Михайло(а)*, *Михалец*, *Михалко(а)*, *Михико*, *Миня*, *Мин(ь)ка*, *Минкя*, *Минкуй*, *Микуш*, *Миша*, *Мишко(а)*, *Мишак*, *Мишаня*, *Мишанко*, *Мишук*, *Мишута*, *Мишюк*, *Мишюрна*. Обратимся к шведским деловым документам, которые также дают широкий ряд примеров использования имени Михаил, известных православному и католическому миру. Например, в книгах фиксируются в 1618 г. — *Micha*, *Michaelka*, *Michaicko*, *Michalka* (*Michkalko*), *Michelka*, *Michell*, *Michgalko*, *Michiko*, *Michill* (*Michil*), *Michkill*, *Michutka*, *Mickell* (*Michel*), *Mickill*, *Micko*, *Mijska*, *Miska* (*Misko*), *Misuck*; в 1631 г. — *Michaila* (*Mihaila*), *Michailka* (*Michailko*), *Michailu*, *Michali*, *Michka* (*Michko*), *Michkaill*, *Michkali*, *Michkalj*, *Michkall* (*Michkal*), *Michkula*, *Micki*, *Mickie*, *Mickilin*, *Mickill* (*Mikill*), *Micko*, *Mihailka* (*Mihailko*), *Mihailo*, *Mihicka* (*Mihikå*), *Mihkali*, *Mika*, *Misku*, *Missuka*. Представленные варианты имени косвенно свидетельствуют о том, что в ономастиконе Карелии имелись такие формы, как *Мишиик*, *Мишутка*, не отмеченные в русскоязычных документах региона.

Обратим внимание, что модифицированные формы в документах Кексгольмского лена — это «официальные представители» христианского имени. Приведем примеры некоторых наиболее употребительных имен:

Семен: Семейко, Сенка / Semen, Zencka, Semeika, Semenکو, Sementka (Sementko), Sementiko, Semko, Senka (Sentka), Simoiko, Simointko, Simonko, Senuka;

Степан: Степанко, Степашко, Стефанко, Стахван, Стенко, Тагванко, Tehwái, Тафан, Тафанко, Тахванко / Stepan, Staffan, Stepanka, Stepasko, Stanko;

Григорий: Гринка, Гриша, Гришеня, Гришка / Grigorei (Grigårei), Grigori, Grisa, Griska, Grisenä, Rigaria, Riga (Rigo, Rijgo);

Петр: Петрунка, Петруша, Петрушка / Petra (Petro), Petrusa, Petruska (Pedruska), Pedruscha, Песко (Peeko, Peeki), Peckoiko, Peni, Pesuck;

Тимофей: Тимофейко, Тимошка (Тимашка), Тимонка / Timåfei (Timofei), Timofejko (Timofeiko, Timofijko), Timofiko, Timåska (Timoska, Temoska), Timånka, Timaha (Timåha), Timo (Timå);

Павел: Павелко, Павшук / Pawel (Pawell, Pafuell, Påfwell, Påuell, Pael), Pauila (Pawila, Pafwila) Paflo, Pauoiko (Pawoika, Pawoiko), Pauilka (Paualko, Pawelko, Pawilko, Pouilko), Pasko, Pasuck;

Терентий (Терентей): Терентийко, Терешко, Тero, Теройко, Трешка, Тренка / Teräntiko, Teränka, Tåro, Teräjka, Teräncka, Teräska и др.

Совершенно очевидно, что использование полных форм личных имен было неактуально для официального языка Кексгольма исследуемого периода, а возможно, и для разговорной речи, именно поэтому календарные личные имена в полной форме в его документах малочастотны: *Дементей (Dimenti)*, *Ефим (Jfim)*, *Иван (Iwan)*, *Илья (Jllia)*, *Мария (Maria, Maaria)*, *Мартын (Martin)*, *Пимин (Pimin)*, *Семен (Semen)*, *Степан (Stepan)*.

При анализе модификатов имен в памятниках письменности Карелии особое внимание было уделено поиску специфических диминутивно-квалитативных форм с региональными формантами, которые отсутствуют в русской словообразовательной системе. Известно, например, что в современной

карельской именной системе для образования звательной формы используется прибалтийско-финский формант *-уй (-ой), -ёй*: *Васёй, Ванёй, Мишой, Олёй*. Этот формант сохранился во многих современных фамилиях типа *Гочуев, Демуев, Миккуев, Ригоев, Теппуев, Терроев* и т. д.

Однако именованья с неславянским маркером (*-уй, -ой*) в русскоязычных памятниках единичны — их всего 13 на несколько тысяч антропонимных употреблений в официально-деловых документах Карелии в XV—XVII вв.: *Ваккуй* Григорьев, п. Сакульской, 1568 [ПКВП, 134]; *Вачюй*, п. Шуньгский, 1496 [ПКОП, 5]; *Гавшуй* Кузмин Глухой, п. Остречинский, 1563 [ПКОП, 111]; *Ермуи* Оникеевъ, п. Ровдужский. 1500 [ПОКВП, 115]; *Мартой* Сергиев, п. Оштинский, 1563 [Там же, 226]; Микифорец *Мичюй*, п. Олонецкий, 1563 [Там же, 68]; Микитка Федоров *Мичюй*, п. Олонецкий, 1563 [Там же, 66]; *Мелойко* Кондратов, п. Вытегорский, 1563 [Там же, 207]; *Онкуй* Иванов, п. Остречинский, 1563 [Там же, 108]; *Миккуй* Лукин, п. Ровдужский, 1568 [ПКВП, 152]; *Минкуй* Кузьмин, п. Ровдужский, 1568 [Там же, 162]; Ортемко *Панюй*, п. Сакульской, 1568 [Там же, 140]; Проккуй Федковъ, п. Сердвольский, 1500 [ПОКВП, 154].

Этот небольшой список дополняют патронимы и посессивные ойконимы, которые восходят к календарным именам, имеющим прибалтийско-финский маркер в виде звательного форманта *-уй, -ой*, а также его варианты *-ей/-ий*, типа *Аврुев, Гонпуев, Есоев, Лахкуев, Левкоев, Левшоев, Лентуев, Локкиев, Луккоев, Маккоев, Мануев, Минкуев, Михиев, Михкуев, Олфуев, Онтуев, Парфиев, Патроев, Пичуев, Селкоев, Селуев, Сипуев, Тимуев* и т. д.

В документах Кексгольмского лена подобные имена единичны — в Поземельной книге 1637 г. их всего 4, все представлены в русской части: *Вилной* Антыев (*Phillip Anderssohn*), дер. Педяя Волость (Pädeiän Kylä), п. Угонемский [КЛ, 566 / 168]; *Ивкой* Чивриев (*Ifko Sifrief*), бобыль, дер. Лудонеме (Luda Nemi), п. Шуезерский [КЛ, 686 / 279]; *Микой* Тифонов (*Micko Tifanof*), дер. Толвозеро (Tolwo Järwi), п. Шуезерский [КЛ, 689 / 283]; *Пекой* Калайнен (*Päcko Koukalaunen*), дер. Оровашала (Årawan Salo), п. Китежский [КЛ, 571 / 173].

В более ранних переписях, имеющих только шведский вариант, имена рассматриваемого типа вообще отсутствуют; не представлены они и в составе патронимов, написанных на шведском языке документах Кексгольмского лена. Однако в русской части Переписной книги 1637 г. патронимы, образованные на базе календарных имен с формантом *-уй/-ой/-ей/-ий*, встречаются нередко, ср.: Фефилко *Аганиев*, п. Куркиекский [КЛ, 505]; Иванко *Ваччюев*, п. Китежский [КЛ, 578]; Кирилко *Евсиев*, бобыль, п. Тогмозерский [КЛ, 647]; Илюшка *Еримиев*, п. Куркиекский [КЛ, 512]; Микитка *Ероев*, п. Пялгозерский [КЛ, 674]; Микитка *Лароев*, Китежский п. [КЛ, 589]; Конашко *Тароев*, Соломенский п. [КЛ, 724]; Филко *Тепноев*, бобыль, п. Китежский [КЛ, 580] и т. д.

При сопоставлении русских и шведских источников обнаруживается, что в более ранних документах Кексгольмского лена именованья лиц переданы шведскими писцами вариативно: один и тот же человек в документах разных лет представлен неодинаково, ср.: в Угонемском погосте в 1637 г. фиксируется в русской части *Гейки Пентиева Ядиян*, дер. Паяйсюря [КЛ, 562] — в шведской части он фигурирует под именем *Häjski Bäntinpoika* [Там же, 163], в котором русский патронимный формант *-ев* заменен на финский *-poika*, а в 1631 г. тот же житель записан как *Hindrich Bengtsson*, Раиа суря [КЛ, 460] с шведским патронимным формантом *-son*. Подобным образом, ср.: *Павелко Ганноев* (Pawellko Hannoief) из дер. Парика [КЛ, 565] и он же в 1631 г. *Paualko Hansson* [КЛ, 462]; в 1637 г. — *Анты Сигвоев*, бобыль (*Anti Sichwonen bobell*) из дер. Келакша [КЛ, 551/151] и в 1631 г. он же *Anders Sigfredsson Bobull*, Kesalax [КЛ, 466] и под.

Анализ антропонимической основы, к которым присоединялся данный формант *-уй/-ой/-ей/-ий*, свидетельствует о том, что прибалтийско-финским населением Карелии использовался не католический календарный фонд, а уже адаптированный, наиболее хорошо освоенный в русской ономастической системе православный именной.

Ареал распространения онимов, в основе которых можно выделить карелизирванный формант, неровный — Оштинский погост Обонежья,

Заонежские погосты, Ровдужский и Сакульский погосты Водской пятины, единичные фиксации есть в Лопских погостах (см. карту 6).

Всего, с учетом посессивных ойконимов (типа дер. *Артуевская, Левоево, Мелгуевская* и под.), в русскоязычных официально-деловых документах насчитывается около 180 употреблений имен с формантом *-уй/-ой/-ей/-ий*.

Это, на наш взгляд, позволяет говорить о том, что рассматриваемый тип имен, будучи уникальным фактом региональной ономастической системы Карелии XV—XVII вв., является в то же время доказательством принятия и функционирования таких карелизированных форм, которые появились под влиянием христианства. Что же касается сравнительно невысоких количественных показателей, то они, возможно, не отражают объективную картину — достаточно вспомнить описания имен с формантом *-уй/-ой/-ей/-ий*, сделанные по документам более раннего времени, например в новгородских берестяных грамотах [см.: Попов, 1958; Мещерский, 1964; Хемимский, 1986; Зализняк, 2004].

Разумеется, возникает вопрос: куда исчезали и откуда вновь появлялись такие имена? При его решении следует иметь в виду, что мы опираемся на официальные документы, которые составлялись московскими писцами. Вполне возможно, что в ряде случаев имена, имеющие неславянские форманты, писцы заменяли соответствующими русскими вариантами, типа *Аврам, Василий, Иван, Григорий, Степан* и т. д.

4.7. Особенности функционирования единичных календарных личных имен в региональном ономастиконе

На фоне высокой тезоименности выделяется другая группа имен, отмеченная единичной или предельно низкой употребительностью. Как справедливо писал В. Д. Бондалетов, «народ... включает в активный репертуар лишь часть имеющегося запаса имен, оставляя в стороне множество редких, непривычных, трудных, устаревших, чем-то не нравящихся имен» [Бондалетов: 1976, 13].

Карта 6
 Распространение онимов с формантом -уй/-ой/-ей/-ий

Это небольшая группа именованных мужчин, именованные священнослужителей и практически все именованные лиц женского пола. Рассмотрим их.

В русскоязычных документах имен с единичной фиксацией всего 39: *Автоном, Акакий, Акатий, Акепсим, Анфал, Анфилохий, Ардалион, Асклепиодот, Варух, Вениамин, Глеб, Далматий, Домнин, Измаил, Иосаф, Ипатий, Ипполит, Ириней, Ксенофонт, Леонид, Мавр, Макровий, Олимпий, Пафнутий, Полиевкт, Прасковья, Савин, Селиний, Феодорит*, а также небольшая группа имен, для которых трудно определить мотивирующий антропоним, но в которых предполагается календарная основа: *Валюк* (← Валентин ?), *Евка* (← Евкарп / Евкрат / Евсевий / Иев ?), *Елта* (?), *Енка* (← Ананий / Геннадий / Евгений / Еней / Ентей / Полиен / Полиевкт ?), *Пертих* (?), *Салка* (← Саламан / Сальвий / Соломон / Солютор ?), *Сотко* (← Сот / Состир / Сострат / Сотерих / Ситирикс ?). Эти имена вносят разнообразие в общий ономастикон края. Практически все они зафиксированы в Обонежье (кроме *Ардалион, Домнин*). Этот факт дал возможность предположить, что существуют и другие антропонимы (возможно, не единичные) с особой территориальной закрепленностью. По понятным причинам исключив имена женщин, при сопоставлении ономастиконов Обонежья, Водской пятины, Лопских погостов мы выявили еще 38 именованных, которые фиксируются только в документах Обонежья: *Аввакум, Авдей, Авкт, Авсей, Агапит, Аггей, Акилина, Акиндин, Анкидин, Арест, Архипп, Афиноген, Варфоломей, Вассиан, Венедикт, Герман, Геронтий, Демьян, Досифей, Елизар, Енос, Епимах, Зенон, Зосима, Изот, Иона, Кириан, Малахий, Меркурий, Мисаил, Мосей, Парамон, Сильвестр, Фелициан, Ферапонт, Филофей, Харламий, Хрисанф*.

4.7.1. Территориальная закрепленность единичных имен, ее причины

Безусловно, одной из причин такой закрепленности имен за определенной областью являлось то, что Обонежье имело бóльшую плотность населения; кроме того, в территориальном отношении Обонежье несколько крупнее, чем Водская

пятина (имеется в виду та часть, которая относилась к Карелии) и Лопские погосты.

Однако картографирование именовании показало, что в 1496, в 1563, в 1582/83 гг. основная масса «обонежских» (единичных) антропонимов фиксируется в южных погостах Карелии XV—XVII вв. между Ладожским и Онежским озерами.

На карте 7, соответствующей 1496 г. (см.) такие имена отмечены только в погостах Михайловском в Озерах, Пелушском, Койгушском, Мегрежском и несколько антропонимических единиц зафиксированы в Шуньгском погосте. Со временем единичные имена распространяются далее на север, но не покидают пределы Обонежья: см. карты 8 и 9, соответствующие 1563 и 1582/83 гг. На карте 8, соответствующей 1563 г., «обонежские» имена отмечены в Олонецком, Важенском, Пиркиническом, Оштинском, Мегрежском погостах; далее они продвигаются на восток Карелии к Белому морю и достаточно плотно представлены в Заонежье. Похожая ситуация наблюдается и на карте 9, соответствующей 1582/83 гг.

В целом, как можно видеть по представленным картам, малоупотребительные имена в небольшой массе проникают в северные погосты Обонежья, но в Водской пятине и Лопских погостах они не зафиксированы. В сравнении с Обонежьем ономастикон этих двух регионов был представлен гораздо меньшим списком христианских имен. Тем самым оказывается, что территория Межозерья — это та граница, за которой распространились только имена, являющиеся ядром православной ономастической системы. Как можно предполагать, это обусловлено двумя причинами. Во-первых, Карелия — периферийная зона Руси, поэтому архаичные языковые явления сохранялись здесь дольше, а новые явления требовали больше времени для вхождения в систему. Во-вторых, возможно, сыграла свою роль прибалтийско-финская языковая основа: при ее наличии усваивались по преимуществу наиболее адаптированные в русской языковой среде изучаемого времени календарные имена.

Карта 7. Единичные календарные имена, засвидетельствованные в документах 1496 г.

Карта 8. Единичные календарные имена, засвидетельствованные в документах 1563 г.

Карта 9. Единичные календарные имена, засвидетельствованные в документах 1582/83 гг.

4.7.2. Женские имена в региональном ономастиконе XV—XVII вв.:
единичность как отражение социального фактора

Практически в каждом исследовании, посвященном антропонимии определенного исторического периода, с разной степенью глубины затрагивается вопрос о женских именах, функционирующих в памятниках письменности. Здесь назовем фамилии исследователей, подготовивших на сегодняшний день специальные работы на данную тему: М. С. Выхрыстюк и Е. Ю. Токарева [2010], И. М. Ганжина [1998], В. А. Никонов [1971], Н. Н. Парфенова [1994, 2013], Е. Н. Соколова [2009 (2)], Е. А. Тарнопольская [2002], Ю. И. Чайкина [1994], Е. А. Шерстенникова [1996] и др. Ученые солидарны во мнении, что единичность женских имен обусловлена социальными факторами. Как известно, женщины попадали в документы при определенных условиях: или в случае вдовства, или из-за отсутствия наследников по мужской линии. Именно поэтому выстроить объективную картину женского ономастикона и дать ему должное описание достаточно сложно. Однако в нашем распоряжении все же имеется определенное число женских именованний, отмеченных в русскоязычных и шведских памятниках письменности Карелии XV—XVII вв. Русские и шведские источники отличаются тем, что большая часть женщин, представленная в книгах Кексгольмского лена, безымянна. Приведем несколько примеров из книги 1637 г., ср.: *Самылкина жена / Samujlass Änkie*, дер. Мустоля (Mustola), п. Тиврольский [КЛ, 462 / 51]; *Ивашкина жена Павлова / Iwaskas Hustro* [Там же]; *Силдоева вдова, бобыль / Sillwändoss Änkie*, bobell, Волно Озеро (Wolno Järffwi), п. Куркиекский [КЛ, 523 / 119]; *вдова Филиппова / Philipkos Änkie*, дер. Китеная Сельга (Kitechen Sällgä), п. Китежский [КЛ, 584 / 187]; *Трофимова вдова / Trofimos Änkie*, дер. Ямеозеро (Ämä Järwi), п. Шуйстомский [КЛ, 698 / 316] и т. д. (всего 150 случаев по всем документам), в русскоязычных памятниках отмечен единичный пример: «В Выгозерском же погосте Соловецкого монастыря в волости в Суме на погосте острог... На погосте ж: в нем поп Максим, в нем дьячок церковной

Нечайко, в нем пономарь Мишка, в нем проскурница», 1582/83 гг. [КЗПОП, 199—200]. В статистическом плане документы на русском языке содержат 50 женских имен на 382 носительницы таких имен (см. Приложение 11); в шведских памятниках соответственно зафиксировано 21 имя на 39 лиц женского пола (см. Приложение 16). Что касается русских памятников письменности Карелии XV—XVII вв., то наши подсчеты в целом совпадают с представленными показателями по другим регионам Руси (см. статистику в работах И. М. Ганжиной [1992, 10], Н. С. Дьяковой [84—85], Н. В. Комлевой [2004, 75], Е. Н. Поляковой [2010, 140] и др.). Однако процесс «документированной дискриминации» именованья женщин заканчивается в XVII в. и в XVIII в. именованья женщин включаются в деловые источники, ср. наблюдения Е. Н. Баклановой по переписи 1717 г., в которой отмечены 3021 женщина в соотношении к женскому именнику в 65 имен [Бакланова: 1970, 308].

Если рассматривать репертуар женских именованья, его частотность на общем фоне — вкуче с мужским, то лишь небольшая часть женских имен проходит показатель СКО (в порядке убыванья): *Мария* (38), *Евдокия*, *Марфа* (35), *Ксения* (23), *Екатерина* (20), *Ирина* (19), *Анна*, *Агафья*, *Матрона* (15), *Ефимия* (14), *Акилина*, *Татьяна* (11), *Анастасия* (10). Остальные имена: *Анисья*, *Аносья*, *Афанасия*, *Доминика*, *Елизавета*, *Зиновия*, *Ираида*, *Кристина*, *Маримьяна*, *Фекла*, *Фетиния*, также *Александра*, *Евгения*, *Иулита*, *Лукерия*, *Пелагея*, *Прасковья*, *Феодора*, *Юстина* представлены 1—3 употребленьями. Безусловно, общее положение состоянья женского именника очень условное. Например, в шведских документах с предельно низким попаданием женщин в текст документа самым частотным именем наряду с *Марией* является имя *Татьяна* (по 5 употребленьям). Не считая западноевропейских имен *Гелка*, *Кайза*, *Керттой*, отмечены только два имени, отсутствующие в русскоязычных документах, — *Домнида* и *Евфимия*, в остальном репертуар имен разноязычных ономастиконов совпадает, что опять-таки свидетельствует, как и в случае с мужским именником, о закрытом списке имен, выбираемых для нареченья. Диминутивно-квалитативные ряды строились также как и у мужских модификатов, то есть были связаны с полной

канонической или неканонической формой, также имеющей различные морфонологические варианты (*Агафья / Огафья, Аксенья / Аксинья, Варвара / Ворвара, Евдокея / Евдокия / Авдотья / Овдотья, Иринья / Орина* и т. д.). Однако длина такого ряда была невелика, и невелико число формантов, участвовавших в образовании модификатов: всего 3:

-*иц(а)*: А(О)гафьяица, Аксе(и)ньяица, Анница, Варварица, Дарьяица, Домница, А(О)в(ф)дотьяица, Зи(е)новьяица, Лукерьяица, Маврица, Ма(о)ланьяица, Мариница, Марфица, Марьяица, Матреница, Настасьяица, Натальяица, Оксе(и)ньяица, Офимьяица, Офроси(е)ньяица, Пелагеица, Поладьяица, Прасковьяица, Татьянаица, Усти(е)ньяица, Федорица, Фе(о)досьяица, Феклица, Ховроньяица;

-*к-*: Акилинка, Варварка, Василиска, Овдотка, Оленка, И(А/О)ринка, Маурка, Маринка, Матре(у)нка, Настаска, Наталка, Огро(у)фенка, Окулинка, Окулька, Полаш(ж)ка, Солома(о)нидка, Стефанидка, Татьянка, Ульянка, Хавка;

-*ишк(а)*: Огашка, Иришка.

Видим, что самый продуктивный в мужском ономастиконе формант *-к-* уступает первенство суффиксу *-иц(а)*, и, как представляется, не случайно. Данный суффикс имеет семантику женскости и представлен в апеллятивных названиях лица: *богородица, вдовица, девица, владелица, красавица, ленивица, любовница, молодица, наследница, наставница, нечестивица, отроковица, старица, страдалица, страница, строптивница, умелица* и т. д.

В целом, женский именник отражает общие ономастические процессы русской православной системы именовании, носительницами которых могли быть и русские, и карельские, и вепские, и саамские жительницы края.

4.7.3. Ономастикон священнослужителей как закрытая календарная подсистема

Носителями строгих канонических форм являлись священнослужители разных рангов (митрополиты, архиепископы, архимандриты; иеромонахи, диаконы, игумены, попы, протопопы и прочие члены религиозной общины, включая монастырских служащих и низших клириков). В работах исторического

плана о жизни монашествующих достаточно часто даются комментарии об именах духовенства, например, приводятся примеры перемены имени человеком, вступающим в лоно церкви и получающим духовный сан определенного ранга, однако лингвистический и ономастический аспекты имен церковнослужителей практически не затронуты. Назовем небольшие статьи Л. М. Городиловой [2011 (1)], А. Левшенко [2009], С. Н. Смольникова и Ю. И. Чайкиной [2012], М. С. Черкасовой [1999].

Такие имена фиксируются в делопроизводственной письменности старорусского периода, например, они были значимы и для актовых материалов (купчих, жалованных, данных и под.) и для официально-деловой письменности Карелии XVI—XVII вв. Всего около 150 именовании на примерно 550 носителей.

Имена лиц высшего духовного сословия отличались от именовании низших клириков, последние часто были местными жителями, именной репертуар которых, формы представления в текстах документов практически не отличался от крестьянского, мастерского и другого, близкого к указанным сословиям населения.

Имена высшей, средней и первой степени церковной иерархии значительно отличаются от светского (в широком смысле слова) ономастикона. Рассмотрим их.

Прежде всего, имена таких священнослужителей выделяются использованием их только полной форме. Ср. в деловых актах Карелии XVII в.: *Авфоний, Агафоник, Антоний (Антонио), Арсений(ей), Василист, Галасий, Домьян, Еупла, Илинарх, Калистрат, Климентин, Левкий, Пров, Селифонт, Созомонт, Фекла (ж), Феопомп, Филарет, Фирс, Флавиан* и др. Как видим, в документе имя не всегда употребляется в строгой (литургической) форме, что, по всей очевидности, обусловлено использованием его в делопроизводственной письменности и, возможно, подобным функционированием имени в речи.

Отдельные имена священнослужителей практически не встречались вне церковного сообщества. Их единичность, нераспространенность представлена и в более ранних источниках, ср. фиксации до XVII в.: *Аввакум, Авраамий, Галахтион,*

Геронтий / Горонтий, Гурий, Досифей, Епифаний, Ермоген, Иларион, Иоасаф (Иосаф), Иоаким, Лаврентий(ей), Макарий(ей), Мартемьян, Мардарий, Меркурий, Онуфрей / Онофрей, Пахнутей, Протасий, Фегнаст, Федорей, Федорит, Фефилатий, Хрисанф, Христофор и др., что свидетельствует об особо сформировавшемся списке именовании представителей церкви.

Особый антропонимический репертуар и основной признак канонической атрибуции — полная форма — наиболее ярко воспринимаются на фоне ономастикона мирского христианского сообщества, состоящего из разных социальных слоев и иногда использовавшего тот же ономастический ресурс, что и священнослужители. В таблице 34 приведены примеры сопоставления имени служителей церкви и соответствующие им антропонимические употребления в мирской среде (у крестьян, бобылей, ремесленников, земцев, помещиков, дворян и проч.).

Таблица 34

Сопоставление канонических и неканонических форм имен, зафиксированных в памятниках Карелии XV—XVII вв.

<i>Имена церковных служащих</i>	<i>Имена мирского сообщества</i>
Аввакум	Аввакумко, Обакумко, Обашка
Аврамий	Аврамко, Обрам, Обрамко
Варфоломей	Вахромейко, Охромейко, Вахрушь
Галактион	Галаш, Голаш, Галашко
Гурий(ей)	Гурий, Гурко, Огур(к)о, Гурейко, Гур
Елизарий	Елизарко
Еуфимей	Ефим, Ефимко, Олфимка, Офиманко, Офимьянко, Офишко, Фим(к)а
Епифаний	Епифан, Епифанко,
Зеновей	Зеновка, Зиновка(о), Зенка, Зихно, Зехно, Зешко, Зинко, Зеновейка(о)
Иаким	Акимко, Яким, Якимко, Екимко
Иларион	Ларион, Ларионко, Ларивонко, Ларионик, Ларя, Ларка, Ларюк, Ларюша, Ларивонный, Ларивонистый

Киприян	Киприян, Киприянко, Кипр, Кипро, Кипрок, Кипрец
Лаврентий	Лаврентейко, Лаврушка, Лаверко, Лаврик, Лаврок, Ларюша
Макарий	Ма(о)кар, Ма(о)карик, Ма(о)карко, Мокарец
Меркурий	Меркулка, Меркуша, Меркушка, Меркулка
Онуфрей	Ануфрейко, Ону(о)фрейко(а), Онушко
Сергий(ей)	Сергий, Серга, Сергейка, Серешка, Сергиец
Созонт	Созон, Созонка, Созонтейко, Сонка, Занка и т. д.

Подобные выводы об именах женщин — монахинь, стариц можно сделать лишь в предположительной модальности, поскольку в документах находим незначительное количество примеров. Единственный пример отмечен в официально-деловой письменности: игуменья *Аносья*, п. Пиркинический, 1563 [ПКОП, 83], остальные фиксируются в частно-деловых актах: старица *Фетинья* Иванова дочь, Ермолинская жена, Кирилова сына Охлябинина, купчая, 1571 [Гейман, 206]; старица *Марина* Кузмина дочь Ушкалова, данная, 1571 [Там же: 209]; старица *Екатерина*, Артемья Кирпиянова мать, челобитная, 1650 [Мюллер, 106]; великая государыня старица инока *Марфа* Ивановна в жалованной обельной грамоте 1614 г. [Там же, 30]. При этом наблюдается в сравнении с церковными именами мужчин некоторое усложнение структуры, в которой отражены родственные связи.

Впрочем, следует учесть, что у женщин, относящихся к низшим клирикам, полное имя, зафиксированное в официально-деловых документах, употребляется непоследовательно, ср. полные именованья старица *Наталья*, п. Остречинский, 1563 [ПКОП, 111], проскурница *Ираида* старица, п. Пудожский, 1582/83 [ПКОП, 224]; проскурница *Полагая*, п. Сакульский, 1568 [ПКВП, 113—114], но при этом отмечены суффиксальные модификаты: старицы *Матренка* да *Анница*, п. Сакульский, 1568 [ПКВП, 113—114]; проскурница *Стефанитка*, *Васка*

проскурница, п. Остречинский, 1563 [ПКОП, 111]. Однако примеров, которые бы позволили дать обстоятельный анализ явлению, опять-таки немного.

Но даже эти немногочисленные сведения показывают, что особая полная форма именованя лица духовного сана — их ономастический маркер, с помощью которого священнослужители дистанцировались от мирского общества.

Таким образом, незначительная частотность монашеских имен, даже единичность большей их части делает данные антропонимические единицы уникальными знаками, позволяющими говорить о тесной связи носителя нового имени и одноименного святого при получении человеком религиозного звания во время пострига, их особой соборности, сакральности [Смольников: 2012, 114].

Выводы

1. Раскрывая когнитивно-антропоцентрический потенциал календарных личных имен, зафиксированных в русскоязычных и шведских делопроизводственных памятниках письменности Карелии XV—XVII вв., следует учитывать частотность полных (официальных) и модифицированных форм календарных имен, региональные особенности их языковой адаптации, этноязыковую и социальную маркированность, функционирование календарных имен в региональной ономастической системе.

2. Календарные имена иноязычного происхождения массово становятся достоянием русской ономастической системы. Они занимают лидирующую позицию, что свидетельствует об изменении сознания народа и системы его культурных ценностей.

3. В XV—XVII вв. ядро христианского именника было усвоено на всей территории Карелии, однако наблюдаются особенности в распространении репертуара имен, сказывавшегося на частотности отдельных антропонимов.

4. На выбор имен, сохранение репертуара влияют семейные традиции, о чем свидетельствуют примеры семейной тезоименности, являющиеся в некоторой степени отражением процессов имянаречения, принятых в княжеской среде.

Однако социальный фактор в ономастиконе отражен слабо, по составу имен выделяются только священнослужители.

5. Тезоименность — одна из характерных черт не только ономастикона Карелии XV—XVII вв., но и всей ономастической системы Руси, и более того, это общая христианская универсалия. Одним из способов ухода от одноименности являлось создание огромного количества модификатов — народно-бытовых форм календарных имен.

6. На модификационный потенциал имени влиял апеллятивный запас русской морфемной системы, что вводило иноязычное имя в разряд родных. Региональные особенности незначительно проявляются при образовании диминутивно-квалитативных форм, а их количественный состав обусловлен, вероятно, жанровой стилистикой памятника и некоторыми вольностями со стороны писцов, составлявших документы.

7. Некоторый «консерватизм» календарного антропонимикона в Карелии XV—XVII вв. может быть обусловлен периферийным положением края, а также тем, что прибалтийско-финское население, усваивавшее календарный ономастикон от русских жителей края, отбирало для наречения имени, уже хорошо адаптированные и ставшие распространенными именно в русской среде. Кроме того, использование календарных имен с прибалтийско-финскими маркерами — специфическая особенность календарного ономастикона Карелии, отражение процессов этнического взаимодействия.

8. На общем календарном фоне вычленяется составом и формой представления подсистема именовании священнослужителей высшего ранга, отражающая через репертуар идею сакральности, соборности, особого противопоставления мирскому сообществу.

Глава 5

Отражение процессов этнического взаимодействия в антропонимиконе Карелии XV—XVII вв.⁵⁴

Известно, что имя человека — языковая, культурно-историческая и социальная универсалия⁵⁵. Любое общество в определенное время формирует систему значимых единиц номинации лица, в которой существование каждого имени мотивировано. Данное положение применимо как к родным, так и к неродным (заимствованным) именам, использование последних обусловлено различными причинами (лингвистическими и экстралингвистическими). При этом неродное имя не всегда находится в периферийной позиции. Примером того, когда заимствованное имя занимает центральные позиции, может служить принятие православных имен в связи с христианизацией Руси. Календарный антропоним из чужого, периферийного имени в самом начале функционирования превратился в господствующий элемент ономастической системы Руси, адаптировавшись на всех языковых уровнях к XIV в. Контаминация русифицированного календарного имени с исконно русским личным и прозвищным, а также с онимами, являвшимися родными для разных этнических групп народов Руси, придает особый колорит русскому ономастикону. Однако процессы такой контаминации были различными в разных регионах Руси XV—XVII вв. И потому выяснение этнокультурного состояния ономастикона определенной территории в конкретное историческое время является актуальным для исторической антропонимии. С данной точки зрения ономастикон Карелии среднего и раннего нового времени представлен уже описанными в работе именами, чья апеллятивная основа связана с русской и шире

---

⁵⁴ Выражаю признательность И. И. Муллонен за помощь в работе над некоторыми вопросами, представленными в данной главе.

⁵⁵ Ср. с высказыванием А. Ф. Лосева, согласно которому «именами пронизана вся культура сверху донизу, все человеческое бытие, вся жизнь» [Лосев: 1993, 880].

славянской лексическими системами, которым противопоставлены антропонимы, имеющие неславянское происхождение. Репрезентантами неславянского ономастикона в антропонимии Карелии XV—XVII вв. являются финно-угорские и тюркские по происхождению имена. Рассмотрим их состав, особенности функционирования и информативную значимость для исследования таких имен в антропоцентрической, этнолингвистической парадигме.

*5.1.0. Прибалтийско-финские и саамские именованья
как компоненты антропонимической системы Карелии XV—XVII вв.*

5.1.1. Территория Карелии как сложный полиэтничный регион

Территория Карелии издревле испытала взаимовлияние прибалтийско-финского, саамского и славянского этносов. Отношения были достаточно активными и носили исключительно мирный характер. Показательным является использование до настоящего времени топонимии прибалтийско-финского происхождения русскоязычным населением края, например в Заонежье, Прионежье, Пудожье, на карельском берегу Белого моря. На апеллятивном уровне также можно отметить многочисленные прибалтийско-финские заимствования прежде всего в лексическую систему русских говоров Карелии и других говоров Русского Севера, которые описаны Б. А. Лариным [1963], В. Я. Дерягиным и Л. П. Комягиной [1972], Л. П. Михайловой [1993, 2004], С. А. Мызниковым [2003] и др. В прибалтийско-финские языки на протяжении веков тоже внедрялась русская лексика, см. примеры — *чай, сканец, пирог, вино, чулок, кафтан, пряжка, ложка, крест, веретено, товар, лодка* — в Сопоставительно-ономазиологическом словаре диалектов карельского, вепсского, саамского языков Ю. С. Елисеевой и Н. Г. Зайцевой [2007]. Отдельные прибалтийско-финские лексемы отмечены в русской деловой письменности донационального периода (см. примеры ниже: с. 315—318).

Достаточно сложно говорить об этнической ситуации с географической точки зрения, то есть выделить территории, закрепленные за каким-либо этносом, особенно для XV—XVII вв., поскольку указания на этническую принадлежность жителей региона практически не представлены в документах указанного времени, ср. единичные указания на отношение к определенному этносу (лопин, корелянин): след Карпинской *лопина* да сына его Матюшки... след Ивашка Койвупя *лопина*, Ругозерский, 1597 [ДКЛП, 208], след Ивашка Безимянново *лопина* [Там же, 208], Осташко *лопин* [ам же, 207], Олфуи *корелянине*, закладная, 1459—1470 [Гейман. 109], Да оне же *кореляне* Юшко Климпуев с товарищи живут на Олонце, челобитная, Олонец, 1668 [Мюллер, 191], Суботка *корелянин* живет у Иванка же, Панозерский, 1597 [ДКЛП, 217] и др. Причем через указание *корелянин* идентифицировали и жителей Корелы, бежавших от шведской интервенции.

Для выяснения хотя бы приблизительной этнической картины изучаемой эпохи можно обратиться к составленным на сегодняшний день историками, этнографами, лингвистами картам распространения карельского, вепсского, русского языков на территории Карелии. При этом только для ряда территорий проведенное исследование в общем и целом отражает особенности ее этнического состояния в прошлом. В основном полученные результаты характеризуют явления начала XX в. и могут в лучшем случае быть спроецированы на XIX в. Обратимся к работам, в которых затронуты вопросы этнического состояния региона, дано их картографирование.

Карта 10, опубликованная в 1927 г. Д. А. Золотаревым [1927] с комментариями И. И. Муллонен [2014], отражает распространение карельско-вепсской и русской языковых областей в конце XIX — начале XX в. Как видим, западная часть Карелии была в большей части неславянской, а восточная — русской.

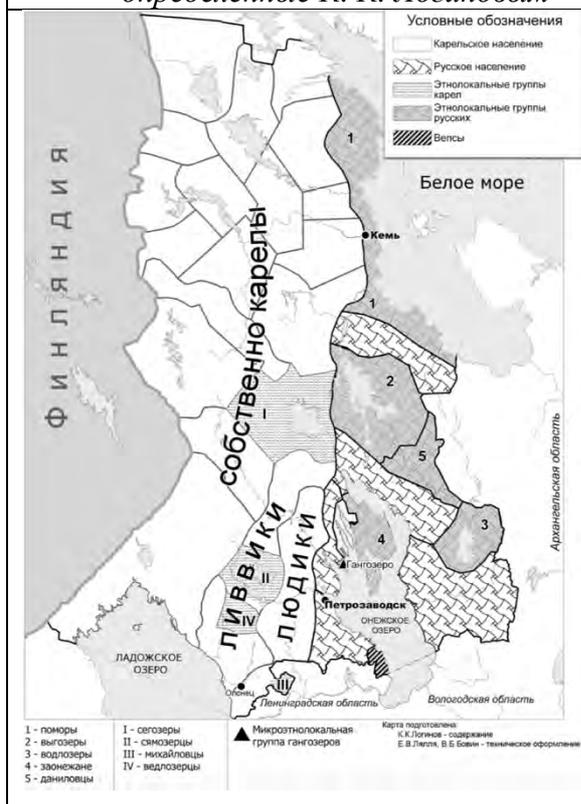
Интерес представляет исследование К. К. Логинова, очертившего этнографические зоны и этнические границы в Карелии, которые были изучены в более позднее время [Логинов: 2008, 90—103], см. карту 11.

Карта 10. Этнографическая карта Карелии Д. А. Золотарева 1927 г.

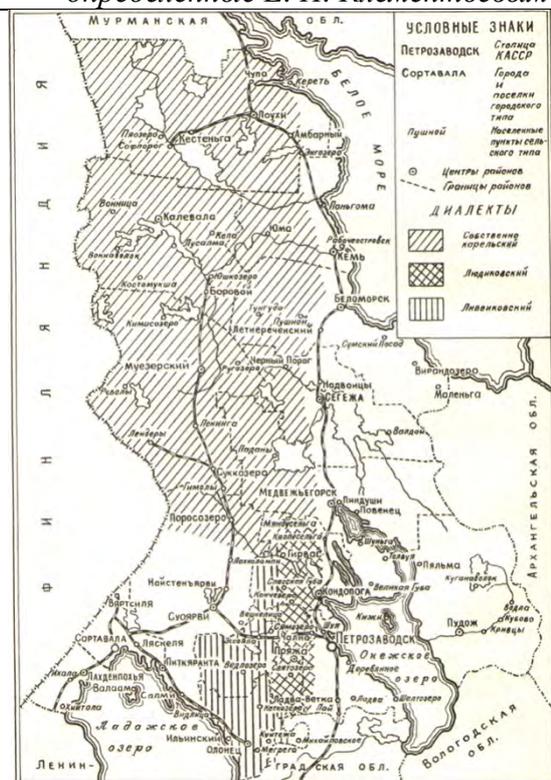

Пространства, занятые говорящими на карельском языке, совпадают с границами его диалектов, представленными на карте 12, составленной Е. И. Клементьевым [1991, 8].

Карта 11. Этнолокальные группы Карелии, определенные К. К. Логиновым

Карта 12. Диалектные группы карел, определенные Е. И. Клементьевым

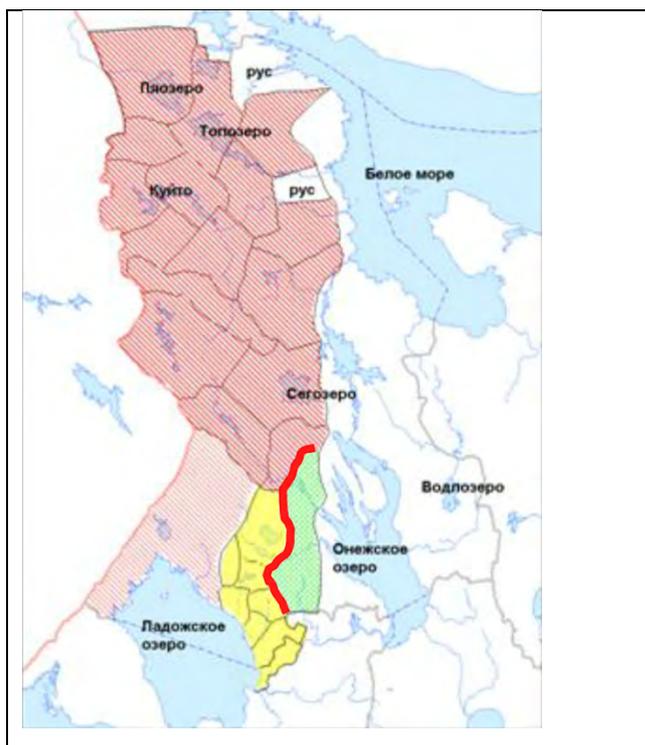

Существенным вкладом в изучение данной проблемы считаем исследование И. И. Муллонен, связавшей особенности появления границ между диалектами карельского языка с данными топонимии. В качестве примера дадим карты 13—14, представленные в презентации к докладу и в статье И. И. Муллонен [Муллонен: 2014, 62—66]. Наглядно доказано, что «исходным фактором в формировании культурных границ являются климатические и ландшафтно-географические составляющие... природная граница оказывается и культурной, отделяющей территорию, наиболее благоприятную для ведения земледелия в северных условиях, от районов, где таковое малоэффективно [Муллонен: 2014, 64].

Вероятно, надо признать, что современное распространение карельского языка в большей степени совпадает с той языковой ситуацией, которая могла быть в XV—XVII вв. Карельскими в языковом плане для исследуемого периода следует признать, во-первых, Лопские погосты, где, вероятно, помимо карелов присутствовало саамское население, а в центрах погостов проживали еще и русские. Во-вторых, Олонецкий и Важинский погосты Обонежья также по преимуществу были карельскими. В-третьих, карельским был регион Приладожья, включавший бывшие погосты Водской пятины, перешедшие впоследствии Швеции, которые на современных картах никак не обозначены по той причине, что аборигенное население (карельское, финское) в советское время было выселено с этих территорий.

Что касается русских и вепских территорий, то такого однозначного проецирования в прошлое сделать нельзя. Обратимся к одному из наблюдений И. И. Муллонен, на уже представленной карте 13. Оказалось, что та граница, которая выделена исследователем жирным шрифтом, «четко накладывается на ту границу, которая реконструируется по данным топонимии как северный рубеж *исторической вепской территории* (курсив мой. — И. К.)» [Муллонен: 2014 (2)]. В реконструированном виде вепский ареал, согласно исследованию И. И. Муллонен, был намного шире, чем тот, который мы имеем в настоящем.

Карты 13, 14
*Наречия карельского языка,
представленные в исследовании И. И. Муллонен*

К подобным выводам приходит С. И. Кочкуркина, исследовавшая археологические объекты разных регионов Карелии [Кочкуркина: 2014, 498—500]. Как видим, исторический ареал накладывался не только на территории, которые традиционно связываются с русскими поселениями, но и теми, которые являлись карельскими. Однако

это не дает ответа на вопрос: каким по этнической принадлежности и языку было население тех регионов, которые в современных исследованиях представлены как вепсские или русские? Предполагаем, что вепскими по преимуществу были Остречинский, Оштинский, Венецкий, Мегрежский, Пиркинический, Вытегорский погосты Обонежья.

Карта 15

Реконструкция исторического вепсского языкового ареала И. И. Муллонен

Современный ареал вепсского языка обозначен красным цветом; реконструированный по данным топонимии исторический вепсский ареал дан красной штриховкой.

Русские, ставшие последними, кто колонизировал территорию Карелии, в большей степени освоили Кижский, Шуньгский, Толвуйский, Челмужский, а также Пудожский, Выгозерский, Водлозерский, Шальский, Андомский погосты в Обонежской пятине, заселили берега вдоль Белого моря. Однако и на этой территории присутствовал прибалтийско-финский компонент. Здесь, по словам А. С. Герда, происходили процессы скрещивания и контаминации, появлялся на базе прибалтийско-финского населения и смешения браков особый слой билингвов, которые и создавали устойчивость и повсеместное распространение множества прибалтийско-финских слов. Со временем, в силу преобладания на этих территориях восточнославянского элемента билингвы перешли на восточнославянский тип речи [Герд: 1987, 101]. «В историческом плане русские говоры Заонежья, Карельского Беломорья, Терского берега, Мурмана, Заволочья, бассейна Онеги — исконные говоры старой Новгородской земли X—XII вв., так называемого северного (новгородского) наречия, возникшие в результате ранней новгородской колонизации» [Герд: 1985, 35].

Сложнее всего говорить о местах проживания саамского населения: оно вело кочевую жизнь, а потому на картах присутствие саамов никак не обозначено, хотя «вопрос об их пребывании на ранних этапах истории региона не вызывает сомнения» [Кузьмин: 2014, 40]. Их следы отражены опять же в топонимии в виде распространенности терминов типа *сума*, *сумской*, которые являются отражением этнонима саамов. Используется также название *лопь*, ср.: *Лопский* (*Лобский*) песок, *Лопская* matka [Витов: 1962, 43], а также р. *Лопская* (бассейн р. Ковды), населенные пункты *Лопское*, *Лопская Гора* (Медвежьегорский район, Карелия) и т. д. [Керт: 1982, 13]. Думается, что к XV—XVII вв. оно в большем своем составе ушло на Кольский полуостров, в места, которые обозначены для того времени названием *Дикая Лопь*, южнее — в Лопских погостах — саамское население, по свидетельству историков, регистрируется еще в XVI—XVII вв. [Лукьянченко: 1979, 15—16]. И. И. Муллонен, объясняя сохранение саамской гидронимии в таком собственно карельском ареале, как Сегозерье (Паданский погост), отмечает, что среди жителей окраинных деревень этой собственно карельской территории «бытует самоназвание *lappalani* ‘лопарь, саам’, отражающее этап внутренней миграции карелов из первоначальных карельских центров территории, их внедрения в саамскую среду, сопровождавшееся ассимиляцией местных саамов. В этих условиях саамское языковое наследие растворилось практически полностью» [Муллонен: 2014, 65].

Таким образом, Карелия — место сложных контактных отношений разных этносов. Для данного исследования особый интерес представляют прибалтийско-финские рефлексы, нашедшие отражение в антропонимической системе делопроизводственных источников XV—XVII вв.

5.1.2. Исследования прибалтийско-финского антропонимического материала

Русско-прибалтийско-финские антропонимические взаимные отношения уходят в средневековье и в основном связаны с христианизацией карел в начале XIII в. Хотя именно отдаленность от центра была той причиной, по которой смена

религиозной формы освоения человеком мира через имя не имела той интенсивности, как на других территориях Руси, ср. с записью 1597 г. «на Куйто ж озере живут по лесом *лопарь крещеные и некрещеные*», п. Панозерский [ДКЛП, 214]. Поэтому на общем календарном фоне в документах особо выделяются некалендарные личные имена, прозвища и неславянский именник.

Прибалтийско-финские, саамские антропонимы являются хоть и специфической, но неотъемлемой частью ономастической системы Руси как донационального периода, так и более поздних временных отрезков. Исследователи регистрируют их в ономастиконах территорий, издревле связанных с финно-угорскими народами. Отмечены примеры функционирования именованных лиц, как то: *Гымуй, Гюви, Новзей, Селюев* и под., — в новгородских берестяных грамотах (см.: А. И. Попов [1949, 1958]; Н. А. Мещерский [1961, 1964]; Е. А. Хелимский [1986]; Johanna Laakso [1999]; А. Л. Шилов [2002, 2005, 2010]; Я. Саарикиви [2007]), в документах Карелии XV—XVII вв. (см.: О. Л. Карлова [2014], И. А. Кюршунова [1997, 2001, 2004, 2014]; А. И. Соболев [2002; 2014; 2017]), в исторических документах и современном социуме (см.: Д. В. Кузьмин [2016 (1, 2)]); фиксируются антропонимы в основах посессивных ойконимов Карелии и территорий, сопредельных с ней, ср.: *Вихтово, Кеврола, Кавкола, Karhil, Rahkoil, Šagil* и под. (см.: Н. Н. Мамонтова [1988]; И. И. Муллонен [1988, 1994, 2002, 2008]; Ю. И. Чайкина [1993]; А. В. Кузнецов [1991, 2000]; Я. Саарикиви [2003]; О. Л. Карлова [2004]; Н. В. Кабинина [2005]; А. И. Соболев [2010]).

В работах, в которых финно-угорское имя является основным или второстепенным объектом исследования, решаются по преимуществу ономастические или этимологические задачи, а именно: выявляется репертуар прибалтийско-финских антропонимов, обсуждается их внутренняя форма, реже мотив именованья, место таких именованья в ономастической системе региона. Этнокультурные, антропоцентрические парадигмы в исследовании таких именованья рассматриваются эпизодически, поэтому обращение к такому аспекту исследования, безусловно, актуально, особенно с привлечением

материала, зафиксированного в документах донационального периода. Всего по данным письменных источников Карелии фиксируется более 700 единиц номинации на более чем 1800 употреблений. В процентном отношении в ономастической системе региона это примерно 2,5 %.

5.1.3. Имена с прибалтийско-финскими, саамскими маркерами в ономастиконе Карелии XV—XVII вв.

Такие именованья отличают на славянском некалендарном и календарном фоне формальные показатели заимствования или генезис основы.

Формальными показателями являются: 1) *фонетический маркер* — сочетание звуков, не характерных для русской звуковой системы, переданных в текстах документов графически: *кк, лл, нн, пп, рр тт., вг, вк, гп, лг, мб, мп, мк, нг, нж, нт, рг, рл, хк, ге, ги, гю, гя, ке, ки, кю, кя, хе, хи, хя* и др., ср. примеры, представленные в исследуемых памятниках письменности: Ваккуй, Пеллюй, Наннуев, Гаппуев, Гуттое, Терруев, Кавгуев, Товкой, Пугнуев, Вилгунов, Лимбака, Румпин, Кемкуй, Кенгуй, Конжоев, Рентюев, Каргуев, Тирлилев, Лахкуев, Гебяпяев, Гимой, Гюев, Гяжин, Келюев, Кичуев, Кюрзов, Кялкеев, Хидоев и под.; 2) *структурный маркер* — формант *-уй (-ой, -ей, -ий)*, отмеченный в составе имени, патронима или посессива (см. примеры, приведенные выше).

По характеру основы отобранные для анализа онимы можно разделить на две группы.

В первую группу включаем имена собственные, имеющие прибалтийско-финскую или саамскую апеллятивную основу, ср.: Гриша *Мянда*, 1563 [ПКОП, 162] и карел. *mändii*, фин. *mänty*, эст. *mänd* ‘сосна’ [Фасмер, 3, 30]; Василий Родионов сын *Кеттуева*, данная, 1571 [АСМ, 235] и фин. *kettu* ‘лиса’ или переносные карел. *kettu* ‘плёнка’, ‘кожура’, ‘кожа, наружный покров тела’ [Мамонтова: 1988, 226]; пустошь, что была деревня *Корвачово* на реке на Олонце, 1616—1619 (гос.) [Чернякова, Л. 53 об.] и ливв. *korvačši* ‘проушина’,

люди. *korvatš* ‘одна из подпор вокруг стога или скирды’, при саам. кольск. *koarv* ‘кол с развилкой для опоры’, а также карел. *korvakko* ‘подпора с развилкой на конце, подпирающая кладку сена или костер дров’ [Мызников: 2003, 363]; можно также увидеть связь с карел., фин. *korva*, вепс. *korv* ‘ухо’ [СОС: 103]. Условно назовем такие именованья *генетическими*. Несмотря на то что они структурно оформлены и изменяются в соответствии с нормами русской грамматики и по русской грамматической модели, то есть в их структуре выделяются русские патронимные и посессивные форманты, их основным показателем принадлежности к неславянскому ономастикону является генезис апеллятивной основы (*этимологический маркер*).

Во вторую группу включаем имена собственные, которые, пользуясь терминологией А. И. Попова, назовем *карелизированными* [Попов: 1949, 58]. Они образованы от календарных русифицированных антропонимов. В их структуре обычно выделяются форманты *-уй*, *-ой* и их варианты с присоединением патронимных и посессивных компонентов или именных формантов: *Ермуи* Оникеев, п. Ровдужский, 1500 [ПОКВП, 115], *Ермуи* ← Ермолай; *Минкуи* Кузьмин, п. Ровдужский, 1568 [ПКВП, 162], *Минкуи* ← Минька ← Михаил или Мина; *Мартой* Сергиев, п. Оштинский, 1563 [ПКОП, 226], *Мартой* ← Мартын; *Михкуйко* Нестеров, п. Сердвольский, 1500 [ПОКВП, 153], *Михкуйко* ← *Михкуи* ← Михаил или Михей; дер. на низу Олонца слово *Антуева*, 1563 [ПКОП, 69], *Антуев* ← *Антуи ← Андрей, Антон или Антип и под.; Гришка *Вансюев*, 1568 [ПКВП, 82], *Вансюев* ← *Вансюи ← Василий; дер. на усть Свери слово *Артюевское*, 1563 [ПКОП, 227], *Артюевское* ← *Артюев ← *Артои* ← Артемий; Юшко *Есоев*, 1597 [ДКЛП: 196], *Есоев* ← *Есой ← Иосиф или Ефим; дер. *Ларюевская* за болотом, 1582/83 [КЗПОП, 92], *Ларюевская* ← *Ларюев ← *Ларюи* ← Ларион; дер. *Прокуево*, 1563 [ПКОП, 110], *Прокуево* ← *Прокуи* ← Прокопий; дер. *Теркоево*, 1582/83 [КЗПОП, 74], *Теркоево* ← *Теркой* ← Терентий и под.⁵⁶

Количественно генетические антропонимы преобладают над

⁵⁶ Связь с христианским именем восстанавливалась по работе Viljo Nissilä [1976].

карелизированными (600 к 100). Вероятно, новгородские и московские документоведы прошлого, чувствуя календарную основу представленной номинации, по своему желанию изменяли христианское карелизированное имя на русифицированный образец.

Обращает на себя внимание «распределение» именованных с прибалтийско-финскими маркерами по ономастическим группам. Наибольшее число прибалтийско-финских именованных фиксируется в основах посессивных ойконимов (921), далее патронимов (703), затем именованных, выполнявших роль прозвища (158), меньше всего зарегистрировано личных имен, восходящих к карелизированным календарным именам (16). Налицо расхождение показателей: есть патронимы и ойконимы, но количество базовых онимов (личных имен и прозвищ) в разы меньше: календарных имен в составе патронимов в 4,5 раза больше, а в составе ойконимов — в 6,5 раз. Такая неровная статистика в отношении личных имён ещё раз служит подтверждением предположения о роли писцов в намеренном искажении фактов номинации лица. Один из таких примеров, доказывающих сознательную замену, выявил в местных документах А. Л. Шилов: «...в 1563 г. в дер. Ивкуева Никольского в Шунге погоста жил некто Иванко *Куйва* (ср. карел. *kuiva* ‘сухой’, вепс. *kuiv* ‘сухой’), который чуть погодя назван как Иванко Сухарь» [Шилов: 2008, 39]. Еще пример. В документах 1500 г. несколько раз упоминается земец по прозвищу *Широкий Кивер(ь)*, ср.: Дворь Нестерека *Широкового Киверя*, Корела [ПОКВП, 5]; место Нестерика *Широково Киверя* съ детми, п. Городенский [Там же, 21]; Нестерка *Широкового Киверя* Микулина сына, п. Ровдужский [Там же, 112]. В 1568 г. фиксируются по тем же территориям его потомки — Степанко да Иванко да Тарута Офонасьевы *Широких Колпаков*, земцы, п. Городенский [ПКВП, 89]; Василий да Павел Широких Колпаков, п. Ровдужский [Там же, 161].

Именованиям с неславянской основой характерна высокая вариативность чаще всего на структурном уровне, которая обусловлена трансформацией антропонима в тексте документа, составлявшегося русским писцом, ср. с примерами, приведенными в таблице 35.

<i>Примеры отражения вариативности онимов (по данным памятников письменности Карелии)</i>	
Дер. Стогова <i>Батоева</i> на Путкоозере, Шуньгский, 1582/83 [КЗПОП, 182]	Деревня Стогова <i>Батуева</i> да на Путкоозере, Шуньгский, 1616/19 (гос.) [Чернякова, Л. 153 об.]
Дер. Пипиево слово <i>Варгоевская</i> : в ней Митя Павлов, Третьячко Павлов, Вытегорский, 1563 [ПКОП, 205]	да дер. Пипуева <i>Варгуева</i> , Микитки Павлова, Вытегорский, 1616/19 (мон.) [Чернякова, Л. 465]
Клиш Степанов <i>Гемечов</i> , Толвуйский, 1563 [ПКОП, 137]	Клишко Степанов <i>Гемячов</i> , Толвуйский, 1563 [ПКОП, 137]
Кирьяк Семенов сын <i>Гирмоев</i> , прозвище Русин, купчая, 1585 [Гейман: 288]	Русин Семенов сын <i>Гирмуев</i> , купчая, 1588 [Гейман: 302]
Иванко Павлов <i>Кильмячев</i> , Панозерский, 1597 [ДКЛП: 217]	место Иванка Павлова сына <i>Кюлмячева</i> , 1598 [ДКШВ: 238]
Деревня <i>Ленбачева</i> , Шуйский, 1582/83 г [КЗПОП, 136]	ДРВ <i>Лембачева</i> на реке на Шуе, Шуйский, 1616/19 г (мон.) [Чернякова, Л. 104]
Федор Филипов сын <i>Шега</i> , купчая, 1578 [Гейман: 262]	Федор Фефилов сын <i>Шога</i> , подужемец, купчая, 1588 [Гейман: 302]
непашеный бобыль Иванко Остафьев <i>Хид</i> , отводная сотная выпись, 1556 [Гейман, 183]	Иван Остафьев сын <i>Хедой</i> , Соловецкого монастыря кр-н, разъезжая запись, 1558 [Гейман: 187] и т. д.

Писцы являлись «авторами» не только таких вариаций, но и создателями гибридных структурных моделей именования лица, когда в номинации одного человека соединялись сразу календарное русифицированное имя и соответствовавший ему карелизированный вариант, ср.: *Семен* Фомин сын *Семкуй*, кемлянин, купчая, 1579 [АСМ, 135], где очевидна связь антропонимов Семен и Семкуй (← Семка + -уй ← Семен). Возможно, с данным примером

связаны следующие иллюстрации: *Васко Вачюй*, п. Шуньгский, 1496 [ПКОП, 5]: где Вачюй ← Вася + -уй ← Василий) и, может быть, *Микифорец Мичюй*, Олонецкий, 1563 [ПКОП, 68], хотя Мичюй уместнее связать с Митя (от Дмитрий).

Таким образом, неславянские имена собственные на общем фоне ономастикона Карелии XV—XVII вв., являющегося по преимуществу русифицированным календарным или славянским по апеллятивной базе, — яркая характеристика присутствия на данной территории финно-угорского населения, именно оно является носителем антропонимов с формальными и генетическими прибалтийско-финскими маркерами. Не исключается, что такие именованья употреблялись и в национально-смешанных семьях, в среде билингвов.

5.1.4. Показатели взаимодействия этносов, отраженные в ономастиконе Карелии XV—XVII вв.

Как уже было отмечено, очень сложно по имеющимся материалам, представленным в деловой письменности Карелии, дать точную этническую характеристику социуму региона. Без сомнения, невысокие статистические показатели, приведенные по неславянским именованьям ранее (2,5 %), нельзя напрямую соотносить с численностью неславянского населения края: карелов, вепсов, финнов, саамов было значительно больше, нежели то количество, которое отражено в документах.

К указанному периоду произошел ряд лингвистических и экстралингвистических явлений. Так, без сомнений, сказались длительные отношения коренных жителей региона с русским населением Карелии, а также Новгорода, Пскова. Славянское миссионерство послужило причиной не только принятия христианства, но и включения в ономастикон карелов, вепсов, финнов, саамов тех самых карелизированных календарных личных имен, русифицированных и в ряде случаев дополнительно переработанных финно-угорскими языками.

В результате взаимодействия различных стихий в системе именовании лиц региона появились гибридные структуры, совмещающие антропонимические единицы разного генезиса. Представим примеры двухкомпонентных моделей именовании, построенных по разнообразным формулам⁵⁷:

- $K_{\text{-уй(-ой)}} + K_{\text{-ов, -ев, -ин}}$: Артуйко Устинов, п. Оятский, 1563 [ПКОП, 244]; Мелойко Кондратов, п. Вытегорский, 1563 [Там же]; Минкуй Кузьмин, п. Ровдужский, 1568 [ПКВП, 162];
- $K_{\text{-прф}} + K_{\text{-уев}}$: Юшко Климпуев, челобитная, Олонец, 1668 [Мюллер, 191]; Матико (да Фомка) Левшуевы, п. Важенский, 1563 [ПКОП, 101];
- $K + K_{\text{-уев}}$: Якуш Микуев, п. Ролдужский, 1539 [ПКВП, 33]; непашенной бобыль Исачко Лажкуев, п. Городенский, 1568 [ПКВП, 107]; Кирилка Демуев, п. Важенский, 1563 [ПКОП, 101];
- $K + \text{Пр-прф}$: Иванко Гойкула, п. Городенский, 1568 [ПКВП, 91]; Васюк Кережа, п. Оятский, 1563 [ПКОП, 243]; Ивашко Керчюй, п. Оштинский, 1496 [ПКОП, 35] Ивашка Койвупя, лопин, Ругозерский, 1597 [ДКЛП, 208]; Григорей Кенгуй, Выгозерская и Сумская вол., запись, 1558 [АСМ, 143]; Феофанко Келас, п. Важинский, 1582/83, КЗПОП, 105;
- $\text{Пр-прф} + K_{\text{-уев(-ев, -ин)}}$: Алкой Артуев, п. Ярославический, 1563 [ПКОП 252]; Лулак Лукин, п. Андомский, 1563 [Там же, 200]; Кюрша Васильев, п. Шуньгский, 1563 [Там же, 152];
- $\text{Пр-прф} + N_{\text{-ов, -ев}}$: Кубас Кошелев, п. Вытегорский, 1616/19 (мон.) [Чернякова, Л. 463]; Кукой Исаков, п. Олонецкий, днло. 1675 [Мюллер, 226];
- $\text{Пр-прф} + K$: Шойкуй Конан, духовная, 1581 [Гейман, 277];
- $N + P_{\text{-ов}}$: Нечайко Юшков, п. Мегрежский, 1582 [КЗПОП, 286];
- $N + \text{Пр-прф}$: Истомка Речкуй, п. Шуезерский, 1597 [ДКЛП, 212] и т. д.

---

⁵⁷ К — календарное имя; Н — некалендарное имя; Пр — прозвище; ПРФ — прибалтийско-финский антропоним; данные единицы в формуле сопровождаются патронимными индексами и индексами, указывающими на наличие прочих прибалтийско-финских маркеров.

Прибалтийско-финские антропонимы придают разнообразие и другим моделям именования, являясь доказательством сложных этнических переплетений, ср.: *Гавшуй Кузмин Глухой* (п. Остречинский, 1563 [ПКОП, 111]), где соединились календарное имя с маркером *-уй*, патроним на *-ин* от календарного имени и отапеллятивное прозвище, имеющее исконно славянскую основу, что соответствует формуле $K_{-уй(-ой)} + K_{-ин} + Пр$; для структурного именования *Ушаин Федоров Пекуев* (п. Шуньгский, 1563 [Там же, 153]) строится следующая формула $H + K_{-ов} + K_{-уев} =$ некалендарное личное имя соединяется с патронимом от календарного имени и фамильным прозвищем от карелизованного календарного имени; еще большее количество разносистемных ономастических и генетических компонентов выделяется в структуре многокомпонентного именования *Кирьяк Семенов сын Гирмоев, прозвище Русин* (купчая, 1585 [Гейман, 288]) — $K + K_{-ов(сын)} + ПРФ_{-прф} + (прозвище) Пр$ и т. д. Их количество перекрывает единичность «чистых» прибалтийско-финских структурных моделей именований, типа однокомпонентного *Кившуй*, Ролдужский, 1539 [ПКВП, 33] или двухкомпонентных: *Кивал Тоивод*, данная, XV в. [Гейман, 120], *Тоивод Идуев*, XV в. [Там же]; *Новзъйко Гандуевъ*, кр-н, п. Кирьяжский, 1500 [ПОКВП, 125]; *Ускаль Иголинъ*, кр-н, п. Сердовольский, 1500 [Там же, 144], где соединились только неславянские единицы. Вероятно, сюда же можно включить пример *Миккуй Ингеревъ*, п. Сердовольский, 1500 [Там же, 169].

Без сомнения, переплетение этносов, отразившееся в антропонимической системе, начинается на апеллятивном уровне. Так, в основах прозвищ фиксируется около 30 прибалтийско-финских, саамских апеллятивов, принятых в систему русского языка и сохранившихся, например, в русских говорах Карелии и в памятниках письменности. Ср.: в основе прозвища *Алажма* (Федор Власов сын *Алажма*, Выгозерский, Сумская вол., 1582/83 [КЗПОП, 204]) отмечен апеллятив *алажма* ‘печь, устанавливаемая на лодке’ белом. [СРГК, 1, 18], арх. [см. СРНГ, 1, 229], связанный с карел., фин. *alus* ‘основа’, ‘подкладка’, ‘подставка’ [СКЯ, Ливв., 20; ФРС, 33], вепс. *aluz* ‘то же’ [Зайцева, Муллонен, 2007, 299]. Подобным образом антропоним *Карбас* (Иванковский след *Карбаса*, п. Важинский, 1563

[ПКОП, 97]) восходит к широко известному современным с др.-русск. периода слову *карбась* — ‘гребное парусное судно’ [СлРЯ XI—XVII, 7, 76], белом., карг., кем., медв., онеж., плес., тер., севмор. и др. [СРГК, 2, 328], заимствованное из вепс. *karbaz*, фин. *karvas* [Фасмер, 2, 95]. Отапеллятивное прозвище *Тунда* (Филип Степанов сын *Тунда*, Сумская вол., 1569, отпись [АСМ, 231]) также известно по данным Таможенных книг Соловецкого монастыря с др.-русск. периода, где *тунда* — ‘род рыбы’ [Срезневский, 3, 960]. Заимствовано из саам. тер. *tinda*, фин. *tinttu* [Фасмер, 4, 59]. Сохранилось в современных арх., кем., канд. говорах [СРГК, 6, 460]. Всего 76 подобных примеров.

Прежде всего русские заимствовали неизвестные им ранее названия предметов, явлений, промыслов, животных⁵⁸. Адаптация этих заимствований соотносится со временем вхождения их в лексико-семантическую систему принимающего языка. Лексемы прибалтийско-финского происхождения отражены в памятниках письменности донационального периода и сохранились в лексике русских говоров, став ее неотъемлемой составляющей. Слова *кережа*, *кубас*, *лембой*, *мошник*, *мянда*, *ригача* и др., отмеченные в основах именовании жителей Карелии в прошлом, представлены в документах XIV—XVII вв. и в современных русских говорах (в том числе и русских говорах Карелии)⁵⁹. Рассмотрим такие примеры. Ср. патроним Конжиев⁶⁰ (Назарко *Конжиев*, п. Вытегорский, 1582/83 [КЗПОП, 381]; Кирил Конжеев, Кемь, купчая, 1576 [АСМ, 85]) и известное саамским диалектам слово *koandzai* ‘вид моржа’ [Фасмер, 2, 310]

---

⁵⁸ Тематические группы заимствованной прибалтийско-финской, саамской лексики подробно описаны в работах А. К. Матвеева [1959], Л. П. Михайловой [1993], А. И. Федорова [1971] и др.

⁵⁹ Лексемы прибалтийско-финского, саамского происхождения настолько укрепились в языковой системе северно-русских диалектов, что не осознаются носителями говоров как иноязычные.

⁶⁰ Мы не склонны видеть в основе патронима календарное имя Кондратий, как это делает А. И. Соболев [2017, 16]. Наша этимология подтверждена в одном случае географически Кемской территорией, патроним Конжиев в Вытегорском погосте объясняем миграциями населения. Кроме того, недалеко от Белого моря у Выгозерского гидроузла находятся оз. Конжозеро и р. Конжа, основа которых формально связана с рассматриваемым антропонимом.

и древнерусское *конжей* (*конжуй, кончуй*) — ‘шкура тюленя-детеныша’ [СлРЯ XI—XVII, 7, 276], а также диалектное *конжа, конжей* — ‘детеныш тюленя со второго месяца после рождения до конца мая; пестрый’ кем., ‘детеныш тюленя, уже не сосущий мать’ мезен. [СРГК, 2, 414; Подвысоцкий, 70]. Именование *Кубаско* (*Кубас*) (*Кубаско* Лутьянов, п. Вытегорский, 1563 [ПКОП, 208] сопоставим с др.-русс. *кубас* ‘поплавок из древесного корня, буй’ [СлРЯ XI—XVII, 8, 101], сохранившимся в современных говорах: *ку́бас* — ‘поплавок, указывающий местоположение якоря или выставленных рыболовных снастей’ белом., олон., кем., арх., север., мурм., пск. (СРНГ, 15, 378), который заимствован из люд. *kibas*, карел. *kibas*, фин. *kuvas* ‘поплавок сети’ [Фасмер, 2, 395], вепс. *kibaz* то же [СВЯ, 236]. Говоры позволяют установить переносное значение, послужившее мотивом именованья, ср. *ку́бас* ‘о толстом, неуклюжем человеке’ олон. [СРНГ, 15, 378], а также др.-русс. *кубастый* ‘имеющий выпуклые бока (о сосудах)’, ‘выпуклый’ [СлРЯ XI—XVII, 8, 101], то же в говорах *куба́стый* — ‘имеющий выпуклые бока, округлую форму’ арх., волог., север., тул., южн.-сиб., ‘толстый, полный’ север., тул., орл. [СРНГ, 15, 379]. Ср. также с *куба́ситься* ‘делать что-н. долго, возиться с чем-н.’ кирил. [СРГК, 3, 45].

Именованний, которые соотносятся с прибалтийско-финскими, саамскими по происхождению апеллятивами, в памятниках письменности немного, чуть более 50. Распространены они практически по всей территории бывшей Карелии. Однако чаще всего подобные имена отмечаются в Заонежских погостах — 14, в западной части Карелии — 10, южной — 8. Предполагаем, что носителями таких имен могло быть как русское, так и прибалтийско-финское население края.

При этом осмысление свойств новых реалий, сопоставление с близкими в функциональном плане предметами, объектами привело к тому, что заимствованное еще на доономастическом уровне слово включилось в новую для себя модель смысловых отношений, хорошо отработанную в принимающем языке. Так, прозвище *Кубач*, 1496 [ПКОП, 26] восходит к нарицательному *кубачь*, отмеченному в памятниках письменности в значении ‘сноп; большая связка соломы из нескольких обмолоченных снопов’ [СлРЯ XI—XVII, 8, 102], это

значение известно и современным говорам — прион., медв., кондоп. Карелия; онеж. КАССР, новг., пск., ленингр., калин. [СРНГ, 15, 380; СРГК, 3, 45]. Слово заимствовано из карел. *kubo*, фин. *киро* ‘сноп, связка’ [Фасмер, 2, 395—396; КРС, Сев.-карел., 73]. Думается, что мотив именованья следует связывать с переносным значением, которое, вероятно, развилось на русской почве по уже имеющейся модели ‘большой округлой формы предмет’ → ‘человек (полный, неповоротливый)’, ср. *кубач* — ‘о неповоротливом, неуклюжем человеке’: «Такой он был, что *кубач* соломенный, неповоротливый» пест., *кубача* ‘полная женщина’: «А Марина вышла замуж, вон *кубача* какая», прион. Карелия [Карт. Лаб.; см. также СРГК, там же].

Некоторые основы именованья под влиянием русского языка претерпели значительные изменения, совпав с известными русскому языку апеллятивами. Так, прозвище *Рогач* (Федко *Рогач*, п. Оштинский [ПКОП, 35]), вероятно, следует связать с нарицательным *рогач* ‘упрямый человек’, без указ. места [Даль, 4, 100]. Возможно, имеется связь с *рогать* ‘задевать, обижать, оскорблять, беспричинно кого-л.’ лод. [СРГК, 5, 539]. Однако в документах зафиксирован Иван Степанов *Рогач*, волостной человек, живший в п. Ругозерском в 1597 [ДКЛП, 207]. По мнению Т. В. Старостиной, Иван Степанов *Рогач* — это не кто иной, как легендарный карельский герой *Рогаччу*, прозвище которого писец передал по-русски. Поэтому именование, как считает Т. В. Старостина восходит к прибалтийско-финским апеллятивам *рокко* ‘гороховая похлебка’ или *рокко* ‘оспина’, ‘перенесший оспу’ [Старостина: 1991, 84]. На наш взгляд, следует учесть факты финского языка — *rohkea* ‘смелый, отважный, мужественный’ [ФРС, 531], карельского — *rohkei* ‘смелый, ловкий’ [СКЯ, Ливв., 310—311; КРС, Сев.-карел., 158], которые больше подходят в качестве мотива именованья легендарного героя.

Подобным образом патроним *Копалев* в конечном итоге восходит к апеллятиву *копаль*. Мотив именованья, прежде всего, следует связать с переосмыслением местного *копала*, *копала* ‘самка тетерева-глухаря, Tetrao urogallus’ арх., олон., *копель* ‘то же’ арх. [Фасмер, 2, 317]. Слово заимствовано из

карел. *koppala* ‘глухарь’, фин. *koppelo* — ‘то же’ или саам. кильд. *киэре* — ‘то же’ [Фасмер, Там же; КРС, Сев.-карел., 64], вепс. *коррал* ‘глухарка’ [СВЯ, 224].

В некоторых случаях достаточно трудно соотнести именование с апеллятивом, поскольку сталкиваемся с омонимией, которая произошла при усвоении иноязычного слова русскими. Например, прозвище *Шалга* (Фома *Шалга*, 1553, Строкина пуст. [Докучаев-Басков, 4] можно соотнести, во-первых, с диалектным *шалга* — ‘жердь в заборе для ловли рыбы’ арх., слово заимствовано из карел. *salgo* ‘жердь’, фин. *salko* [Фасмер, 4, 398]. Во-вторых, возможно, на русской почве существовало переносное значение, ср. *шалга*, *шалгач* ‘трепач, болтун, бестолковый человек’ медв. [Карт. Лаб.]. В-третьих, в русских говорах *шалга* — ‘большой лес, предназначенный для вырубки; глухой лес, среди которого есть озера’ арх., сиб., ‘лесистая возвышенность’ олон., заимствовано из карел. *selgone* ‘большой, безлюдный лес’, фин. *selko* ‘глухое место’, от карел. *selga* ‘хребет, кряж’ [Фасмер, там же]. В-четвертых, возможна связь основы именованья с *шалгун*, *шелгун* ‘котомка’ новг., пск., тамб., *шалгач*, *шелгач* ‘то же’ арх., а также ‘две заплечные охотничьи сумки, связанные ляжками’ арх., заимствовано из карел. *salkku* ‘сумка с продовольствием, мешок’, фин. *salkku* ‘то же’ [Фасмер, там же]. При таком широком выборе возможных мотивов предпочтение отдаем второму, дающему характеристику лицу, что логично при индивидуализации, и четвертому, который мог развивать ряд переносных и мог входить в антропонимическое тематическое множество вместе с русскими именованьями, ср. у С. Б. Веселовского русские аналогии *Калита*, *Кошель*, *Мешок*, *Мешочек*, *Сума*, *Торбейко* [Веселовский, 132, 162, 197, 305, 320].

Такие индивидуальные номинации, имеющие неславянскую основу, — достояние русской и прибалтийско-финской антропонимической систем. В функциональном плане они сближаются с прозвищами, имеющими славянскую или неславянскую основу. Предполагаем, процесс онимизации происходил в среде билингвов, в национально-смешанных семьях.

В плане адаптации эта группа антропонимов противостоит собственным именам, которые восходят к апеллятивам, не вошедшим в русский лексикон.

Следующие примеры отражают данное явление: Иван Васильев сын *Вайгач*, отпись, 1564 [АСМ, 182]; Гришка Иванов *Гангоня*, п. Олонецкий, 1563 [Там же, 60]; Семенко *Гимой*, п. Оштинский, 1563 [Там же, 233]; Якушко *Гукоев*, 1563 [ПКОП, 160]; Тимошка Григорьев *Гютюев*, п. Шуньгский, 1563 [ПКОП, 153]; Иванко *Игалов*, лопарь, п. Панозерский, 1597 [ДКЛП, 214]; Иванко *Куйва*⁶¹, 1563 [ПКОП, 144]; дер. Кокатовская *Кулгино*, 1582/83 [КЗПОП, 350]; Тимошка Ондреев *Мустоев*, 1563 [ПКОП, 194]; *Товкой* Литвин [ПКОП, 88], *Ускаль* Ивашковъ, сын его Данилко, 1500 [ПОКВП, 185]; Васко Ивашковъ, сынъ его *Ускаликъ*, 1500 [Там же, 154] и т. д. Выделенные курсивом антропонимы восходят к прибалтийско-финским апеллятивным материалам, ср.: в карельском языке *vaikas* ‘молчаливый человек’ (СКЯ, Ливв., 411—412), в фин. *vaitelias*, *vaisu* ‘то же’ (ФРС, 692); *hango* ‘вилы’ + *pää* ‘голова, конец’ [Мамонтова: 1988, 223]; карел. *himo* ‘желание, страсть’, обычно ‘прихоти (при беременности)’ [СКЯ, Ливв., 69], ‘желание, охота’ [КРС, 29]; карел. *hukku*, фин. *hukka* ‘волк’ или *hukku* ‘глупыш, несмышлениш’ (СКЯ, Ливв., 76; ФРС, 124); *hyutiä* ‘филин’ [Муллонен: 2010, 139; 2008, 156]; фин. *iha* ‘радостный, хороший (о настроении)’; карел. *ihalä* ‘красивый, восхитительный, любимый’ [со ссылкой на финские и карельские словари — Карлова: 2014, 34], а также ‘довольный’, эст. *iha* ‘влечение, желание’ [Хелимский: 1986, 257; Попов: 1958, 98]; фин. *kuiva* ‘сухой’ (ФРС, 270); в карел. *kuivacin* ‘сухой, худощавый’ (СКЯ, Ливв., 161); карел. *kulgo* (неодобр.) ‘о бродяге’ (СКЯ, Ливв., 163), а также *kulgie* ‘идти медленно, плестись; слоняться’ [Там же, 162]; карел. *mustu* ‘черный’ [СКЯ, Ливв., 215], фин. *musta* ‘то же’; фин. *toukka* ‘личинка, гусеница, червячок’, карел. *towkku*, *toukku* ‘личинка овода, гусеница’ [СКЯ, Ливв., 385; КРС, Сев.-карел., 188] или с карел. *towkku* ‘вьюшка, на которую наматывается пряжа с мотовила’ [СКЯ, там же и т. д.]; *uskaltaa* ‘сметь, осмеливаться’, *uskalikko*, *uskalias* ‘смелый’ [со ссылкой на Mikkonen, Paikkala — Карлова, 2014, 36] (109 подобных примеров).

⁶¹ В Финляндии в Северной Карелии, в Саво и других регионах зафиксирована фамилия *Kuivanen*, при этом отмечается, что в имени может присутствовать описание внешности человека [USN, 458].

Анализ основ именованных с прибалтийско-финской основой показал, что мотивом именованных являлись морально-этические, физические характеристики человека, его социальное положение, род деятельности, местожительство, все те универсальные мотивы номинации человека, которые свойственны любому ономастикону.

Мало вероятности, что такие имена носили русские. Поле функционирования этих антропонимов — финно-угорский социум Карелии (карелы, вепсы, саамы). А потому статус таких номинаций не только прозвища, но и, возможно, личные имена, как *Игала*, *Гымуй*, *Гювиш*, *Новзей*, известные с древности, сохранившиеся в письменных источниках Карелии исследуемого периода, а также зафиксированные в новгородских берестяных грамотах и этимологизированные А. И. Поповым [1958], Е. А. Хелимским [1986], А. А. Зализняком [2004] и др. Так, имена **Iha*, **Ihanta*, **Ihala*, **Ihamieli*, реконструированные О. Л. Карловой, входят в число древних личных имен дохристианского финского именователя [со ссылкой на А. V. Forsman, D.-E. Stoebeke — Карлова: 2014, 34].

Для завершения картины необходимо представить не имеющие большого распространения явления. Одно из них обусловлено тем, что иногда исконно русское слово, попадая в неславянскую среду, претерпевало фонетические преобразования и в измененном виде фиксировалось в русском ономастиконе. Ср. патроним *Лузекин* (*Лузикин*): Ондрей *Лузекин*, Кереть, грамота, 1542 [Гейман, 143]; Григорей Ондреев сын *Лузикина*, Варзуга, данная, 1565/66 [АСМ, 188]; Санька *Лузикин*, 1598 [ДКШВ, 240]. Неоспорим факт, что основа патронима связана с карел. *luzikka*, *luzikku*, фин. *lusikka*, вепс. *lužik* и, возможно, поздним саам. *luške* ‘ложка’ [СВЯ, 303; Фасмер, 2, 530; СОС, 262]. В таком виде слово отмечено в современных русских говорах: *лу́зик* ‘ложка’ волх., лод., тихв. [СРГК, 3, 156], новг., ярос. [Фасмер, там же]. Но в финно-угорские языки попало именно из русского языка.

Другое явление связано с тем, что антропонимы из исконно русского именователя подвергались структурным преобразованиям карельской

ономастической системы. Так, выделенные курсивом компоненты: пуст. Федковская *Рябуева* на Курзаксе, п. Андомский, 1582/83 [КЗПОП, 247]; Михалко Семенов сын *Любуев*, Корела, 1568 [ПКВП, 67], — восходят к прозвищу с русской основой *Рябой* и некалендарному личному имени *Любим*. Возможно, такой процесс происходит под действием аналогии, когда близко находятся единицы, построенные по одной структуре. Ср. в тексте документа антропоним *Кожеев* с предполагаемой русской основой стоит в одном ряду с прибалтийско-финскими именованьями на *-уев*: «*договорилися мы полюбовно Керецкие волости со старостою с Романом Ильным Куккоевым и с мирскими людьми: с Осифом Ригоевым, с Корнилом с Кожеевым, с Федором Пайкачевым*» (Керецкая вол., запись, 1694) [Мюллер, 353]. Примеры подобного типа немногочисленны: дер. *Мазоева*, п. Сакульский, 1568 [ПКВП, 142], Сенка Онисимов *Пузуев*, п. Оштинский, 1582/83 [КЗПОП, 315], Васюк *Пузуев*, Остречинский, 1563 [ПКОП, 111], дер. *Пяткуево* на Олонце, 1582/83 [КЗПОП, 46]. Не исключено, что в некоторых случаях мог видоизмениться антропоним и совпадать с основой исконно русского имени. Так, патроним *Нечуев* — Пантелейко *Нечюев*, п. Шуньгский, 1496 [ПКОП, 5] — с одной стороны можно связать с некалендарным именем *Нечай*, с другой — с карельским словом *neiçoi, neiçyt* ‘девица, девушка’ [СКЯ, Ливв., 224].

Примеров, которые отражают неадаптированные русским языком апеллятивы в основах антропонимов, более чем в 1,5 раза больше среди прозвищ и в более чем 3 раза больше среди патронимов, нежели таких, которые стали элементами русской лексической системы. Область их распространения неровная (см. карту 16).

Анализ ареала показывает, что: 1) антропонимы с освоенными русским языком апеллятивами единичны в Лопских погостах, отсутствуют на Карельском перешейке, что дает возможность характеризовать эту зону как преимущественно неславянскую; 2) единичные фиксации в Водлозерском погосте, возможно, свидетельствуют о сильном славянском влиянии; 3) достаточно плотное прибалтийско-финское антропонимическое «покрытие»

Шуньгского, Толвуйского погостов еще раз подтверждает, что данный ареал — особое переплетение языков, культур, отраженное в различных фактах (не только ономастических); 4) преимущественная фиксация прибалтийско-финской основы у патронимов наблюдается практически по всем погостам.

Следовательно, прозвищная и именная база была более мощной, чем это представлено в текстах исследуемых документов. В целом ареал распространения антропонимических единиц, представленных на карте 16, совпадает с областью фиксации патронимов и посессивных патронимов (см. карту 17), имеющих различные прибалтийско-финские маркеры. Сопоставление карт показывает, что патронимов и топонимов с прибалтийско-финскими показателями еще больше, нежели самих единиц, к которым они восходят. Крайне редкая фиксация посессивных ойконимов в отдельных регионах Карелии могла свидетельствовать о функционировании там другой номинативной модели.

Дополним данное положение предварительными подсчетами по процентному отражению имен с прибалтийско-финским маркером по погостам только Обонежской пятины 1563 г.:

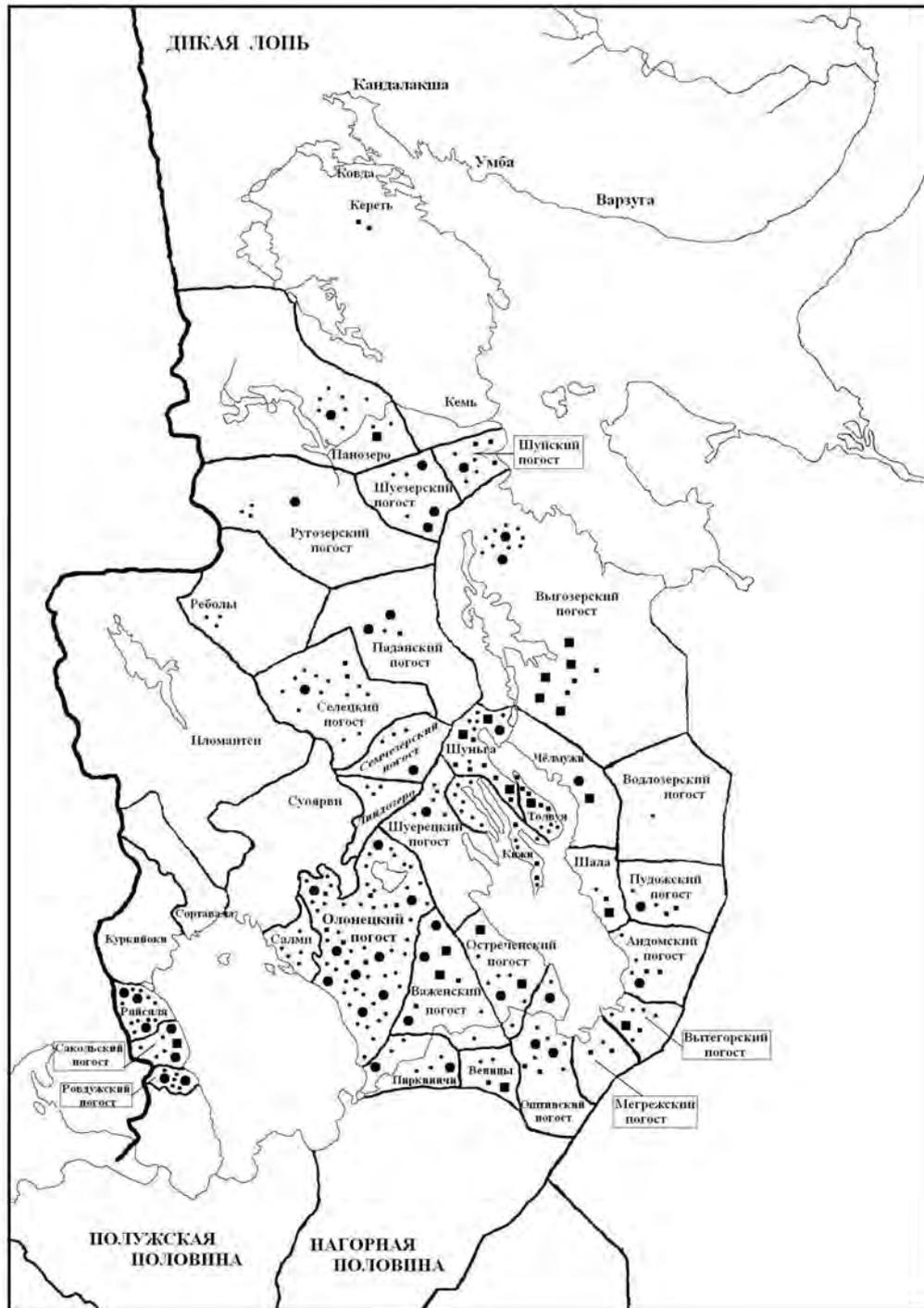
Толвуйский	5,09
Остречинский	3,26
Олонецкий	3,25
Ярославический	3,2
Выгозерский	2,9
Шуньгский	2,69
Оятский	2,46
Шуезерский	2,3
Важинский	2,24
Пиркинический	2,09

Шальский	1,38
Андомский	1,36
Водлозерский	1,25
Оштинский	1,01
Кижский	0,98
Мегрежский	0,91
Пудожский	0,91
Челмужский	0,83
Вытегорский	0,4
	2,03

Как видим, наиболее «неславянским» является «русский» Толвуйский погост в Заонежье, а средняя цифра носителей именованных с прибалтийско-финским маркером по разным погостам Обонежья чуть более 2 %, безусловно, не отражает реальную картину присутствия инославянского населения в регионе.

Карта 16

Распространение антропонимов с прибалтийско-финскими основами

● — освоенные русским языком апеллятивы, зафиксированные в прозвищах

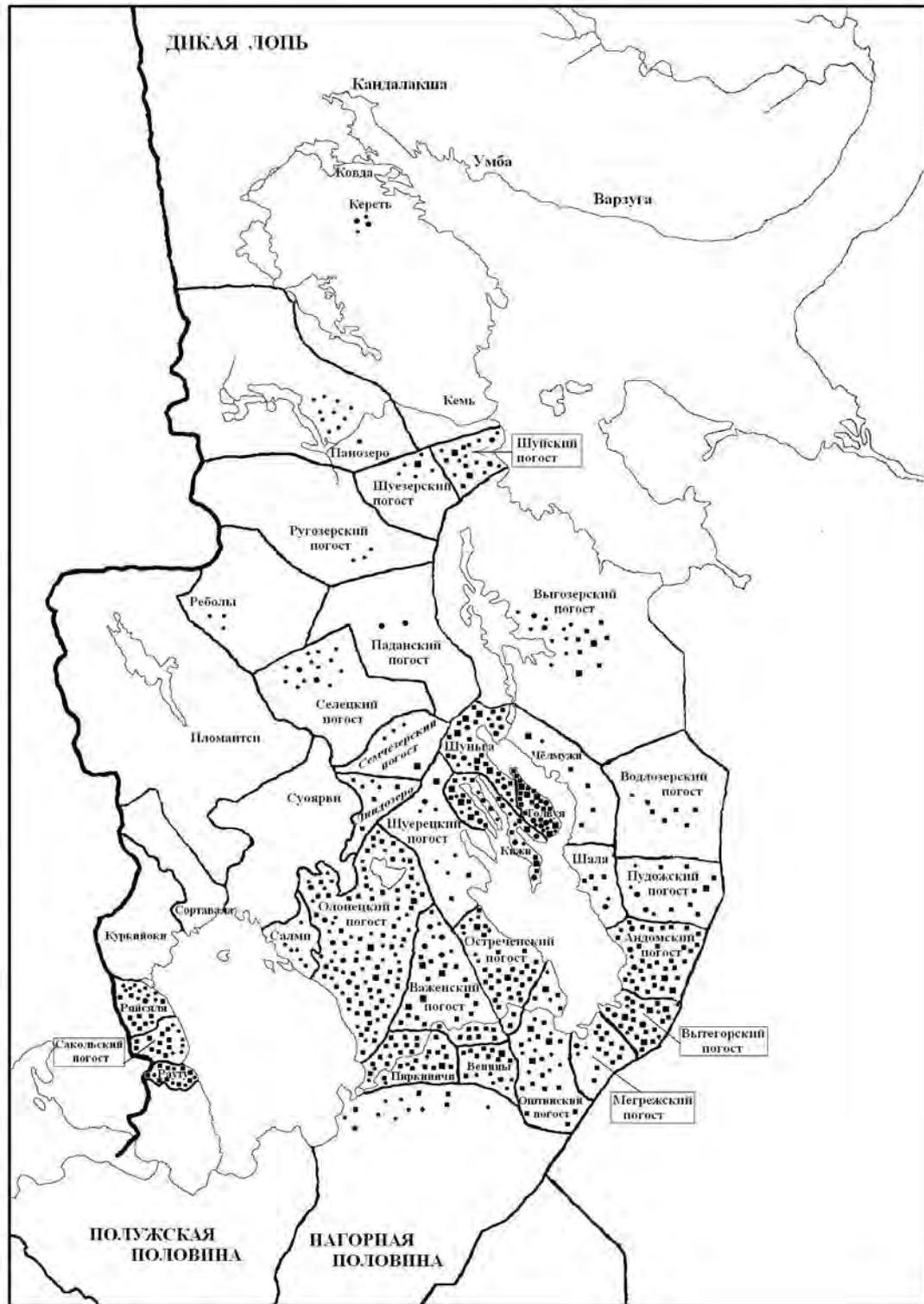
○ - освоенные русским языком апеллятивы, зафиксированные в патронимах

■ — не освоенные русским языком апеллятивы, зафиксированные в прозвищах и личных именах

□ — не освоенные русским языком апеллятивы, зафиксированные в патронимах

Карта 17

Распространение патронимов и посессивных ойконимов с прибалтийско-финскими маркерами

● — фиксация патронимов с основой, освоенной русским языком

○ — фиксация патронимов, не освоенных русским языком

■ — фиксация посессивных ойконимов с основой, освоенной русским языком

□ — фиксация посессивных ойконимов, не освоенных русским языком

Поскольку разного рода переписи составлялись новгородскими, позже московскими писцами, то предполагаем, что составители могли представить в документе не реально функционировавшее в обиходе имя, прибалтийско-финского или саамского происхождения, а календарное имя в адаптированной на тот момент русскими форме, или калькированное. Возможно, именно поэтому в Паданском погосте (где проживали карелы) из почти 200 именовании только одно имя — *Еглуй* — имеет признаки прибалтийско-финского происхождения. А на все Лопские погосты, описанные в 1597 г., приходится всего 70 именовании такого типа.

Таким образом, прибалтийско-финские именовании, зафиксированные в деловой письменности Карелии XV—XVII вв., — составное звено регионального ономастикона, которое, несмотря на неполноту представления, обусловленную экстралингвистическими причинами, создает особый колорит именнику через проникновение в неславянский социум календарных русифицированных имен, через соединение в структуре номинации лица единиц с различным структурным и базовым генезисом, образующих различные гибридные модели именовании человека. Контаминация именников наиболее четко проявляется на территориях, на которых происходили многовековые этнические переплетения, позволившие лексемам адаптироваться в языковой системе региона и, как следствие, найти отражение в ономастике.

5.1.5. Зооантропонимы как представители полиэтнического пространства Карелии XV—XVII вв.

Наиболее полно процессы этнического взаимодействия могут быть представлены на примере анализа определенной тематической группы, апеллятивные единицы которой фиксируются в основах антропонимов. В данном случае выбрана одна из наиболее многочисленных групп именовании, восходящих к названиям животных, или зооантропонимам.

Зооантропонимы — это имена, которые восходят к названиям животных, рыб, птиц, насекомых, пресмыкающихся. Такие имена собственные в ономастике называют также зоофорными (зооморфными) именами, антропонимами зоонимического типа. Наряду с некоторыми другими группами древних имен, призванных выполнять магическую функцию, они входят в группу апотропеических имен.

Антропонимы, восходящие к названиям животных, фиксируются в системах именовании многих народов мира, а в некоторых и до сего дня являются фактом современного официального ономастикона⁶². И потому они справедливо признаются древнейшей ономастической универсалией, восходящей к эпохе тотемизма, анимализма и зоолатрии, когда через имя происходило слияние личности с природой, что и обуславливало представления о природе имени в далеком прошлом: отождествление имени и его носителя или убеждение в существовании сокровенной связи между именем и человеком, вера в способность имени «замещать» человека и т. д. [Гура: 1997, 16]. Принято считать, что «в именах с зооморфным элементом... скрывается своего рода культурный код общества архаического типа, ориентированный на «невянущую славу», с одной стороны, и хранящего тотемные пережитки, реализующиеся в архаической метафорике с другой» [Михайлова: 2008, 291].

Обратимся к анализу зоофорных имен, зафиксированных в письменных документах Карелии XV—XVII вв. с этнолингвистической точки зрения. Список таких именовании следует признать достаточно широким. Вместе со шведскими материалами по Кексгольмскому лену насчитывается более 200 названий животного мира, которые фиксируются в основах именовании жителей Карелии XV—XVII вв.⁶³ (см. статистику в таблице 35).

---

⁶² Большое внимание таким именам уделяется в тюрко-татарской ономастике, где зооантропонимы до настоящего времени являются фактом ономастической системы, см.: Г. Ф. Благова [2006], Г. Р. Галиуллина [2009], Г. Ф. Саттаров [1992] и др.

⁶³ Отметим, что в общие подсчеты включены личные имена, прозвища, патронимы, посессивные ойконимы, хотя последние могли в ряде случаев отражать места преимущественного обитания зверей, птиц, рыб.

<i>Названия животных в основах антропонимов, зафиксированных в документах Карелии XV—XVII вв.</i>		
	Документы, составленные	
	русскими писцами	шведскими писцами
Животные	58 названий в основах 270 антропонимов	21 ↔ 173
Птицы	57 ↔ 169	22 ↔ 126
Рыбы	17 ↔ 68	7 ↔ 46
Насекомые	13 ↔ 37	4 ↔ 18
Прочие	6	—
Всего	151 ↔ 550	55 ↔ 363

Как видим, большая часть именовании восходит к названиям животных и птиц, в меньшей мере представлены названия рыб и насекомых, единичны названия пресмыкающихся. Такая зоонимическая «парадигма» отражает прежде всего иерархию животных в картине мира в древности, их роль в жизни народа, населявшего определенную территорию, то мифологическое сознание, сохранившееся в различных элементах в более позднее время и, вероятно, повлиявшее на последующие переосмысления различных особенностей животных, связанных с переносом *животное* → *человек*.

Следует учесть следующее: по русским и шведским документам составлены отдельные ономастиконы⁶⁴. При этом шведские документы содержат

⁶⁴ Отметим относительность региональных статистических данных, поскольку в территориальном и временном плане исследуемые регионы несопоставимы. Кексгольм — это лишь часть бывшей Карелии (Водская пятин), представлен документами конца XVI — первой половины XVII в. Следовательно, и количество лиц, бывших жителей Карелии, и тех, кто пришел на данные земли после завоевания их Швецией несопоставимо. Книги, оформленные русскими писцами, относятся в основном к XVI в. Информацию об русском именике XVII в. мы черпаем из актовых материалов, составленных Р. Б. Мюллер, где содержится самая малая часть сведений о данной группе именовании, заключенных, прежде всего, в патронимах.

по преимуществу прибалтийско-финский материал, но процессы интерференции в них нивелированы: выделяется немногочисленная группа антропонимов со славянскими апеллятивными основами. Ср., например, в:

1618 — *Contza Mikiforof, Muras Ondrief, Nukutalax*, p. Sordowolski [КЛ, 4; 330];
1631 — *Oxentiko Bebroi, Salmis p., Timoska Utkin*, p. Pelgi Järfwi [КЛ, 544; 533];
1637 — Иевко *Kauyma* // *Jiefko Kesuton*, п. Соломенский [КЛ, 732 / 354];
Максимко *Козел* // *Maximko Kassel*, п. Тогмозерский [там же, 652 / 219] и др., носителями которых, вероятнее всего, были русские или тесно общавшиеся с русскими бывшие жители Карелии, оставшиеся на шведской стороне после Столбовского договора (именно поэтому такие именованья единичны в документах Кексгольмского лена: 1590—1631 — 56 случаев, а в 1637 — 24 (без учета повторяемости лиц)).

Этноязыковые контакты наиболее полно отражены в русскоязычных документах, что подтверждается примерами типа Иванко *Лисица*, Олонецкий, 1563 [ПКОП, 68] / Данилко *Ребуев*, Пиркинический, 1582/83 [КЗПОП, 75] (ср. фин., карел. *gero*, карел., вепс. *reboi* ‘лиса’ [СОС, 52]); Иванко *Жеравлев*, Сакульской, 1568 [ПКВП, 120] / Гридка *Кургин*, Важинский, 1563 [ПКОП, 90]; Якимко *Кургач*, Пиркинический, 1563 [ПКОП, 82]; Василей Козмин сын *Кургоев*, Выгозерская вол., 1565 [Гейман, 196] (ср. фин., карел. *kurki* ‘журавль’, карел. *kurgi*, вепс. *ku'rg* [СОС, 60]); Васюк *Гуйкиев*, Олонецкий, 1563 [ПКОП, 69] (ср. фин., карел. *kuikka* ‘гагара’, карел. *guikka, guikk* [СОС, 59])⁶⁵; Тимошка *Тиккель*, Шуезерский, 1597 [ДКЛП, 212—213]; дер. на Низу Тикуевская на реке на Мегре, Олонецкий, 1582 [КЗПОП, 39] (ср. фин., карел. *tikka, tikku* ‘дятел’); Минька *Музуй*, Панозерский, 1597 [ДКЛП, 217] (ср. фин. *muhju* ‘мелкий окунь’ [Фасмер, 2, 669]). Ср. подобные именованья в документах Кексгольмского лена (*Härkä Mätti*, p. Tiurala, 1618 [КЛ, 286]; *Jören Repäi, Pyhäjerffnoj*, 1631 [КЛ, 391; *Peter Kuikanen, Ugo Niemi*, 1631 [КЛ, 464]; *Larka Tickui, Soojärfwi*, 1631 [КЛ, 515] (он же — *Tikuief*,

---

⁶⁵ Имя зафиксировано в финском антропонимиконе с 1483 г., в древности отмечено на Карельском перешейке, Ладоге, Северной Карелии (USN, 457).

1618 [КЛ, 359]); Anders *Tickele*, Tiurala, 1631 [КЛ, 409]; Anders *Kurki*, Sordowala, 1631 [КЛ, 561]; Pawilko *Muhie*, Iougio, 1631 [КЛ, 446]) и др.

При этом совпадающие элементы в разноэтнических ономастиконах – нередкое явление, ср. примеры, представленные в таблице 36.

Таблица 36

Примеры совпадающих элементов разноэтнических ономастиконов

Примеры	
зооантропонимов, имеющих русскую, славянскую основу	прибалтийско-финских зооантропонимов
Еремка Федоров <i>Волк</i> , Важенский, 1563 [ПКОП, 101]	Hendrich <i>Susi</i> , Rautus, 1631 [КЛ, 401]
Ивашка <i>Выдра</i> , Пудожский, 1582/83 [КЗПОП, 178]	Anders <i>Saukoin</i> , Kurcki Jocki, 1631 [КЛ, 436]
<i>Жеребец</i> , Никольский Готслав волок, 1496 [ПКОП, 21]	Ossipko <i>Warsu</i> , Salmis, 1631 [КЛ, 548]
<i>Заец</i> Парфеньев, Сакульской, 1568 [ПКВП, 137]	Jwan <i>Jänis</i> , Kiriansk Bohåråditzk, 1618 [КЛ, 292]
Иванко <i>Кротов</i> , Андомский, 1563 [ПКОП, 200]	Кормилка <i>Мухряев</i> / Cornillka <i>Muchrief</i> , Китежский, 1637 [КЛ, 584/188]
Родивонко <i>Лосев</i> , Шуньгский, 1563 [ПКОП, 152]	Jessipko <i>Hirwoin</i> , Libelis, 1631 [КЛ, 485]
Фомка <i>Медведь</i> , Шальский, 1582/83 [КЗПОП, 215]	Jören <i>Karhu</i> , Sackula, 1631 [КЛ, 398]
Иванко <i>Овцын</i> , Важенский, 1563 [ПКОП, 99]	<i>Lammas</i> Реско, Jougis, 1618 [КЛ, 315]
Гришка <i>Собака</i> , Выгозерский, 1582/83 [КЗПОП, 199]	Jwan <i>Hurtanen</i> , Sordowolski, 1618 [КЛ, 327];
<i>Ворон</i> Юрьев, Кижский, 1582/83 [КЗПОП, 148]	Sawa <i>Korpainen</i> , Suistamo, 1618 [КЛ, 375]; Микко <i>Корпиев</i> / Miko <i>Korpien</i> , Китежский, 1637 [КЛ, 573/175]
<i>Ворона</i> Костин, Выгозерский, 1563 [ПКОП, 164]	Peer <i>Wariss</i> , 1631 [КЛ, 445]

Онцифор <i>Кулик</i> Леонтьев сын, 1547 [АСМ, 78]	Rijko <i>Wilkinson</i> , Sordowolski, 1590 [КЛ, 268]
<i>Синица</i> Юрькин, Ровдужский, 1568 [ПКВП, 165]	Lauri <i>Tiainen</i> , Rautus, 1631 [КЛ, 399]
Осифко <i>Сокол</i> , Варзуга, 1575 [АСМ, 65]	Simon <i>Haucka</i> , Rautus, 1631 [КЛ, 399]
Сменко <i>Сорока</i> , Городенский, 1568 [ПКВП, 93]	Иванко <i>Гаракин</i> / Iwanka <i>Harakin</i> , Иломанский п., 1637 [КЛ, 642/277]
Федот <i>Утка</i> Матвеев, Сакульской, 1568 [ПКВП, 137]; Степан <i>Кряквин</i> , Шуерецкая вол., не ранее 1556/57, [АСМ, 137]	Dimitriko <i>Sorssa</i> , Suistamoij, 1631 [КЛ, 525]
Еремка Ортемов <i>Ери</i> , Андомский, 1563 [ПКОП, 189]	Fedoriko <i>Kijskin</i> , Ugo Niemi, 1631 [КЛ, 457]
Олексейко Григорьев <i>Щука</i> , Паданский, 1597 [ДКШВ, 203]	Степанко <i>Гавкоев</i> / Stepanko <i>Haukoief</i> , Китежский, 1637 [КЛ, 574/177]
Чурак <i>Вошков</i> , Выгозерский, 1577 [АСМ, 93]	Hinrich <i>Kirpu</i> , Sackula, 1631 [КЛ, 394];
<i>Жук</i> Васильев сын, Кижский, 1582/83 [КЗПОП, 148]	Peer <i>Pörö</i> , Sackula, 1631 [КЛ, 397]
<i>Комар</i> Исаков, Важенский, 1582/83 [КЗПОП, 97]	Michill <i>Hyttinen</i> , Sackula, 1631 [КЛ, 399]
Семен <i>Муха</i> , Шуерецкая вол., 1556/57 [АСМ, 137]	Maunus <i>Kärpänen</i> , Jougis, 1618 [КЛ, 316] и т. д.

Общие названия животных, выявленные в основах антропонимов, традиционны для любого этноса, они — свидетельства существования ономастических и культурных универсалий, которые и на сегодняшний день сохраняют в мифологиях разных народов языческий шлейф.

Дополним, представленные примеры являются подтверждением того, что ономастические системы накладывались друг на друга, давая эффект

интерференции и усложнения. Наиболее полно диалог разных этнических культур можно проследить при анализе зоантропонимов, вошедших в русскоязычные документы, где наряду со славянскими основами отмечаются именованные прибалтийско-финского и саамского происхождения (*Кукой, Ребуй, Кургаль, Кярга, Гуйка, Сорка* и т. д.). В славянский антропонимикон они проникали в течение нескольких столетий, в количественном отношении это все же немногочисленные имена. Именно они придают славянской ономастической системе особый колорит.

Однако, как представляется, имена с прибалтийско-финскими основами следует разделить на две группы. Первая — антропонимы, носителями которых могло быть как русское, так и прибалтийско-финское население края: апеллятивные основы у таких собственных имен находим в нарицательной лексике и донационального периода, и в современной лексической системе русского языка и диалектов. Например, прозвище *Тинда* (Филип Степанов *Тинда*, Сумская вол., 1569 [АСМ, 231]) восходит к апеллятиву *тинда*, которое отмечено уже в древнерусском языке в значении ‘род рыбы’ (Тамож. кн. Соловецкого мон.) [Срезневский, 3, 960], сохранилось слово в современных говорах, где *тинда* — ‘мелкая семга в 4—5 фунтов’ арх., ‘небольшая рыбка, наподобие семги’ [Фасмер, 4, 59; СРГК, 6, 460]. Заимствовано из саам. тер. *tinda*, фин. *tinttu* [Фасмер, 4, 59]. См. также пример саамского освоения лексемы *конжуй* (с. 316—317 данной главы). Всего 14 подобных примеров.

Носителями второй группы имен могли быть только представители неславянского этноса. Так, основы именованных *Каргуй, Кеттуй, Кукой, Кургин, Ребуй, Тиккуй, Товкой*, также извлеченные из русских письменных источников, в своем нарицательном употреблении не стали фактом русской языковой системы. Названные имена отмечены по памятникам письменности преимущественно на территориях основного расселения карел, вепсов, ср., например:

1563 — Гридка *Кургин*, п. *Важинский* [ПКОП, 90]; *Товкой* Литвин, п. *Важинский* [Там же, 88];

1582/83 — Ларка *Каргуев*, п. *Остречинский* [КЗПОП, 121]; Данилко *Ребуев*, п. *Пиркинический* [Там же, 75]; дер. *Кургинская*, в ней Васка *Кургин*, п. *Оштинский* [Там же, 300];

1597 — След Тимошки *Тиккель*, п. *Шуезерский* [ДКЛП, 212—213];

1675 — Оска Исаков *Кукой*, *Олонецкий*, дело [Мюллер, 226] и т. д.

Таким образом, сначала заимствовались и на всех языковых уровнях осваивались названия реалий, с которыми русские не сталкивались до своего прихода на Север, а потом по разным причинам, скорее всего уже не связанным с древними верованиями, такие названия онимизировались. Так, в основах именовании выявлены такие названия животных, как *вашкал* — ‘рыба’: «*Вашкал* — маленькая рыбка, сантиметров десять, на плотву похож маленькую; *ва́шкал* сушат» *вашк.*; «Мелкая, мелкая рыба *ва́шкал*, она горькая» подп. [СРГК, 1, 166]; *гуйка*, *гуйк*, *куйка*, *куёк* — ‘птица нырок’, ‘гагара’ [Фасмер, 2, 403]; *кёрча*, *керча́к* — ‘рыба бычок’ *белом.*, *кем.*, *канд.*, *тер.* [СРГК, 2, 341]; *кунжа*, *кумжа* — ‘род лосося, лососевая форель’ *севмор.* [СРГК, 3, 58], *арх.* [Фасмер, 2, 416]; *лохь* — ‘отощавший после нереста в реках лосось’ [СлРЯ XI—XVII, 8, 287-288]; *нернь* — ‘ластоногое млекопитающее семейства тюленевых’ *канд.* [СРГК, 4, 11]; *турба́к* — ‘рыба *Leuciscus cephalus*’ *лужск.* [Фасмер, 4, 123].

На наш взгляд, фиксация зоонимов в основах имен собственных, отраженная именно в русских документах, — свидетельство тесных, мирных отношений русских и прибалто-финнов, саамов на территории Карелии XV—XVII вв., а также того, что и языковая система, и сознание жителей региона в исследуемое время оказались открытыми в плане заимствования, готовым и терпимым к принятию фактов других культур, их активному переосмыслению. Пожалуй, в условиях сурового Севера и накопленного опыта контактов с другими народами на территории Руси по-другому быть не могло.

Представляется, что у данного явления есть и обратная сторона. Учитывая немногочисленность таких имен в обоих ономастиконах, можно предположить следующее: писцы могли калькировать часть имен: русские писцы заменяли прибалтийско-финские антропонимы индивидуальными номинациями с понятной

основой или календарными именами, а шведы «подгоняли» славянские имена под более известный им финский, карельский язык.

Так, шведские документалисты в книге 1637 г., которая, как известно, имеет шведскую и идентичную ей русскую часть, оставили свидетельства того, когда один и тот же человек в разных частях данной книги был записан под разными именами, ср.: Анты Гирвонен / *Anti Siwoijnen*, дер. Сяргисюря, п. Китежский [КЛ, 597/202]; Ганнуш Тикканен / *Hannus Ziokainen*, дер. Сигасалма, п. Либелицкий [КЛ, 617/249] и т. д.

Вероятно, произволом писцов можно объяснить и то, что в ономастиконе, составленном по шведским документам, отсутствуют такие имена, как *Лох*, *Нерна*, *Товкой*⁶⁶, имеющие прибалтийско-финскую основу и представленные в русскоязычных памятниках письменности. Возможно, это объясняется тем, что XV—XVII вв. — это время двуименности. Не исключаем, что писцы, призванные вести одновременно христианскую миссионерскую деятельность, в официальный документ включали именно календарное имя, а некалендарные и прозвищные имена оставались в бытовом употреблении из-за свойственной им семантической и стилистической модальности.

XV—XVII вв. — это еще и время, в которое развились и закрепились новые ориентации в выборе мотива именованья, возникшие на основе древней сложной мотивационной природы зоантропонимов и имен собственных, подобных им.

Доказательством может служить частотность зооименований. Предполагаем, что чем чаще имя отмечено в документах, тем более сложным мотивационным набором оно обладало (от древних языческих до характеризующих).

Так, анализ списков показал, что в русскоязычных документах в основах именованья «лидируют» следующие названия животных: *баран* (25 употреблений), далее следуют *волк* и *судок* (по 24), *заяц*, *медведь* (по 16), *ерш*, *козел* (по 15), *бобр*, *бык*, *зуй* (по 12), *кот*, *кукой* (*kikko* 'петух'), *лисица* (по 11), *кошка* (10).

---

⁶⁶ Имена *Габун*, *Вашкал*, *Керчуй*, *Кунжа*, *Тинда*, также отсутствуют в шведских документах, но по другой причине: они не являются приладожскими реалиями.

Именно эти имена функционируют в текстах памятников письменности в качестве личных именований, составляя с некоторыми другими некалендарными именами собственными конкуренцию календарным именам, ср. в Обонежье фиксируются:

в 1563: *Боранко* Васильев, п. Вытегорский [ПКОП, 293]; *Волк* Романов, п. Кижский [Там же, 196]; *Кот* Ларюков, п. Толвуйский [Там же, 140]; *Ворона* Костин, п. Выгозерский [Там же, 164], *Козел* Григорьев, п. Выгозерский [Там же, 164] и др.;

в 1582/83: *Бобр* Дмитриев сын Чевакин, п. Выгозерский [КЗПОП, 205], *Ворон* Юрьев, п. Кижский [Там же, 148]; *Ерш* Михайлов, п. Кижский [Там же, 158]; *Заец* Иванов, п. Пудожский [Там же, 224]; *Курица* Денисов, п. Выгозерский [Там же, 199]; *Лох* Матфеев, *Мураш* Федко Семенов, п. Толвуйский [Там же, 171], *Паук* Панкратов, п. Остречинский [Там же, 119—120], *Чиж* Ондреев, п. Кижский [Там же, 155] и др.

Частотность наиболее «культуроносных» зоонимов, нашедшая отражение в прибалтийско-финском ономастиконе в шведских документах, несмотря на ряд совпадений, иная: *härkä* (бык) — 31, *kurki* (журавль), *kuikka* (гагара) — 24, *kettu* (лисица), *karhu* (медведь) — 20, *hirvi* (лось), *kiiski* (ерш) — 16, *saukko* (выдра) — 15, *orava* (белка), *tikka* (дятел) — 14, *susi* (волк) — 13, *hyttynen* (комар), *kukko* (петух) — 11, *ahven* (окунь) — 10, что свидетельствует о разном видении исследуемого фрагмента языковой картины мира у разных этносов, о разной роли тех или иных представителей животного мира в жизни народа, населявшего определенную территорию.

Если говорить о конкретном, но все же гипотетическом мотиве именовании, то он амбивалентен: следует назвать охранную и одновременно пожелательную функцию у таких имен в обоих ономастиконах. Практически за всеми антропонимами стоит или большое сильное животное — защитник именуемого; или животное, связанное с нижним миром злых духов, обитающих на небе, на земле, в воде, под землей, а следовательно, те же мотивы наречения актуальны. Менее вероятными видятся древнейшие мотивы, относимые исследователями к

самым ранним в мифологических представлениях наших предков, связанные с тотемизмом, хотя, основываясь на данных фольклористов, этнолингвистов [см. работы И. Ю. Винокуровой [2006], А. В. Гура [1997], Н. А. Криничной [2004], В. Я. Петрухина [2005], Н. И. Толстого [1995] и др.], и такие мотивы могли быть, но их связь с появлением имени достаточно отдаленная.

Так, наиболее частое имя в русскоязычных документах Карелии – *Баран* (дер. Олферьевская: Иванко Иванов *Боран* да в том же дворе Иевко *Боранов*, п. Кижский, 1563 [ПКОП, 133]; дер. на Ундозере Карпиковская: в ней *Боранко* Васильев, п. Мегрежский, 1582/83 [КЗПОП, 293] и т. д.) может свидетельствовать о переплетении дохристианских верований с христианскими: баран в библейских представлениях славян считается чистым, благословенным животным, угодной Богу жертвой [Белова: 2004, 502]. Безусловно, популярность имени могла быть обусловлена еще и прагматическими установками: это одно из самых неприхотливых в северном хозяйстве домашних животных.

В самом частотном имени Кексгольма *Härkä* (*Härkä Mätti*, Tiurala p.; Michkaill *Härkäinen*, Kitäga p., КЛ, 1618 и т. д.) можно усмотреть отсылку к мифологическим представлениям финно-угров, например, жертвоприношение большого быка для общего пира находит аналогию в святочных — новогодних — обрядах карел, близкое к указанному отношение к быку отмечено у эстонцев, описано в рунах «Калевалы». Предполагается, что культ жертвенного быка восходит к охотничьему культу жертвенного оленя или лося и имеет очень древние истоки [Петрухин: 2005, 70—72]. Немаловажными для доказательства являются космогонические представления вепсов, которые связывают образ быка с созданием его из плодородной водной стихии [Винокурова: 2006, 295].

При этом имя *Бык* входит в число частотных и в русском ономастиконе не только Карелии, но и всей Руси, что опять же связано с почитанием животного в народной традиции, в том числе на Русском Севере. Ср. с обычаем олонцев крестьян в Ильин день закалывать быка, кость которого, доставшаяся во время трапезы, якобы утраивает добычу и т. д. [Толстой: 1995, 273]. В то время как имя *Lammas* (карел., фин. *lammas*, собст. карел. *lammasš*, карел. люд. *lambas*, вепс.

lambaz, саам. *lamþás* ‘овца’, ‘баран’ [СОС, 208—209]) не является частым в прибалтийско-финском ономастиконе конца XVI — середины XVII в., не более 5—6 употреблений типа *Lammas* Реско, Jougis р., 1618 [КЛ, 315]; *Lammas* Тååри, Sackula р., 1631 [КЛ, 399]. Это связано с меньшей ролью барана и овцы в мифологических представлениях прибалто-финнов, хотя известно, что еще в раннем средневековье у веси было достаточно развито овцеводство; овцы, бараны играли определенную роль и в мифоритуальном комплексе и т. д. [Винокурова, 2006, 322—329].

Как видим, несмотря на то, что в данной универсальной антропонимической группе имеется определенное количество совпадающих единиц, конкретный выбор имени, особые предпочтения обусловлены верованиями народа. Например, известно, что для прибалто-финнов особое значение имел культ птиц. Так, в ономастиконе Кексгольмского лена частотны имена, восходящие к названиям журавля и гагары (ср.: Nils *Kurkj*, Kurcki Jocki р., 1631 [КЛ, 434]; Федорко *Курки* (Fedårko *Kurcki*), п. Угонемский, 1637 [КЛ, 568 / 170]; Богдан *Курки* (Iwan *Kurcki* bobell), п. Шуйстомский, ПК, 1637 [КЛ, 709 / 328] и т. д.; Demitko Denisieff *Kuika*, Kitåga р., 1618 [КЛ, 344]; Оллы *Куйка* (Olli *Kuika*), п. Куркиекский, 1637 [КЛ, 492 / 84] и т. д.). Объяснение уходит в глубокую древность и связано с верой в птицу-творца мира и одновременно в птицу — часть мироздания, способную оберегать и вредить. Например, гагара «в мифах разных финно-угорских народов оказывается воплощением злого творца: Омоля у коми, Куль-отыра у манси; даже у саамов она считается женой черта» [Петрухин: 2005, 337]. Отсюда возможное предположение, что имя *Куйка* (*Kuika*) в исследуемое время имело охранную функцию, а имя *Курки* (*Kurcki*) — пожелательное, поскольку в исследованиях по мифологии журавль ассоциируется со счастливой семейной жизнью, его образ связывают с поклонением предкам, плодородием [Винокурова: 2006, 58—63].

Другим доказательством существования древнего мотива могут служить отдельные факты, отмеченные в ономастической системе XV—XVII вв. Например, соименования, которые обычно используются при именовании членов

семьи. Однако обращают на себя внимание такие материалы, где носителями имен одной тематической группы являются жители определенного населенного пункта, ср. дер. на Святе озерке, в ней Гридка *Меринов* внук, сосед его *Жеребец*, п. Никольский Готслав волок, 1496 [ПКОП, 21]; дер. в Наволоке под погостом, в ней *Мураш* Федко Семенов, в ней *Лох* Матфеев, п. Толвуйский, 1582/83 [КЗПОП, 171]; поч. В Лигачи на горе надо мхом: в ней Федко Максимов *Волк*, в ней Куземка *Боранов*, п. Мегрежский, 1563 [ПКОП, 220]; за рекою за Федоровкого на Спаской улице дворы тяглые:... в них Никифорко Иванов *Теляшов*, в ней Гриша Яковлев сын *Коровина* стекольник, п. Корела, 1568 [ПКВП, 64] и др.

Кроме того, до сих пор существуют предания, легенды об оборотничестве. Интересным в данном случае является пример, отмеченный в русских документах — Васка *Медвежья Голова*, п. Шуньгский, 1496 [ПКОП, 3]. Ср. у восточных славян на севере существуют представления об оборотнях-медведях — рассказы о колдунах, принимающих облик медведя, об обращении ими в медведя людей, чаще всего участников свадеб, об обнаружении охотниками под шкурой убитой медведицы бабы в сарафане, невесты или свахи. Ряжение медведем встречается у поляков в свадебном обряде. Представления о людях, способных обращаться в медведя, отмечены также у лужичан [СД, 3, 212]. Подобные поверья сохранились в легендах вепсов [Винокурова: 2006, 106] и других финно-угорских народов: коми, мордвы [Петрухин: 2005, 196-197, 218, 298, 300], а следовательно, не случаен пример из документов, относящихся к Кексгольму: *Jusko Karhapä*, *Pomantsi p.*, 1631 [КЛ, 508], где *Karhapää* — буквально Медвежья голова⁶⁷.

Безусловно, к указанному времени древнейшие мотивы именовании, связанные с отражением названий животных в основах антропонимов, получили другой оттенок – характеризующий внешние или внутренние качества человека и, вероятно, другие особенности имяназвания. Иначе невозможно объяснить такое большое количество антропонимов, восходящих к названиям животных,

---

⁶⁷ За русским и карельским именами могли находиться и экспрессивные характеристики, ср. *karhapää* ‘лохматая голова’, *karhupää* ‘о раздражительном, сердитом человеке’.

ср. в русскоязычных документах Карелии XV—XVII вв. отмечено достаточное количество имен собственных, имеющих фиксацию менее 10 употреблений в основах антропонимов (в порядке убывания): *Жук, Кур, Сокол, Воробей, Лебедь, Муха, Сорока, Щука, Комар, Конь, Кречет, Лунь* и др., еще реже *Бучень, Дятел, Крот, Селезень, Таракан, Хорек, Гоголь, Кобыла, Коза, Корова, Кряква, Лось, Мошник, Сиг, Соболь, Сыч, Хорь, Хрюка, Басарга, Гагара, Голуба, Гусь, Кобель, Коппала, Мураш, Паскач, Рак, Свинья, Синица, Сорка, Строка, Тетера, Ярец* и др. Более 50 именовании являются единичными: *Голубь, Еж, Курица, Лох, Паук, Потка, Снегирь, Соловей, Сом, Утка, Чиж, Щегол* и др. Представляется сомнительным, что многие из перечисленных имели мотивы, связанные только с языческими верованиями.

Так, имя *Комар* (*Комар* Рудаков, п. Андомский, 1563 [ПКОП, 191]; *Комар* Исаков, п. Важинский, 1582/83 [КЗПОП, 97]), к указанному времени уже в меньшей степени отражало древнейшие представления, связанные с комаром (хотя и данный мотив именовании не исключается). Известно, что в разных мифах комары близки злым духам; в фольклорной традиции сохранились оборотнические мотивы: превращение героя в комара, чтобы, уменьшившись в размерах, иметь возможность проникнуть сквозь щель в нужное место. В фольклорных текстах комар выступает как юмористический персонаж, наделенный мужской символикой, комариному укусу приписывается эротизм и проч. [СД, 3, 579—580]. Думается, что на основе сходства с внешним видом насекомого *комаром* могли назвать худощавого, невысокого роста человека [Кюршунова: 2010, 238]. Следовательно, подобные именовании переходили в другую функциональную антропонимическую единицу – прозвище, мотив именовании претерпевал перезагрузку.

Итак, являясь языковой универсалией, зоантропонимы регионального ономастикона по-разному отражают видение разными народами этнокультурного пространства. Подтверждается тезис В. фон Гумбольдта: «Разные языки — это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его» [Гумбольдт: 1984, 13]. При совпадающих компонентах зоонимической парадигмы,

зафиксированных в основах антропонимов, вычленяются специфические для сознания каждого народа именованная и группы антропонимов с названием животного в основе, через которые не только кодируются знания о разных именах-оберегах или именах-пожеланиях, но и отражается вера в силу имени. Помимо этого такие имена — это свидетельства расширяющейся мотивационной парадигмы имени, это имена-характеристики, появившиеся по метафорической модели, дающие оценку денотату, подтверждая развитие новых мотивационных признаков и переводя известное ранее личное имя в другой ономастический разряд — разряд прозвищ. Как следствие, наблюдается изменение взглядов наших предков на картину мира.

5.2. Тюркское имя в антропонимиконе Карелии XV—XVII вв.

Другой группой именованных, генетически связанной с ономастическими системами других языков и представленной в делопроизводственной письменности XV—XVII вв. территории Карелии, являются антропонимы, имеющие тюркские основы. Данная группа анимов, несмотря на невысокие количественные показатели функционирования (репертуар около 100 антропонимических единиц; носителей около 240), может быть привлечена для исследования ономастических и этнокультурных процессов по следующим причинам.

1. Карелия — окраинная часть Северной Руси, в ее ономастиконе нашли отражение, с одной стороны, явления, характерные для всех русских регионов изучаемого периода, в том числе и этнокультурные переплетения, с другой стороны, в силу удаленности от центров сохранились в большей степени архаические явления, нашедшие отражение в региональном ономастиконе, как, например, активное использование в XVII в. для наречения некалендарных личных имен.

2. Как это было показано в предыдущем разделе, Карелия — территория, имеющая опыт толерантных взаимоотношений русских с финно-угорским этносом, что также нашло отражение в региональном ономастиконе.

Учитывая данные особенности, без сомнения, можно дать анализ функционирования антропонимов с тюркскими этнокультурными маркерами, а также определить их значимость как единиц общерусской системы именования и как единиц, представляющих региональный ономастикон.

Известно, что тюркские именования — неременный атрибут не только русского ономастикона, но и шире — восточнославянского (см.: М. В. Бирыла [1969], Г. Ф. Благова [1988], Ю. К. Редько [1968], Г. Ф. Саттаров [1979], Г. К. Чаукерова [2008; 2013] и др.).

Тюркский именник представлен и в документах Карелии XV—XVII вв., ср.: имена, данные курсивом, и тюркские материалы: Тимошка Кирилов сын *Бахмат*, олончанин, 1672 [Тупиков, 98] и сложное имя, состоящее из тюрк. слова *baj* ‘богатый’ + *(A)hmet* (← араб. *Ahmad*, букв. ‘похвальный’) [Баскаков: 1979, 100]; *Бусурман Казатулов* сын Скобелцын, п. Никольский в Ярославичах, 1563 [ПКОП, 250] и *бусурман* ‘язычник’, др.-русс. ‘то же’ из кыпчатского [Фасмер, 1, 251—252], Минка Петров *Курбатко*, п. Вытегорский, 1563 [ПКОП, 207] и тюрк. *qara(a)bat* ‘короткость, близость, родство’ [Баскаков: 1979, 251], Федко Иванов *Кудаш*, Выгозеро, 1556 [Гейман, 183] и тюрк. *Qudaş ~ qundaş* ‘дети одного отца от разных матерей’ или *quda* ‘сват’, *qudaşa* ‘сватья’ [Баскаков: 1979, 30, 254], *Тарханко* Лукин, кр-н, п. Городенский, 1568 [ПКВП, 86] и тур., чагат. *tarخان* ‘привилегированное сословие’, др.-тюрк. *tarkan* ‘сан’, уйг. *tarخان* [Фасмер, 4, 25] и под. Кроме того, видим, эти именования не только восходят к тюркской основе, но и имеют характерный фонетический признак — сингармонизм.

Однако анализ статистических данных показал, что в сравнении с другими регионами, где такие антропонимы достаточно активно используются для номинации лица (см.: Н. А. Баскаков [1979]; М. Войтович [1986]; И. Г. Добродомов [1966, 1967]; А. Г. Мосин [2008]; Е. Н. Полякова [2010]; А. М. Селищев [1968]; Е. Н. Соколова [2010]), тюркские имена в памятниках письменности Карелии

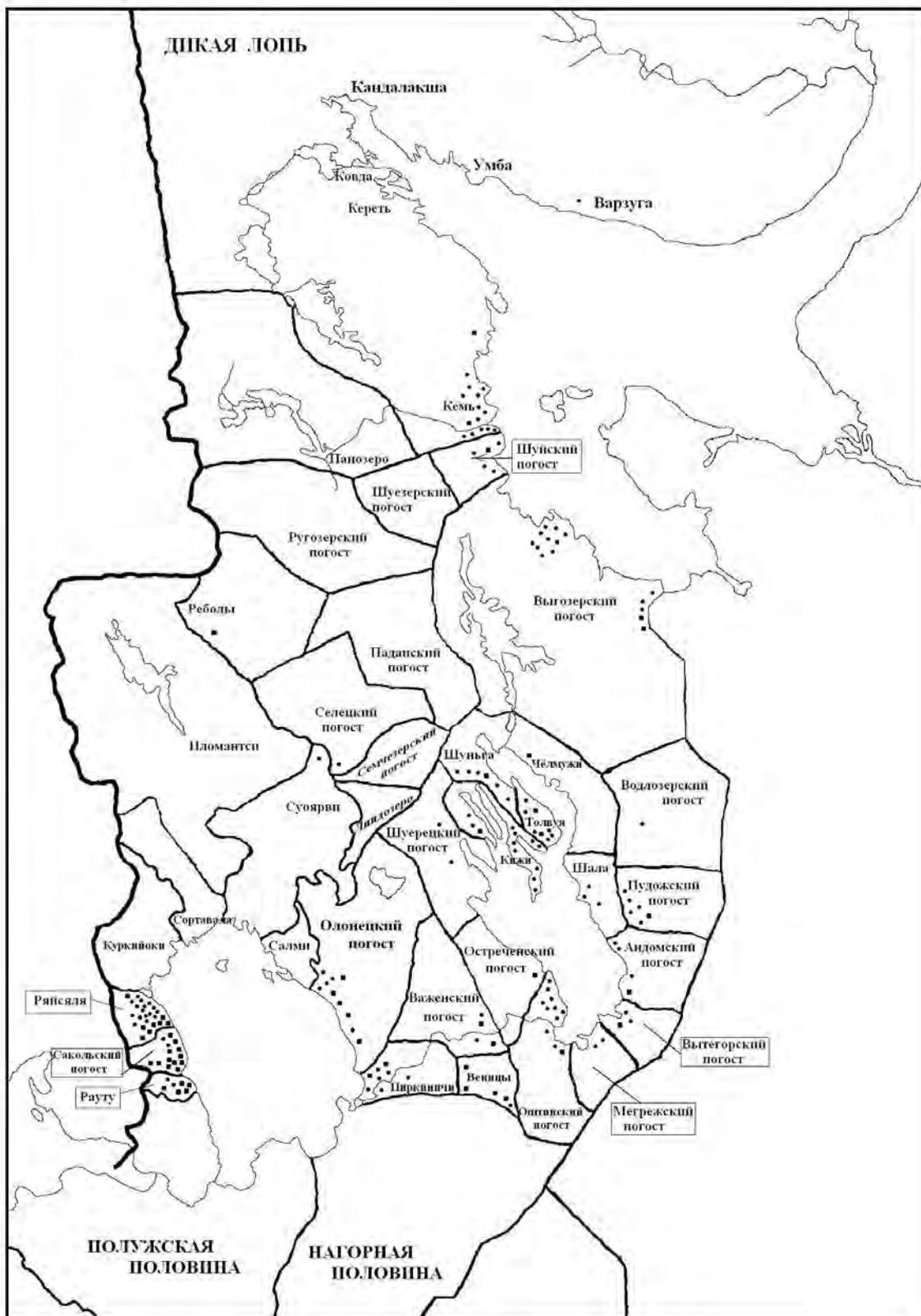
фиксируются редко (см. статистику выше). При подсчетах учитываются и те случаи, где связь с тюркским ономастиконем была косвенно опосредованной. Например, патроним *Бибиков* (Михаил *Бибиков*, грамота, п. Пиркинический, 1598 [Гейман, 361]) связываем, прежде всего, с диалектным *бѣбик* ‘человек, имеющий какой-то физический недостаток’ пск. [СРНГ, 2, 289], затем с близкими в фонетическом плане тур. *bebek* ‘маленький ребенок, кукла’, либо чагат. *bibek* ‘зрачок глаза’, которые могли иметь общее происхождение [Баскаков: 1979, 11]. Подобный «тюркский след» с разной долей вероятности можно увидеть в основах таких патронимов, как *Бакланов*, *Бачурин*, *Берсенов*, *Бутаков*, *Бухарин*, *Годунов*, *Кандаков*, *Колычев*, *Карташов*, *Мамонов*, *Огарев*, *Урусов*, *Чеглоков* и под. (см. монографии Н. А. Баскакова, А. Г. Мосина, словарь И. А. Кюршуновой).

Распространение таких именованний по погостам Карелии (см. карту 18) в указанное время неравномерное, обусловленное использованием земель, пригодных для обработки, на юге Карелии земцами и помещиками, особенно на Карельском перешейке: Городенский, Сакульский, Ровдужский погосты. Выделяются «пустые» тюркские зоны или зоны с единичными случаями выявления тюркских именованний, совпадающие с присутствием там прибалтийско-финского населения края. Крестьянское население — носители имен с тюркской основой — отмечено островками: южные погосты Обонежской пятины, Заонежские погосты, а также Шуйский и Выгозерский, Кемь, то есть места преимущественного поселения русских.

Невысокая частотность именованний, которые можно включить в тюркскую группу, обусловлена тем, что на данной территории не было прямых контактов с тюркским населением. Кроме того, обращает на себя внимание следующая особенность: большая часть антропонимов, имеющих тюркскую основу, зафиксирована в основах патронимов (*Букримов*, *Казатулов*, *Кутузов*, *Салтыков*, *Хазаров*, *Сабуров*, *Тургенев* и под.), по этой причине можно говорить, что часть тюркской именной базы не была актуализирована в антропонимиконе Карелии.

Карта 18

Ареал тюркских ономастических единиц
на территории Карелии XV—XVII вв.

●	Именования крестьянского населения края
■	Именования «статусных» лиц, представленных в документах Карелии

Носителями имен с тюркской основой на территории Карелии были представители «статусных» сословий: церковные служащие, писцы, помещики, земцы, не являвшиеся в ряде случаев постоянными жителями Карелии, ср.: *Рахманин* Болдырев, дьяк, 1628 [Мюллер, 35]; воевода и князь Семен *Урусов*, грамота, 1669 [Мюллер, 195]; Будай *Сартаков*, подьячий, Свирь, Ильинский мон., 1595 [Гейман, 346] и т. д. «Статусные» именованья вряд ли следует считать актуальными для региональной ономастической системы.

Тюркские имена фиксируются также у постоянных жителей края — крестьянского, мастерского населения, у бобылей, местных деревенских церковных служащих: *Бекет* Терехов, крестьянин, п. Шальский, 1582/83 [КЗПОП, 222]; *Берсень* Ефимьев, крестьянин, п. Пиркинический, 1563 [ПКОП, 78]; *Шарап* Давыдов, бобыль, п. Шуньгский, отдельные книги, 1594 [Гейман, 342]; бобыль *Шевел* Иевлев, п. Кижский, 1582/83 [КЗПОП, 156]; *Казаринко* Филипов, дьячок, п. Оштинский, 1582/83 [Там же, 310] и т. д.

Несмотря на немногочисленность (репертуар 57 антропонимических единиц; носителей 130), именно антропонимы местных жителей представляют особый интерес для исследования функциональных особенностей, вопросов интерференции иноязычных имен в региональном ономастиконе, для объяснения мотивов номинации лица тюркским именем. Вопрос об истории вхождения таких именованья в периферийный ономастикон, не связанный пограничными контактами с тюркским населением, следует оставить открытым. Возможно, эти имена заимствовались в систему именованья через ростово-суздальскую антропонимию⁶⁸. Однако в этом случае ожидалось бы большее количество именованья в восточных погостах Карелии, которые в большей степени испытали влияние ростово-суздальской миграции.

Антропонимы с тюркской основой, отмеченные в крестьянском социуме, функционировали или как личное имя, или как прозвище. Формальным

---

⁶⁸ Ср. подобные наблюдения у Е. Н. Ивановой по Белозерским документам [Иванова: 2012, 117], Белозерье, как и территория Карелии, удалено от регионов, напрямую контактировавших с тюрко-татарскими народами Руси.

критерием разграничения считается позиция антропонима в структурной модели именованья (по отношению к патрониму и прочим единицам номинации лица). В постпозиции такие антропонимы выполняют функцию прозвища: Огафонко Ларивонов *Булат*, кр-н, п. Пудожский, 1563 [ПКОП, 183]; Гаврило Григорьев сын *Бухаря*, староста, 1571 [АСМ, 235]; Иванко *Чумбур*, кр-н, п. Шуньгский, 1563 [ПКОП, 151] и под. В препозиции антропонимы с тюркской базой следует приравнивать к личному имени, даваемому при рождении: *Шаранко* Иванов, кр-н, п. Важинский, 1582/83 [КЗПОП, 98—99]; *Берсень* Ефимьев, кр-н, п. Пиркинический, 1563 [ПКОП, 78]; *Булгачко* Созонов, кр-н, г. Корела, 1568 [ПКВП, 76] и под.

Дополнительным критерием того, что перед нами личное имя, является использование экспрессивных формантов: *Казаринко* Петров, кр-н, п. Кижский, 1563 [ПКОП, 130]; *Муратко* Иванов, г. Корела, 1568 [ПКВП, 77]; *Назимко* Кареев, кр-н, п. Никольский в Ярославичах, 1563 [ПКОП, 250]; *Ташлычко* Семенов, кр-н, п. Оштинский, 1563 [ПКОП, 228]; *Чубарко* Логинов, кр-н, п. Шальский, 1582/83 [КЗПОП, 221]; *Шевелко* Никифоров, кр-н, г. Корела, 1568 [ПКВП, 61]. См. также примеры, приведенные выше.

В данном случае они уподобляются таким календарным модификатам, как *Иванко*, *Ондрейко*, *Онтонко*, *Павелко*, *Семенко*, *Федорко* и т. д., которые адаптировались в русской ономастической системе по аналогии с исконно русскими некалендарными личными именами: *Баженка* Боранов, кр-н, Сенногубская вол., 1599 [Гейман, 375]; *Боранко* Васильев, кр-н, п. Мегрежский, 1582/83 [КЗПОП, 293]; *Белашка* Павлов, кр-н, п. Андомский [Там же, 204]; *Буданко* Ондреев, кр-н, Оштинский, 1563 [ПКОП, 225]; *Вешнячко* Иванов, кр-н, п. Кижский, 1582/83 [КЗПОП, 156] и т. д. (многочисленные примеры см.: Кюршунова 2010).

Модифицированные формы именованья (с тюркской, исконно славянской или календарной основой), с одной стороны, — способ адаптации иноязычного имени, с другой — отражение особого отношения родителей к ребенку.

Следовательно, мотив именования, близкий к значению тюркского апеллятива, вряд ли можно учитывать в полной мере.

Рассмотрим пример. Антропоним *Рахманин* известен в разных регионах Руси (см. С. Б. Веселовский [267]; Н. М. Тупиков [391]; М. Морошкин [166—167]; Е. Н. Полякова [2010, 319]; А. Г. Мосин [2008, 338]; Ю. И. Чайкина [1995, 85]; И. А. Кюршунова [2010, 455—456] и т. д.). По свидетельству исследователей, именование является тюркским по происхождению и возникло на основе арабского апеллятива *rahman* ‘милосердный’ [Баскаков: 1979, 169—170]. Можно предположить, что в ономастическую систему XV—XVII вв. могло быть заимствовано само имя *Рахманин*. Однако ко времени его широкого распространения оно потеряло связь с генетически родственным апеллятивом. Ср. основу антропонима с однокоренным прилагательным *рахманный*, известным современным русским говорам, которое является адаптированным и переосмысленным от тюркского *rahman*. Прежде всего, соотнесем именование со значениями слова *рахманный*, отмеченными в русских говорах Карелии и сопредельных областей. На севере и востоке, как заметил В. Даль, со словом *рахманный* связаны положительные характеристики лица: ‘веселый, разгульный, беседливый, хлебосольный, тороватый, тчивый, щеголь’ [Даль, 4, 86], а также ‘щедрый, добрый’ прион., кондоп., ленингр., новг., лод., бат., тихв., ‘веселый’ прион., новг., ‘красивый, нарядный’ медв., прион., волог., ‘боевой’ медв., ‘ловкий, мастер на все руки’ прион., кондоп., новг., ‘толковый, приятный человек’ Медв., ‘бескорыстный человек’ новг., ‘хороший, славный’ новг., ‘бойкий’ белоз. [СРГК, 5, 500], ‘добрый, добродушный’ олон., вят., твер., петерб., яросл., нижегор., пск., ‘обходительный, учтивый’ олон., яросл., ‘гостеприимный, хлебосольный’ олон., твер., яросл., влад., моск., брян., ‘не жадный, не скупой, щедрый’ прион., олон., арх., петерб., новг., твер., влад. и т. д. [СРНГ, 34, 343—344]. В других говорах *рахманнй* означает ‘вялый, хилый, развязный’, ‘смирный’, ‘простоватый, глуповатый, нерасторопный’ юго-зап. и юго-вост. от Москвы [Даль, 4, 86]; ‘развязный’ костр. [Ганцовская, 333]; ‘хвастливый’ чуд. новг., ‘спокойный, равнодушный’ новг., а также ‘скромный, смирный человек’ смол. [СРНГ, 34, 343—344], ‘тихий, кроткий,

смирный, ручной' пск., зап. [Даль, 4, 86], 'смирный', 'задумчивый' пск. [СРНГ, 34, 343—344]. Такая полярность значений апеллятива в говорах, широкое распространение имени собственного по всей территории Руси — яркое свидетельство оторванности именования от исторического корня, а как следствие, необходимость искать новые признаки мотива именования.

Думается, за тюркскими именами могла стоять охранная функция, обусловленная значением 'чужой'. Такая внутренняя форма могла наслаиваться на другие мотивы именования. Если же сохранялась смысловая обособленность, то личные имена с тюркской основой и становились в один ряд с такими антропонимами, как *Незнан*, кр-н, начало XVI в., Новгород [Веселовский, 216], *Ненаш* Михайлович Запольский, 1584, Рязань [Там же, 218], *Несвой* Григорьев, кр-н, 1545, Новгород [Там же, 219), а также *Найден* Степанов, кр-н, п. Сакульский, 1568 [ПКВП, 133), *Нежданко* Федотов, кр-н, п. Пудожский, 1582/83 [КЗПОП, 229], *Нечайко* Истомина, кр-н, п. Городенский, 1568 [ПКВП, 79] и под., где возможно выделение такого мотивировочного компонента, как 'чужой'. Подобные размышления дают возможность предположить, что данный мотив именования был дополнительным средством адаптации календарного (изначально чужого) имени и включения его в русскую ономастическую сферу.

Косвенным подтверждением гипотезы является приведенный С. Б. Веселовским пример — *Чужой* Булгаков Айгустов, 1549, Переяславль [Веселовский, 356], где именование *Чужой* как раз имеет охранную внутреннюю форму, занимает позицию личного имени, которое сопровождают компоненты с неславянской основой, одна из которых — *Булгаков* — в данном случае принимается как тюркская, ср. с материалами Н. А. Баскакова, *Булгак* из тюрк. *bulyaq* 'гордый, важный', 'бездельник, праздно шатающийся', 'непостоянный, ветреный, легкомысленный', 'беспокойный, суматошный человек' [Баскаков: 1979: 7, 34].

Тюркские антропонимы, выполняющие функцию прозвища, также к XV—XVII вв. изменили внутреннюю форму. Так, прозвище *Булат* (Огафонко Ларивонов *Булат*, кр-н, п. Пудожский, 1563 [ПКОП, 183]) мотивировано не

значениями ‘сорт стали’ или ‘стальной клинок’ [Баскаков: 1979, 139], а значением ‘рыжеволосый человек’, в памятниках письменности содержится указание на цвет булата: «А говорилъ шахъ: ...булатъ хорошей красной выходить въ наше государство...» [СлРЯ XI—XVII, 1, 352].

Патроним *Копылов* (Нечайко *Копылов*, кр-н, п. Мегрежский, 1563 [ПКОП, 221]) от прозвища *Копыл* (ср. по другим регионам — Василий *Копыль* Спячий, московский посол на Афон, 1515 [Тупиков, 251] и под.), которое могло быть мотивировано значением ‘тупой, глупый человек’, зафиксированного у апеллятива *копыл* в ярославских говорах [ЯОС, 5, 63] и возникшего от одного из известных древнерусскому языку апеллятива *копыль* в следующих значениях: ‘каждый из вдолбленных в санные полозья брусков, которые служат для прикрепления к полозьям верхней части саней’, ‘род лопаты’ [СлРЯ XI—XVII, 7, 299]. Используется данное слово и в составе названия бортного знамени с изображением брусков и санных полозьев [Там же]. Апеллятив в прямом номинативном значении заимствован из тюркских языков и связан с глагольной основой *qor-* ‘подниматься, вставать’, к которой присоединялись аффиксы *-yl// -il*, придававшие слову *qoryl* значение ‘стояк, стоень’ [Баскаков: 1979, 135]⁶⁹.

Как видим, тюркский апеллятив в русской лексической системе подвергается метафоризации и в дальнейшем становится внутренней формой для именованя.

В отдельных случаях возможна отдаленная связь с тюркской (первичной) этимологией. Ср. прозвище *Булыга* (Овдоким Максимов сын *Булыга*, купчая, 1552 [АСМ, 111]) и тюркское *balya* ‘палица с длинным черенком; молоток’ и *baldaq* ‘палица с ремнем для прикрепления к руке; сабельный эфес’ [Баскаков: 1979, 164]. Не следует пренебрегать возможной связью с *тюрк.* *bulquj* ‘быть громоздким, толстым’, ср. также *монгол.* *болхи* ‘нерасторопный, неповоротливый, неуклюжий, грубый, дерзкий, невежественный, тупой’ [Баскаков: 1979, 34].

---

⁶⁹ Имеются другие гипотезы о мотиве номинации: не менее вероятна связь с *копы́л* ‘незаконнорожденный’ в укр., болг., макед., сербохорв., словац. языках или опять же с тюркским *qaryl* ‘небрежный’ [Баскаков: 1979, 134—135; см.: Кюршунова: 2010, 244—245].

В говорах отражено преобразованное *булыга* ‘камень, булыжник’ [СРГК, 1, 137], которое в дальнейшем послужило основой для переносного ‘болван, грубый, неотесанный человек, неуч, невежа’, отмеченного у лексемы *булыга*, например, в олонекских (русских) говорах Карелии [Куликовский, 7], ср. также *булыга* ‘пустой, никчемный человек’ тихв., медв. [СРГК, 1, 137].

Следует обозначить примеры, где за именованием могла стоять как тюркская основа, так и апеллятивная база из другого языка. Имя *Улан* (*Улан* Рокульский, земец, г. Корела, 1568 [ПКВП, 55]) в конечном итоге можно связать с известным древнерусскому языку *улань* ‘член ханской семьи у татар, лицо княжеского рода’ [Срезневский, 3, 1194—1195] или тюркским *olan* ‘парень’ [Мирославская: 1980, 160]. Однако известны глаголы *улайдать*, *уландать* ‘плакать’, заимствованные из прибалтийско-финских языков, ср. с вепским *ulajdab* — в 3-м л. ед. ч. ‘воет’, финским *ulista* ‘выть, стонать, визжать’ [Фасмер, 4, 158], широко представленные в современных русских говорах Карелии [см. СРГК, 6, 601–602], как и девербатив *улайдун* ‘плакса’ Медв. [Там же, 602]. Кроме того, на появление формы *Улан* на *-ан* могло повлиять отпричастное имя его брата *Ждан*.

Патроним *Шабанов* (Степанко Тимофеев *Шабанов*, кр-н, г. Корела, 1568 [ПКВП, 78]) в конечном итоге восходит к апеллятиву *шабан*, для которого можно видеть связь с арабским *šaban* — названием восьмого месяца лунного календаря, или с тюркским *šaban* ~ *šaban* ‘чабан, пастух’ [Баскаков: 1979, 211—212]. Но более надежным видится соотношение с известной в русских говорах Карелии лексемой *шабáнь* ‘ягода, растение *Empetrum nigrum*’ [Фасмер, 4, 391], а также с глаголом *ша́бандать* ‘шептаться, тихо говорить, ворчать, делать что-л., производить тихий шум; искать, копаться’ русские говоры Карелии, шенк. арх. заимствованным из вепского *šäbäitä* ‘производить шум, греметь, рычать’ [Фасмер, 4, 390], *šabaita* ‘шуршать, скрестись’, ‘копошиться, возиться с чем-л.’, ‘трепетать’ [СВЯ, 541], финского *sopistaa* ‘производить небольшой шум, бормотать’ [Фасмер, 4, 390].

У ряда антропонимов, имеющих тюркскую основу, внутренняя форма характеризуется высокой степенью гипотетичности, что обусловлено семантикой

соотносимого с именем апеллятива. Например, неясен мотив именованя *Чумбур* (Иванко *Чумбур*, кр-н, п. Шуньгский, 1563 [ПКОП, 151]). Соотносимый апеллятив *чембур*, *чумбур* ‘поводок лошади’, заимствованный из тюркских языков: ср. тар., тел. *čylbur* ‘то же’, алт. *čylbur* [Фасмер, 4, 331], допускает разные предположения о мотиве номинации, одна из которых ‘название лица по роду деятельности’ (= ‘тот, кто изготавливал и продавал чумбуры’) позволяет поставить антропоним *Чумбур* в один тематический ряд с такими именами, как *Оглобля* Федор Исаков, 1620, Соль Вычегодская [Веселовский, 227], *Супонь ← Супонев Федор Васильевич, воевода, 1527, Чухлома [Там же, 306], *Хомут ← Хомутов Иван Федорович, 1522, р. Клязьма под Москвой [Там же, 341] и под.

Примером открытого мотива именованя может служить название деревень *Шалимовская* в разных погостах Карелии (дер. на Вытегре ж на порошке слово *Шалимовская*, п. Вытегорский, 1563 [ПКОП, 207]; дер. в Чилаксе *Шалимовская*, п. Веницкий, 1563 [Там же, 224]), где вычленяется антропоним *Шалим, для которого находим ряд этимологий у Н. А. Баскакова: 1) тюркское имя собственного *Šah ālim* ← персидского *šah* ‘царь, властитель’ и арабского ‘*ālim* ‘ученый, просвещенный’, 2) казахское, каракалпакское *šalym* ‘горсть’, *šalymly kiši* ‘работоспособный, сильный, крепкий человек’ [Баскаков: 1979, 137].

Имеются случаи, подобные отмеченным в некалендарной антропонимии, когда провести границу между личным именем и прозвищем невозможно, ср. одни и те же имена в разных функциональных позициях: ср. *Тарханко* Лукин, кр-н, п. Городенский, 1568 [ПКВП, 86] и Иван Федоров сын *Тархан*, купчая, 1550 [АСМ, 100]; *Шевель* Тимофеев, кр-н, п. Кижский, 1582/83 [КЗПОП, 189]; *Шевелко* Никифоров, кр-н, г. Корела, 1568 [ПКВП, 61] и Игнашко *Шевел*, кр-н, п. Толвуйский, 1563 [ПКОП, 142]; Якунь Звягин *Шевел*, Кемская и Подужемская вол, 1591 [Гейман, 321]. Если для личного имени определение мотива номинации лица возможно (*Тарханко* и *Шевелко* стоят в одном ряду с другими охранными именами), то для прозвищ *Тархан* и *Шевел* соотнесение с семантикой тюркского апеллятива остается под вопросом. Ср. тур., чагат. *tarḡan* ‘привилегированное

сословие', др.-тюрк. *tarkan* 'сан', уйг. *tarخان* [Фасмер, 4, 25] или *шевель* — название месяца [Баскаков: 1979, 42].

Таким образом, антропонимия с тюркской базой в периферийных регионах русского государства донационального периода может служить источником исследования особенностей антропонимической интерференции и выявления качественно новых процессов в русской антропосистеме. Так, личные имена и прозвища тюркского происхождения, зафиксированные в памятниках письменности XV—XVII вв. у крестьянского и близкого к нему по статусу населения Карелии, являются полноправными членами некалендарного ономастикона Руси. На территориях, удаленных от мест прямого контактирования с тюркским этносом, языковая интерференция на ономастическом уровне имеет нулевой коэффициент. Те антропонимы, которые выполняли функцию личного имени, входят в группу имен с охранной функцией, отражая проявление мотива номинации, обозначенного семей 'чужой'. Другая часть именованых — прозвища — восходит к адаптированным в русской лексической системе апеллятивам, также формирующим новую внутреннюю форму, обусловленную переносными моделями русского языка.

Выводы

1. В памятниках письменности Карелии XV—XVII вв. фиксируются антропонимы, отражающие контакты разноэтнических народов: русских и финно-угорских, русских и тюркских. Такие материалы позволяют характеризовать ономастическую систему как уникальную в плане этнического взаимодействия, хотя взаимодействие таких соотношений в ономастической системе представлено специфически, что обусловлено разной глубиной соприкосновения этносов. Наиболее органично антропонимический диалог выстраивается для славяно-прибалтийско-финских контактов, имеющих опыт длительных мирных связей на одной территории. Менее существенными из-за отсутствия непосредственного

общения для исследуемого региона являются отношения с тюркским ономастикомом.

2. Тесные славяно-прибалтийско-финские контакты проявляются на всех языковых уровнях: на фонетическом уровне через антропонимы отражено вхождение и усвоение не характерных для русского языка сочетаний звуков; на морфемном — включение в систему имен, не характерных для обеих языковых систем формантов; на грамматическом — онимы с заимствованными основами входили в систему славянского формоизменения; на ономастическом — создание смешанных «гибридных» структур именования лиц.

3. При стремлении к переплетению и взаимовлиянию все же выделяются аспекты, которые свидетельствуют о различном видении мира русским и финно-угорским этносом. Так, при этнолингвистически актуальной для обоих этносов группе названий животных, зафиксированной в основах антропонимов, и даже совпадающих элементах такой парадигмы, вероятно, можно говорить о разных наиболее / наименее значимых денотатах, за которыми стоит родной для каждого этноса культурный код, отражающий различия на когнитивной ступени восприятия действительности. Со временем зоонимический код претерпевал мотивационное форматирование, включаясь в переносные модели, а следовательно, обозначая новые ориентиры в мотивах номинации человека.

4. Тюркская антропонимия, представленная в ономастиконе Карелии, отражает в большей степени процесс трансференции, нежели интерференции. Если интерференция в прибалтийско-финском ономастиконе выявляется еще на апеллятивном уровне и рефлексы отмечены в русских говорах Карелии и сопредельных областях, они актуальны именно для Карелии, то у тюркского именника такая связь с апеллятивным материалом имеет не региональный, а более широкий — общерусский — характер, при этом в ономастикон края в большей степени «мигрировал» антропоним, ставя тюркское именование в охранный мотивационный «чужой» ряд.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Активное введение в теорию лингвистических исследований аспектов, обусловленных связью языка и духовной культуры, позволило апробировать на их базе различные языковые единицы, явления и определить их особенности в отражении знания о человеке, его картине мира, системе ценностей, которые сложились в обществе в определенное историческое время. Подключение к такому изучению онимов оказалось более чем перспективным: они являются максимально культураносными единицами языка, а антропонимы в этом ряду занимают одну из самых предпочтительных позиций, так как они не только знаки духовной культуры, но и те элементы, которые теснее других языковых единиц связаны с человеком и репрезентируют через его индивидуально-идентифицирующую номинацию универсальный опыт, имеющий духовное, интеллектуальное, культурное содержание. Более того, особую актуальность в изучении когнитивно-антропоцентрических, этнолингвистических, аксиологических подходов имеет антропонимия, зафиксированная в периферийных, полиэтнических, трансграничных регионах донационального периода, поскольку именно антропонимы зачастую являются теми единственными компонентами, которые несут недостающую информацию о жизни человека в прошлом, взаимоотношениях в обществе, о духовных приоритетах наших предков. Как следствие, это позволяет включить антропонимический материал в широкую полосу сопоставлений: центр — периферия, свой — чужой, универсальное — специфическое, логически совпадающих с целями, обозначенными в диссертации и обуславливающими перспективу дальнейших исследований в данной области.

С заявленных позиций была рассмотрена антропонимия Карелии, зафиксированная в разных сферах деловой письменности на русском и шведском языках XV—XVII вв., которая еще не подвергалась ни традиционному описанию антропонимии как системы единиц номинации лица, ни анализу проприального

материала в новых парадигмах знания. Выбран тот хронологический отрезок — XV—XVII вв., — который в лингвистическом плане отличало сосуществование языковых стихий, приведшее к переплетению различных явлений узуального и нормативного плана на всех уровнях языковой системы, включая ономастическую. Назовем следующие универсальные и специфические особенности явлений, наблюдаемые в региональном ономастиконе:

1) Удаленность от центров позволила сохраниться в ономастической системе исконно русским именам, что дало возможность судить о принципах, способах и мотивах номинации лица, существовавших с дохристианской эпохи традициях имянаречения. Сделать предположение, что данный процесс был достаточно активным и искусственно сдерживался на страницах документов писцами.

2) Динамичной была номинация лица характеризующими антропонимическими единицами — прозвищами, восходящими к отапеллятивным экспрессивам разной родовой принадлежности. В качестве прозвищ используются лексические единицы с переносной (образной) внутренней формой, свидетельствующей о некотором удалении от архаического восприятия мира. Антропонимизация экспрессивов, названий лиц метафорического характера — показатель изменения сознания и возникновения новой оценки человеком окружающего мира.

3) Среди отличительных черт данного периода назовем включение в именную систему мощной волны христианских личных имен, сосуществовавших параллельно с исконно русскими антропонимами, сохранившими архаические принципы и способы номинации лиц при рождении. Обе системы именования оказались неспособными победить главный «недуг» антропонимикона XV—XVII вв. — тезоименность — из-за полной закрытости списка потенциально возможных календарных имен и относительной открытости для введения в процесс наречения некалендарных личных имен. Данная тенденция носит общерусский характер, что допускает в последующих исследованиях обратиться к проблеме исполнения именем собственным основных «обязанностей» —

индивидуализации и идентификации лица — в социуме и ставить вопросы о причинах ономастических предпочтений в самом обществе.

4) Полиэтничность региона и его пограничное положение между западом и востоком придало ономастикону Карелии XV—XVII вв. специфический, неповторимый колорит, в том числе и на территориях, которые по историческим причинам были переданы Швеции. Анализ антропонимикона с точки зрения межкультурной коммуникации позволил увидеть процессы активного взаимодействия разных этносов и культур. При этом зона отапельлятивных антропонимов содержит преимущественно иллюстрации толерантности с русской стороны: активное вхождение в русскую лексико-семантическую систему нарицательной лексики, подвергавшейся онимизации как на славянской, так и неславянской почве. Календарная именная зона указывает, напротив, на неславянский «либерализм»: календарный ономастикон на преимущественно финно-угорских территориях имеет православную основу, что наиболее четко прослеживается в шведских документах.

5) Как и по всей территории Руси, в качестве номинации лица в документах используется не только личное имя, но и прочие элементы именованья, свидетельствующие, что в реальной речевой деятельности существовал номинативный ряд, выбор единиц из которого определялся функциональной лабильностью — попаданием номинативной единицы в нужный речевой уровень.

Таким образом, антропонимия Карелии — это своеобразный синтез исконно-русской, славянской и прибалтийско-финской, саамской языковых стихий, это синтез календарного и некалендарного взгляда на мир, это синтез христианской православной и неправославной (лютеранской) идей в номинации человека.

Все это дает возможность рассматривать антропонимию Карелии как код культуры, который расшифровывается с помощью использования семантико-мотивационного подхода, позволяющего взглянуть на информативность антропонимических единиц (некалендарных и календарных личных имен,

прозвищ и образований от них) как фрагментов, представляющих картину мира XV—XVII вв.

Ни одно имя в антропонимической системе не было случайным: за именем или за целой группой имен находилась мотивационная парадигма, между членами которой видится тесное взаимодействие. Построение данной парадигмы сопряжено с использованием приема семантико-мотивационной реконструкции.

При этом для некалендарных имен исходным элементом парадигмы следует признать тот, который соотносится с древними верованиями и отражается в различных ритуалах, сохранившихся до настоящего времени и зафиксированных в диалектных, фольклорных, этнографических, исторических нарративах, словарях, специальных культурологических исследованиях.

Поиск такой информации и сопоставление ее с антропонимическим материалом выводит исследование на этнолингвистику и пересекается с когнитивно-антропоцентрическими и аксиологическими параллелями в изучении материала.

1) Анализ некалендарных личных имен в новых лингвистических парадигмах показал, что в их семантико-мотивационной парадигме, помимо прозрачных мотивов номинации лиц, классифицированных по различным семантическим объединениям, выделяется имплицитная внутренняя форма с охранными и пожелательными мотивами. Обе внутренние формы могли появиться, прежде всего, в семейном социуме, а потому они отражали семейные ценности, традиции, разного рода магические действия, связанные с имянаречением, среди которых выделяются такие как особое отношение к ребенку, факт его появления в семье, совместные трудовые отношения.

2) Экспрессивная внутренняя форма обусловлена, помимо характеризующих коннотативных и неконнотативных мотивов, «ономастической профилактикой», предупреждением через характеризующую номинацию целого комплекса различных отступлений от нормы в поведении и физическом облике человека. Семантика основ именованья свидетельствует о том, что номинировался взрослый человек, вступающий в особые отношения с обществом,

что давало возможность присвоить ему определенную индивидуальную номинацию. Обращение к анализу прозвищ требует рассмотрения фактов, нашедших отражение в языке донациональной эпохи, а при его отсутствии — в диалектной и современной литературной лексико-семантической и фразеологической системах, сопоставление с единицами которых позволило реконструировать отдельные лексемы и объединить их с помощью компонентного анализа в различные семантические множества, а далее использовать результаты для восстановления фрагментов картины мира, духовной культуры общества. Важно отметить, что именно семантика апеллятива наполняет прозвище определенным смыслом и позволяет интерпретировать его в разных мотивационных планах, опять же базирующихся на культурных кодах, актуализация которых происходила в определенных ситуациях, скрытых от исследователя временем, что, впрочем, является справедливым и для других антропонимических единиц. Анализ прозвищ с аксиологических позиций показал, что особую ценность представляла оценка трудовых отношений. Все действия человека, его морально-этические и практически большая часть внешних особенностей проходили через призму трудовых (более того совместных трудовых) отношений.

3) Календарные личные имена также представлены через парадигму, один член которой изначально задан церковными правилами, другой имплицитно соотносит всех именуемых с архетипическим противопоставлением «свой ~ чужой». Принятие изначально чуждого языку имени — это не только способ указания на изменяющуюся социальную обстановку общества XV—XVII вв., это еще и дополнительная мотивация, обусловленная возможностью поставить именуемого в другой (чужой) ряд, что опять же соприкасается с древними верованиями, как ассоциация связи с заимствованными в ономастикон иноязычными именами, например тюркскими.

4) Оппозицию «свой ~ чужой» можно выявить и у некалендарных личных имен, и у прозвищ, что еще раз является подтверждением известного тезиса о том, что это архетипическое противопоставление — одна из ведущих категорий

языкового сознания, обусловленная культурным бытием человека и общества, это основа всех объективных и субъективных сравнений в мире.

5) За всеми номинациями человека следует видеть не только именуемого, но и номинатора, для которого был важен образ идеального человека в идеальном обществе. Поэтому в периферийной части Руси XV—XVII вв. можно выделить следующие ключевые понятия эпохи: «семья», «ребенок», «отношения в обществе», «труд», где последнее является по своему аксиологическому статусу самым значимым. При этом в определении системы ценностей через анализ антропонимического материала (да и любого другого) необходимо учесть особенности, свойственные именно данной региональной картине мира, на которую влияло и географическое положение, и контакты с другими народами.

Таким образом, благодаря новым подходам, приложенным к исследованию регионального антропонимического материала, представленного в делопроизводственной письменности Карелии XV—XVII вв., были изучены антропонимы как особые культурные маркеры, этноисторические знаки, ярко отражающие разностороннюю социальную жизнь, духовный мир, идеалы человека и народа-языкотворца и позволяющие увидеть самобытный исторический образ эпохи, этническую психологию, верования, нравственные и эстетические ценности.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. Сокращения языковых и географических помет

алт. — алтайское	горьк. — горьковское
араб. — арабское	диал. — диалектное
арх. — архангельское	др.-русск. — древнерусское
астрах. — астраханское	др.-тюрк. — древнетюркское
баб. — бабаевское	енис. — енисейское
барнаул. — барнаульское	забайк. — забайкальское
бат. — батецкое	заон. — заонежское
без указ. места — без указания места	зап. — западное
белоз. — белозерское	зап.-брян. — западно-брянское
белом. — беломорское	иркут. — иркутское
белорус. — белорусское	кадн. — кадниковское
бокс. — бокситогорское	казан. — казанское
болг. — болгарское	калин. — калининское
брян. — брянское	калуж. — калужское
бурят. — бурятское	камч. — камчатское
в.-луж. — верхнелужицкое	канд. — кандалакшское
вашк. — вашкиное	карг. — каргопольское
вепс. — вепское	карел. — карельское
влад. — владимирское	кем. — кемское
волог. — вологодское	кемер. — кемеровское
волх. — волховское	кильд. — кильдинское
ворон. — воронежское	кирил. — кириловское
вост.-русск. — восточно-русское	киров. — кировское
выт. — вытегорское	кольск. — кольское
вят. — вятское	кондоп. — кондопожское

костр. — костромское
краснояр. — красноярское
курск. — курское
ладож. — ладожское
Латв. ССР — русские говоры Латвийской
ССР
ленингр. — Ленинградское
ливв. — ливвиковское
лит. — литовское
Лит. ССР — русские говоры
Литовской ССР
литер. — литературное
литов. — литовское
лод. — лодейнопольское
лоух. — лоухское
луж. — лужицкое
люб. — любытинское
люд. — людиковское
макед. — македонское
медв. — медвежьегорское
мезен. — мезенское
МОНГОЛ. — монгольское
моск. — московское
н.-луж. — нижнелужицкое
нижегор. — нижегородское
новг. — новгородское
обл. — областное
олон. — олонецкое
онеж. — онежское
оренб. — оренбургское
орл. — орловское
пенз. — пензенское
перм. — пермское
пест. — пестовское
петерб. — петербургское
петроград. — петроградское
петрозав. — петрозаводское
печер. — печерское
пинеж. — пинежское
плес. — плесецкое
подп. — подпорожское
полаб. — полабское
польск. — польское
праслав. — праславянское
прион. — прионежское
пск. — псковское
пуд. — пудожское
рост. — ростовское
рус. — русское
ряз. — рязанское
с.-в.-р. — северновеликорусское
саам. — саамское
самар. — самарское
санскр. — санскрит
сарат. — саратовское
свердл. — свердловское
сев. — северное
сев.-двин. — северодвинское
север. — северное
сев-зап. — северо-западное

севмор. — североморское
сег. — сегежское
сербохорв. — сербохорватское
сиб. — сибирское
симб. — симбирское
ск. — собственно карельское
словац. — словацкое
словен. — словенское
смол. — смоленское
собст. карел. — собственно карельское
совр. — современное
ср.-урал. — среднеуральское
ст.-польск. — старопольское
ст.-русск. — старорусское
ст.-чеш. — старочешское
стар. — старое
тамб. — тамбовское
тар. — таранчинское
твер. — тверское
тел. — телеутское
тер. — терское
тихв. — тихвинское
тобол. — тобольское
томск. — томское
тул. — тульское
тотъм. — тотемское
тур. — турецкое
тюрк. — тюркское
уйг. — уйгурское
укр. — украинское
ульян. — ульяновское
урал. — уральское
уст. — устюженское
фин. — финское
холмогор. — холмогорское
хорв. — хорватское
цслав. — церковнославянское
чаг. — чагадоценское
чагат. — чагатайское
чер. — череповецкое
чеш. — чешское
читин. — читинское
чуд. — чудовское
шексн. — шекснинское
шенк. — шенкурское
эст. — эстонское
южн. — южное
южн.-русск. — южнорусское
южн.-сиб. — южно-сибирское
ярос. — ярославское

2. Сокращения лингвистических помет

бран. — бранное

груб. — грубое

неодобр. — неодобрительное

перен. — переносное

разг. — разговорное

разг.-сниж. — разговорно-сниженное

экспр. — экспрессивное

3. Сокращения названий административных единиц

г. — город

дер. — деревня

п. — погост

пог. — погосты

поч. — починок

пуст. — пустошь

у. — уезд

р. — rogost

4. Прочие сокращения

гос. — государственные

кн. — князь

кр-н — крестьянин

мон. — монастырские

Список источников

- АСМ — Акты социально-экономической истории Севера России конца XV—XVI вв. Акты Соловецкого монастыря, 1479—1571 гг. [Текст] / АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние ; сост. И. З. Либерзон. — Москва : Наука, 1988. — 273 с.
- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. [Текст] : [в 3-х т.] / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; [отв. ред. Б. Д. Греков, Л. В. Черепнин] ; сост. И. А. Голубцов. — Москва : Изд-во АН СССР, 1964. — Т. 3. — 686 с.
- Гейман — Материалы по истории Карелии XII—XVII веков [Текст] / под ред. В. Г. Гейман. — Петрозаводск : Госиздат КФССР, 1941. — 440 с.
- ДКЛП — Дозорная книга Лопских погостов 1597 г. [Текст] // История Карелии XVI—XVII вв. в документах / ред. И. А. Чернякова [и др.]. — Петрозаводск ; Йоэнсуу : КНЦ РАН, 1987. — Т. I : Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. — С.186—233.
- ДКШВ — Дозорная книга Шуерецкой волости 1598 г. [Текст] // История Карелии XVI—XVII вв. в документах / ред. И. А. Чернякова [и др.]. — Петрозаводск ; Йоэнсуу : КНЦ РАН, 1987. — Т. I : Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. — С.234—254.
- Докучаев-Басков — Докучаев-Басков К. А. «Строкина пустыня» и ее чернецы (Опыт исследования жизни монашествующих) [Текст] // Изв. О-ва изучения Олонецкой губернии. — Петрозаводск, 1914. — Т. 3, № 3. — С. 1—16 ; № 4. — С. 17—32 ; Т. 4, № 5. — С. 33—48 ; № 6—7. — С. 49—64 ; № 8. — С. 65—84 ; 1915. — № 2—3. — С. 81—96.
- КЗПОП — Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 гг. : Заонежские погосты [Текст] // История Карелии XVI—XVII вв. в документах. / ред. И. А. Чернякова, К. Катаяла. — Петрозаводск ;

- Йоэнсуу : КНЦ РАН, 1993. — Т. III : Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. — С. 35—341.
- КЛ 1590 — Переписная книга Корельского уезда, 1590 г. [Текст] // История Карелии XVI—XVII вв. в документах / ред. И. А. Чернякова [и др.]. — Петрозаводск ; Йоэнсуу : КНЦ РАН, 1987. — Т. I : Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. — С. 265—274.
- КЛ 1618 — Переписная книга Корельского уезда, 1618 г. [Текст] // История Карелии XVI—XVII вв. в документах / ред. И. А. Чернякова [и др.] — Петрозаводск ; Йоэнсуу : КНЦ РАН, 1987. — Т. I : Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. — С. 284—387.
- КЛ 1631 — Переписная книга Корельского уезда, 1631 г. [Текст] // История Карелии XVI—XVII вв. в документах / ред. И. А. Чернякова [и др.]. — Петрозаводск ; Йоэнсуу : КНЦ РАН, 1987. — Т. I : Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. — С. 388—568.
- КЛ 1637 — Поземельная книга Кексгольмского лена, 1637 г. [Текст] // История Карелии XVI—XVII вв. в документах / ред. И. А. Черняковой, К. Катаяла. — Петрозаводск ; Йоэнсуу : КНЦ РАН, 1991. — Т. 2 : Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. — 758 с.
- Книга сбора — Книга сбора данных и оброчных денег с тяглового населения Лопских погостов 1587/88 гг. [Текст] // История Карелии XVI—XVII вв. в документах / ред. И. А. Чернякова [и др.]. — Петрозаводск ; Йоэнсуу : КНЦ РАН, 1987. — Т. I : Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. — С.179—185.
- Мюллер — Карелия в XVII веке [Текст] : сб. документов / сост. Р. Б. Мюллер ; под ред. А. И. Андреева. — Петрозаводск : Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1948. — 441 с.
- Неволин — Неволин К. А. О пятинах и погостах в XVI в., с приложением карты [Текст] / К. А. Неволин. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1853. — 414 с. — (Зап. Рус. географ. о-ва ; кн. 8).

- ОКШВ — Отказная книга Шуерецкой волости, 1614 г. [Рукопись] / сост. В. И. Иванов // ЦГДА. Ф. 281. Д. 5521.
- ПКВП 1539 — Писцовая книга Водской пятины 1539 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах [Текст] / ред. И. А. Чернякова [и др.]. — Петрозаводск ; Йоэнсуу : КНЦ РАН, 1987. — Т. I : Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. — С. 19—51.
- ПКВП 1568 — Писцовая книга Водской пятины 1568 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах [Текст] / ред. И. А. Чернякова [и др.]. — Петрозаводск ; Йоэнсуу : КНЦ РАН, 1987. — Т. I : Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. — С. 52—178.
- ПКОП — Писцовые книги Обонежской Пятины : 1496 и 1563 гг. [Текст] : материалы по истории Карельской АССР / Акад. наук СССР, Археогр. комис.; под общ. ред. М. Н. Покровского. — Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1930. — IV, 268 с. — (Материалы по истории народов СССР / Акад. наук СССР, Археогр. комис.; вып. 1).
- ПОКВП — Переписная окладная книга по Новугороду Вотьской пятины 7008 (2 половина) // Временникъ императорскаго московскаго общества исторіи и древностей российскихъ. Кн. 11. Материалы. — Москва, 1851. С. 1—464.
- Чернякова И. А. Повенецкая таможенная книга 1612 г [Текст] / И. А. Чернякова. — Петрозаводск, 2006. — 34 с.
- Чернякова И. А. (ред.) Писцовая книга Заонежских погостов Обонежской пятины П. Воейкова и дьяка И. Льговского 1616-1619 гг. (поместные и митрополичьи земли) [Рукопись]. // Исследовательская лаборатория локальной и микроистории Карелии. ПетрГУ.
- Чернякова И. А. (ред.) Писцовая книга Заонежских погостов Обонежской пятины П. Воейкова и дьяка И. Льговского 1616-1619 гг. («дворцовые земли») [Рукопись] // Исследовательская лаборатория локальной и микроистории Карелии. ПетрГУ.

Чернякова И. А. (ред.) Сборник документов «Церковь и приходское сообщество в Карелии во второй половине XVII века» [Рукопись] / гл. ред. И. А. Чернякова, сост. Е. Д. Сулова // Исследовательская лаборатория локальной и микроистории Карелии. ПетрГУ.

Список литературы

1. Азарх, Ю. С. Данные ономастики как источник исторической диалектологии (на материале русского именного словообразования) [Текст] / Ю. С. Азарх // Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования. 1979 / отв. ред. В. А. Пыхов, Р. И. Аванесов. — Москва: Наука, 1981. — С. 221—241.
2. Азарх, Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка [Текст] / Ю. С. Азарх; отв. ред. Р. И. Аванесов, В. В. Иванов. — Москва: Наука, 1984. — 274 с.
3. Азнабаева, А. Ф Интерпретация современной языковой картины мира через антропонимы [Текст] / А. Ф Азнабаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 2 (56), ч. 2. — С. 33—36.
4. Алабугина, Ю. В. Антропонимы-деминутивы на материале антропонимов Русского Севера [Текст] / Ю. В. Алабугина // Проблемы региональной русской филологии: тез. докл. и сообщ., Вологда, 12—13 мая 1995 г. / Вологод. гос. пед. ин-т; [отв. ред. Е. П. Андреева]. — Вологда, 1995. — С. 109—111.
5. Алексеев, Д. И. К истории аббревиации личных имен [Текст] / Д. И. Алексеев // Антропонимика: [сб. ст.] / [ред. В. А. Никонов, А. В. Суперанская]; АН СССР, Ин-т языкознания. — Москва, 1970. — С. 242—248.
6. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания [Текст] / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. — 1995. — № 1. — С. 37—67.
7. Арнольд, И. В. Типы сем и структура лексического значения личных имен [Текст] / И. В. Арнольд, Л. Г. Шеремет // Лексическое значение в системе языка и в тексте: сб. науч. тр. / Волгоград. гос. пед. ин-т им. А. С. Серафимовича; отв. ред. И. В. Сентенберг. — Волгоград: ВГПИ, 1985. — С. 8—16.

8. Арутюнова, Н. Д. Номинация, референция, значение [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Языковая номинация: общие вопросы / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. — Москва, 1977. — С. 188—206.
9. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. — 2-е изд., испр. — Москва: Яз. рус. культуры, 1999. — 895 с. — (Язык. Семиотика. Культура).
10. Аскольдов-Алексеев, С. А. Концепт и слово [Текст] / С. А. Аскольдов-Алексеев // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология / Ин-т народов России [и др.]; под общ. ред. В. П. Нерознака. — Москва, 1997. — С. 267—280.
11. Астахова, Т. С. Система именования лиц в истории русского языка [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01 / Астахова Тамара Сергеевна; [Моск. гос. гуманитар. ун-т им. М. А. Шолохова]. — Москва, 2012. — 28 с.
12. Афанасьев, А. Н. Древо жизни [Текст]: избранные статьи / А. Н. Афанасьев. — Москва: Современник, 1982. — 464 с.
13. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу [Текст]: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. / А. Н. Афанасьев. — Москва: Изд. К. Солдатенкова, 1865—1869. — 3 т.
14. Афанасьева, О. Е. Имена собственные в деловых документах Поонежья в XVI-XVII вв. [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01 / Афанасьева Ольга Евгеньевна; [Вологод. гос. пед. ун-т]. — Вологда, 2010. — 22 с.
15. Бакланова, Е. Н. Личные имена вологодских крестьян по переписи 1717 г. [Текст] / Е. Н. Бакланова // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: проблемы ономастики / отв. ред. В. А. Никонов. — Москва, 1970. — С. 308—314.

16. Бартминьский, Е. Место ценностей в языковой картине мира [Текст] / Е. Бартминьский // Эволюция ценностей в языках и культурах / отв. ред. И. А. Седакова. — Москва, 2011. — С. 51—80.
17. Бартминьский, Е. Языковой образ мира [Текст]: очерки по этнолингвистике: пер. с пол. / Е. Бартминьский; [сост. и отв. ред. С. М. Толстая]. — Москва: Индрик, 2005. — 527 с. — (Традиц. духовная культура славян: зарубежная славистика).
18. Баскаков, Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения [Текст] / Н. А. Баскаков. — Москва: Наука, 1979. — 279 с.
19. Бахвалова, Т. В. К изучению развития личных имён в Белозерье [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01 / Бахвалова Татьяна Васильевна; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. — Ленинград, 1972. — 21 с.
20. Бахвалова, Т. В. Лексические и фразеологические средства характеристики человека в русском языке (на материале орловских говоров) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10. 02. 01 / Бахвалова Татьяна Васильевна; Гос. пед. ун-т. — Орел, 1995. — 40 с.
21. Бахвалова, Т. В. Семантические и функциональные особенности некалендарных имен (на материале памятников письменности Белозерья XV—XVII вв.) [Текст] / Т. В. Бахвалова // Проблемы русской ономастики: межвуз. сб. науч. ст. / Вологод. гос. пед. ин-т; отв. ред. Л. Я. Маловицкий. — Вологда, 1985. — С. 71—82.
22. Бахвалова, Т. В. Характеристика интеллектуальных способностей человека лексическими и фразеологическими средствами языка (на материале орловских говоров) [Текст]: учеб. пособие / Т. В. Бахвалова; Орлов. гос. пед. ин-т. — Орёл: ОГПУ, 1993. — 130 с.
23. Бахвалова, Т. В. Характеристика человека по его отношению к труду в орловских говорах [Текст] / Т. В. Бахвалова // Проблемы региональной русской филологии: тез. докл. и сообщ., Вологда, 12—13 мая 1995г. /

- Вологод. гос. пед. ин-т; [отв. ред. Е. П. Андреева]. — Вологда, 1995. — С. 36—38.
24. Белькова, А. Е. Контекстуальные средства создания референтной определенности в метрических книгах Тюменского Духовного Правления XIX в. [Текст] / А. Е. Белькова // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. — 2009. — № 5. — С. 79—82.
25. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст]: пер. с фр. / Э. Бенвенист; общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. — Москва: Едиториал УРСС, 2002. — 448 с.
26. Березович, Е. Л. «Демонологические» названия в русской и субстратной топонимии Русского Севера и Карелии (на материале основ черт- и hiisi-) [Текст] / Е. Л. Березович, А. А. Макарова, И. И. Муллонен // *Linguistica*. — Ljubljana, 2015. — LV: *Slovanski jeziki v stiku z neslovanskimi: diahroni onomastični pogled: Slavic/Non-Slavic Language Contact in the Area of Diachronic Onomastics / Univerza v Ljubljani, Filozofska fakulteta*; [uredil Silvo Torkar]. — С. 187—206.
27. Березович, Е. Л. Ономазиологический портрет «человека этнического» : принципы построения и интерпретации [Электронный ресурс] / Е. Л. Березович, Д. П. Гулик // *Встречи этнических культур в зеркале языка в сопоставительном лингвокультурном аспекте / отв. ред. Г. М. Нешименко*. — Москва, 2002. — Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezovich4.htm> (1)
28. Березович, Е. Л. О семантико-мотивационной реконструкции лексики [Текст] / Е. Л. Березович // *Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки*. — 2014. — № 4(133). — С. 199—214. (1)
29. Березович, Е. Л. О современных задачах семантико-мотивационной реконструкции народной топонимии [Текст] / Е. Л. Березович // *Вопросы языкознания*. — 2014. — № 2. — С. 89—109. (2)
30. Березович, Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне [Текст]: семантико-мотивационная реконструкция / Е. Л. Березович; Урал. федер.

- ун-т им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, Ун-т Дмитрия Пожарского. — Москва: Ун-т Дмитрия Пожарского Рос. Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. — 487 с. (3)
31. Березович, Е. Л. Русская ономастика на современном этапе: критические заметки [Текст] / Е. Л. Березович // Изв. АН. Сер. лит. и яз. — 2001. — Т. 60, № 6. — С. 34—46.
32. Березович, Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте [Текст]: пространство и человек / Е. Л. Березович; под ред. А. К. Матвеева. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: URSS Либроком, 2009. — 318 с.
33. Березович, Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте [Текст]: мифопоэтический образ пространства / Е. Л. Березович; под ред. А. К. Матвеева. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Москва: URSS КомКнига, 2010. — 235 с.
34. Березович, Е. Л. Язык и традиционная культура [Текст]: этнолингвист. исслед. / Е. Л. Березович; отв. ред. С. М. Толстая. — Москва: Индрик, 2007. — 600 с.
35. Березович, Е. Л. Homo ethnicus в зеркале языка: к методике описания [Электронный ресурс] / Е. Л. Березович, Д. П. Гулик // Etnolingwistyka: Problemy jezyka i kultury. — Lublin, 2002. — № 14. — Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezovich7.htm> (2)
36. Берестнев, Г. И. Прозвище как фактор самосознания [Текст] / Г. И. Берестнев // Семантические единицы и категории русского языка в диахронии: сб. науч. тр. / Калинингр. гос. ун-т; отв. ред. С. С. Ваулина. — Калининград: КГУ, 1997. — С. 32—37.
37. Благова, Г. Ф. Антропонимическая система как проекция космологических и социальных представлений пратюрков [Текст] / Г. Ф. Благова // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: пратюрк. яз.-основа: картина мира пратюркского этноса по данным языка [Текст] / [Э. Р. Тенишев и др.]; отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. — Москва, 2006. — С. 660—754.

- 38.Благова, Г. Ф. К характеристике типов раннетюркских антропонимов [Текст] / Г. Ф. Благова // Вопросы языкознания. — 1988. — № 4. — С. 180—191.
- 39.Боброва М. В. Языковая игра в современных прозвищах жителей Пермского края [Электронный ресурс] / М. В. Боброва // Урал. филол. вестн. Сер.: язык, система, личность: лингвистика — 2016. — № 2. — Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=26465417>.
- 40.Боброва, М. В. Репрезентация семантической группы «животные» в диалектной лексике тематической группы «болезнь» и в современных прозвищах Пермского края [Электронный ресурс] / М. В. Боброва, Л. С. Нечаева // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы III Всерос. науч. конф. / Перм. гос. национ. исслед. ун-т, Пермь, 21 марта 2015 г. — Пермь, 2015. — Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25179411>.
- 41.Богачева, М. В. Возможности метода реконструкции в историко-лексикологическом исследовании [Текст] / М. В. Богачева // Вестн. Перм. ун-та: рос. и зарубеж. филология. — 2009. — № 3. — С. 42—51. (1)
- 42.Богачева, М. В. К вопросу о реконструкции апеллятивов как методе исторической лексикологии [Текст] / М. В. Богачева // Изменяющийся языковой мир = language world: докл. междунар. науч. конф., Пермь, 12—17 нояб. 2001 г. / [Перм. ун-т; отв. ред. Б. В. Кондаков, Г. С. Двинянинова]. — Пермь, 2002. — С. 106—112. (1)
- 43.Богачева, М. В. Отпрозвищные ойконимы как источник аксиологической информации [Текст] / М. В. Богачева // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 8—12 сент. 2009 г. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова [и др]; [отв. ред. Е. Л. Березович]. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. — С. 35—37. (2)
- 44.Богачева, М. В. Реконструкция русской апеллятивной лексики на материале ойконимии Пермской области [Текст]: автореф. дис. ... канд.

- филол. наук: 10. 02. 01 / Богачева Мария Владимировна; Перм. гос. ун-т. — Пермь, 2003. — 20 с. (2)
45. Богуславская, О. Ю. Откуда ты знаешь, что она умная? [Текст] / О. Ю. Богуславская // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / РАН, Ин-т языкознания; отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. — Москва, 1999. — С. 64—72.
46. Бодуэна де Куртэне, И. А. Избранные труды по общему языкознанию [Текст]: [в 2 т.] / И. А. Бодуэна де Куртэне; Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз.; сост.: В. П. Григорьев, А. А. Леонтьев. — Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. — Т. 1. — 384 с.
47. Бойко Л. Б. Когнитивный потенциал антропонима и идентичность личности [Текст] / Л. Б. Бойко // Седьмая международная конференция по когнитивной науке, Светлогорск, 20—24 июня 2016 г.: тез. докл. / Ин-т психологии РАН [и др]; отв. ред.: Ю. И. Александров, К. В. Анохин. — Светлогорск: Ин-т психологии РАН, 2016. — С. 161—163.
48. Бойко, Л. Б. К вопросу о роли антропонима в лингвокультуре [Текст] / Л. Б. Бойко // Вестн. Балтийского федер. ун-та им. И. Канта. — 2013. — Вып. 2. — С. 13—21.
49. Болотов, В. И. К вопросу о значении имен собственных [Текст] / В. И. Болотов // Восточнославянская ономастика: [сб. ст.] / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания [и др]; [отв. ред. А. В. Суперанская]. — Москва, 1972. — С. 333—345.
50. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика [Текст]: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит. » / В. Д. Бондалетов. — Москва: Просвещение, 1983. — 224 с.
51. Бондалетов, В. Д. Русский именник, его состав, статистическая структура и особенности изменения (мужские и женские имена) [Текст] / В. Д. Бондалетов // Ономастика и норма: [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т рус. яз.; [отв. ред. Л. П. Калакуцкая]. — Москва, 1976. — С. 12—46.

52. Бочков, В. Н. [Рецензия] / В. Н. Бочков // Вопросы истории. — № 10. — 1975. — С. 158—161. — Рец. на кн.: Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С. Б. Веселовский — Москва: Наука, 1974. — 382 с.
53. Бражникова, Н. Н. Дохристианские имена в конце XVII — начале XVIII вв. [Текст] / Н. Н. Бражникова // Ономастика Поволжья / Ин-т языкознания АН СССР [и др.]. — Ульяновск, 1969. — Вып. 1: Материалы I Поволжской конф. по ономастике, Ульяновск, 18-22 сент. 1967 г. — С. 38—42.
54. Бражникова, Н. Н. Имена собственные в письменности Южного Зауралья XVII—XVIII вв. [Текст] / Н. Н. Бражникова // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: проблемы ономастики: [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; [отв. ред. В. А. Никонов]. — Москва, 1970. — С. 315—324.
55. Бубрих, Д. В. Происхождение карельского народа [Текст]: повесть о союзнике и друге русского народа на Севере / Д. В. Бубрих. — Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1947. — 51 с.
56. Буганов, В. И. Предисловие [Текст] // Веселовский С. Б. Ономастикон: древнерус. имена, прозвища и фамилии / С. Б. Веселовский; [АН СССР, Отд-ние истории, Архив АН СССР]. — Москва, 1974. — С. 3—8.
57. Бугорская, Н. В. Антропоцентризм как категория современного языкознания [Текст] / Н. В. Бугорская // Вопросы психолингвистики. — 2004. — № 2. — С. 18—24.
58. Булаховский Л. А. Введение в языкознание [Текст]: в 2 ч. /. Л. А. Булаховский — Изд. 2-е. — Москва: Учпедгиз, 1954. — Ч. 2. — 177 с.
59. Буслаев, Ф. И. Бес [Текст] / Ф. И. Буслаев // Мои досуги: собранные из периодических изданий: в 2 ч. / Ф. И. Буслаев. — Москва, 1886. — Ч. 2. — С. 1—23.

60. Буслаев, Ф. И. Историческая грамматика русского языка [Текст] / Ф. И. Буслаев; [вступ. ст. И. Кузьминой]; Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз. — Москва: Учпедгиз, 1959. — 623 с.
61. Буслаев, Ф. И. Преподавание отечественного языка [Текст]: [учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. "Рус. яз. и лит. "] / Ф. И. Буслаев. — Москва: Просвещение, 1992. — 512 с.
62. Бушмакин, С. К. Лексико-семантический анализ древнеудмуртских антропонимов [Текст] / С. К. Бушмакин // Антропонимика [Текст]: [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т языкознания; [ред. В. А. Никонов, А. В. Суперанская]. — Москва, 1970. — С. 267—276.
63. Быкова, О. И. Этноконнотат и этномотив как категории этнолингвистики [Текст] / О. И. Быкова, О. Н. Ракитина // Филология и культура : материалы II-й Междунар. конф., 12-14 мая 1999 г. / [редкол.: Н. Н. Болдырев (отв. ред.)]. — Тамбов, 1999. — Ч. 1. — С. 61—63.
64. Варбот, Ж. Ж. Этимологические гнезда и лексико-семантические поля [Текст] / Ж. Ж. Варбот // Русский язык: истор. судьбы и современность: III Междунар. конгр. исследователей рус. яз.: труды и материалы, Москва, 20—23 марта 2007 г. / Моск. гос. ун-т; сост. М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов. — Москва, 2007. — С. 45—46.
65. Варникова, Е. Н. Реконструкция лексики подсечно-огневого земледелия по данным микротопонимии [Текст] / Е. Н. Варникова // Актуальные проблемы изучения русских народных говоров: материалы межвуз. науч. конф. / АГПИ им. А. П. Гайдара отв.; ред. Л. А. Климова. — Арзамас, 1996. — С. 21—22.
66. Васильев, В. Л. Архаическая топонимия Новгородской земли [Текст]: (древнеславянские деантропонимные образования) / В. Л. Васильев. — Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого: Новгор. межрегион. ин-т обществ. наук, 2005. — 467 с.

67. Васильев, В. Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли [Текст] / В. Л. Васильев — Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. — 816 с.
68. Васильева, Н. В. Имена собственные в ассоциативно-вербальной сети [Текст] / Н. В. Васильева // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы междунар. науч. конф., 8-12 сент. 2009 г. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова [и др]; [отв ред. Е. Л. Березович]. — Екатеринбург, 2009. — С. 47—48.
69. Васюта, Е. Ф. Из наблюдений над употреблением личных собственных имен в XVII веке (на материале писцовых книг Орловского уезда вятской губернии) [Текст] / Е. Ф. Васюта // Вопросы топониматики / [отв. ред. А. К. Матвеев]. — Свердловск, 1971. — № 5. — С. 146—149. — (Учен. зап. Урал. гос. ун-та им. А. М. Горького. Сер. филол.).
70. Вежбицкая, А. А. Семантические универсалии и описание языков [Текст] / А. А. Вежбицкая; [Пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред Т. В. Булыгиной]. — Москва: Яз. рус. культуры, 1999. — I—XII. — 780 с.
71. Вежбицкая, А. А. Язык — культура — познание [Текст] / А. А. Вежбицкая; отв. ред. М. А. Кронгауз. — Москва: Рус. словари, 1996. — 416 с.
72. Вендина, Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка [Текст] / Т. И. Вендина; отв. ред. А. Ф. Журавлев. — Москва: Индрик, 2002. — 336 с.
73. Вендина, Т. И. Суффиксы с Г-основой (из русского диалектного словообразования) [Текст] / Т. И. Вендина // Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования / отв. ред. Р. И. Аванесов. — Москва, 1980. — С. 236—266.
74. Вендина, Т. И. Ценности и оценки в пространстве словообразования [Текст] / Т. И. Вендина // Лексический атлас русских народных говоров, 1997: [материалы XIII всерос. диалектолог. совещ. "Лексический атлас

- русских народных говоров-97"] / ИЛИ РАН. — Санкт-Петербург, 2000. — С. 24—34.
75. Вендина, Т. И. Языковое многоголосье русской культуры (символика цвета) [Текст] / Т. И. Вендина // Аспекты лингвистических исследований: сб. науч. тр. / Тверской гос. ун-т; под ред. Л. Н. Новиковой. — Тверь, 2003. — С. 187—212.
76. Вепрева, И. Т. Наивная аксиология: метаязыковая интерпретация лексической семантики [Текст] / И. Т. Вепрева // Урал. филол. вестн. Сер.: Психоллингвистика в образовании. — 2015. — № 4. — С. 35—44.
77. Веселовский, С. Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. [Текст]: [справочник] / С. Б. Веселовский; Акад. наук СССР, Отд-ние ист., Арх. АН СССР. — Москва: Наука, 1975 — 608 с.
78. Веселовский, С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев [Текст] / С. Б. Веселовский; АН СССР, Отд-ние ист., Архив АН СССР. — Москва: Наука, 1969. — 583 с.
79. Веселовский, С. Б. Ономастикон: древнерус. имена, прозвища и фамилии [Текст] / С. Б. Веселовский; АН СССР, Отд-ние истории, Архив АН СССР. — Москва, 1974. — 382 с.
80. Винниченко, Т. В. Некалендарные имена в памятниках деловой письменности Северной Руси XVI-XVII вв. [Текст] / Т. В. Винниченко // XVII Ломоносовские международные научные чтения: сб. науч. тр. — Архангельск, 2005. — Вып. 1. — С. 28—37.
81. Виноградова, Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян [Текст] / Л. Н. Виноградова. — Москва: Индрик, 2000. — 432 с.
82. Виноградова, Л. Н. Телесные аномалии и телесная норма в народных демонологических представлениях [Текст] / Л. Н. Виноградова // Телесный код в славянских культурах / РАН Ин-т славяноведения; отв. ред. Н. В. Злыднева. — М., 2005. — С. 19—29.
83. Винокурова, И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции) [Текст] / И. Ю. Винокурова; Карел. науч. центр

- РАН, Ин-т яз., лит. и истории. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. — 448 с.
84. Витов, В. М. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв.: из истории сельских поселений [Текст] / В. Витов. — Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1962. — 290 с.
85. Волков, С. С. Лексика русских челобитных XVII века [Текст]: формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства / С. С. Волков; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова; науч. ред. Н. А. Мещерский. — Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. — 162 с.
86. Воробьева, И. А. К вопросу о лексическом значении имен собственных [Текст] / И. А. Воробьева // Актуальные проблемы лексикологии: докл. лингв. конф. / Том. гос. ун-т, Новосиб. гос. ун-т.; отв. ред. Г. И. Климовская. — Томск, 1971. — Ч. 1. — С. 1—9.
87. Востриков, О. В. Финно-угорский субстрат в русском языке [Текст]: учеб. пособие по спецкурсу / О. В. Востриков; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. — Свердловск: УрГУ, 1990. — 96 с.
88. Выхрыстюк, М. С. Женские личные имена в памятниках письменности г. Тобольска XVII века: структура и происхождение [Текст] / М. С. Выхрыстюк, Е. Ю. Токарева // Вестн. Тобол. гос. соц.-педагог. акад. им. Д. И. Менделеева. — 2012. — Вып. 4. — С. 94—101.
89. Выхрыстюк, М. С. Тобольская письменность XVII-XVIII вв. в аспекте лингвистического источниковедения и исторической стилистики [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10. 02. 01 / Выхрыстюк Маргарита Степановна; [Челяб. гос. пед. ун-т]. — Челябинск, 2008. — 48 с.
90. Гадзяцкий, С. Предисловие [Текст] // Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. / С. Гадзяцкий; Н.-и. ин-т культуры Карело-Фин. ССР; под ред. В. Г. Геймана. — Петрозаводск: Госиздат Карело-Фин. ССР, 1941. — 440 с.
91. Галиуллини, Г. Р. Татарская антропонимия в лингвокультурологическом аспекте [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10. 02. 02 / Галиуллини

- Гульшат Раисовна; [Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина]. — Казань, 2009. — 40 с.
92. Галкина-Федорук, Е. М. Слово и понятие [Текст] / Е. М. Галкина-Федорук. — Москва: Учпедгиз, 1956. — 54 с.
93. Ганжина, И. М. Гипокористические формы христианских личных имен на -а(-я) в преднациональный период [Текст] / И. М. Ганжина // Приоритеты современной русистики в осмыслении языкового пространства: в 2 т. / БашГУ; отв. ред. В. Р. Тимирханов. — Уфа, 2012. — Т. 1. — С. 182—188. (1).
94. Ганжина, И. М. Женские антропонимические структуры периода формирования антропонимической нормы [Текст] / И. М. Ганжина // Четвертые Поливановские чтения: сб. науч. ст. по материалам докл. и сообщ, г. Смоленск, 19-20 мая 1998 г. / Смол. гос. пед. ун-т; отв. ред. И. А. Королева. — Смоленск, 1998. — С. 55—60.
95. Ганжина, И. М. Локальные антропонимы как источник реконструкции апеллятивной лексики [Текст] / И. М. Ганжина // Проблемы динамики среднерусских говоров / [Т. В. Кириллова, Н. С. Бондарчук, Л. Н. Новикова и др.; под ред. Т. В. Кирилловой]; Твер. гос. ун-т. — Тверь, 2001. — С. 144—167.
96. Ганжина, И. М. Модификация христианских личных имен в XVI—XVII вв. (на материале тверских деловых текстов) [Текст] / И. М. Ганжина // Вестн. Тверского гос. ун-та. Сер.: Филология. — Тверь, 2009. — Вып. 2, № 23. — С. 130—136.
97. Ганжина, И. М. О словообразовательных возможностях христианских личных имен в прошлом (на материале тверских деловых документов XVI—XVII вв.) [Текст] / И. М. Ганжина // Экология языка и речи: материалы междунар. науч. конф., 17-18 нояб. 2011 г. / Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина; отв. ред. А. С. Щербак. — Тамбов, 2012. — С. 325—328. (2)
98. Ганжина, И. М. Образование производных форм христианских личных

- имен в преднациональный период [Текст] / И. М. Ганжина // Сельская Россия: прошлое и настоящее. / Всерос. ин-т аграр. проблем и информатики Россельхозакад. [и др.]; отв. ред. А. В. Петриков. — Москва, 2004. — Вып. 3: Доклады и сообщения IX Рос. науч.-практ. конф., Москва, дек., 2004 г. — С. 461—463.
99. Ганжина, И. М. Реструктуризация христианских личных имен в преднациональный период: имена на —а, -ия [Текст] / И. М. Ганжина // Вопросы ономастики. — 2013. — № 2 (15). — С. 128—136.
100. Ганжина, И. М. Реструктуризация христианских личных имен в преднациональный период: имена на *-ō (-ъ, -о) [Текст] / И. М. Ганжина // Вопросы ономастики. — 2015. — № 1 (18). — С. 165—174.
101. Ганжина, И. М. Тверская антропонимия XVI в. в социально-историческом и лингвистическом аспектах (на материале тверских писцовых книг) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01 / Ганжина Ирина Михайловна; Твер. гос. ун-т. — Тверь, 1992. — 20 с.
102. Ганжина, И. М. Функционирование квалитативов христианских личных имен с X-суффиксами в преднациональный период (на материале тверских памятников деловой письменности XVI-XVII веков) [Текст] / И. М. Ганжина // Вестн. Тверского гос. ун-та. Сер.: Филология. — 2005. — Вып. 3, № 2 (8). — С. 59—64.
103. Герд, А. С. Введение в этнолингвистику [Текст]: курс лекций и хрестоматия / А. С. Герд; С.-Петерб. гос. ун-т. — 2-е изд., испр. — Санкт-Петербург: Изд-во СПб. ун-та, 2005. — 456 с.
104. Герд, А. С. Из истории некоторых прибалтийско-финских заимствований в современной русской ихтиологической терминологии (рипус, ряпушка, лудога) [Текст] / А. С. Герд // Вопросы теории и истории языка.: сб. ст., посвящ. памяти Б. А. Ларина / отв. ред. Н. А. Мещерский; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. — Ленинград, 1969. — С. 164—170.
105. Герд, А. С. К истории образования говоров Беломорья [Текст] / А. С. Герд // Диалектное и просторечное слово в диахронии и синхронии:

- межвузов. сб. науч. тр. / Вологод. гос. пед. ин-т; [отв. ред. Ю. И. Чайкина]. — Вологда, 1987. — С. 94—103.
106. Герд, А. С. К истории образования говоров Поволховья и южного Приладожья [Текст] / А. С. Герд // Севернорусские говоры / ЛГУ им. А. А. Жданова; отв. ред. А. С. Герд. — Ленинград, 1989. — Вып. 5. — С. 146—172.
107. Гильфанова, Ф. Х. Антропонимия сибирских татар в этнолингвистическом аспекте (на материале русских архивных документов XIX—XX вв.) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10. 02. 02. / Гильфанова Фарида Харисовна; Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. — Казань, 2010. — 42 с.
108. Голев Н. Д. «Естественная» номинация объектов природы собственными и нарицательными именами [Текст] / Н. Д. Голев // Вопросы ономастики: [сб. ст.] / [Урал. гос. ун-т; ред. А. К. Матвеев]. — Свердловск, 1975. — № 8—9. — С. 88—97.
109. Головина, Р. В. Антропонимы в русской народной лирической песне [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01 / Головина Руслана Викторовна; Орлов. гос. ун-т. — Орел, 2001. — 17 с.
110. Голомидова, М. В. Искусственная номинация в русской ономастике [Текст] / М. В. Голомидова; Урал. гос. пед. ун-т; под ред. А. К. Матвеева. — Екатеринбург, 1998. — 232 с.
111. Горбаневский, М. В. Иван да Марья [Текст]: рассказы об истории русских имён, отчеств и фамилий / М. В. Горбаневский. — Москва: Рус. яз., 1984. — 152 с.
112. Горбачева, О. Г. Ономастическое пространство русских народных и авторских сказок [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01 / Горбачева Ольга Геннадьевна; Орлов. гос. ун-т. — Орел, 2008. — 23 с.
113. Гордова, Ю. Ю. Рязанская антропонимия [Текст]: собственные имена жителей Пехлецкого стана (XVI век) / Ю. Ю. Гордова. — Рязань: Узорожье, 2009. — 50 с. — (Материалы и исслед. по рязанскому

- краеведению / отв. ред. Б. В. Горбунов; т. 20).
114. Городилова, Л. М. Монастырские переписные книги XVII в. как источник изучения русских антропонимов [Текст] / Л. М. Городилова // Интерпретация текста: лингвист., литературовед. и метод. аспекты: IV междунар. науч. конф., 9—10 дек. 2011 г. / Рос. о-во преподавателей рус. яз. и лит.; [отв. ред. Г. Д. Ахметова]. — Чита, 2011. — С. 272—279. (1)
115. Городилова, Л. М. Некалендарные личные имена в деловой письменности Приенисейской Сибири XVII в. [Текст] / Л. М. Городилова // Символ науки. — 2015. — №11—12. — С. 80—87.
116. Городилова, Л. М. Переписная книга Красноярского острога и Красноярского уезда 1671 г. как источник изучения русских антропонимов [Текст] / Л. М. Городилова // Славянский мир: письменность и культура / Смол. гос. пед. ун-т; отв. ред. Г. Н. Ермоленко. — Смоленск, 2011. — Т. 12: Материалы XIX Междунар. науч. конф., 24—25 мая 2010 г. — С. 255—266. (2)
117. Городилова, Л. М. Православные личные имена в деловой письменности XVII в. (на материале переписной книги Красноярского острога и уезда 1671 г.) [Электронный ресурс] / Л. М. Городилова. — Электрон. дан. — [Хабаровск], 2011. — Режим доступа: <http://pravostok.ru/blog/pravoslavnie-lichnie-imena---v-delovoi-pismennosti-xvii-v--> (3)
118. Гумбольдт В. фон Язык и философия культуры [Текст] / В. фон Гумбольдт. — Москва: Прогресс, 1985. — 452 с.
119. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию [Текст]: пер. с нем. / В. фон Гумбольдт; общ. ред. Г. В. Рамишвили. — Москва: Прогресс, 2000. — 400 с.
120. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции [Текст] / А. В. Гура; Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики. — Москва: Индрик, 1997. — 912 с.
121. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры [Текст] / А. Я. Гуревич. — Москва: Искусство, 1984. — 350 с.

122. Гусева, Л. Г. Заимствованные слова в географической терминологии Каргопольского края [Текст] / Л. Г. Гусева // Вопросы топониматики — Свердловск, 1971. — С. 86—98. — (Учен. зап. Урал. гос. ун-та им. А. М. Горького. Сер. филол.; № 5).
123. Данилина, Е. Ф. Древнерусские антропонимы Бажен и Бажена [Текст] / Е. Ф. Данилина // Эволюция и предыстория русского языкового строя: межвуз. сб. / Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского; отв. ред. Н. Д. Русинов. — Горький, 1982. — С. 115—117.
124. Данилина, Е. Ф. К вопросу о лексическом значении личных имен [Текст] / Е. Ф. Данилина // Лексика и словообразование русского языка: сб. ст. / Рязан. гос. пед. ин-т [и др.]; под ред. В. Д. Бондалетова. — Пенза, 1972. — С. 6—15.
125. Данилина, Н. В. Нижегородская антропонимия XIV-XVII вв. (на материале памятников деловой письменности) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Данилина Евгения Федоровна; Горьков. гос. ун-т. — Горький, 1986. — 24 с.
126. Двинятин, Ф. Н. Пословичный Фома [Текст] / Ф. Н. Двинятин // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст: тез. междунар. науч. конф., 30 янв.-2 февр. 2001 г. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения РАН. — Москва, 2001. — Ч. 2. — С. 143—144.
127. Демчук, М. А. Словаянские автохтонные личные собственные имена в их функциональных проявлениях в украинской антропонимии XIV—XVII вв. [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Демчук Мария Алексеевна; Ужгород. гос. ун-т. — Ужгород, 1985. — 24 с.
128. Дерягин, В. Я. Из истории и географии финно-угорских заимствований в севернорусских говорах [Текст] / В. Я. Дерягин, Л. П. Комягина // Вопросы изучения лексики русских народных говоров: диалектная лексика. 1971: [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т рус. яз., Словар. сектор; [ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов]. — Ленинград, 1972. — С. 32—49.

129. Дерягин, В. Я. Ономастический материал северно-русских памятников письменности XVI—XVII вв. как историко-лексикологический источник [Текст] / В. Я. Дерягин // Топонимия Урала и Севера европейской части СССР: сб. науч. тр. / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького; отв. ред. А. К. Матвеев. — Свердловск, 1985. — С. 28—33.
130. Добродомов, И. Г. История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке (на материале «Повести временных лет») [Текст]: автореф. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01 / Добродомов Игорь Георгиевич. — Москва, 1966. — 14 с.
131. Доконова, О. М. Топонимы и антропонимы как источник изучения языка [Текст] / О. М. Доконова // Проблема диахронного анализа грамматического строя русского языка: сб. ст. / Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской; отв. ред. Н. А. Кондрашов. — Москва, 1977. — Вып. 10. — С. 3—13.
132. Доля, Т. Г. Суффиксальное словообразование имен существительных со значением лица в русских говорах Карельской АССР [Текст] / Т. Г. Доля, М. Я. Кривонкина // Вопросы грамматического строя и словообразования в русских народных говорах: межвузов. науч. сб. / Петрозав. гос. ун-т им. О. В. Куусинена; отв. ред. А. С. Герд, М. Я. Кривонкина. — Петрозаводск, 1976. — С. 3—12.
133. Дьякова, Н. С. Изменения в системе именовании жителей г. Устюжны Железнопольской в XVI-XVII вв. [Текст]: по материалам сотных 1567, 1597, 1626 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Дьякова Наталья Сергеевна; Вологод. гос. пед. ун-т. — Вологда, 2007. — 22 с.
134. Дьячков, В. Л. Русское наречие в четырех веках социальной истории страны [Текст] : монография / В. Л. Дьячков, Е. В. Трофимова ; М-во люразования и науки Российской Федерации, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина». — Тамбов, 2011. — 268 с.

135. Егорова, Т. П. Семиотическая функция имени [Текст] / Т. П. Егорова // Ономастика / Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии; [отв. ред. Ю. Б. Симченко]. — Москва, 1993. — Кн. 1, ч. 1: Имя и культура. — С. 21—28. — (Народы и культуры. Материалы к серии «Народы и культуры»; вып. XXV).
136. Еремина, М. А. Лексико-семантическое поле «отношение человека к труду» в русских народных говорах [Текст]: этнолингвист. аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01 / Еремина Марина Артуровна; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. — Екатеринбург, 2003. — 23 с.
137. Железнова, Р. В. Русская историческая ономастика как важнейший источник реконструкции апеллятивной лексики русского литературного языка XI—XVII вв. [Текст] / Р. В. Железнова // Русский язык: теория и методика преподавания: сб. ст. / Тадж. гос. ун-т им. В. И. Ленина. — Душанбе, 1978. — С. 70—79.
138. Железняк, И. М. К семантической интерпретации антропонимических композитов со вторым компонентом *-mysl-* в сербохорватском языке [Текст] / И. М. Железняк // Исследования посербохорватскому языку: [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики; [отв. ред. Р. В. Булатова]. — Москва, 1972. — С. 157—179.
139. Железняк, И. М. Очерк сербохорватского антропонимического словообразования [Текст]: суффиксальная система сербохорватской антропонимии XII—XV вв. / И. М. Железняк. — Киев: Наукова думка, 1969. — 131 с.
140. Жуков, А. Ю. Система расселения и административно-территориального деления Приладожской Карелии (XII—XVIII века) [Текст] / А. Ю. Жуков // Тр. Карел. науч. центра Рос. акад. наук / Карел. науч. центр РАН; [гл. ред. А. Ф. Титов]. — 2011. — № 6. — С. 72—79. — (Сер.: Гуманитар. исслед.; вып. 2).

141. Жуков, А. Ю. Формирование границ Карелии: крестьянское освоение территории и государство (XII) [Текст] / А. Ю. Жуков // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов: гуманитар. исслед. / Карел. науч. центр РАН, Ин-т яз., лит. и истории. — Петрозаводск, 2008. — Вып. 1. — С. 7—19.
142. Жуков, А. Ю. Этносоциальные истоки генезиса поморов. XV—XVI вв. [Текст] / А. Ю. Жуков // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона: материалы маждунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Ин-та яз., лит. и истории Карел. науч. центра РАН / Рос. акад. наук, Карел. науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории; [сост. О. П. Илюха]. — Петрозаводск, 2005. — С. 85—90.
143. Журавлев, А. Ф. Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики [Текст] / А. Ф. Журавлев // Славянское и балканское языкознание: проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры / РАН, Ин-т славяноведения. — Москва, 1999. — С. 7—32.
144. Журавлев, А. Ф. Славянская этнолингвистика в работах Н. И. Толстого [Текст] / А. Ф. Журавлев // Толстой Н. И. Язык и народная культура: очерки по славян. мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой; [предисл. А. Журавлева]. — Москва, 1995. — С. 8 —12.
145. Журавлев, А. Ф. Язык и миф [Текст]: лингвист. коммент. к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» [Текст] / А. Ф. Журавлев; Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения; [отв. ред. С. М. Толстая]. — Москва: Индрик, 2005. — 1004 с.
146. Закачкикова, Т. А. Антропонимия пензенских десятен XVII века (Керенская десятня 1681—1696 гг.) [Текст] / Т. А. Закачкикова // Русская ономастика: респ. сб. / Ряз. гос. пед. ин-т; отв. ред. В. Д. Бондалетов. — Рязань, 1977. — С. 53—61. (1)
147. Закачкикова, Т. А. К изучению географии неканонических имён в XVI—XVII веках [Текст] / Т. А. Закачкикова // Русская ономастика: респ.

- сб. / Ряз. гос. пед. ин-т; отв. ред. В. Д. Бондалетов. — Рязань, 1977. — С. 35—53. (2)
148. Заказчикова, Т. А. Русская антропонимия XVI—XVII вв.: (на материале памятников деловой письменности) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01 / Заказчикова Тамара Александровна. — Москва, 1979. — 25 с.
149. Зализняк, А. А. Древненовгородский диалект [Текст] / А. А. Зализняк; Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. — 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995—2003 гг. — Москва: Яз. славян. культуры, 2004. — 872 с. — (Язык. Семиотика. Культура).
150. Зализняк, Анна А. Языковая картина мира [Электронный ресурс] / А. Зализняк // Энциклопедия «Кругосвет». — Электрон. дан. — [Россия], сор. 1997. — Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIKOVAYA_KARTINA_MIRA.html.
151. Замятин, Г. А. Россия и Швеция в начале XVII века [Текст] : очерки политической и военной истории / Г. А. Замятин; Санкт-Петербургский ин-т истории РАН, Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, Ин-т яз., лит, и истории Карельского науч. центра РАН; [сост.: Г. М. Коваленко]. — Санкт-Петербург, 2008. — 492 с.
152. Захарова, Е. В. Интеграция субстратных прибалтийско-финских топонимов в русскую топонимическую систему восточного Обонежья [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 02 / Захарова Екатерина Владимировна, Ин-т лингвист. исслед. РАН. — Санкт-Петербург, 2015. — 24 с.
153. Захарова, Л. А. Лексическое поле «человек» в историко-культурном аспекте (на материале Словаря древнерусских личных собственных имен Н. М. Тупикова) [Электронный ресурс] / Л. А. Захарова, А. Ю. Кведер // Язык и культура: сб. ст. XXIII междунар. науч. конф., Томск, 21—24 окт. 2012 г. / Томск. гос. ун-т; отв. ред. С. К. Гураль. — Томск, 2013. — Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22638298>

154. Захарова, Л. А. Проект «Словаря фамилий жителей Томского региона XVII — начала XVIII в. (на материале сибирского делового письма)» [Текст] / Л. А. Захарова, А. В. Конюк // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. — 2013. — № 5 (25). — 37—47.
155. Зеленин, Д. К. Очерки русской мифологии [Текст]: умершие неестественной смертью и русалки / Д. К. Зеленин; РАН, Ин-т славяноведения и балканистики; [вступ. ст. Н. И. Толстого]. — Москва: Индрик, 1995. — Т. 2. — 432 с.
156. Зинин, С. И. Введение в русскую антропонию [Текст]: пособ. для студентов-заочников / С. И. Зинин; Ташкент. гос. ун-т им. В. И. Ленина; отв. ред. О. М. Ким. — Ташкент, 1972. — 277 с.
157. Зинин, С. И. Русская антропонимия XVII-XVIII вв.: (на материале переписных книг городов) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук.: 10.660 / Зинин Сергей Иванович; Ташкент. гос. ун-т им. В. И. Ленина. — Ташкент, 1969. — 22 с. (1)
158. Зинин, С. И. Словообразование русских личных имен XVII-XVIII вв. (на материале переписных книг городов России) [Текст] / С. И. Зинин // Тр. Самарканд. гос. ун-та. Нов. сер. — Самарканд, 1971. — Вып. 209: Русское словообразование. — С. 261—278.
159. Зинин, С. И. Структура русских антропонимов XVIII века (на материале актовых книг г. Москвы) [Текст] / С. И. Зинин // Ономастика: [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т языкознания; ред. В. А. Никонов, А. В. Суперанская. — Москва, 1969. — С. 79—83. (2)
160. Иванов, В. В. Исследования в области славянских древностей [Текст]: лексич. и фразеол. вопросы реконструкции текстов / В. В. Иванов, В. Н. Топоров; АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики; [отв. ред. И. И. Ревзин]. — Москва: Наука, 1974. — 342 с.
161. Иванов, В. В. Происхождение имени Кухулина [Текст] / В. В. Иванов // Происхождение имени Кухулина // Проблемы сравнительной филологии: сб. ст. к 70-летию чл.-кор. АН СССР В. М. Жирмунского / Акад. наук

- СССР, Отд-ние лит. и яз.; отв. ред. М. П. Алексеев — Москва; Ленинград, 1964. — С. 451—461.
162. Иванов, В. В. Славянские языковые моделирующие семиотические системы [Текст]: (древний период) / В. В. Иванов, В. Н. Топоров; Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения. — Москва: Наука, 1965. — 248 с.
163. Иванов, В. В. Языковые следы мифологии имени [Текст] / В. В. Иванов // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст: тез. междунар. науч. конф., 30 янв. — 2 февр. 2001 г. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения РАН. — Москва, 2001. — Ч. 1. — С. 40—42.
164. Иванова, Е. Н. Имена собственные в монастырской деловой письменности Белозерья конца XIV—XV вв. [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01 / Иванова Елена Николаевна; Вологод. гос. пед. ун-т. — Вологда, 2006. — 23 с.
165. Иванова, Е. Н. Структура и география некалендарных личных имен Белозерского края конца XIV-XV вв. [Текст] / Е. Н. Иванова // Слово и текст в культурном сознании эпохи: материалы IV Всерос. науч.-метод. конф., Вологда, 8-9 нояб. 2012 г.: сб. науч. тр. / Вологод. гос. пед. ун-т; отв. ред. Е. Н. Ильина, Г. В. Судаков. — Вологда, 2012. — Ч. 10. — С. 113—118.
166. Ивин, А. А. Основания логики оценок [Текст] / А. А. Ивин. — Москва: Изд-во МГУ, 1970. — 230 с.
167. Имя [Текст]: внутренняя структура, семантическая аура, контекст: тез. междунар. науч. конф.: в 2 ч. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. — Москва, 2001. — 2 ч.
168. Кабинина, Н. В. Антропонимы финно-угорского происхождения в топонимии Мезенского района Архангельской области [Текст] / Н. В. Кабинина // Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20—23 сент. 2005 г. / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. — Екатеринбург, 2005. — С. 112—114.

169. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. — Изд. 7-е. — Москва: Изд-во ЛКИ, 2010. — 264 с.
170. Карлова, Л. В. Способы и средства антропонимической номинации в южновеликорусских отказных книгах первой половины XVII в. [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01 / Карлова Лариса Владимировна; Киев. пед. ин-т. — Киев, 1991. — 18 с.
171. Карлова, О. Л.-Л-овая модель в топонимии Карелии [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 22 / Карлова Ольга Леонидовна; Петрозав. гос. ун-т. — Петрозаводск, 2004. — 23 с.
172. Карлова, О. Л. Карельская антропонимия нехристианского происхождения (на материале писцовой книги Водской пятины 1500 года) [Текст] / О. Л. Карлова // Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России: материалы V Всерос. конф. финно-угроведов, Петрозаводск, 25—28 июня 2014 г. / Правительство Респ. Карелия [и др.]; [отв. ред. Н. Г. Зайцева]. — Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2014. — С. 33—36.
173. Карнович, Е. П. Родовые прозвания и титулы в России. Слияние иноземцев с русскими [Текст] / Е. П. Карнович. — [Репринт. воспроизвед. изд. 1886 г.]. — Санкт-Петербург.: Изд-во МФИН, 1991. — 100 с.
174. Карпенко, Ю. А. Топонимы и географические термины [Текст] / Ю. А. Карпенко // Местные географические термины: [сб. ст.] / [отв. ред.: Е. М. Поспелов, Н. И. Толстой]. — Москва, 1970. — С. 37—45.
175. Катаяла, К. Предисловие [Текст] / К. Катаяла, С. Хирвонен // История Карелии XVI—XVII вв. в документах = Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvuilta / Ун-т Йоэнсуу, КНЦ РАН; ред. И. А. Чернякова [и др.]. — Петрозаводск; Йоэнсуу, 1991. — Т. 2. — С. 25—38.
176. Кацнельсон, С. Д. Содержание слова, значение и обозначение [Текст] / С. Д. Кацнельсон. — Москва; Ленинград: Наука, 1965. — 110 с. — (Вопросы теории языкознания).

177. Качинская, И. Б. Имя собственное как нарицательная характеристика личности (по материалам архангельских говоров) [Текст] / И. Б. Качинская // Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20—23 сент. 2005 г. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. — Екатеринбург, 2005. — С. 83—85.
178. Керста, Р. И. Типы именования мужчин в памятниках украинского языка XVI в. [Текст] / Р. И. Керста // Антропонимика: [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т языкознания; [ред. В. А. Никонов, А. В. Суперанская]. — Москва, 1970. — С. 258—262.
179. Клементьев, Е. И. Карелы [Текст]: этнограф. очерк / Е. И. Клементьев. — Петрозаводск: Карелия, 1991. — 79 с.
180. Климкова, Л. А. Прозвищная номинация в русской языковой картине мира [Текст]: общий взгляд / Л. А. Климкова // Семантика и функционирование языковых единиц разных уровней: сб. науч. ст. по материалам VIII междунар. науч.-практ. конф., Иваново, 6-8 мая 2015 г. / М-во образования и науки Рос. Федерации, Иванов. гос. ун-т; [отв. ред. И. А. Сотова]. — Иваново, 2015. — С. 110—119.
181. Климов, Г. А. Основы лингвистической компаративистики [Текст] / Г. А. Климов; АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. Н. З. Гаджиева. — Москва: Наука, 1990. — 168 с.
182. Коваленко, А. Ю. Имена собственные в псковской деловой письменности (на материале «Подлинной писцовой книги города Пскова и его окрестностей» (1585-87 гг.) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01. / Коваленко Анна Юрьевна; С.-Петерб. гос. ун-т. — Санкт-Петербург, 2003. — 16 с.
183. Колесов, В. В. Мир человека в слове Древней Руси [Текст] / В. В. Колесов; ЛГУ им. А. А. Жданова. — Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1986. — 312 с.

184. Комлева, Н. В. Антропонимия вологодских памятников официально-деловой письменности конца XVI-XVII веков [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01 / Комлева Наталья Валентиновна; Вологод. г ос. пед. ун-т. — Вологда, 2004. — 22 с. (1)
185. Комлева, Н. В. Антропонимия вологодских памятников официально-деловой письменности конца XVI-XVII веков [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01. / Комлева Наталья Валентиновна. — Вологда, 2004. — 221 с. (2)
186. Комлева, Н. В. Деривация мужских личных имен в вологодских памятниках официально-деловой письменности конца XVI-XVII веков [Текст] / Н. В. Комлева // История русского слова [Текст]: ономастика и спец. лексика Сев. Руси: [межвуз. сб.] / Волог. гос. пед. ун-т; [отв. ред. Ю. И. Чайкина.]. — Вологда, 2002. — С. 36—52.
187. Комлева, Н. В. Историческая региональная антропонимия в контексте этнолингвистики [Текст] / Н. В. Комлева // Материалы XXXV Международной филологической конференции. — Санкт-Петербург, 2006. — Вып. 6: История русского языка и культурная память народа / СПбГУ, Филол. фак.; отв. ред. О. А. Черепанова. — С. 58—65.
188. Комлева, Н. В. К изучению старорусской антропосистемы города и села в контексте когнитивной и этнологической лингвистики [Текст] // Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20—23 сент. 2005 г. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. — Екатеринбург, 2005. — С. 135—138.
189. Кондратьева, Т. Н. Собственные имена в пословицах, поговорках и загадках русского народа [Текст] / Т. Н. Кондратьева // Вопросы грамматики и лексикологии русского языка: [сб. ст.] / Казан. ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина; [науч. ред. М. Ф. Моисеенко. — Казань, 1964. — С. 98—188.

190. Кондратьева, Т. Н. Собственные имена в русском эпосе [Текст] / Т. Н. Кондратьева; под ред. Р. Х. Субаевой. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1967. — 248 с.
191. Королева, И. А. Становление русской антропонимической системы [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10. 02. 01 / Королева Инна Александровна; Моск. пед. гос. ун-т. — Москва, 2000. — 36 с.
192. Костюченкова, Е. М. Экспликация ценностной картины мира субэтноса казаков в донском ономастиконе [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 19 / Костюченкова Екатерина Михайловна; Кабард.-Балкар. гос. ун-т им. Х. М. Бербекова]. — Нальчик, 2009. — 22 с.
193. Кочкуркина, С. И. Формирование этнокультурной карты Карелии [Текст] / С. И. Кочкуркина // Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России: материалы V Всерос. конф. финно-угроведов, Петрозаводск, 25-28 июня 2014 г. / Правительство Респ. Карелия [и др.]; [отв. ред. Н. Г. Зайцева]. — Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2014. — С. 498—500.
194. Кочкуркина, С. И. Этническая карта и территориально-административные границы Карелии на рубеже I—II тысячелетия н. э. (новгородское время) [Текст] / С. И. Кочкуркина // Тр. Карел. науч. центра Рос. акад. наук / Карел. науч. центр РАН. — Петрозаводск, 2012. — № 4, вып. 3: Гуманитар. исслед. — С. 3—12.
195. Криничная, Н. А. Русская мифология [Текст]: мир образов фольклора / Н. А. Криничная. — Москва: Акад. проект: Гаудеамус, 2004. — 1006 с. — (Summa).
196. Кропачева, К. И. Антропонимы в языковой картине мира (на материале английского языка) [Текст] / К. И. Кропачева // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии:: сб. ст. по материалам LII междунар. науч.-практ. конф. / СибАК; [отв. ред. М. А. Васинович]. — Новосибирск, 2015. — С. 15—27.
197. Кругликова, Л. Е. Синонимический ряд «глупый человек» в истории

- русского языка [Текст] / Л. Е. Кругликова // Слово во времени и пространстве: к 60-летию проф. В. М. Мокиенко: [сб. науч. ст.] / С.-Петерб. гос. ун-т., Филол. фак.; [отв. ред. Г. А. Лилич]. — Санкт-Петербург, 2000. — С. 96—113.
198. Кубрякова, Е. С. Когнитивные аспекты в исследовании семантики слова [Текст] / Е. С. Кубрякова // Семантика языковых единиц: докл. VI Междунар. конф., Москва, 31 дек -1 янв. 1998г.: в 2 т. / отв. ред. Е. И. Диброва. — Москва, 1998. — Т. 1. — С. 47—51.
199. Кубрякова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма [Текст]: лингвистика — психология — когнитивная наука / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. — 1994. — № 4. — С. 34—47.
200. Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики [Текст] / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — Вып. 1. — С. 6—17. (1)
201. Кубрякова, Е. С. Язык и знание [Текст]: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. — Москва: Яз. славян. культуры, 2004. — 560 с. — (Язык. Семиотика. Культура). (2)
202. Кузнецов, А. В. Заметки о топонимах южного Прионежья [Электронный ресурс] / А. В. Кузнецов // Вытегра: краеведческий альманах / Адм. Вытегор. р-на. [и др.]. — Вологда: Легия, 2000. — Вып. 2. — Режим доступа: <http://www.booksite.ru/fulltext/vyt/egr/a2/index.htm>.
203. Кузнецов, А. В. Язык земли Вологодской [Текст]: очерки топонимики / А. Кузнецов. — Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во; Вологда: Вологод. отд-ние, 1991. — 416 с.
204. Кузьмин, Д. В. Ареальная дистрибуция топонимных моделей Беломорской Карелии [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 22. / Кузьмин Денис Викторович; Марийс. гос. ун-т. — Йошкар-Ола, 2005. — 23 с.

205. Кузьмин, Д. В. Карелоязычная географическая лексика как источник по истории заселения Карелии [Текст] / Д. В. Кузьмин // Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России: материалы V Всерос. конф. финно-угроведов, Петрозаводск, 25-28 июня 2014 г. / Правительство Респ. Карелия [и др.]; [отв. ред. Н. Г. Зайцева]. — Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2014. — С. 39—42.
206. Кузьмин, Д. В. Становление христианского именослова у карелов: историко-культурный аспект [Текст] / Д. В. Кузьмин // Материалы научной конференции «Бубриховские чтения [Текст]: карел. науч. шк. исслед. прибалт.-фин. яз. и культур», Петрозаводск, 6–7 окт. 2016 г. / отв. ред. Н. Г. Зайцева. — Петрозаводск, 2016. — С. 105—111.
207. Кузьмин, Д. В. Христианские имена карелов [Текст] / Д. В. Кузьмин // Вопросы ономастики. — 2016. — Т. 13, № 2. — С. 56—86.
208. Кульпинов, Ю. А. Этнолингвистический анализ ономастикона, демонологии и обрядности казачьих станиц Изобильненского района Ставропольского края [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01. / Кульпинов Юрий Анатольевич; [Ставроп. гос. ун-т. — Ставрополь, 2010. — 20 с.
209. Курилович, Е. Положение имени собственного в языке [Текст] / Е. Курилович // Очерки по лингвистике: сб. ст. — Москва: Изд-во иностр. лит., 1962. — С. 251—266.
210. Куркина, Л. В. Варакать [Текст] / Л. В. Куркина // Этимология, 1965: материалы и исслед. по индоевроп. и другим яз. / АН СССР; отв. ред. О. Н. Трубачев. — Москва, 1967. — С. 184—188.
211. Кюршунова, И. А. «Свое» и «чужое» в антропонимической системе XV—XVII вв. [Текст] / И. А. Кюршунова // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера: (материалы 3-й междунар. науч. конф.) / Петрозав. гос. ун-т [и др.]; отв. ред. В. М. Пивоев. — Петрозаводск, 2001. — С. 118—121.

212. Кюршунова, И. А. Антропонимы в документах Кексгольмского лена XVI — XVII вв. как отражение межъязыковой коммуникации [Текст] / И. А. Кюршунова // Язык и культура: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию проф. Л. В. Савельевой / КГПУ; науч. ред. Н. А. Бурдюгова. — Петрозаводск, 2007. — С. 154—158.
213. Кюршунова, И. А. Антропонимы с прибалтийско-финскими основами (по данным памятников письменности Карелии) [Текст] / И. А. Кюршунова // Фольклорная культура и ее межэтнические связи в комплексном освещении: межвуз. сб. / Науч. совет по фольклору Рос. акад. наук [и др.]; ред.-сост. Т. В. Краснопольская. — Петрозаводск, 1997. — С. 138—145.
214. Кюршунова, И. А. База данных по исторической антропонимии как ономастический тезаурус [Текст] / И. А. Кюршунова, О. В. Черняков // Третьи Громовские чтения. Живое народное слово и костромской край: сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф, Кострома, 7—9 нояб. 2016г. / КГУ им. Н. А. Некрасова; отв. ред. Н. С. Ганцовская. — Кострома, 2016. — С. 401—407.
215. Кюршунова, И. А. К проблеме внутренней формы некалендарных личных имён (по памятникам русского средневековья) [Текст] / И. А. Кюршунова // Вестн. Дагестан. гос. ун-та. — 2012. — Вып. 3. — С. 75—79. (1)
216. Кюршунова, И. А. Календарные имена средневековой Карелии в когнитивном аспекте [Текст] / И. А. Кюршунова // Вопросы ономастики. — 2013. — № 2 (15). — С. 108—127.
217. Кюршунова, И. А. Некалендарные личные имена и их когнитивный потенциал в средневековом региональном ономастиконе [Текст] / И. А. Кюршунова // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 9, Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2012. — Вып. 3. — С. 103—108. (2)
218. Кюршунова, И. А. О степени надежности реконструкции лексики по данным ономастики [Текст] / И. А. Кюршунова // Вопросы региональной

- лексикологии и ономастики: межвуз. сб. науч. ст., посвящ. 70-летию проф. Ю. И. Чайкиной / Вологод. гос. пед. ун-т; [отв. ред. Л . Г. Яцкевич]. — Вологда, 1995. — С. 75—81.
219. Кюршунова, И. А. Отношения прибалтийско-финских и саамских личных имен к славянским в антропонимии Карелии XV-XVII вв. [Текст] / И. А Кюршунова // Научное наследие академика Ф. Ф. Фортунатова и современное языкознание (к 90-летию со дня смерти): сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф., 13—14 сент. 2004 г. / Петрозав. гос. ун-т; отв. ред З. К. Тарланов. — Петрозаводск, 2004. — С. 180—189.
220. Кюршунова, И. А. Отражение процессов этнического взаимодействия в антропонимиконе Карелии донационального периода [Электронный ресурс] / И. А Кюршунова // CARELiCA: науч. электрон. журн. / ПетрГУ. — Электрон. ст. — Петрозаводск, 2014. — № 1(11). — Режим доступа: [http://carelica.petrso.ru/CARELiCA_/1_2014_\(11\)/Articles/Entries/2014/6/4_OTRAZENIE_PROCESSO_V_ETNICESKOGO_VZAIMODEJSTVIA.html](http://carelica.petrso.ru/CARELiCA_/1_2014_(11)/Articles/Entries/2014/6/4_OTRAZENIE_PROCESSO_V_ETNICESKOGO_VZAIMODEJSTVIA.html)
221. Кюршунова, И. А. Славянская антропонимия Карелии XV—XVII вв. в связи с реконструкцией лексики донационального периода [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01 / Вологод. гос. пед. ин-т. — Вологда, 1994. — 248 с.
222. Лакофф, Дж. Когнитивная семантика [Текст] / Дж. Лакофф // Язык и интеллект: [сб. ст.]: пер. с англ. и нем. / сост. и вступ. ст. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова, В. П. Нерознака. — Москва, 1995. — С. 143—185.
223. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем [Текст]: пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — Москва: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
224. Ларин, Б. А. Об одной славяно-балто-финской изоглоссе [Текст] / Б. А. Ларин. — Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. — 26 с.

225. Левковская, К. А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала [Текст] / К. А. Левковская. — Москва: Высш. шк., 1962. — 296 с.
226. Левшенко, Т. А. Особенности антропонимов в церковной литературе [Электронный ресурс]: монашеские имена / Т. А. Левшенко. — [Ставрополь], 2009. — Режим доступа: <http://conf.stavsu.ru/conf.asp?ReportId=735>"
227. Лемтюгова, В. П. Восточнославянская ойконимия апеллятивного происхождения [Текст]: назв. типов поселений / В. П. Лемтюгова. — Минск: Наука и техника, 1983. — 198 с.
228. Леонтьева, Т. В. Интеллект человека в зеркале русского языка [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01 / Леонтьева Татьяна Валерьевна; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. — Екатеринбург, 2003. — 22 с.
229. Леонтьева, Т. В. Модели и сферы репрезентации социально-регулятивной семантики в русской языковой традиции [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук: 10. 02. 01 / Леонтьева Татьяна Валерьевна; [Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина]. — Екатеринбург, 2015. — 427 с.
230. Линевский, А. Хрестоматия по истории Карелии с древнейших времен до конца XVII века [Текст] / А. Линевский, В. Машезерский, В. Пегов; под ред. В. Бернадского. — Петрозаводск: Карел. гос. изд-во, 1939. — 334 с.
231. Листрова-Правда, Ю. Т. Собственное личное имя в пословицах и поговорках, собранных В. И. Далем [Текст] / Ю. Т. Листрова-Правда // Язык и поэтика фольклора: докл. Междунар. конф., 15—18 сент. 1999 г. / Петрозав. гос. ун-т; отв. ред. З. К. Тарланов. — Петрозаводск, 2001. — С. 110—118.
232. Литвина, А. Ф. Варьирование родового имени на русской почве [Текст]: об одном из способов имянаречения в династии Рюриковичей / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский // Именослов: заметки по исторической

- семантике имени / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения; сост. Ф. Б. Успенский. — Москва, 2003. — С. 136—183.
233. Литвина, А. Ф. Выбор имени у русских князей в X—XVI вв. [Текст]: династ. история сквозь призму антропонимии / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский; Рос. акад. наук, Отд-ние историко-филол. наук, Ин-т славяноведения [и др.]. — Москва: Индрик, 2006. — 904 с. — (Тр. по филологии и истории).
234. Литвина, А. Ф. Глава из истории выбоа имен у Рюриковичей [Текст]: князья-тезки и их патрональные святые / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский // Вопросы ономастики. — 2004. — № 1. — С. 14—32.
235. Литвина, А. Ф. Пути усвоения христианских имен в русских княжеских семьях XI—начала XIII в. [Текст] / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский // Религии мира: история и современность: ежегодник / [Рос. акад. наук и др.; отв. ред. А. В. Назаренко]. — Москва, 2002. — С. 36—109.
236. Логинов, К. К. Этнографические зоны и этнические границы в Карелии [Текст] / К. К. Логинов // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов: гуманитар. исслед.: [сб.] / Карел. науч. центр Рос. акад. наук, Ин-т яз., лит. и истории; ред. О. П. Илюха, И. И. Муллонен. — Петрозаводск, 2008. — Вып. 1. — С. 90—103.
237. Лосев, А. М. Бытие. Имя. Космос [Текст] / А. М. Лосев. — Москва: Мысль, 1993. — 958 с. — (Библиотека "Филос. наследие").
238. Лосев, А. М. Философия имени [Текст] / А. М. Лосев. — Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1990. — 269 с.
239. Лотман, Ю. М. Миф — имя — культура [Текст] / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Семиосфера / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург, 2000. — С. 525—542.
240. Лукьянова, Н. А. Лексико-семантическая группа 'человек ленивый' в диалектной системе (опыт семантического анализа) [Текст]: [сб. ст.] / Н. А. Лукьянова // Русская лексика в историческом и синхронном

- освещении / АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филол. и филос.; отв. ред. К. А. Тимофеев. — Новосибирск, 1985. — С. 58—79.
241. Лукьянова, Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления как специфический объект лексикологии и лексикографии [Текст] / Н. А. Лукьянова, Т. А. Трипольская // Экспрессивность на разных уровнях языка: межвуз. сб. науч. тр. / Новосиб. гос. ун-т; отв. ред. Г. И. Павлов. — Новосибирск, 1984. — С. 114—130.
242. Лукьянова, Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики [Текст] / Н. А. Лукьянова; отв. ред. А. И. Федоров; АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филол. и филос. — Новосибирск: Наука, 1986. — 231 с.
243. Лукьянченко, Т. В. Расселение кольских саамов XVI-XVII вв. [Текст] / Т. В. Лукьянченко // К истории малых народностей Европейского Севера СССР: [материалы совещ., Апатиты, 13-15 июля 1977 г.] / Карел. фил. АН СССР, Ин-т яз. лит. и истории; отв. ред. Г. М. Керт. — Петрозаводск, 1979. — С. 15—16.
244. Мадиева, Г. Б. Антропонимы как средство выражения культуры [Текст] / Г. Б. Мадиева, В. И. Супрун // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. — 2010. — № 6. — С. 96—102.
245. Майоров, А. П. Региональный узус деловой письменности XVIII века (по памятникам Забайкалья) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10. 02. 01 / Майоров Александр Петрович; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. — Москва, 2006. — 44 с.
246. Майорова, Т. В. Ономастикон “Десятни Тульской...” 1622 г. [Текст] / Т. В. Майорова, Н. В. Ильинская // Сельская Россия: прошлое и настоящее: докл. и сообщ. седьмой Рос. науч.-практ. конф., Тула, нояб. 1999 г. / [сост. З. В. Рубцова]. — Москва, 1999. — С. 192—194.
247. Макаров, Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI—XIII вв [Текст]: по материалам археолог. памятников на волоках

- Белозерья и Поонежья / Н. А. Макаров; Ин-т археологии РАН [и др.]. — Москва: Науч.-изд. центр «Скрипторий», 1997. — 368 с.
248. Макеев, Л. М. Древнерусские личные имена [Текст] / Л. М. Макеев // Русская речь. — № 3. — 1989. — С. 103—106.
249. Маковский, М. М. Реконструкция диалектных лексических моделей методом топонимического анализа [Текст] / М. М. Маковский // Изучение географических названий: [сб. ст.] / отв. ред. Э. В. Мурзаев, В. А. Никонов. — Москва, 1966. — С. 76—83. — (Вопросы географии / Моск. фил. Геогр. о-ва СССР; сб. 70).
250. Максимов, В. О. «От Негола и от Говена ко Дурдеви...». Антропонимия новгородских берестяных грамот как лингвокультурологический феномен [Текст] / В. О. Максимов // Вестн. Рос. ун-та Дружбы народов. Сер.: Рус. и иностран. яз. и методика их преподавания. — 2008. — № 3. — С. 73—79.
251. Максимов, С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила [Электронный ресурс] / С. В. Максимов; отв. ред. М. Стерлигов; Вологод. обл. универ. б-ка. — Санкт-Петербург: ТОО «Полисест», 1994. — Режим доступа: <http://booksite.ru/fulltext/nec/his/ty/index.htm>.
252. Мамонтова, Н. Н. Карельская и вепская антропонимия на современном этапе [Текст] / Н. Н. Мамонтова // Ономастика: Типология. Стратиграфия: [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. А. В. Суперанская. — Москва, 1988. — С. 221—228.
253. Мамонтова, Н. Н. Структурно-семантические типы микропонимии ливвиковского ареала Карелии АССР (Олонецкий район) [Текст] / Н. Н. Мамонтова. — Петрозаводск: Карелия, 1982. — 213 с.
254. Маркелова, Т. В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке [Текст]: монография / Т. В. Маркелова; Моск. гос. ун-т печати им. И. Федорова. — Москва: МГУП им. И. Федорова, 2013. — 300 с.

255. Мароевич, Р. Личные имена в системе антропонимических категорий праславянского языка [Текст] / Р. Мароевич // Этимология. 1997—1999 / АН СССР, Ин-т рус. яз.; отв. ред. Ж. Ж. Варбот. — Москва, 2000. — С. 96—101.
256. Маслова, В. А. *Homo lingualis* в культуре [Текст]: монография / В. А. Маслова. — Москва: Гнозис, 2007. — 319 с.
257. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика [Текст]: учеб. пособие / В. А. Маслова. — Москва: Академия, 2001. — 228 с.
258. Матвеев, А. К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала [Текст] / А. К. Матвеев. — Свердловск, 1959. — 123 с. — (Учен. зап. / Урал. гос. ун-та им. А. М. Горького. Языкознание; вып. 32).
259. Медведева, Н. В. Антропонимия Прикамья первой половины XVII века в динамическом аспекте (на материале переписных документов по вотчинам Строгановых) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02. 01 / Медведева Наталья Владимировна. — Пермь, 1999. — 20 с.
260. Меркулов, Н. Ю. Местные географические термины в ойконимии Верхневолжья [Текст] / Н. Ю. Меркулов // Проблемы русской ономастики: межвуз. сб. науч. тр. / Вологод. гос. пед. ин-т; отв. ред. Л. Я Маловицкий. — Вологда, 1985. — С. 61—71.
261. Мещерский, Н. А. К изучению русских народных говоров на территории Карельской АССР [Текст] / Н. А. Мещерский // Учен. зап. Карел. пед. ин-та. — Петрозаводск, 1963. — Т. XIII: Гуманитар. науки. — С. 112—130.
262. Мещерский, Н. А. Новгородские берестяные грамоты как источник изучения прибалтийско-финских языков [Текст] / Н. А. Мещерский // Всесоюзное совещание по вопросам финно-угорской филологии, 26-30 июня 1961 г.: тез. докл. / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания [и др.]. — Петрозаводск, 1961. — С. 99—101.
263. Мещерский, Н. А. Новгородские грамоты на бересте как источник исторического изучения прибалтийско-финских языков [Текст]

- / Н. А. Мещерский // Вопросы финно-угорского языкознания: [сб. ст.] / Акад. наук СССР, Ин-т яз.; отв. ред. Б. А. Серебрянников. — Москва; Ленинград, 1964. — [Вып. 2]: Грамматика и лексикология: [материалы совещ., Петрозаводск, 26-30 июля 1961 г.]. — С. 193—204.
264. Милль, Дж. Ст. Система логики силлогической и индуктивной: изложение принципов доказательства в связи с методами науч. исслед. [Текст] / Дж. Ст. Милль; пер. с англ. В. Н. Ивановского. — 2-е вновь обработ. изд. — Москва: Изд. Г. А. Лемана, 1914. — 880 с.
265. Мирославская, А. Н. Морфологическая характеристика имён календарных и некалендарных XV—XVII вв. [Текст] / А. Н. Мирославская // Российский этнограф: этнолог. альм.: ономастика. — Москва, 1993. — Ч. 2: Грамматика собственных имен: Регион. Ареал. Диалект. — С. 71—78.
266. Мирославская, А. Н. О древнерусских именах, прозвищах и прозваниях [Текст] / А. Н. Мирославская // Перспективы развития славянской ономастики: [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т языкознания.; отв. ред. А. В. Суперанская, Н. В. Подольская. — Москва, 1980. — С. 202—213.
267. Мирославская, А. Н. Об отношении древнерусских некалендарных имен к прозвищам и фамилиям [Текст] / А. Н. Мирославская // Вопросы формирования русского национального языка: сб. ст. / Вологод. гос. пед. ин-т; отв. ред. Л. Я. Маловицкий. — Вологда, 1979. — С. 83—99.
268. Мирославская, А. Н. Особенности словообразовательной структуры русских календарных личных имён [Текст] / А. Н. Мирославская // Ономастика Поволжья: материалы Поволж. конф. по ономастике / Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР [и др.]; сост. Г. Ф. Саттаров, А. М. Сираева. — Горький, 1971. — Вып. 2. — С. 47—51.
269. Мирославская, А. Н. Собственные имена в «Новгородских записных кабальных книгах 100—104 и 111 годов» [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Мирославская Александра Николаевна. — Калининград, 1955. — 390 с.

270. Михайлова, Л. П. История края в народном слове [Текст]: русские говоры Карелии / Л. П. Михайлова; Карел. гос. пед. ун-т. — Петрозаводск, 2004. — 287 с.
271. Михайлова, Л. П. К проблеме славяно-финского симбиоза (по данным топонимии и лексики Русского Севера) [Текст] / Л. П. Михайлова // «Свое» и «чужое» в культуре: материалы X Междунар. науч. конф., Петрозаводск, 16-17 марта 2015 г. / Петрозав. гос. ун-т; отв. ред. Н. Г. Урванцева. — Петрозаводск, 2015. — С. 101—104. (1)
272. Михайлова, Л. П. Лексическая интерференция в русских говорах Карелии и прибалтийско-финских языках [Текст] / Л. П. Михайлова // Традиционная культура: общечеловеческое и этническое: проблемы комплексного изучения этносов Карелии: материалы симпозиума, сент. 1993 г. / Ком. по нац. политике и междунац. отношениям при Совете Министров Респ. Карелия; отв. ред. Т. В. Краснопольска. — Петрозаводск, 1993. — С. 67—75.
273. Михайлова, Л. П. Развитие грамматической структуры топонимов на территории Карелии / Л. П. Михайлова // Проблемы русской ономастики: межвузов. сб. науч. тр. / Вологод. гос. пед. ин-т; отв. ред. Л. Я. Маловицкий. — Вологда, 1985. — С. 51—61.
274. Михайлова, Л. П. Следы древнейших славяно-финских контактов в топонимии и географической лексике [Текст] / Л. П. Михайлова // Историческая география России: ретроспектива и современность комплекс. регион. исслед. (100-летие завершения издания томов серии «Россия, Полное географическое описание нашего Отечества»): материалы V междунар. конф. по истор. географии, Санкт-Петербург, 18—21 мая 2015 г. / Рус. географ. о-во, Санкт-Петербург. гос. ун-т [и др.]; отв. ред. К. В. Чистяков. — Санкт-Петербург, 2015. — Ч. 1. — С. 201—204. (2)
275. Михайлова, Т. А. Зооморфный элемент в огамических именах: к постановке проблемы [Текст] / Т. А. Михайлова // Индоевропейское

- языкознание и классическая филология — XII: материалы чтений, посвящ. памяти проф. И. М. Тронского, 23–25 июня 2008 г. / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. [и др.]; отв. ред. Н. Н. Казанский. — Санкт-Петербург, 2008. — С. 291—299.
276. Мокиенко, В. М. О собственном имени в составе фразеологии [Текст] / В. М. Мокиенко // Перспективы развития славянской ономастики: [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. А. В. Суперанская, Н. В. Подольская. — Москва, 1980. — С. 57—67.
277. Молошная, Т. Н. Личные имена с суффиксами субъективной оценки в русском и болгарском языках [Текст] / Т. Н. Молошная // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст: тез. междунар. науч. конф., 30 янв. — 2 февр. 2001 г. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения РАН. — Москва, 2001. — С. 28—31.
278. Морозова, М. Н. Антропонимия русских народных сказок [Текст] / М. Н. Морозова // Фольклор: поэт. система: [сб. ст.] / АН СССР, Науч. совет по фольклору при Отд-нии лит. и яз [и др.]; отв. ред. А. И. Баландин, В. М. Гацак. — Москва, 1977. — С. 231—242.
279. Мосин, А. Г. Исторические корни уральских фамилий [Текст] / А. Г. Мосин. — Екатеринбург: Гощицкий, 2008. — 791 с.
280. Мосин, А. Г. Первуша — Дружина — Третьяк [Текст]: к вопросу о формах неканонического второго имени второго сына в семье в допетровской Руси / А. Г. Мосин // Проблемы истории России: сб. науч. тр. / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, Каф. истории России, НПМП "Волот". — Екатеринбург, 2001. — Вып. 4: Евразийское пограничье. — С. 247—256.
281. Муллонен, И. И. [Рецензия] / И. И. Муллонен // Вопросы ономастики. — 2010. — № 1 (8). — С. 137—142. — Рец. на кн.: Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имён, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV—XVII вв. / И. А. Кюршунова. — Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2010. — 667 с.

282. Муллонен, И. И. О вепсской антропонимии (опыт топонимической реконструкции) [Текст] / И. И. Муллонен // Советское финно-угроведение. — 1988. — № 4. — С. 271—282.
283. Муллонен, И. И. Очерки вепсской топонимии [Текст] / И. И. Муллонен; Рос. АН, Карел. науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории. — Санкт-Петербург: Наука, 1994. — 157 с.
284. Муллонен, И. И. Топонимия Заонежья [Текст]: словарь с историко-культурными комментариями [Текст] / И. И. Муллонен. — Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2008. — 242 с.
285. Муллонен, И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования [Текст] / И. И. Муллонен; Рос. акад. наук, Карел. науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории. — Петрозаводск, 2002. — 353 с.
286. Муллонен, И. И. Топонимные модели как маркеры формирования этнических территорий [Текст] / И. И. Муллонен // Историческая география России: ретроспектива и современность комплекс. регион. исслед. (100-летие завершения издания томов серии «Россия, Полное географическое описание нашего Отечества»): материалы V междунар. конф. по истор. географии, Санкт-Петербург, 18-21 мая 2015 г. / Рус. географ. о-во, Санкт-Петербург. гос. ун-т [и др.]; отв. ред. К. В. Чистяков. — Санкт-Петербург, 2015. — Ч. 1. — С. 204—208.
287. Муллонен, И. И. Формирование диалектной карты карельского языка [Текст] / И. И. Муллонен // Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России: материалы V Всерос. конф. финно-угроведов, Петрозаводск, 25-28 июня 2014 г. / Правительство Респ. Карелия [и др.]; [отв. ред. Н. Г. Зайцева]. — Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2014. — С. 62—66.
288. Муллонен, И. И. Формирование диалектной карты карельского языка [Электронный ресурс]: [презентация, доклад] / И. И. Муллонен. — Электрон. дан. — [Петрозаводск], 2014. — URL: <http://www.knk.karelia.ru/site/mullonen> (2).

289. Муллонен, И. И. Этнолингвистическая история Обонежья [Текст] / И. И. Муллонен // Очерки исторической географии: Северо-Запад России: славяне и финны / С.-Петерб. гос. ун-т; под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. — Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. — С. 332 —348.
290. Мусукаев, Б. Х. Балкарская ономастика в парадигме современной лингвистики [Текст]: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10. 02. 02 / Мусукаев Борис Хамитович; Кабард.-Балкар. гос. ун-т им. Х. М. Бербекова. — Нальчик, 2002. — 47 с.
291. Мызников, С. А. Русские говоры Обонежья: ареал.-этимол. исслед. лексики прибалт.-фин. происхождения [Текст]: [монография] / С. А. Мызников; Рос. акад. наук., Ин-т лингв. исслед. — Санкт-Петербург: Наука, 2003. — 540 с.
292. Назаров А. И. Очерки по истории фамилий уральских (яицких) казаков / А. И. Назаров. — Алматы: Комплекс, 2003. — 180 с.
293. Назаров, А. И. Антропонимикон яицких казаков XVII вв. Личные имена [Текст] / А. И. Назаров // Вопросы антропонимики: сб. ст. / сост. и ред. А. И. Назаров. — Алматы, 2003. — Вып. 1. — С. 37—55.
294. Наумова, О. В. Антропонимическая система Тамбовской области [Текст]: на материале деловой письменности XVIII—XIX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. науки: 10. 02. 01 / Наумова Ольга Васильевна; Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2004. — 21 с.
295. Ниетбайтеги, К. И. Когнитивный подход к изучению антропонимов [Текст] / К. И. Ниетбайтеги // Русская сопоставительная филология: состояние и перспективы: междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию Казан. ун-та, Казань, 4-6 окт. 2004 г.: тр. и материалы / Казан. гос. ун-т; [под общ. ред. К. Р. Галлиулина]. — Казань, 2004. — С. 231.
296. Никитина, Л. Б. Метафора как показатель степени интенсивности оценки в высказываниях об интеллекте человека [Текст] / Л. Б. Никитина // Язык. Человек. Картина мира: материалы Всерос. науч. конф. / Омск. гос. ун-т; под ред. М. П. Одинцовой. — Омск, 2000. — Ч. 1. — С. 89—92.

297. Николаева, Т. М. О “единстве ономастики” и/или о новой ветви “антропонимики” [Текст] / Т. М. Николаева // Вопросы языкознания. — 2009. — № 3. — С. 3—18.
298. Никонов, В. А. География фамилий / В. А. Никонов; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — Москва: Наука, 1988. — 192 с.
299. Никонов, В. А. Драгоценные свидетели / В. А. Никонов // Этимология: 1988—1990: сб. науч. тр. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз.; отв. ред. О. Н. Трубачев. — Москва, 1993. — С. 109—114.
300. Никонов, В. А. Женские имена в России XVIII в. [Текст] / В. А. Никонов // Этнография имен: сб. ст. / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; отв. ред. В. А. Никонов, Г. Г. Стартинович. — Москва, 1971. — С. 120—141.
301. Никонов, В. А. Задачи и методы антропонимики [Текст] / В. А. Никонов // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: проблемы антропонимики / отв. ред. В. А. Никонов. — Москва, 1970. — С. 33—56.
302. Никонов, В. А. Имя и общество [Текст] / В. А. Никонов; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. И. Миклухо-Маклая. — Москва: Наука, 1974. — 278 с.
303. Никонов, В. А. Русская адаптация иноязычных личных имён [Текст] / В. А. Никонов // Ономастика: [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т языкознания; ред. В. А. Никонов, А. В. Суперанская. — Москва, 1969. — С. 54—78. (1).
304. Никонов, В. А. Русское словообразование [Текст] / В. А. Никонов // Этимология. 1967: материалы Междунар. симп. «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии», 24-31 янв. 1967 г. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; отв. ред. О. Н. Трубачев. — Москва, 1969. — С. 98 —109. (2)
305. Новикова, М. Г. Аспекты когнитивного изучения имени собственного — антропонима [Текст] / М. Г. Новикова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2011. — № 3. — С. 90—93.

306. Новикова, О. Н. Изменение ценностных установок личности как основа динамики национального антропонимикона [Текст] / О. Н. Новикова // Вестн. Башкир. ун-та. — 2009. — Т. 14, № 2. — С. 429—431.
307. Новикова, О. Н. Имя и безымянность [Текст] / О. Н. Новикова // Вестн. Башкир. ун-та. — 2009. — Т. 14, № 1. — С. 98—100.
308. Новикова, О. Н. Тенденция развития британского антропонимикона [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук: 10. 02. 04 / Новикова Ольга Николаевна; Башкир. гос. ун-т. — Уфа, 2012. — 435 с.
309. Общее языкознание [Текст]: методы лингвист. исслед. / [отв. ред. Б. А. Серебренников]. — Москва: Наука, 1973. — 318 с.
310. Отин, Е. С. Словарь коннотативных собственных имен / Е. С. Отин; Донец. нац. ун-т. — Донецк: Юго-Восток, 2004. — 412 с.
311. Павлов-Сильванский, Н. П. Феодализм в Древней Руси [Текст] / Н. П. Павлов-Сильванский. — Петроград: Прибой, 1924. — 160 с.
312. Палагина, В. В. Варьирование антропонимических структур в томских деловых документах XVII в. [Текст] / В. В. Палагина // Русская ономастика и ее взаимодействие с апеллятивной лексикой / отв. ред. А. К. Матвеев. — Свердловск, 1976. — С. 57—69. — (Вопросы ономастики / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького; вып. 11).
313. Палагина, В. В. К вопросу о локальности русских антропонимов конца XVI-XVII вв. [Текст] / В. В. Палагина // Вопросы русского языка и его говоров: [сб. ст.] / [ред. В. В. Палагина]. — Томск, 1968. — С. 83—92. — (Тр. Томск. ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-та им. В. В. Куйбышева; т. 197).
314. Парфенова, Н. Н. Из истории русских женских имен [Текст] / ЁН. Н. Парфенова, В. В. Савиных. // Вестн. Омск. ун-та. — 2013. — № 1. — С. 85—88. (1)
315. Парфенова, Н. Н. Историческая антропонимия Зауралья в аспекте этноцентризма [Текст] / Н. Н. Парфёнова // Славянские духовные традиции Сибири: материалы общерос. науч.-практ. конф.: культура и

- просвещение, философия и история, яз. и лит., 23 мая 1999 г. / Тюм. гос. ун-та; отв. ред. Н. К. Фролов. — Тюмень, 1999. — С. 44—51.
316. Парфенова, Н. Н. Историческая антропонимия как характеристика положения русской женщины (по данным деловой письменности Зауралья XVI—XVIII вв.) [Текст] / Н. Н. Парфёнова // Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен: материалы междунар. конф., 1993 г. / [отв. ред. В. А. Тишков.]. — Москва, 1994. — С. 313—319.
317. Парфенова, Н. Н. Источниковедческий аспект исследования антропонимии Зауралья XVI -XVII вв. [Текст] / Н. Н. Парфенова // Ономастика / Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии; [отв. ред. Ю. Б. Симченко]. — Москва, 1993. — Кн. 1, ч. 1: Имя и культура. — С. 91—100. — (Народы и культуры. Материалы к серии «Народы и культуры»; вып. XXV).
318. Парфенова, Н. Н. Концепт «ЧЕЛОВЕК» в исторической антропонимии Зауралья [Текст] / Н. Н. Парфёнова // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. — 2013. — № 3. — С. 15—20. (2)
319. Парфенова, Н. Н. Охранная функция древнерусского личного имени [Текст] / Н. Н. Парфенова // Шоста республіканська ономастична конференція: тези доповідей I повідомлень / голов. ред. В. М. Русанівський. — Одесса, 1991. — С. 65—66.
320. Парфенова, Н. Н. Оценка человека в отапельятивной антропонимии (по архивным данным Зауралья конца XVI-XVIII в.) [Текст] / Н. Н. Парфёнова // Науковий вісник Чернівецького університету. — Чернівці: Рута, 2007. — Вип. 354—355: Слов'янська філологія. — С. 55—61.
321. Парфенова, Н. Н. Структурно-словообразовательный аспект исторической антропонимии в русской языковой картине мира [Текст] / Н. Н. Парфенова // Вестн. Нижневарт. гос. ун-та. — 2013. — № 2. — С. 19—34. (3)
322. Пахомова, С. Н. Русские составные личные именованія донационального периода [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук:

10. 02. 01. / Пахомова Светлана Николаевна; Одес. гос. ун-т им. И. И. Мечникова. — Одесса, 1984. — 18 с.
323. Петрухин, В. Я. Мифы финно-угров [Текст] / В. Я. Петрухин. — Москва: Астрель[и др.], 2005. — 463 с.
324. Полякова, Е. Н. Актуальные проблемы изучения русской антропонимии Прикамья [Текст] / Е. Н. Полякова // Ономастика Поволжья: материалы VI конф. по ономастике Поволжья, [Волгоград, 26—28 сент. 1989 г.]: в 2 ч. / АН СССР, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая [и др.]; отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова. — Москва, 1991. — Ч. 1. — С. 60—67.
325. Полякова, Е. Н. Изменения в пермской антропонимии XVI-XVIII веков [Текст] / Е. Н. Полякова // Лексика и ономастика в памятниках письменности и в живой речи Прикамья: избр. тр. / Е. Н. Полякова; Перм. гос. ун-т — Пермь, 2002. — С. 266—272.
326. Полякова, Е. Н. Изучение корневой группы слов как основание для толкования значений слов пермских памятников XVI — начала XVIII в. [Текст] / Е. Н. Полякова // Русская историческая лексикография и лексикология: межвуз. сб. науч. тр. / Краснояр. гос. пед. ин-т; [отв. ред. А. Д. Васильев]. — Красноярск, 1989. — С. 157—165.
327. Полякова, Е. Н. История имен жителей Пермского края в XVI—XVII вв. [Текст]: монография / Е. Н. Полякова; Перм. гос. ун-т. — Пермь, 2010. — 280 с. (1)
328. Полякова, Е. Н. Лексика говорения в пермских прозвищах конца XVI — начала XVIII века [Текст] / Е. Н. Полякова // Вопросы региональной лексикологии и ономастики: межвуз. сб. ст., посвящ. 70-летию Ю. И. Чайкиной / Вологод. гос. пед. ун-т; отв. ред. Л. Г. Яцкевич. — Вологда, 1995. — С. 93—97.
329. Полякова, Е. Н. Новые работы по антропонимии Урала [Рецензия] / Е. Н. Полякова // Вопросы ономастики. — № 1. — 2004. — С. 152—163.

330. Полякова, Е. Н. О связях фамилий и имен нарицательных в XVII веке (по материалам деловой письменности Прикамья) [Текст] / Е. Н. Полякова // Вопросы ономастики: [межвуз. сб.] / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького; [отв. ред. А. К. Матвеев]. — Свердловск, 1979. — Вып. 13. — С. 29—37.
331. Полякова, Е. Н. Об источниках исторической реконструкции пермских говоров XVII века (на материале лексики) [Текст] / Е. Н. Полякова // Живое слово в русской речи Прикамья: межвуз. сб. науч. тр.: [к 100-летию Б. А. Ларина] / Перм. гос. ун-т; гл. ред. Ф. Л. Скитова — Пермь, 1993. — С. 37—44.
332. Полякова, Е. Н. Рец. на кн.: Мосин А. Г. Уральский исторический ономастикон / А. Г. Мосин. — Екатеринбург: Изд-во Екатеринбург, 2001. — 516 с.
333. Полякова, Е. Н. Формирование пермских отыменных фамилий в XVII—XVIII вв. [Текст] / Е. Н. Полякова // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: Рос. и зарубежная филол. — 2010 — Вып. 3 (9). — С. 7—17. (2)
334. Померанцева, Э. В. Русская устная проза [Текст] / Э. В. Померанцева; сост. В. Г. Смолицкий. — Москва: Просвещение, 1985. — 272 с.
335. Попов, А. И. К вопросу о древнейших лексических связях между прибалтийскими финнами и славянами [Текст] / А. И. Попов // Советское финно-угроведение. — Таллин, 1972. — № 8, вып. 2. — С. 85—90. (1)
336. Попов, А. И. Материалы по топонимике Карелии [Текст] / А. И. Попов // Советское финноугроведение / Акад. наук СССР, Ин-т истории, яз. и лит.; под ред. Д. В. Бубриха, В. И. Алатырева. — Петрозаводск, 1949. — Т. 5. — С. 48—66.
337. Попов, А. И. Прибалтийско-финские личные имена в новгородских берестяных грамотах [Текст] / А. И. Попов // Прибалтийско-финское языкознание: [сб. ст.] / [отв. ред. Г. Н. Макаров]. — Петрозаводск, 1958. — С. 95—100. — (Тр. Карел. фил. Акад. наук СССР; вып. 12).
338. Попов, А. И. Русские говоры и влияние иноязычных соседей [Текст] / А. И. Попов // Вопросы изучения лексики русских народных говоров: [сб.

- ст.] / АН СССР, Ин-т рус. яз. — Ленинград, 1972. — С. 5—13. — (Диалектная лексика; 1971). (2)
339. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин; Воронеж. гос. ун-т. — Москва: АСТ: Восток-Запад, 2010. — 314 с. — (Лингвистика и межкультурная коммуникация: золотая серия).
340. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка [Текст]: науч. изд. / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — Воронеж: ИСТОКИ, 2007. — 250 с.
341. Попова, И. Н. Переписная книга Вологды 1711 года как жанр и лингвистический источник [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01 / Попова Ирина Николаевна; Вологод. гос. пед. ун-т. — Вологда, 2002. — 20 с.
342. Потебня, А. А. Мысль и язык [Текст] / А. А. Потебня; погот. текста Ю. С. Рассказова, О. А. Сычева. — Москва: Лабиринт, 1999. — 300 с. — (Собрание трудов). (Классика мировой гуманитарной мысли).
343. Приображенский, А. В. Русская топонимия Карельского Поморья и Обонежья в историческом аспекте [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01 / Приображенский Андрей Владимирович; Петрозав. гос. ун-т. — Петрозаводск, 2003. — 20 с.
344. Проскурина, Т. В. Антропонимические формулы в Сибирских летописях XVII века [Текст] / Т. В. Проскурина // Вестн. Тюм. гос. ун-та. Социально-эконом. и правовые исслед. — 2006. — № 7. — С. 182—187.
345. Проскурина, Т. В. Некалендарные имена в Сибирских летописях XVII века [Электронный ресурс] / Т. В. Проскурина. — Электрон. дан. — [Россия], cop. 2006. — Режим доступа: http://ostrog.ucoz.ru/publ/p/proskurina_t_v/nekalendarnye_imena_v_sibirskikh_letopisjakh_xvii_veka/127-1-0-85.
346. Пулькин, М. В. Православие в Карелии (XV-первая треть XX в.) [Текст] / М. В. Пулькин, О. А. Захарова, А. Ю. Жуков. — Москва: Круглый год, 1999. — 205 с.

347. Раемгужина, З. М. Башкирский антропонимикон в свете языковой картины мира [Текст]: аспекты формирования и особенности функционирования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10. 02. 02 / Раемгужина Зиля Мухаметьяновна; Башкир. гос. ун-т. — Уфа, 2009. — 27 с.
348. Рахилина, Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость [Текст] / Е. В. Рахилина. — Москва: Рус. слов., 2000. — 416 с.
349. Реформатский, А. А. Топонимика как лингвистический факт [Текст] / А. А. Реформатский // Топономастика и транскрипция: сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; отв. ред. С. Г. Бархударов. — Москва, 1964. — С. 9—34.
350. Робустова, В. В. Антропонимическое прозвище в когнитивно-функциональном аспекте (на материале англоязычных художественных произведений XX-XXI вв.) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 04 / Робустова Вероника Валентиновна; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. — Москва, 2009. — 24 с.
351. Робустова, В. В. К когнитивной ономастике [Текст] / В. В. Робустова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2014. — № 1. — С. 41—49.
352. Роль человеческого фактора в языке [Текст]: язык и мышление / [Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др.]; АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. Б. А. Серебренников. — Москва: Наука, 1988. — 215 с.
353. Роспанд, С. Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов (имена) [Текст] / С. Роспанд // Вопросы языкознания. — 1965. — № 3. — С. 3—21.
354. Русинов, Н. Д. Личные имена жителей Угличского Поволжья в первой половине XVII в. [Текст] / Н. Д. Русинов // Вопросы стилистики: тез. докл. на межвуз. науч. конф. / Секция яз. и лит. Волж. фил. Науч.-техн. совета по гум. наукам Сарат. ун-та. — Москва, 1962. — С. 57—64.

355. Русская грамматика [Текст]: [в 2-х т.] / [Н. С. Авилова, А. В. Бондаренко, Е. А. Брызгунова и др.]. — Москва: Наука, 1980. — Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. — 784 с.
356. Русская ономастика и ономастика России [Текст]: словарь / под ред. О. Н. Трубачева. — Москва: Школа-Пресс, 1994. — 288 с. — (Русская энциклопедия. РЭ).
357. Русский народ, его обычаи, предания, суеверия и поэзия [Текст] / собр. М. Забылиным. — Репр. воспр. изд. 1880 г. — Москва: Книга Принтшоп, 1990. — 615 с.
358. Русское православие [Текст]: вехи истории / [Я. Н. Щапов, А. М. Сахаров, А. А. Зимин и др.]; науч. ред. А. И. Клибанов. — Москва: Политиздат, 1989. — 719 с.
359. Рут, М. Э. Антропонимы: размышления о семантике [Текст] / М. Э. Рут // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитарные науки. — 2001. — Вып. 4, № 20. — С. 59—64.
360. Рут, М. Э. Имя Василий в русском языковом пространстве [Текст] / М. Э. Рут // У чистого источника родного языка: сб. науч. ст. к 60-летию проф. В. И. Супруна / Волгоград. гос. пед. ун-т; [под ред. Е. В. Брысиной]. — Волгоград, 2008. — С. 209—214. (1)
361. Рут, М. Э. Образная номинация в русской ономастике [Текст] / М. Э. Рут. — Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. — 192 с. (2)
362. Рут, М. Э. Образная номинация в русском языке [Текст] / М. Э. Рут. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. — 148 с.
363. Рут, М. Э. Факторы формирования коннотативных смыслов имени [Текст]: Екатерина и производные / М. Э. Рут // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности: тр. Урал. психолингвист. о-ва / Урал. гос. пед. ун-т; отв. ред. Т. А. Гридина. — Екатеринбург, 2008. — Вып. 6. — С. 102—119. (3)

364. Рыбаков, Б. А. Язычество Древней Руси [Текст] / Б. А. Рыбаков. — Москва: Академ. проект, 2013. — 805 с. — (Древняя Русь: духовная культура и государственность)
365. Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян [Текст] / Б. А. Рыбаков. — Москва: Академ. проект, 2013. — 640 с. — (Древняя Русь: духовная культура и государственность).
366. Рыгалина, М. Г. О методе экспликации историко-культурной информации в антропонимике (на материале русских фамилий Колывановоскресенского горного округа конца XVIII в.) [Текст] / М. Г. Рыгалина // Филология и культура в межрегиональном пространстве: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. И. А. Воробьевой, Барнаул, 15-17 мая 2013 г. / Алтайский гос. ун-т; [отв. ред. Л. М. Дмитриева]. — Барнаул, 2013. — С. 276—279.
367. Саарикиви, Я. Прибалтийско-финская антропонимия в субстратных названиях Русского Севера [Текст]: перспективы изучения / Я. Саарикиви // Этимологические исследования: [сб. науч. тр.] / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. — Екатеринбург, 2003. — Вып. 8. — С. 136—148.
368. Сало, И. В. Некоторые выводы о прибалтийско-финских и саамских заимствованиях и их освоении в севернорусских говорах карельского Беломорья [Текст] / И. В. Сало // Советское финно-угроведение. — 1966. — Т. 1, вып. 2. — С. 91—97.
369. Саттаров, Г. Ф. Татарская антропонимия и этнолингвистические связи [Текст] / Г. Ф. Саттаров // Советская тюркология. — 1978. — № 3. — С. 22—32.
370. Саттаров, Г. Ф. Татарская ономастика и вопросы этногенеза [Текст] / Г. Ф. Сатаров // Языки, духовная культура и история тюрков: история и современность = Diller, ruhi kiultiur ve tiurk tarihi: gelenekler ve modernlik: в 3 т. / [Редкол.: М. Х. Хасанов (пред.) и др.]. — Казань; Москва, 1992. — Т. 1. — С. 85—88.

371. Седакова, И. А. Новая прагматика архаических моделей [Текст]: имена неоязычников / И. А. Седакова // Имя: семантическая аура / отв. ред. Т. М. Николаева. — Москва, 2007. — С. 166—188.
372. Селищев, А. М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ [Текст] // Избранные труды / А. М. Селищев; [сост. Е. А. Василевской]. — Москва, 1968. — С. 97—129.
373. Сельвина, Р. Л. Древнерусские некалендарные имена и характер их функционирования в антропонимической системе XV-XVI вв. [Текст] / Р. Л. Сельвина // Русский язык в Среднем Поволжье: сб. ст. / Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. — Чебоксары, 1976. — Вып. 1. — С. 50—51. (1)
374. Сельвина, Р. Л. Личные имена в Новгородских писцовых книгах XV—XVI вв. [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук.: 10. 02. 01. / Сельвина Раиса Лиджиевна; МГУ, Филол. фак. — Москва, 1976. — 29 с. (2).
375. Семенова, В. И. Языковая картина мира и ее отражение в антропонимии (на материале эхиритского диалекта бурятского языка [Электронный ресурс] / В. И. Семенова // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства: материалы Междунар. науч. конф., 24-26 сент. / Иркут. межрегион. ин-т обществ. наук. — Иркутск, 2004. — Режим доступа: http://www.mion.isi.ru/filearchive/mion_publicashins/sbornik_Sib/4_3.html
376. Семькин, Д. В. Антропонимия чердынской ревизской сказки 1711 года (к проблеме становления официального русского антропонима) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01 / Семькин Дмитрий Владимирович; Перм. гос. ун-т. — Пермь, 2000. — 20 с.
377. Сидоренко, Е. Ю. Система русской региональной антропонимии начального периода становления русского литературного языка. На материале памятников деловой письменности XVII в. г. Тобольска [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01 / Сидоренко Евгения Юрьевна; Тюмен. гос. ун-т. — Тюмень, 2005. — 22 с.

378. Симашко, Т. В. Контекстуальные особенности антропонимов в текстах деловой письменности [Электронный ресурс] / Т. В. Симашко // II междунар. науч.-практ. конф. «Русский язык и проблемы современного образования» / Север. (Аркт.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова. — [Северодвинск], 2009 — Режим доступа: <http://narfu.ru/sf/sevsgi//departments/rus/science/conf/simawko.pdf>
379. Сими́на, Г. Я. Бытовые варианты личных имен (по материалам древних письменных памятников и современной антропонимии Пинежья [Текст] / Г. Я. Сими́на // Антропонимика: [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т языкознания; ред. В. А. Никонов, А. В. Суперанская. — Москва, 1970. — С. 189—194.
380. Сими́на, Г. Я. Фамилия и прозвище [Текст] / Г. Я. Сими́на // Ономастика: [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т языкознания; ред. В. А. Никонов, А. В. Суперанская. — Москва, 1969. — С. 27—34.
381. Сироткина, Т. А. Категория этничности в русском языке [Текст] : (на материале этнонимии Пермского края) : монография / Т. А. Сироткина. — Пермь : ПГПУ, 2008. — 215 с.
382. Скребнева, Т. В. Историография, основные направления изучения личного имени в восточнославянской антропонимике [Текст] / Т. В. Скребнева // Вестн. Полоцкого гос. ун-та. Сер. А: Гуманитар. науки. — 2011. — № 2. — С. 103—107.
383. Скрыбина, Н. П. Личные именованья в документах Ясачного сбора XVII в. на территории Якутии [Текст] / Н. П. Скрыбина // Вопросы ономастики: собственные имена в системе языка: [сб. ст.] / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького; отв. ред. А. К. Матвеев. — Свердловск, 1980. — Вып. 14: Собственные имена в системе языка. — С. 140—144.
384. Сметанина, З. В. Фразеологические единицы, характеризующие человека по его способностям и отношению к труду [Текст] / З. В. Сметанина // Проблемы региональной лингвистики: тез. докл. и сообщ. / ЯГПУ; отв. ред. Т. К. Ховрина. — Ярославль, 1996. — С. 43—45.

385. Смирнова, И. М. Реконструкция диалектной лексики по фамильным именованиям (на материале тверских памятников XVI в.) [Текст] / И. М. Смирнова // Шестая конференция по ономастике Поволжья, 26—28 сент. 1989 г: тез. докл. сообщ. / Волгоград. гос. пед. ин-т им. А. С. Серафимовича; ред. Р. Ш. Джарылгасинова. — Волгоград, 1989. — С. 51—53.
386. Смолицкая, Г. П. Гидронимия бассейна Оки в ее отношении к истории словарного состава русского языка [Текст]: проблема реконструкции: автореф. дис. ...д-ра филол. наук: 10. 02. 01 / Смолицкая Галина Петровна; АН СССР, Ин-т рус. яз. — Москва, 1984. — 35 с.
387. Смолицкая, Г. П. Топонимический ареал и вопросы реконструкции лексической системы языка [Текст] / Г. П. Смолицкая // Вопросы языкознания. — 1978. — № 4. — 115—124.
388. Смольников, С. Н. Антропонимическая система Верхнего Подвинья (на материале памятников местной деловой письменности) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01. / Смольников Сергей Николаевич. — Вологда, 1996. — 22 с.
389. Смольников, С. Н. Антропонимия в деловой письменности вологодских монастырей XVI-XVII вв. [Текст] / С. Н. Смольников // Вестн. Череповец. гос. ун-та. Филол. науки. — 2012. — № 2, т. 1. — С. 114—116.
390. Смольников, С. Н. Антропонимия в деловой письменности Русского Севера XVI-XVII вв. [Текст]: функц. категории и модальные отношения / С. Н. Смольников. — Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. — 256 с. (1)
391. Смольников, С. Н. Антропонимия в разных типах деловой письменности Русского Севера XVI-XVII вв. [Текст]: монография / С. Н. Смольников; Вологод. гос. ун-т. — Вологда: Русь, 2005. — 118 с. (2)
392. Смольников, С. Н. Каков Савва, такова ему и слава (прозвища устюжан в первой половине XVII века) [Текст] / С. Н. Смольников // Великий

- Устюг: краевед. альманах. — Вологда, 2004. — Вып. 3. — С. 344—358. — (Старин. города Вологод. обл.).
393. Смольников, С. Н. Номинативная типология старорусской антропонимии [Текст]: (к постановке проблемы) / С. Н. Смольников // Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов, Санкт-Петербург, 11-16 марта 2002 г. / СПбГУ, Филол. фак. — Санкт-Петербург, 2002. — Ч. 2, вып. 3: История русского языка. Русская диалектология. Язык и ментальность. — С. 12—15.
394. Смольников, С. Н. Номинативные варианты антропонимов в деловой письменности Русского Севера XVI-XVII вв. [Текст] / С. Н. Смольников // Русское слово в тексте и словаре; Вологод. гос. пед. ун-т; гл. ред. Г. В. Судаков. — Вологда, 2003. — С. 83—102.
395. Смольников, С. Н. Русские личные имена в ономастическом поле / С. Н. Смольников [Текст] // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сб. науч. тр. / Вологод. гос. пед. ун-т; [отв. ред. Е. Н. Ильина]. — Вологда, 2011. — Ч. 8 — С. 114—117.
396. Соболев А. И. Вепские имена жителей и названия деревень Андомского погоста в XVI веке [Текст] / А. И. Соболев. // Природные и культурные ландшафты: проблемы экологии и устойчивого развития: материалы общ.-науч. конф. с междунар. участием, Псков, 28-29 нояб. 2002 г.: ст. и тез / Псков. гос. пед. ин-т им. С. М. Кирова; [отв. ред. А. И. Слинчак]. — Псков, 2002. — Ч. 2. — С. 120—122.
397. Соболев А. И. О прибалтийско-финском компоненте в формировании населения Андомского погоста и о некоторых вопросах его освоения [Текст] // Вытегра: краевед. альманах / Вытегор. краевед. музей [и др.]; [гл. ред. Е. А. Скупинова]. — Вологда, 2010. — Вып. 4. — С. 185—252. — (Старин. города Вологод. обл.).

398. Соболев, А. И. Антропонимы прибалтийско-финского происхождения в писцовых книгах Юго-Восточного Обонежья XV–XVI вв. [Текст] / А. И. Соболев // Вопросы ономастики. — 2017. — Т. 14, № 1. — С. 7—34.
399. Соболевский, А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии [Электронный ресурс] / [соч.] А. И. Соболевского. — Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1910. — С. 228—258. — (Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук; т. 88, № 3). — Режим доступа: <http://padaread.com/?book=54242&pg=1>.
400. Соболевский, А. Предисловие [Текст] / А. Соболевский // Словарь древнерусских личных собственных именъ: тр. Н. М. Тупикова / [предисл.: А. Соболевский]. — Санкт-Петербург, 1903. — С. 24—25.
401. Соколов, А. Русские имена и прозвища в XVII в. [Текст] / собраны А. Соколовым. — Казань: Тип. Имп. ун-та, 1891. — Т. IX, вып. 1. — 16 с.
402. Соколова, Е. Н. Двухсловные мужские антропонимические формулы в памятниках Киевской эпохи [Текст] / Е. Н. Соколова // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. — 2009. — № 5. — С. 82—86. (1).
403. Соколова, Е. Н. Из истории изучения древнерусской антропонимической системы [Текст] / Е. Н. Соколова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. — 2008. — Вып. 23, № 21 (122). — С. 147—157. (1)
404. Соколова, Е. Н. Именования женщин в древнерусских памятниках письменности Киевской эпохи [Текст] / Е. Н. Соколова // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. — 2009. — № 4. — С. 258—266. (2)
405. Соколова, Е. Н. Фонетико-морфологическая адаптация христианских личных имен в памятниках киевской эпохи [Текст] / Е. Н. Соколова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. — 2008. — Вып. 21, № 16 (117). — С. 144—151. (2)
406. Соловьев, А. Н. Смоленская антропонимия конца XVI—XVII вв. Личные имена [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01 / Соловьев Алексей Николаевич; Смол. гос. пед. ун-т. — Смоленск, 2005.

— 22 с.

407. Спиридонов, Д. В. К сопоставительному изучению семантических дериватов личного имени [Текст]: рус. Иван, польск. Jan, фр. Jean / Д. В. Спиридонов, Л. А. Феоктистова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы II междунар. науч. конф., Екатеринбург, 8-10 сент. 2012 г.: в 2 ч. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова [и др.]; отв. ред. Е. Л. Березович. — Екатеринбург, 2012. — Ч. 1. — С. 268—270.
408. Споров, Д. Историк Московского государства в сталинской России [Текст]: к биографии С. Б. Веселовского (1876—1952) / Д. Споров, С. Шокарев // НЛЮ: независимый филол. журн. — 2006. — № 78 — С. 125—146.
409. Стадник, В. А. Личные имена в отказных книгах XVII века [Текст] / В. А. Стадник // Русская речь. — 1983. — № 4. — С. 84—88.
410. Старостина, Т. В. Дозорная книга Лопских погостов 1597 г. о герое народных преданий Иване Рогачу [Текст] / Т. В. Старостина // Вопросы изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников: тез. докл. и сообщений IV Всерос. науч.-практ. совещ., Петрозаводск, 27-31 мая 1991 г. — Петрозаводск, 1991. — С. 83—86.
411. Степанов, Ю. С. Константы [Текст]: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — Изд. 2-е. — Москва: Академ. проект, 2001. — 990 с.
412. Степанова, Ф. В. Концепт бинорма Иван и Мария в русской картине мира [Текст] / Ф. В. Степанова // Проблемы общей и региональной ономастики: материалы VII Междунар. науч. конф. / Адыгейский гос. ун-т; сост.: Р. Ю. Намитокова, А. А. Адзинова]. — Майкоп, 2010. — С. 82—85.
413. Стерин, И. А. Коммуникативное поведение в составе национальной культуры [Текст] / И. А. Стерин // Этнокультурная специфика языкового сознания: [сб. ст.] / РАН, Ин-т языкознания; отв. ред. Н. В. Уфимцева. — Москва, 1996. — С. 97—112.
414. Стерин, И. А. Значение слова и его компоненты [Текст] / И. А. Стерин. — Воронеж, 1985. — 138 с.

415. Стернин, И. А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях [Текст] / И. А. Стернин // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1. — С. 65—69.
416. Ступин, Л. П. О лексическом значении имен собственных (к постановке вопроса) [Текст] / Л. П. Ступин // Вопросы теории и истории языка: сб. ст., посвящ. памяти Б. А. Ларина / Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова; [отв. ред. Н. А. Мещерский]. — Ленинград, 1969. — С. 216—224.
417. Суперанская, А. В. Аpellятив — онома [Текст] / А. В. Суперанская // Имя нарицательное и собственное: [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. А. В. Суперанская. — Москва, 1978. — С. 5—32.
418. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного [Текст] / А. В. Суперанская. — Москва: Наука, 1973. — 366 с.
419. Суперанская, А. В. Собственные имена в языке и речи [Текст] / А. В. Суперанская // Ономастика Поволжья: материалы 2-й Поволж. конф. по ономастике / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая [и др.]; отв. ред. Т. А. Исаев, В. А. Никонов. — Горький, 1971. — С. 346—356.
420. Суперанская, А. В. Что означают имена? [Текст] / А. В. Суперанская // Русская речь. — 1991. — № 2. — С. 115—120.
421. Суперанская, А. В. Языковой знак и имя собственное [Текст] / А. В. Суперанская // Проблемы языкознания: докл. и сообщ. советских ученых на X Междунар. конгрессе лингвистов, Бухарест, 28 авг.-2 сент. 1967 г. / АН СССР, Ин-т языкознания; [отв. ред. Ф. П. Филин. — Москва, 1967. — С. 152—156.
422. Супрун, В. И. Крещение Руси и русские имена: антропонимическая революция ника [Текст] / В. И. Супрун // Язык, культура и общество в современном мире: материалы Международной научной конференции, 28—30 мая 2012 г. / М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф.

- образования «Нижегородский гос. лингвистический ун-т им. Н. А. Добролюбова»; [редкол.: Б. А. Жигаев (отв. ред.) и др.]. — Нижний Новгород, 2012. — С. 196-197.
423. Супрун, В. И. Статистический метод в ономастике (Рецензия на книгу: Дьячков, В. Л., Трофимова, Е. В. Русское наречие в четырех веках социальной истории страны : моногр. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2011. — 268 с. [Текст] / В. И. Супрун // Известия Волгоградского государственного университета. — 2012. — № 6 (70). — С. 155-158.
424. Супрун, В. И. Этапы христианизации русского именника [Текст] / В. И. Супрун // Ономастика Поволжья: тез. докл. VIII конф., Волгоград, 8-11 сент. 1998 г. / Ин-т этнологии и антропологии РАН; отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, В. И. Супрун. — Москва, 1998. — С. 16—23.
425. Сурикова, О. Д. Отсоматические образования с приставкой без- в русском и украинском антропонимиконе [Текст] / О. Д. Сурикова // Вопросы ономастики. — 2013. — № 1 (14). — С. 58—78.
426. Сулова, А. В. К проблеме реконструкции древнерусских личных имен [Текст] / А. В. Сулова // Ономастика: Типология. Стратиграфия: [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. А. В. Суперанская. — Москва, 1988. — С. 44—51.
427. Сулова, А. В. О русских именах [Текст] / А. В. Сулова, А. А. Суперанская. — 2-е изд., испр. и доп. — Ленинград: Лениздат, 1985. — 222 с.
428. Сьянова, Е. И. Ономастический код в ментальном пространстве диалектоносителей (на материале говоров Воронежского Прихопёрья) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01 / Сьянова Елена Ивановна; [Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена]. — Санкт-Петербург, 2007. — 23 с.
429. Тагунова, В. И. Прозвищные имена в муромских памятниках письменности XVII—XVIII вв. [Текст] / В. И. Тагунова // Учен. зап. Муромского и Рязанского пед. ин-тов. — Москва, 1967. — С. 32—48. — (Труды каф. рус. яз.; т. 40).

430. Тарланов, З. К. Герои и эпическая география былин и «Калевалы» [Текст]: [монография] / З. К. Тарланов; Петрозав. гос. ун-т. — Петрозаводск, 2002. — 244 с.
431. Тарланов, З. К. Личное имя как знак этноидентификации и межкультурных контактов [Текст] / З. К. Тарланов // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика / РГПУ им. Герцена. — Санкт-Петербург, 2003. — Вып. VI. — С. 25—31.
432. Тарнопольская, Е. А. Женские библейские имена в истории русской лексикографии [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01 / Тарнопольская Елена Алексеевна; Моск. гос. обл. ун-т. — Москва, 2002. — 31 с.
433. Татаркин, В. Е. Антропонимия Орловского края XVI-XVII вв. (по материалам памятников официально-деловой письменности) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 01 / Татаркин Виталий Елизарович; Орлов. гос. ун-т. — Орёл, 2005. — 19 с.
434. Татаркин, В. Е. Антропонимы Орловского края XVI-XVII вв. [Текст] / В. Е. Татаркин. — Орел: ОГУ, 2005. — 122с.
435. Татаркин, В. Е. Некалендарные личные имена в структуре мужского именника орловского края конца XVI XVII вв. [Текст] / В. Е. Татаркин // Орловские говоры: проблемы изучения: [сб. науч. тр.] / науч. ред. Т. В. Бахвалова. — Орел, 2007. — Вып. 3. — С. 65—70.
436. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц [Текст] / В. Н. Телия; АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. А. А. Уфимцева. — Москва: Наука, 1986. — 143 с.
437. Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира [Текст] // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / [Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова [и др.]; АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. Б. А. Серебренникова. — Москва, 1988. — С. 173—203.

438. Теория и методика ономастических исследований [Текст]: [монография] / А. А. Супеарнская [и др.]; отв. ред. А. Н. Неподкупный. — Изд. 2-е. — Москва: URSS, 2007. — 256 с.
439. Теплов, Е. Ф. Особенности словообразования личных имен жителей Карелии в XV-XVI вв. [Текст] / Е. Ф. Теплов // Антропонимика: [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т языкознания; ред. В. А. Никонов, А. В. Супеарнская. — Москва, 1970. — С. 256—258.
440. Токарев, Г. В. Теоретические проблемы вербализации концепта «Труд» в русском языке [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10. 02. 01 / Токарев Григорий Валериевич; Волгогр. гос. пед. ун-т. — Волгоград, 2003. — 47 с.
441. Толкачев, А. И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI-XV вв. [Текст] / А. И. Толкачев // Этимология: 1973 / АН СССР, Ин-т рус. яз.; отв. ред. О. Н. Трубачев. — Москва, 1975. — С. 109—130.
442. Толкачев, А. И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI-XV вв. II [Текст] / А. И. Толкачев // Этимология: 1975 / АН СССР, Ин-т рус. яз.; отв. ред. О. Н. Трубачев. — Москва, 1977. — С. 98—128 (1).
443. Толкачев, А. И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в др.-рус. языке XI-XVII вв. [Текст] / А. И. Толкачев // Этимология: 1976 / АН СССР, Ин-т рус. яз.; отв. ред. О. Н. Трубачев. — Москва, 1978. — С. 112—134.
444. Толкачев, А. И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в др.-рус. языке XI-XVII вв. [Текст] / А. И. Толкачев // Историческая ономастика: [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т

- языковедения; [отв. ред А. В. Суперанская.]. — Москва, 1977. — С. 72—130. (2).
445. Толстая С. М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры [Текст] / С. М. Толстая // Славянский и балканский фольклор: реконструкция древ. славян. духов. культуры: источники и методы / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики; отв. ред. Н. И. Толстой. — Москва, 1989. — С. 215—229.
446. Толстая, С. М. «Ономастическая магия» в славянской народной традиции [Текст] / С. М. Толстая // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст: тез. междунар. науч. конф., 30 янв.-2 февр. 2001 г. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения РАН. — Москва, 2001. — Ч. 2. — С. 120—122.
447. Толстая, С. М. Семантические категории языка культуры [Текст]: очерки по славянской этнолингвистике / С. М. Толстая. — Москва: URSS, 2010. — 368 с.
448. Толстая, С. М. Труд и мука [Текст] / С. М. Толстая // Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе / С. М. Толстая. — Москва, 2008. — С. 114—120. — (Традиционная духовная культура славян).
449. Толстой, Н. И. Имя в контексте народной культуры [Текст] / Н. И. Толстой, С. М. Толстая // Проблемы славянского языкознания: три докл. к XII Междунар. съезду славистов / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения [и др.]. — Москва, 1998. — С. 88—125.
450. Толстой, Н. И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии [Текст] / Н. И. Толстой // Избранные труды / Н. И. Толстой. — Москва, 1997. — Т. 1.: Славянская лексикология и семасиология. — С. 12—43.
451. Толстой, Н. И. Очерки славянского язычества [Текст] / Н. И. Толстой; сост. и отв. ред. С. М. Толстая. — Москва: Индрик, 2003. — 624 с. — (Традиционная духовная культура славян).

452. Толстой, Н. И. Славянская этнолингвистика [Текст]: вопросы теории: ко второму Всерос. совещ. славистов, Москва, 5-6 нояб. 2013 г. / Н. И. Толстой, С. М. Толстая; Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. — Москва, 2013. — 240 с.
453. Толстой, Н. И. Язык и народная культура [Текст]: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. — Москва: Индрик, 1995. — 512 с. — (Традиционная духовная культура славян).
454. Топоров, В. Н. Две заметки из области ономотологии [Текст] / В. Н. Топоров // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст: тез. междунар. науч. конф., 30 янв. — 2 февр. 2001 г. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения РАН. — Москва, 2001. — Ч. 1. — С. 61—91.
455. Топоров, В. Н. Имя как фактор культуры (на злобу дня) [Текст] / В. Н. Топоров // Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия — памятники культуры», 17-20 апр. 1989 г.: тез. докл. и сообщ. — Москва, 1989. — С. 125—129.
456. Топоров, В. Н. О числовых моделях в архаичных текстах [Текст] / В. Н. Топоров // Структура текста: [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики; отв. ред. Т. В. Цивьян. — Москва, 1980. — С. 3—58.
457. Топоров, В. Н. Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент *mir-) [Текст] / В. Н. Топоров // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: XI Междунар. съезд славистов, Братислава, сент. 1993 г.: докл. рос. делегации / Рос. акад. наук, Рос. комитет славистов [и др.]; отв. ред. Г. Г. Литаврин. — Москва, 1993. — С. 3—118.
458. Топоров, В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре [Текст]: в 2 т. / В. Н. Топоров. — Москва: Шк. яз. рус. культуры, 1995—1998. — Т. 1: Первый век христианства на Руси; Т. 2: Три века христианской Руси (XII—XIV вв.). — (Язык. Семиотика. Культура).

459. Топорова, Т. В. Язык в зеркале культуры [Текст]: древнегерманские двучленные имена собственные / Т. В. Топорова. — Москва: Шк. яз. рус. культуры, 1996. — 253 с.
460. Трубачев, О. Н. Из материалов для этимологического словаря фамилий России [Текст]: (русские фамилии и фамилии, бытующие в России) / О. Н. Трубачев // Этимология: 1966: проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; отв. ред. О. Н. Трубачев. — Москва, 1968. — С. 3—53. (1)
461. Трубачев, О. Н. Названия рек Правобережной Украины [Текст]: словообразование, этимология, этнич. интерпретация / О. Н. Трубачев; АН СССР, Ин-т рус. яз. — Москва, 1968. — 289 с. (2)
462. Трубачев, О. Н. Праславянская ономастика в Этимологическом словаре славянских языков, выпуски 1-13 [Текст] / О. Н. Трубачев // Этимология: 1985: сб. науч. тр. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; отв. ред. О. Н. Трубачев. — Москва, 1988. — С. 3—10. (1)
463. Трубачев, О. Н. Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода [Текст] / О. Н. Трубачев // Этимология: 1991—1993 / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз.; отв. ред. О. Н. Трубачев. — Москва, 1994. — С. 3—23. (1)
464. Трубачев, О. Н. Предисловие главного редактора [Текст] / О. Н. Трубачев // Русская ономастика и ономастика России: словарь / под ред. О. Н. Трубачева. — Москва, 1994. — С. 5—6. — (Рус. энцикл.). (2)
465. Трубачев, О. Н. Приемы семантической реконструкции [Текст] / О. Н. Трубачев // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: теория лингвист. реконструкции / АН СССР, Ин-т языкознания; [отв. ред. Н. З. Гаджиева и др.]. — Москва, 1988. — С. 197—222. (2)
466. Трубачев, О. Н. Труды по этимологии [Текст]: Слово. История. Культура: в 2 т. / О. Н. Трубачев. — Москва: Яз. славян. культуры, 2005. — Т. 2. — 664 с. — (Opera etymologica. Звук и смысл).

467. Трубачев, О. Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики [Текст] / О. Н. Трубачев // Вопросы языкознания. — 1982. — № 4. — С. 10—26. (1)
468. Трубачев, О. Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики (Окончание) [Текст] / О. Н. Трубачев // Вопросы языкознания. — 1982. — № 5. — С. 3—17. (2)
469. Тупиков, Н. М. Исторический очерк употребления древнерусских личных собственных имен [Текст] / Н. М. Тупиков // Словарь древнерусских личных собственных имен. — Москва, 2004. — С. 1—30.
470. Тюменцев, И. О. Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II = The time of troubles in Russia early in the 17th century / И. О. Тюменцев; Российская академия наук, Южный научный центр. — Москва: Наука, 2008. — 685 с.
471. Унбегаун, Б. О. Русские фамилии [Текст]: пер. с англ. / Б. О. Унбегаун; общ. ред. Б. А. Успенского. — Москва: Прогресс, 1989. — 443 с.
472. Урысон, Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира [Текст]: аналогия в семантике / Е. В. Урысон; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — Москва: Яз. славян. культуры, 2003. — 224 с. — (Studia philologica).
473. Урысон, Е. В. Ум, разум, рассудок, интеллект [Текст] / Е. В. Урысон // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ю. Д. Апресян [и др.]; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — Москва, 1997. — Вып. 1. — С. 519—525.
474. Успенский, Б. А. Из истории имянаречения [Текст]: запрет на повторение имени отца при наименовании ребенка / Б. А. Успенский // Именослов: история яз., история культуры / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения, Центр славяно-германских исслед.; отв. ред. Ф. Б. Успенский. — Москва, 2012. — С. 26—33. (Тр. Центра славяно-германских исслед.; № 2).

475. Успенский, Б. А. Из истории русских канонических имен [Текст]: история ударения в канон. именах собств. в их отношении к рус. литературным и разговорным формам / Б. А. Успенский. — Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1969. — 334 с.
476. Успенский, Б. А. Культ Николая на Руси в историко-культурном освещении. (Специфика восприятия и трансформация исходного образа) [Текст] / Б. А. Успенский // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. — Тарту, 1978. — Вып. 463. — С. 86—140.
477. Успенский, Б. А. Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе [Текст] / Б. А. Успенский // Избранные труды: [в 3 т.] / Б. А. Успенский. — Москва: Гнозис, 1994. — Т. 2: Язык и культура. — (Язык. Семиотика. Культура).
478. Устинович, А. К. Мужские личные имена в гродненских и брестских актах XV—XVI вв. [Текст] / А. К. Устинович // Антропонимика: [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т языкознания; ред. В. А. Никонов, А. В. Суперанская. — Москва, 1970. — С. 262—267.
479. Уфимцева, А. А. Лексическое значение: (принцип семиологического описания лексики) [Текст] / А. А. Уфимцева; АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. Ю. С. Степанов. — Москва, 1986. — 239 с.
480. Ушаков, Н. Н. Прозвища и личные неофициальные имена (к вопросу о границах прозвища) [Текст]: [сб. ст.] / Н. Н. Ушаков // Имя нарицательное и собственное / АН СССР, Ин-т языкознания; [отв. ред. А. В. Суперанская]. — Москва, 1978. — С. 146—173.
481. Фаезова, Р. Всероссийская перепись населения [Электронный ресурс] / Р. Фаезова, А. М. Аблеева; Башкир гос. аграр. ун-т. — Электрон. ст. — Уфа, 2012. — Режим доступа: <http://rae.ru/forum2012/pdf/1027.pdf>.
482. Федоров, А. И. Освоение заимствованных слов в севернорусских говорах [Текст] / А. И. Федоров // Диалектная лексика: 1969: сб. ст. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; отв. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. — Ленинград, 1971. — С. 219—226.

483. Федосюк, Ю. А. Русские фамилии [Текст]: популяр. этимолог. слов / Ю. А. Федосюк. — 4-е изд., испр. и доп. — Москва: Флинта: Наука, 2002. — 240 с. — (Флинта).
484. Феоктистова, Л. А. К методике анализа ассоциативно-деривационной семантики личного имени [Текст] / Л. А. Феоктистова // Вопросы ономастики. — 2016. — Т. 13, № 1. — С. 85—116.
485. Флоренский, П. А. Имена [Текст]: [сочинения] / П. А. Флоренский; [отв. ред. Е. Басова]. — Москва: Эксмо, 2006. — 896 с. — (Антология мысли).
486. Фонякова, О. И. Имена собственные в художественном тексте [Текст]: учеб. пособие / О. И. Фонякова. — Ленинград: ЛГУ, 1990. — 1990. — 103 с.
487. Фролова, О. Е. Мир, стоящий за текстом [Текст]: референциальные механизмы пословицы, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного текста / О. Е. Фролова. — Москва: URSS ЛКИ, 2007. — 320 с.
488. Хазиева, Г. С. Историко-лингвистический анализ татарских мужских личных имен [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 02 / Хазиева Гузалия Сайфулловна; [Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. — Казань, 2007. — 23 с.
489. Харузин, Н. Н. К вопросу о древне-русских «некалендарных» именах [Электронный ресурс]: из XVI кн. «Этнографического обозрения» / Н. Н. Харузин. — Электрон. дан. — Москва: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1893. — Режим доступа: 7с. <http://search.rsl.ru/ru/record/01004091168>.
490. Харузин, Н. Н. Несколько слов по вопросу объ употреблении некалендарныхъ именъ на ряду съ церковными [Текст] / Н. Н. Харузин // Этнографическое обозрение. — Москва, 1893. — Кн. XIX, № 4. — С. 141—145.
491. Хелимский, Е. А. О прибалтийско-финском языковом материале в новгородских берестяных грамотах [Текст] / Е. А. Хелимский // Зализняк

- А. А. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1977—1983 гг.): коммент. и словоуказатель к берестяным грамотам / А. А. Зализняк, В. Л. Янин; АН СССР, Отд-ние истории. — Москва, 1986. — С. 252—259.
492. Херсонский, И. К статье Н. Д. Чечулина: «Личные имена в писцовых книгах XVI века» [Текст] / И. К. Херсонский // Библиограф. — 1891. — № 5—6. — С. 85—86.
493. Худаш, М. Л. Украинская антропонимия XIV — начала XIX вв. Мужские именованья [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10. 02. 02 / Худаш Михаил Лукич; Ужгород. гос. ун-т. — Ужгород, 1980. — 45 с.
494. Чайкина, Ю. И. Антропонимы в местных документах XVI-XVII вв. (на материале купчих Двинского уезда) [Текст] / Ю. И. Чайкина // Проблемы русистики: материалы Всерос. науч. конф. «Актуальные проблемы русистики», посвящ. 70-летию проф. каф. рус. яз. ТГУ О. И. Блиновой / Том. гос. ун-т; [отв. ред. Т. А. Демешкина]. — Томск, 2001. — С. 178—182. (1)
495. Чайкина, Ю. И. Женские имена [Текст] / Ю. И. Чайкина // Русская ономастика и ономастика России: словарь / под ред. О. Н. Трубачева. — Москва, 1994. — 288 с. — (Рус. энцикл.).
496. Чайкина, Ю. И. Из опыта реконструкции региональной лексики старорусского языка [Текст] / Ю. И. Чайкина // Актуальные проблемы исторической и диалектной лексикологии и лексикографии русского языка: тез. докл. к респ. координац. совещ., 23-26 сент. 1988 г. / Вологод. ГПИ; [отв. ред. Г. В. Судаков и др.]. — Вологда, 1988. — С. 154—156. (1)
497. Чайкина, Ю. И. Из опыта реконструкции региональной лексики старорусского языка [Текст] / Ю. И. Чайкина // Актуальные проблемы исторической и диалектной лексикологии и лексикографии восточнославянских языков: тез. докл. — Днепропетровск, 1988. — Ч. 1. — С. 28—29. (2)
498. Чайкина, Ю. И. Именованья крестьян в куроостровских столбцах во второй половине XVI в. [Текст] / Ю. И. Чайкина // Русская культура на

- пороге третьего тысячелетия: христианство и культура / М-во культуры Рос. Федерации [и др.]; [гл. ред. Г. В. Судаков]. — Вологда, 2001. — С. 259—264. (2)
499. Чайкина, Ю. И. Именования мужского населения Вологды и Воронежа в первой половине XVII века [Текст] / Ю. И. Чайкина // Русская историческая лексикология и лексикография: межвуз. сб. / С.-Петербург. ун-т; под ред. О. А. Черепановой. — Санкт-Петербург, 2005. — Вып. 6. — С. 196—205. (1)
500. Чайкина, Ю. И. История профессионально-должностных фамилий Вологды (на материале деловой письменности XVII - первой половины XIX вв. [Текст] / Ю. И. Чайкина // Эволюция лексической системы севернорусских говоров: [сб. ст.] / Вологод. гос. пед. ин-т; отв. ред. Е. Ю. И. Чайкина. — Вологда, 1984. — С. 127—148.
501. Чайкина, Ю. И. История русских личных имен, отчеств и фамилий [Текст]: материалы в помощь учителю / Ю. И. Чайкина, С. Н. Смольников. — Вологда, 2001. — 112 с. (3)
502. Чайкина, Ю. И. К географии неофициальных личных имен крестьян в старорусском языке (на материале топонимии Вологодской области) [Текст] / Ю. И. Чайкина // Формирование и развитие топонимии: сб. науч. тр. / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького; [отв. ред. А. К. Матвеев]. — Свердловск, 1987. — С. 70—78.
503. Чайкина, Ю. И. Личные имена горожан на Русском Севере в начале XVII вв. [Текст] / Ю. И. Чайкина // История лексики Вологодской земли (Белозерье и Заволочье) [отв. ред. Е. П. Андреева]. — Вологда, 2005. — С. 194—195. (2)
504. Чайкина, Ю. И. Мужские некалендарные имена в русском языке XI—XIV вв. (на материале новгородских берестяных грамот) [Текст] / Ю. И. Чайкина // XVII Ломоносовские международные научные чтения: сб. науч. тр. — Архангельск, 2005. — Вып. 1. — С. 120—128. (3).
505. Чайкина, Ю. И. Проблемы реконструкции лексики старорусского языка

- (на местном ономастическом материале письменных источников XVI—XVII вв.) [Текст] / Ю. И. Чайкина // История русского слова: проблемы номинации и семантики: межвуз. сб. науч. тр. / ВГПИ; отв. ред. Л. Ю. Зорина. — Вологда, 1991. — С. 40—50.
506. Чайкина, Ю. И. Семантика некалендарных прозвищных личных имен в деловой письменности Северной Руси начала XVII в. (на материале писцовых книг Белоозера, Вологды, Великого Устюга) [Текст] / Ю. И. Чайкина // Севернорусские говоры: межвуз. сб. / С.-Петерб. ун-т; отв. ред. А. С. Герд. — Санкт-Петербург, 2004. — С. 47—60.
507. Чайкина, Ю. И. Семантика экспрессивов со значением личностной характеристики в лексико-семантической системе говора [Текст] / Ю. И. Чайкина // Севернорусские говоры / ЛГУ им. А. А. Жданова; отв. ред. А. С. Герд. — Санкт-Петербург, 1995. — Вып. 6. — С. 43—49.
508. Чаукерова, Г. К. Казахские имена в русском антропонимическом пространстве [Текст] / Г. К. Чаукерова // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. — 2008. — № 1. — С. 239—241.
509. Чаукерова, Г. К. Особенности функционирования сибирского антропонимикона в условиях полиэтнического пространства (на материале личных имен татар и казахов Тюменской области) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 02 / Чаукерова Гульзара Кабибуллоевна; [Тобол. гос. пед. ин-т им. Д. И. Менделеева]. — Тобольск, 2008. — 23 с.
510. Черемисина, М. И. К вопросу о семантике зоохарактеристик (на материале русского образа 'петух') [Текст] / М. И. Черемисина, Н. С. Соппа // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования / Новосиб. гос. ун-т; отв. ред. К. А. Тимофеев. — Новосибирск, 1973. — Вып. 2. — С. 55—69.
511. Черепанова, О. А. Мифологическая лексика русского Севера [Текст] / О. А. Черепанова; Ленинград. гос. ун-т. — Ленинград, 1983. — 169 с.

512. Черкасова, М. С. Географические маркеры в именовании монашества XV—XVII вв. [Текст] / М. С. Черкасова // Историческая география: пространство человека VS Человек в пространстве: материалы XXIII междунар. конф., Москва, 27—29 янв. 2011 г.: к 70-летию со дня рождения В. А. Муравьева / М-во образования и науки Рос. Федерации, Рос. гос. гум. ун-т [и др.]; отв. ред. М. Ф. Румянцева. — Москва, 2011. — С. 457—450.
513. Черкасова, М. С. К изучению монашеской антропонимики Русского Средневековья. (По материалам Троице-Сергиева монастыря XV—XVII вв.) [Текст] / М. С. Черкасова // Ферапонтовский сборник. — Москва, 1999. — Вып. 5. — С. 32—41.
514. Чернякова, И. А. Карелия на переломе эпох: очерки соц. и аграр. истории XVII века. [Текст] / И. А. Чернякова. — Петрозаводск: Изд-во Петрозав. гос. ун-та, 1998. — 297 с.
515. Чечулин, Н. Д. Добавление к списку имен XVI века [Электронный ресурс] / Н. Д. Чечулин. — Аналог. печ. изд. (Библиограф. — 1891. — № 1. — С. 11—13). — Режим доступа: <http://ostrog.ucoz.ru>.
516. Чечулин, Н. Д. Личные имена в писцовой книге XVI в., не встречающиеся в православных святцах [Электронный ресурс] / Н. Д. Чечулин. — Аналог. печ. изд. (Библиограф. — 1890. — № 7—8. — С. 73—84). — Режим доступа: <http://e-heritage.ru>.
517. Чибисов, Б. И. Древняя Русь : во времени, в личностях, в идеях [Текст] / Б. И. Чибисов // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях : альманах / под ред. В. В. Милькова, П. И. Гайдено. — Санкт-Петербург ; Казань, 2016. — Вып. 6: Наследие святого Кирилла Туровского : история, культура и мысль Древней Руси. — С. 453—462.
518. Чистов, К. В. Былина “Рахта Рагнозерский” и предание о Рахкое из Рагнозера [Текст] / К. В. Чистов // Славянская филология: сб. ст. — Москва, 1958. — Вып. 3. — С. 358—388. — (IV Междунар. съезд славистов).

519. Чичагов, В. К. Из истории русских имен, прозвищ и фамилий [Текст]: (вопросы рус. ист. ономастики XV-XVII вв.) / В. К. Чичагов. — Москва, 1959. — 128 с.
520. Шайжин, Н. С. Старая Пудога (Историко-бытовой очерк) [Текст] / Н. С. Шайжин // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1906 г. / изд. Олон. губерн. стат. ком.; сост. И. Благовещенский. — Петрозаводск, 1906. — С. 277—322.
521. Шаскольский, И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. [Текст] / И. П. Шаскольский. — Ленинград: Наука, 1978. — 245 с.
522. Шаскольский, И. П. Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии, конец XIII — нач. XIV в. [Текст] / И. П. Шаскольский. — Петрозаводск: Карелия, 1987. — 139 с.
523. Шаховский, В. И. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации [Текст] / В. И. Шаховский // Филологические науки. — 2002. — № 4. — С. 59—67.
524. Шерстенникова, Е. А. Женские личные имена в самаро-симбирском Поволжье XVII в. [Текст]: по материалам переписных книг / Е. А. Шерстенникова // Семантическая системность языковых единиц: сб. науч. ст. / Самар. гос. ун-т, каф. рус. яз.; [отв. ред. Н. А. Илюхина]. — Самара, 1996. — С. 114—117.
525. Шилов, А. Л. Из наблюдений над берестяными грамотами [Текст] / А. Л. Шилов // Финно-угорское наследие в русском языке: сб. науч. тр. / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького; [отв. ред. А. К. Матвеев]. — Екатеринбург, 2002. — Вып. 2. — С. 145—158.
526. Шилов, А. Л. Материалы к словарю ранних прибалтийско-финских, чудских и саамских заимствований русского языка [Текст] / А. Л. Шилов. — Москва: Изд. центр «Наука, техника, образование», 2008. — 44 с. (1)
527. Шилов, А. Л. Ономастика берестяных грамот [Текст] // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исслед. / Рос. акад. наук,

- Ин-т лингвист. исслед.; [отв. ред. А. С. Герд]. — Санкт-Петербург, 2005. — С. 298—325.
528. Шилов, А. Л. Откуда Вы, любезнейший Колмак? [Текст] / А. Л. Шилов // Русская речь. — 2008. — № 1. — С. 82—85. (2)
529. Шилов, А. Л. Этнонимы и неславянские антропонимы берестяных грамот [Текст] / А. Л. Шилов // Вопросы ономастики. — 2010. — № 1. — С. 33—54.
530. Шкатова, Л. А. Развитие ономазиологических структур [Текст]: на примере наименования лиц по профессии в русском языке / Л. А. Шкатова. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1983. — 152 с.
531. Шмелев, А. Д. Русская языковая модель мира [Текст]: материалы к словарю / А. Д. Шмелев. — Москва: Яз. славян. культуры, 2002. — 224 с. — (Язык. Семиотика. Культура).
532. Шнитке, Е. Выбор номинации лица при первом упоминании (на материале бытовой монастырской переписки XVII в.) [Текст] / Е. Шнитке // Русский язык сегодня: [сб. ст.] / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; отв. ред. Л. П. Крысин. — Москва, 2000. — Вып. 1. — С. 351—366.
533. Шокина, И. М. Номинативно-когнитивный потенциал английских антропонимов [Текст] / И. М. Шокина // Вестн. Московск. гос. лингвист. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. — 2008. — № 544. — С. 177—185.
534. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность [Текст] / Л. В. Щерба. — Изд. 2-е, стер. — Москва: Едиториал УРСС, 2004. — 432 с.
535. Щербак, А. С. Когнитивные основы региональной ономастики [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10. 02. 19, 10. 02. 01 / Щербак Антонина Семеновна; [Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина]. — Тамбов, 2008. — 47 с.
536. Щетинин, Л. М. Слова, имена, вещи [Текст]: очерки об именах / Л. М. Щетинин. — Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1966. — 222 с.
537. Этническая история Русского Севера в трудах языковедов и некоторые вопросы теории этногенеза [Текст] / А. С. Герд, И. С. Лутовинова,

- Л. П. Михайлова [и др.] // Советская этнография. — 1985. — № 6. — С. 28—37.
538. Юдин, А. В. Ономастикон восточнославянских загадок [Текст] / А. Юдин; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т высш. гуманитар. исслед. — Москва: ОГИ, 2007. — 120 с. — (Нация и культура. Новые исслед. Фольклор).
539. Юдин, А. В. Ономастикон русских заговоров [Текст]: имена собственные в русском магическом фольклоре / А. В. Юдин. — Москва: МНФ, 1997. — 321 с.
540. Юркенас, Ю. К. Онимизация апеллятивов и развитие индоевропейских антропонимических систем [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук: 10. 02. 20 / Юркенас Юозас Костович. — Шауляй, 1979. — 37 с.
541. Юркенас, Ю. К. Основы балтийской и славянской антропонимии = Principles of Baltic and Slavonic antroponymy [Текст] / Ю. К. Юркенас. — Вильнюс: Ciklonas, 2003. — 193 с.
542. Юркенас, Ю. Собственное имя как реликт древней культуры [Текст] / Ю. Юркенас // *Žmogus ir žodis*. — 2013. — III. — С. 35—41.
543. Юркенас, Ю. Фрагменты языковой картины мира в ономастической лексике [Текст] / Ю. Юркенас // *Žmogus ir žodis*. — 2007. — III. — С. 25—29.
544. Wojtowicz, M. Древнерусская антропонимия XIV-XV вв. Северо-Восточная Русь [Текст] / M. Wojtowicz. — Poznań, 1986. — 305 с. — (Ser.: Filologia rosyjska / Uniwersytet im. Adama Mickiewicza: Poznaniu; № 21).
545. Бірыла, М. В. Беларуская антрапанімія. 2. Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі [Текст] / М. В. Бірыла. — Мінск: Навука і тэхніка, 1969. — 505 с.

546. Бірыла, М. В. Беларуская антрапанімія. Уласныя іменны, іменны-мянушкі, іменны па бацьку, прозвішчы [Текст] / М. В. Бірыла. — Мінск: Навука і тэхніка, 1966. — 327 с.
547. Глушик, С. В. Українська антропонімія у Генеральному описі Лівобережної України 1765-1769 рр. [Текст]: словотвірна і морфологічна структура (на матеріалі Київського полку): автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10. 02. 01 / Глушик Сергій Васильов; Націон. педагогічний ун-т ім. М. П. Драгоманова. — Київ, 2003. — 21 с.
548. Демчук, М. О. Слов'янські автохтонні особові власні імена в побуті українців XIV—XVII ст. [Текст] / М. О. Демчук. — Київ: Наук. думка, 1988. — 172 с.
549. Денисюк, В. В. Антропонімія українських історіографічних пам'яток другої половини XVII-XVIII ст. [Текст]: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10. 02. 01 / Денисюк Василь Вікторович; НАН України, Ін-т мовознав. ім. О. О. Потебни. — Київ, 2003. — 19 с.
550. Добровольська, О. Білоруські лексичні елементи в українській антрапанімії XVII ст. (на основі "Рестрів Війська Запорозького" 1649 р.) [Текст] / О. Добровольська // Проблеми слов'янознавства. — 1999. — Вип. 50. — С. 91—96.
551. Енчева, Н. Болгарские уменьшительные существительные и способы их передачи на русском языке [Текст] / Н. Енчева // Трудове на Великотърновския ун-т. "Св. Кирил и Методий". Филологический фак. — Търново: Унив. изд., 1984. — Т. 19, № 2: Езикознание.
552. Єфименко, І. В. Відантропонімна ойконімія «Переписних книг 1666 р.» [Текст] / І. В. Єфименко // Студії з ономастики та етимології. 2007 / НАН України, Ін-т укр. Мови; відп ред. В. П. Шульгач. — Київ, 2007. — С. 98—103.
553. Єфименко, І. В. До походження українських прізвищ (на матеріалі "Ділової документації Гетьманщини XVIII ст. ") [Текст] / І. В. Єфименко //

- Ономастика та етимологія: збірник наукових праць на честь 65-річчя І. М. Железняк / [відп. ред. О. П. Карпенко]. — Київ, 1997. — С. 66—74.
554. Єфименко, І. В. Українські прізвищеві назви XVI ст. [Текст]: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10. 02. 01— українська мова / Єфименко Ірина Вадимівна; Нац. акад. наук України, Ін-т Україн. мови. — Київ, 2001— 18 с.
555. Железняк, І. М. Світоглядний код слов'янської антропонімної лексики [Текст] / І. М. Железняк // Актуальні питання антропоніміки / відп. ред. І. В. Єфименко. — Київ, 2005. — С. 76—88.
556. Илчев, Ст. Българските лични имена [Текст] / Ст. Илчев // Помагало по българска морфология. Имена / ред. П. Пашков. — София, 1978. — С. 36—55.
557. Ільченко, І. І. Антропонімія Нижньої Наддніпрянщини в її історичному розвитку (Надвеликолузький регіон) [Текст]: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10. 02. 01 / Ільченко Ірина Іванівна; Дніпропетр. нац. ун-т. — Дніпропетровськ, 2003. — 16 с.
558. Карпенко О. Ю. Проблематика когнітивної ономастики [Текст]: монографія / О. Ю. Карпенко. — Одеса: Астропринт, 2006. — 325 с.
559. Кравченко, В. А. . Антропонімія надазовських греків у її відношеннях з українською та російською антропоніміями [Текст]: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10. 02. 15 / Кравченко Валентина Александровна; Донецк. нац. ун-т. — Донецьк, 2002. — 22 с.
560. Kuzmin, D. Vienan Karjalan asutushistoria nimistön valossa [История заселения Беломорской Карелии в свете топонимии] [Текст] / D. Kuzmin. — Helsinki: Unigrafia Oy, 2014. — 346 с.
561. Laakso J. Vielä kerran itämerensuomen vanhimmista muistomerkeistä [Текст] / J. Laakso // Virittäjä. — 1999. — № 4. — S. 531—555.
562. Медвідь, С. М. Еволюція антропонімних формул у слов'янських мовах [Текст]: автореф. дис. ... докт. філол. наук: 10. 02. 03; 10. 02. 01 / Медвідь

- Світлана Миколаївна; НАН України, Ін-т мовознав. ім. О. О. Потебні. — Київ, 2000. — 38 с.
563. Осташ, Л. Р. Слов'янські автохтонні власні особові імена в чеському антропоніміконі [Текст]: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.03: слов'янські мови / Осташ Любов Романівна; Ін-т україн. мови. — Київ, 2004. — 17 с.
564. Осташ, Р. І. Українські особові імена середини XVII ст. як об'єкт лексикографії. 5 [Текст] / Р. І. Осташ // Актуальні питання антропоніміки / відп. ред. І. В. Ефименко. — Киев, 2005. — С. 174—185.
565. Осташ, Р. І. Українські особові імена середини XVII ст. як об'єкт лексикографії. 3 [Текст] / Р. І. Осташ // Студії з ономастики та етимології / відп. ред. В. П. Шульгач. — Киев, 2005 — С. 120—144.
566. Осташ, Р. Українські прізвища у світлі історичної та діалектної антропонімії [Текст] / Р. І. Осташ // Науковий вісник Чернівецького університету: слов'янська філологія. Збірник наукових праць. — Чернівці: Рута, 2007. — Віп. 354—355. — С. 50—55.
567. Пахомова, С. М. Антропонімічні засоби вираження віку людини в допрізвищевий період [Текст] / С. М. Пахомова // Студії з ономастики та етимології / відп. ред. В. П. Шульгач. — Киев, 2005. — С. 145—152.
568. Пахомова, С. М. Давноруська антропонійная система X-XIII ст. [Текст] // Студії з ономастики та етимології. 2013 / С. М. Пахомова; НАН України, Ін-т укр. мови; відп. ред. О. П. Карпенко, В. П. Шульгач. — Київ, 2013. — С. 161—172.
569. Пахомова, С. М. Табу на ім'я як рушій розвитку антропосистеми [Текст] // Студії з ономастики та етимології. 2007 / С. М. Пахомова; НАН України, Ін-т укр. мови; відп. ред. В. П. Шульгач [та ін]. — Киев, 2007. — С. 224—231.
570. Петріца, Н. М. Двоелексемні антропонімічні формули в чеських пам'ятниках XI-XIV століть [Текст] / Н. М. Петріца // Студії з ономастики

- та етимології. 2013 / НАН України, Ін-т укр. мови; відп. ред. О. П. Карпенко, В. П. Шульгач. — Київ, 2013. — С. 173—184.
571. Петріца, Н. М. Двоелексемні антропонімні формули в чеських пам'ятниках XI -XIV століть [Текст] / Н. М. Петріца // Студії з ономастики та етимології. 2013 / НАН України, Ін-т укр. мови; відп. ред. О. П. Карпенко, В. П. Шульгач. — Київ, 2013. — С. 173—184.
572. Петріца, Н. Старочеська антропнімія в діахронії (на матеріалі хронікш Даліміла) [Текст] / Н. Петріца // Науковий вісник Чернівецького університету: слов'янська філологія. Збірник наукових праць. — Чернівці: Рута, 2007. — Вип. 354—355. — С. 206—210.
573. Редько, Ю. К. Довідник українських прізвищ [Текст] / Ю. К. Редько. — Київ: Радянська школа, 1968. — 256 с.
574. Saarikivi J. Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents = Вопросы этнического, языкового и культурного формирования русского Севера [Текст] / J. Saarikivi // Slavica Helsingiensia. 32: Topics on the ethnic, linguistic and cultural making of the Russian North / ed by J. Nuorluoto. — Helsinki, 2007. — S. 196—246.
575. Skulina, T. Funkcje przewiska: systemie antroponimicznym [Текст] / T. Skulina // Studia z Filologii Polskiej i Sławiańskiej / red K. Dejna. — Warszawa, 1974. — Т. XIII. — S. 213—234. (1)
576. Skulina, T. Staroruskie imennictwo osobowe. Cz. II [Текст] / T. Skulina. — Wrocław [et.], 1974. — Cz. 2. — 239 s. (2)
577. Svoboda, J. Staročeská osobní jména a naše příjmení [Текст] / J. Svoboda. — Praha, 1964. — 317 s.
578. Худаш, М. Л. З історії української антропонімії [Текст] / М. Л. Худаш. — Киев: Наук. Думка, 1977. — 236 с.
579. Чучка, П. П. Історія становлення словотворчих типів прізвищ у говорах Закарпаття [Текст] / П. П. Чучка // Наукова рада з проблеми «Закономірності розвитку національних мов у зв'язку з розвитком

соціалістичних націй»: XIII Республіканська діалектологічна нарада: тези доповідей. — Київ, 1969. — С. 93—95.

580. Чучка, П. П. Антропонімія Закарпаття (вступ та імена) [Текст]: конспект лекцій / П. П. Чучка. — Ужгород: Вид-во Ужгор. ун-ту, 1970. — 103 с.

581. Чучка, П. П. Розвиток імен і прізвищ [Текст] / П. П. Чучка // Історія української мови: лексика і фразеологія / НАН України, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні; відп. ред. В. М. Русанівський. — Київ, 1983. — С. 592—620.

582. Шульгач, В. П. Реконструктивні можливості антропонімії [Текст] / В. П. Шульгач // Актуальні питання антропоніміки / відп. ред. І. В. Ефименко. — Київ, 2005. — С. 251—258.

Список словарей

583. Алатырев — Алатырев, В. И. Словник-вопросник по изучению заимствованных карельских, вепских и финских областных слов в русских говорах КФ ССР [Текст] / В. И. Алатырев, Карело-Фин. науч.-исслед. база Акад. наук СССР, Ин-т истории, яз. и литературы. — Петрозаводск, 1948. — 131 л.

584. АОС — Архангельский областной словарь [Текст]: в 16 вып. / под ред. О. Г. Гецовой, Е. А. Нефедовой. — Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1980—2015. — Вып. 1—16.

585. Апресян — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка [Текст]. — 2-е изд. / под. общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. — Москва: Шк. яз. и славян. культуры, 2003. — 1488 с.

586. Атрошенко, О. В. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь [Текст] / О. В. Атрошенко, Ю. А. Кривошапова, К. В. Осипова; Ин-т рус. яз. В. В. Виноградова, Урал. федер. ун-т. — Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. — 544 с. — (Сер. "Настол. словари рус. яз.").

587. БРЭ — Большая Российская энциклопедия : в 30 т. / науч.-ред. совет: Ю. С. Осипов (пред.) [и др.] ; отв. ред. С. Л. Кравец ; Рос. акад. наук. — Москва : Большая Рос. энцикл., 2005. — Т. 3.
588. БТС — Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / гл. ред. С. А. Кузнецов. — Электрон. дан. — Санкт-Петербург: Норинт, 1998. — URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>.
589. Вахрос — Вахрос, И. Большой финско-русский словарь [Текст] / И. Вахрос, А. Щербаков; под. ред. В. Оллыкайнен, И. Сало. — 3-е изд., стер. — Москва: Рус. яз., 1999. — 816 с.
590. Веселовский — Веселовский, С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии [Текст] / С. Б. Веселовский — Москва: Наука, 1974. — 384 с.
591. Ганцовская — Ганцовская, Н. С. Словарь говоров костромского Заволжья [Текст]: междуречье Костромы и Унжи / Н. С. Ганцовская. — Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2015. — 512 с.
592. Даль — Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]: в 4 т. / В. И. Даль. — Москва: Рус. яз., 1981—1982. — Т. 1—4.
593. Даль — Пословицы русского народа [Текст]: сб. В. И. Даля: в 3 т. — Москва: Рус. кн., 1993. — Т. 1. — 640 с.
594. Забылин — Забылин, М. Русский народ [Текст] : его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / М. Забылин. — Москва: Кн. Принтшоп, 1990. — 620 с.
595. Карт. Лаб. — Картотека Лаборатории лингвистического краеведения и языковой экологии Петрозаводского государственного университета.
596. Карт. СРГК — Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей», Межкафедральный словарный кабинет, Филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет.
597. Карт. СРНГ — Картотека «Словаря русских народных говоров», Ин-т лингвистических исследований РАН, С.-Петербург

598. Кузнецов 2007 — Кузнецов, А. В. Тарногский ономастикон. Словарь фамилий и названий деревень Тарногского района [Текст] / А. К. Кузнецов. — Вологда: ВГПУ, 2007. — 240 с. (1)
599. Кузнецов 2007 — Кузнецов, А. В. Тотемский ономастикон [Текст]: Фамилии тотьмичей. Названия деревень. «Советские ойконимы». Русские гидронимы / А. В. Кузнецов. — Вологда: Русь, 2007. — 326 с. (2)
600. Кузнецов 2011 — Кузнецов, А. В. Исторический именовослов Русского Севера [Текст]: народные имена (прозвища), отчества, происхождение названий деревень / А. В. Кузнецов. — Тотьма: Русское Устье, 2011. — Ч. 1: А—К. — 212 с.
601. Куликовский — Куликовский, Г. И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении [Текст] / Г. И. Куликовский. — Санкт-Петербург: Имп. Акад. наук, 1898. — 151 с.
602. Кюршунова 2010 — Кюршунова, И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV—XVII вв. [Текст] / И. А. Кюршунова. — Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2010. — 672 с.
603. МАС — Словарь русского языка [Текст]: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; [гл. ред. А. П. Евгеньевой]. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Рус. яз, 1981—1984. — Т. 1—4.
604. МНМ — Мифы народов мира [Текст]: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. — Москва: Большая Рос. энцикл., 1997. — Т. 2. — 719 с.
605. Морошкин — Морошкин, М. Славянскій именовословъ, или Собрание славянскихъ личныхъ именъ въ алфавитномъ порядке [Текст] / сост. свящ. М. Морошкиным. — Санкт-Петербург: Тип. Второго Отд-ния собств. е.и.в. канцеляріи, 1867. — 325 с.
606. Мосин 2001 — Мосин, А. Г. Уральский исторический ономастикон [Текст] / А. Г. Мосин; Центр. науч. б-ка УрО РАН. — Екатеринбург: ЕКАТЕРИНБУРГ, 2001. — 515 с.

607. Мосин 2000 — Мосин А. Г. Уральские фамилии. Материалы для словаря / А. Г. Мосин. — Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 2000. — Т. 1: Фамилии жителей Камышловского уезда Пермской губернии (по данным исповедных росписей 1822 года). — 496 с.
608. Никонов — Никонов, В. А. Словарь русских фамилий. / В. А. Никонов; сост. Е. Л. Крушельницкий. — Москва: Школа-Пресс, 1993. — 224 с.
609. НРВС — Зайцева Н. Г. Новый русско-вепский словарь = Uz'venä-vajehnik [Текст] / Н. Г. Зайцева, М. И. Муллонен. — Петрозаводск: Периодика, 2007. — 520 с.
610. ООВС — Опыт областного великорусского словаря, изд. Вторым отделением Имп. Академии наук [Текст]; Дополнение к опыту областного великорусского словаря / [ред. А. Х. Востоков]. — Санкт-Петербург: В тип. Имп. акад. наук, 1852—1858. — 328 с.
611. Отин — Отин, Е. С. Словарь коннотативных собственных имен [Текст] / Е. С. Отин. — Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2004. — 412 с.
612. Парфенова 2005 — Парфенова, Н. Н. Словарь русских фамилий конца XVII-XVIII веков (по архивным источникам Зауралья) [Текст] / Н. Н. Парфенова. — Москва: Синергия, 2005. — 480 с.
613. Подвысоцкий — Подвысоцкий, А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении [Текст] / собр. на месте и сост. А. Подвысоцкий. — Санкт-Петербург: Изд. 2-го отд-ния Имп. Акад. наук, 1885. — 198 с.
614. Полякова 2005 — Полякова, Е. Н. Словарь пермских фамилий [Текст] / Е. Н. Полякова. — Пермь: Кн. мир, 2005. — 464 с.
615. Полякова 2007 — Полякова, Е. Н. Словарь имен жителей пермского края XVI-XVIII веков [Текст] / Е. Н. Полякова. — Пермь: Изд. дом Бывальцева, 2007. — 464 с.
616. Поротников 1979 — Поротников, П. Т. Материалы для словаря вариантов русских личных имен [Текст] / П. Т. Поротников // Вопросы

- ономастики / Урал. гос. ун-т им А. М. Горького; [отв. ред. А. К. Матвеев]. — Свердловск, 1979. — Вып. 13. — С. 5—28.
617. Поротников 1982 — Поротников, П. Т. Материалы для словаря вариантов полных личных имен. II [Текст] / П. Т. Поротников // Вопросы ономастики: межвуз. сб. науч. тр. / Урал. гос. ун-т им А. М. Горького; отв. ред. А. К. Матвеев. — Свердловск, 1982. — С. 90—115.
618. СВЯ — Зайцева, М. И. Словарь вепсского языка [Текст] / М. И. Зайцева, М. И. Муллонен; АН СССР, Карел. фил. Ин-т яз., литературы и истории. — Ленинград: Наука, 1972. — 746 с.
619. СГРС — Словарь говоров русского Севера [Текст] / под ред. А. К. Матвеева; [сост. М. Э. Рут и др.]. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001—2014. — Т. 1—6.
620. СД — Славянские древности [Текст]: этнолингвист. слов.: в 5 т. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики; под общ. ред. Н. И. Толстого. — Москва: Междунар. отношения, 1995—2012. — Т. 1—5.
621. СКЯ, Ливв. — Словарь карельского языка [Текст]: (ливвиковский диалект) / АН СССР, Карел. науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории; под ред. И. В. Сало, Ю. С. Елисеева; сост. Г. Н. Марков. — Петрозаводск: Карелия, 1990. — 495 с.
622. СЛРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. [Текст]: в 30 вып. / гл. ред. С. Г. Бархударов, Ф. П. Филин [и др.]. — Москва: Наука, 1975—2015. — Вып. 1—30.
623. СОС — Сопоставительно-ономастиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков [Текст] / Рос. акад. наук, Карел. науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории; [сост.: А. П. Баранцев и др.]; под общ. ред. Ю. С. Елисеева, Н. Г. Зайцевой. — Петрозаводск, 2007. — 346 с.
624. СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей [Текст]: в 6 вып. / под ред. А. С. Герда. — Санкт-Петербург: Изд. С.-Петерб. ун-та, 1994—2005. — Вып. 1—6.

625. Срезневский — Срезневский, И. И. Древний русский календарь по Месячным минеям XI-XIII вв. [Текст] / И. И. Срезневский // Христианские древности и археология: 1862 / под ред. В. А. Прохорова. — Санкт-Петербург, 1863. — Кн. 7. — 21 с.
626. Срезневский — Срезневский, И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка [Текст]: [В 3 т.] / И. И. Срезневский [Репринт. изд.]. — М.: Книга, 1989. — Т. 1—3.
627. СРНГ — Словарь русских народных говоров [Текст] / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сорокалетова, С. А. Мызникова. — Москва ; Ленинград, 1965—2013. — Вып. 1—46.
628. СРФ — Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии [Текст]: историко-этимолог. справ. / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. — Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 2001. — 704 с.
629. Степанов — Степанов, Ю. С. Константы [Текст]: слов. рус. культуры / Ю. С. Степанов. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Академ. Проект, 2001. — 990 с. — (SUMMA).
630. Суперанская 2004 — Суперанская, А. В. Словарь русских личных имен [Текст] / А. В. Суперанская. — Москва: Эксмо, 2004. — 544 с.
631. Суперанская 2010 — Суперанская, А. В. Словарь народных форм русских имен [Текст] / А. В. Суперанская. — Москва: Книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 368 с.
632. Тупиков — Тупиков, Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен [Текст] / Н. М. Тупиков. — Москва: Яз. славян. культур, 2005. — 1032 с.
633. Фасмер — Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. — Москва: Прогресс, 1986—1987. — 4 т.
634. Федотова — Федотова, В. П. Фразеологический словарь карельского языка / В. П. Федотова; Карел. науч. центр РАН, Ин-т яз., лит. и истории. — Петрозаводск: Карелия, 2000. — 260 с.

635. Чайкина — Чайкина, Ю. И. Вологодские фамилии [Текст]: этимологический словарь [Текст] / Ю. И. Чайкина. — Вологда: Русь, 1995. — 122 с.
636. Чайкина — Чайкина, Ю. И. Словарь географических названий Вологодской области. Населенные пункты / Ю. И. Чайкина. — Вологда: Изд-во ИПК и ППК, 1993. — С. 83—84.
637. Черных — Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка [Текст]: в 2 т. — 3-е изд. — Москва: Рус. яз., 1999. — Т. 1—2.
638. ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков [Текст]: праславянский лексический фонд: в 39 вып. / под ред. О. Н. Трубачева. — Москва: Наука, 1974—2014. — Вып. 1—39.
639. ЯОС — Ярославский областной словарь [Текст]: в 10 вып. / Яросл. гос. пед. ин-т им. К. Д. Ушинского. — Ярославль, 1981—1991. — Вып. 1—10.
640. KKS — Karjalan kielen sanakirja [Elektroninen resurssi] / toim. P. Virtaranta, R. Koponen, M. Torikka, L. Joki. — Electron. data. — Helsinki: SUS, 1968—2005. — Vol.1—6. — (Lexica Societatis Fenn-Ugricae XVI). — Käyttöoikeustilaa: http://kaino.kotus.fi/cgi-bin/kks/kks_etusivu.cgi
641. SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja [Текст] / toim. Y. H. Toivonen. — Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1955—1981. — Vol. I—VII. — (Lexica societatis Fenno-ugricaе, XII).
642. USN — Uusi Suomalainen nimikirja [Текст] / К. Vilkuna [et ai]. — Helsingissä [Hki]: Otava, 1988 1031 s.
643. VSKT — Nissilä, V. Suoem Karjalan ortodoksinen nimistö / V. Nissilä // Viipurin suomalaisen kirjallisuusseuran toimitteita I. — Lappeenranta: Etelä-Saimaan Kustannus Oy, 1976. — 130 s.

Базы данных

1. Кюршунова И. А., Черняков О. В. Историческая антропонимия Карелии по документам XVI—XVII вв. (по материалам Олонецкого погоста): Свидетельство о государственной регистрации № 2016621492, заявка № 2015621326, дата государственной регистрации в Реестре баз данных 08 ноября 2016 г.
2. Кюршунова И. А., Черняков О. В. Электронный «Региональный ономастический словарь “Карелия в XV—XVII вв.”»: Свидетельство о государственной регистрации № 2015621762, заявка № 2015621321, дата государственной регистрации в Реестре баз данных 10 декабря 2015 г.